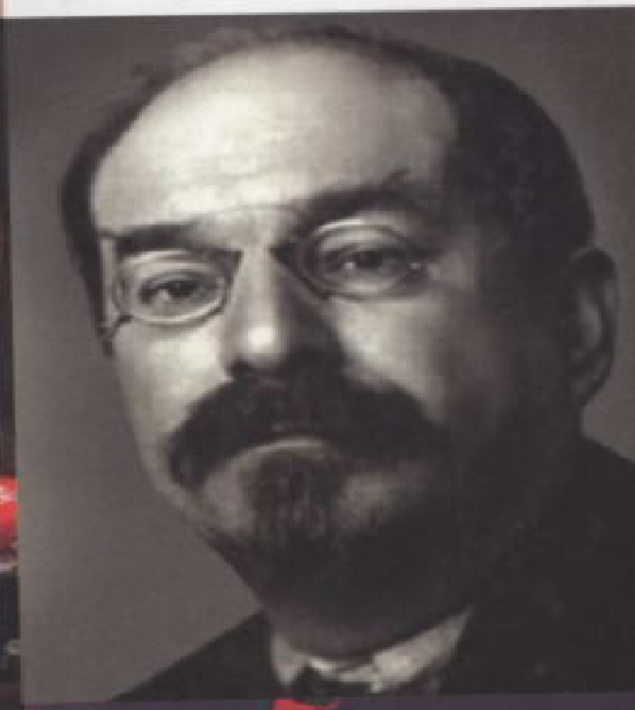
ЛУНАЧАРСКИЙ



Юрий Борев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933) был личностью многогранной и потому неординарной, и как подчеркивает автор в своей работе, отсюда и крайняя сложность в трактовке его позиции. Его называли романтиком и утопистом, он заметно выделялся среди других партийных функционеров своими идейными пристрастиями, сильно отличавшимися от российского варианта марксизма. Именно его мировоззрение, считает автор, делает Луначарского одной из самых противоречивых фигур в большевистском руководстве, наиболее подверженной критике со всех сторон.

- Ю. Б. Борев
  - Пролог
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая
  - Глава восемнадцатая
  - Глава девятнадцатая
  - Глава двадцатая
  - Глава двадцать первая
  - Глава двадцать вторая
  - Глава двадцать третья
  - Глава двадцать четвертая
  - Глава двадцать пятая
  - Глава двадцать шестая
  - Глава двадцать седьмая
  - Глава двадцать восьмая

- Глава двадцать девятая
- Глава тридцатая
- Глава тридцать первая
- Глава тридцать вторая
- Глава тридцать третья
- Глава тридцать четвертая
- Глава тридцать пятая
- Глава тридцать шестая
- Глава тридцать седьмая
- Глава тридцать восьмая
- Глава тридцать девятая
- Глава сороковая
- ЭПИЛОГ
- ИЛЛЮСТРАЦИИ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
- ЛИТЕРАТУРА

- notes
  - 1
  - 2

Ю. Б. Борев
Луначарский

Пролог
КАК ПИСАТЬ РОМАН И КАК ОСМЫСЛЯТЬ ЭПОХУ И ДЕЙСТВУЮЩУЮ В НЕЙ ЛИЧНОСТЬ

Луначарский окинул взором небольшую аудиторию, полную молодых слушателей, и сказал:

— Уважаемые товарищи студенты первого в мире и первого в истории литературного института! Приготовился читать вам доклад, а сейчас вдруг подумал… Задавайте вопросы, побеседуем! Так оно лучше будет.

— Как писать роман?

— Роман должен походить на жизнь. А в жизни один день и даже один час этого дня может быть очень длинным и насыщенным событиями, а иной год может оказаться коротким, пустым, почти бессодержательным. Роман, как и жизнь, должен быть неравномерен. Иное событие должно занять в нем много места, и день может быть расписан по часам, а иной год, а то и два-три года следует пропустить.

— Анатолий Васильевич, — возразил один из слушателей, — я беру на себя смелость утверждать, что роман, как и жизнь, может быть бесконечно разным: и прямым, как стрела, и ветвистым, как дерево, и равномерным, и неравномерным…

— Вы и правы и не правы, мой юный друг! В разные эпохи жизнь бывает разной. Однако в каждую эпоху существует свой тип жизни и, соответственно, свой тип романа. Я выдвигал не общее правило, а пытался обрисовать поэтику современного романа. Романа о герое нашего беспокойного, бурного, революционного времени. Структура такого современного романа должна отвечать структуре эпохи. Роман сегодня следует строить, как строит свой фильм «Броненосец „Потемкин“» Сергей Эйзенштейн, — с помощью монтажа. Одна фраза может быть целой главой, а иная глава может занять много десятков страниц. Монтаж заставляет активно работать читательскую мысль… Роман может быть мозаичен. В мозаике картина создается из разных камней — кусочков гранита, мрамора, малахита — или из смальты.

— Как создать литературный портрет видного исторического деятеля?

— Такое произведение должно опираться на большой фактологический материал. Поэтому прежде всего надо как можно подробнее изучить жизнь выбранного вами героя. Однако

произведение не должно быть простым хронологическим пересказом фактов его биографии. Вы должны передать дух эпохи, создать ее концепцию, показать место героя в истории его времени. А поэтому писатель может, отталкиваясь от известных ему фактов, экстраполируя известную ему линию и логику жизни героя в неизвестное пространство, заполнять неизвестные страницы жизни героя своими вероятностными фактами-предположениями. Здесь нужен прыжок через разрыв информации.

— Анатолий Васильевич, вы сказали, что необходимо создавать концепцию эпохи и концепцию жизни героя. Ноне все факты истории и биографии героя, известные писателю, вместятся в созданную им концепцию жизни. Некоторые факты могут как бы «торчать из концепции».

— Бывают не теоретичные, случайные факты. Гегель когда-то говорил: «Если факты не вмешаются в мою концепцию — тем хуже для фактов». Их нужно отбросить и не постесняться описать недостающие сцены истории и поступки героя. Однако может вырисоваться образ героя, не схожий с нашими устоявшимися представлениями о нем. Горький сказал как-то о созданном в романе современного писателя портрете выдающегося русского деятеля: «Должно быть, он таков и был. А если и не был — теперь будет».

— А как мы должны судить о поступках героя? Вчера ими могли восхищаться, а сегодня их могут осуждать.

— Надо подняться до исторической точки зрения. История — справедливый судья… Можно использовать факты и вероятностные предположения. Главное, не отступить от стратегической задачи — создания правдивого, соответствующего реальности, яркого образа героя.

— Анатолий Васильевич, расскажите, пожалуйста, что такое Октябрьская революция и строительство социализма. Какова роль культуры в этих исторических процессах? И как ваша деятельность соотносится с ними?

— Как говорится, спасибо за вопрос. Октябрь — это попытка изменить ход истории, направить ее в новое русло. История всегда развивалась стихийно, была сурова и несправедлива к низшим слоям общества. Октябрь — исторический эксперимент подчинения истории разуму, плану, стремление силовым путем установить общество всеобщей справедливости… Впрочем, это глобальная тема. За пять-десять минут ее не осветишь. А я вызван на заседание в Совнарком и должен уезжать. Вы задаете, быть может, самый важный вопрос для истории всего двадцатого века. Мы вступили во вторую его четверть и многое уже ясно, а многое

прояснится лишь позже. Я надеюсь, кто-нибудь из вас — молодых людей, посвящающих свою жизнь культуре, — напишет роман, или историческое исследование, или философское эссе и ответит на интересующий вас вопрос. Впрочем, возможно, это будет произведение, объединяющее и то, и другое, и третье. Сейчас не надо загадывать ни жанр, ни даже форму общественного сознания, в которой можно будет осуществить такой замысел и высказать свое, быть может спорное, но весомое мнение по этому вопросу. Желаю вам успеха.

Глава первая
НАЧАЛО ЖИЗНИ

По синему осеннему небу над Парижем плыли белые облака. Рассвет излишествовал и украшал их розовой опушкой. Это был час, когда в тюрьмах приводят в исполнение смертные приговоры, а в пекарнях из печи вынимают свежие круассаны. В такой час обыватель мирно спит в постели, вор тайком вершит свое дело, влюбленный горячим поцелуем будит возлюбленную, революционер замышляет восстание, приговоренный к казни с трепетом ожидает своего палача, поэт, осененный вдохновением, пишет сонеты в дар Лауре, или запечатлевает в поэме образ Беатриче, или ломает карандаш о папиросную коробку, записывая строки в честь Лили. Улицы еще погружены в сумрак, вершина Эйфелевой башни горит, подожженная утренним солнцем, а на вокзал прибывают ранние поезда.

Коренастый человек в строгом старомодном пальто, с маленьким баулом в руке, выйдя из женевского поезда, не стал брать извозчика и не торопясь двинулся от вокзала в сторону парка Монсури. Путь был неблизким. И все же через час он уже шагал по парковой аллее, которая вывела к старинным фортификационным сооружениям. Здесь, несмотря на ранний час, кипела жизнь: солдаты проходили учения. Недавно прошел дождь. Коренастый человек шел по облакам, плавающим в лужах. Он свернул в кривую окраинную улочку, одним концом упирающуюся в допотопный оборонительный земляной вал, вошел в трехэтажный дом, поднялся на второй этаж и постучал в дверь.

Когда высокий заспанный господин в ночной пижаме открыл, незнакомец, чуть картавя, спросил:

— Вы Луначарский?

Спросонья плохо понимая, что происходит, человек в пижаме утвердительно кивнул и, близоруко щурясь, неприветливо оглядел гостя и про себя прикинул: года тридцать три — возраст Христа, как говорится…

— Вы не от Ленина ли? — спросил он, не предлагая раннему посетителю войти.

Незнакомец не придал никакого значения недружелюбному приему и спокойно удостоверил:

— Я и есть Ленин.

Луначарский совершенно проснулся, смутился и пригласил:

— Пожалуйста, входите.

Хозяин почувствовал себя неловко из-за резкого перехода от нерасположения к радостной приветливости, которую гость, не ровен час, может принять за подобострастие. К тому же он застеснялся своей пижамы и, чтобы скрыть смущение, грубовато спросил:

— Что это вас так рано принесло?

Ленин, неспешно раздеваясь, рассудительно ответил:

— Если вы полагаете, что я приехал за вами слишком рано, то я, напротив, считаю, что приехал поздно, потому что вы здесь зря теряете время. У нас из-за вашего промедления застопорилось дело с выходом первого номера газеты «Вперед». Если же вы имеете в виду ранний час утра, то я, прошу прощения, не рассчитал с поездом и не думал, что приеду на рассвете.

Луначарский проводил гостя в комнату, усадил за стол и, извинившись, удалился в спальню, откуда послышались сонный ворчливый женский голос и успокаивающий, что-то объясняющий фальцет Луначарского. Потом он вышел уже в костюме, в пенсне, но без галстука и стал готовить завтрак. Вскоре на столе появились бутерброды и чай. Новые знакомые с аппетитом ели, оживленно обмениваясь репликами.

Ленин посетовал:

— Вот уж три с лишним месяца я никак не могу вас поймать. Я уже «Зверя» за вами посылал в Париж.

Увидев недоумение в глазах Луначарского, Ленин разъяснил:

— «Зверь» — это кличка товарища Эссена. Он в начале августа ездил вас разыскивать.

Луначарский невольно взглянул на календарь, висевший на стене, не поленился встать и сорвал вчерашний листок. Открылось нынешнее число: 19 ноября 1904 года. Снова садясь за стол, он объяснил:

— Я в начале августа был еще в Киеве, и меня по поводу социал-демократической сходки за Днепром пыталась «с поличным» поймать полиция.

Ленин провел рукой по высокому крутому лбу, улыбнулся. Ладонь его пошла выше до самой макушки, а потом медленно опустилась к переносице.

— А мы с Надеждой Константиновной нарекли вас «Миноносец Легкомысленный». От вас так долго не было ни слуху ни духу.

— Меня отыскала в Киеве ваша сестра Мария Ильинична и от вашего имени попросила скорее уехать за границу.

— Вас трудно поймать. Вы как ртуть. Я и Богданова просил употребить все усилия, чтобы вы скорее двигались в сторону Женевы. Дело неотложное. Надо налаживать центральный

печатный орган. Старый оказался в руках меньшевиков. Нужны журналисты, хорошо владеющие пером. Без газеты нет партии, а без партии нет революции.

Луначарский снял пенсне, протер его платком, вновь надел и стал объяснять:

— Я долгое время провел в ссылке. Глушь. Сначала Вологда, потом Тотьма, поэтому Париж…

Уловив искорки иронии в глазах Ленина, Луначарский поспешил оправдаться:

— Нет, Париж для меня не отдохновение, не развлечение и не компенсация за тяготы ссылки. Я решил здесь познакомиться со всей партийной литературой, разобраться в сути расхождений между большевиками и меньшевиками. Честно говоря, я не вполне уверен в правильности линии большевиков и считаю себя примиренцем. Я читаю литературу о расколе. Без понимания этого вопроса я для центрального органа большевиков не гожусь.

Ленин молча согласился и добавил:

— Для постижения этого вопроса приглашаю вас на мой реферат. Читаю его сегодня вечером на собрании русских политических эмигрантов. Тема — внутрипартийное положение, организационный и тактический оппортунизм меньшевиков.

— С большим интересом послушаю, Владимир Ильич!

Ленин попросил приготовить кофе, но в доме его не оказалось. Луначарский предложил недалекую прогулку и посещение мастерской скульптора Аронсона. Анатолий Васильевич убедил, что такой ранний визит не обеспокоит хозяина мастерской, а чашка кофе у гостеприимного хозяина совершенно точно найдется. Ленин согласился, и они совершили приятную утреннюю прогулку по просыпающемуся Парижу. Вскоре они были в мастерской Аронсона. Хозяин быстро приготовил кофе, угостил утренних посетителей и, сидя с ними за столом, острым профессиональным глазом стал рассматривать человека, приведенного Луначарским. Аронсон посчитал, что у гостя сократовский лоб и удивительно красивая голова. Скульптор сказал:

— Господин Ленин, я хотел бы изваять ваш бюст или, быть может, даже скульптуру в полный рост.

Ленин смущенно промолчал. Луначарский же, не без некоторого умысла организовавший посещение Аронсона, порадовался, что его замысел удался, и поддержал эту идею.

Вечером того же дня Луначарский впервые услышал Ленина как оратора.

В перебранках с меньшевиками, в их острой критике Лениным Луначарский чувствовал не только споры вокруг

тактических вопросов и принципов строения партии, но и борьбу амбиций и схватку за личное лидерство. В конце концов, и с той и с другой стороны в этой перебранке участвовали молодые люди. Знаменательно, что большинству декабристов, например Бестужеву, Пестелю, Каховскому, как и деятелю французской революции Робеспьеру, было примерно столько же, сколько многим большевикам и меньшевикам в первую русскую революцию — около 33 лет. Видимо, возраст Христа, проповедника всеобщей любви и всепрощения, самый революционный возраст. Заметим, что Ленину в первую русскую революцию было 34–35 лет и он считался «стариком» по сравнению со многими своими соратниками и противниками, Луначарскому же было 30 лет. Он ощущал нарастание взаимной неприязни Ленина и его окружения, с одной стороны, и меньшевиков и их лидеров — с другой. Луначарскому было не все понятно в этих идейных перебранках, а кое-что даже раздражало, вызывало недоумение и даже протест.

Меньшевики ратовали за создание, говоря современным языком, не коммунистической, а социал-демократической партии, с демократическими ориентациями в ее внутрипартийной жизни и программных действиях, ориентированных на долгий преобразовательно-эволюционный путь достижения цели. Этот подход мог удержать партию от наполеоновских и тоталитаристских перспектив, но мог привести и к забалтыванию революционных проблем. Такой подход практически откладывал революцию надолго, если не навсегда. Большевики были исторически нетерпеливы, они хотели изменения общества сегодня, в крайнем случае — завтра. Их позиция включала в себя революционную активность и беспощадное революционное насилие. Последнее могло принести скорые коренные преобразования общества, но было чревато перманентным неизбывным насилием, возможностями узурпации власти и несло в себе угрозу внутрипартийной диктатуры. Достоевский в «Преступлении и наказании» предупреждал, что насилие, даже имеющее справедливые мотивы, раз начавшись, может почти спонтанно продолжиться и его трудно будет остановить. Мы сегодня, зная опыт 1917 года и последующей Гражданской войны, зная опыт 1937 года и ГУЛАГа, не можем отрешиться от настороженного отношения к революционной «большевистской» формуле «весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем…». Мы, вооруженные опытом истории, хорошо знаем, что было «затем». Молодые люди начала XX века еще не обладали историческим опытом, который ориентировал бы их на осторожное отношение к насилию в процессе развития общества.

Однако социальная интуиция подсказывала некоторым из них — и в их числе был Луначарский — необходимость некоторой осторожности в этом вопросе.

За столкновением амбиций, в борьбе за лидерство в революционном движении, в спорах между меньшевиками и большевиками таились тактические и стратегические расхождения между крыльями расколовшейся российской социал-демократической рабочей партии. Прослушав ленинское выступление на собрании русских эмигрантов, Луначарский увлекся твердой, рационально обоснованной позицией «старика», но при этом не утратил своей приверженности к демократическим формам партийной жизни и остался сторонником интеллигентных взаимоотношений с товарищами по борьбе. Однако ленинская суггестивность и воля увлекли Луначарского, и он потянулся к большевикам.

На следующий день после своего выступления Владимир Ильич писал Надежде Константиновне: «…Постараюсь приехать поскорее и ускорить приезд миноносца… Завтра переговорю с миноносцем и, наверное, он будет за меня…»

В первых числах декабря 1904 года Луначарский выехал из Парижа в Женеву. Сразу же по его приезде состоялось первое заседание редколлегии новой газеты, которое вел Ленин. Во время этого совещания Луначарский познакомился с Михаилом Степановичем Ольминским, Вацлавом Вацлавовичем Воровским, Владимиром Дмитриевичем Бонч-Бруевичем, Мартыном Николаевичем Лядовым и Надеждой Константиновной Крупской.

Вскоре в большом зале гостиницы «Handwerk» Луначарский выступил с рефератом перед большим и представительным собранием русских политических эмигрантов. Докладчик говорил образно и афористично, критикуя оппортунизм в социал-демократическом движении. Реферат был встречен бурными аплодисментами, во время которых Надежда Константиновна, наклонившись к Ленину, сказала:

— Приплыл миноносец — и сразу в бой. Оратор он великолепный.

Ленин согласно кивнул.

Воровский тихо спросил:

— Каковы корни образованности и революционности этого молодого человека со столь радикальным мышлением?

Все про всех знающий Бонч-Бруевич пояснил:

— Радикально настроенная семья, изучение марксизма еще в гимназии, участие в сходках и в революционной агитации, арест, ссылки в Вологду и Тотьму, изучение естествознания и философии в Цюрихском университете, знакомство с

Ковалевским, Плехановым, Авенариусом. На таком мятежном жизненном пути можно было накопить и духовное богатство, и интеллигентность, и эрудицию. А уж его позиции и мировоззренческие установки — это ленинское влияние.

Жизнь политических эмигрантов была полна тревог, бытовых трудностей, тоски по близким, оставшимся в России, ностальгии по самой России. В эмигрантской среде было много политических споров, тяжелого труда — организационного и просветительского, журналистского и лекторского. Эмигранты жадно учились, партийная интеллигенция учила других, менее подготовленных революционеров, щедро делясь с ними своими знаниями. Серьезных духовных усилий требовало теоретическое осмысление процессов, происходящих в мире и в России, политических, моральных и философских проблем, выдвигаемых революцией. На споры и дискуссии уходило много времени. Внешне малорегламентированная и, казалось бы, спокойная жизнь эмигрантов была подчинена поискам путей решения высших социальных задач. Эти серьезные духовные поиски неизбежно переплетались с обычными во всякой эмигрантской среде мелкими интригами и выяснениями личных отношений. И все же интеллектуальная атмосфера возникала и при бесконечных спорах по острым политическим проблемам, и на отдыхе.

Ленин отдыхал так же самозабвенно, как и работал. Друзья и товарищи по изгнанию, окружавшие его, заполняли досуг весельем, напряженными духовными поисками, спорами.

Сегодня все собрались в столовой для эмигрантов, которую держали супруги Лепешинские. За окнами было темно и холодно, дул пронзительный зимний ветер. Столы в комнате были сдвинуты. Компания образовалась большая, пестрая и шумная: здесь собрались редакция новой большевистской газеты «Вперед» в полном составе и несколько меньшевиков, зашедших кто просто на огонек, а кто поужинать. Среди присоединившихся к компании были лидеры меньшевиков Федор Дан и Юлий Мартов. Неловко было не пригласить их к столу. И, преодолевая политические расхождения, смешанные с личной симпатией к Мартову и с прямой неприязнью к Дану, Ленин разделил с ними трапезу. Лепешинские подали картошку в мундире, вяленую рыбу и пиво. Послышались шутки по поводу изобретательности, щедрости и изысканности вкуса хозяев. Стало шумно, весело, зазвучали колкости, смех, однако общее застолье не складывалось. Недовольный этим, Ленин встал и, улыбаясь, сказал:

— Товарищи, я предлагаю сыграть в новую игру, которая называется «Поймать Луначарского!».

Бонч-Бруевич пошутил: чтобы играть в эту игру, «Миноносец»

вновь должен уйти в легкомысленное парижское плавание.

Все засмеялись.

— Нет, — возразил Ленин, — имеется в виду совершенно другая игра.

— Каковы ее правила? — спросил Бонч-Бруевич.

Ленин, заговорщически прищурив глаз, ответил:

— Любой из присутствующих спрашивает Луначарского о малоизвестном явлении, трудном термине или незнакомом слове. Луначарский без подготовки должен прочитать реферат по заданной теме. Условие игры такое: если спрашивающий даст Луначарскому непосильное для него задание, то он будет должен фант и мы его заставим проделать какую-либо смешную церемонию. Если же Луначарский с честью выйдет из испытания и его не удастся «поймать», то фант будет за спрашивающим. Проигравшему мы все, и в первую очередь Анатолий Васильевич, дадим смешное задание.

Сразу же после знакомства с Луначарским Ленина привели в восторг его феноменальная память и широчайшая, поистине энциклопедическая эрудиция. Игра была испытанием этих его способностей. Игра позже длилась не один год, и почти никому не удавалось «поймать» Луначарского.

На сей раз смешной и трудный вопрос обернулся курьезом. Дан воскликнул: «Я поймаю вашего Луначарского!» И, надеясь застать Анатолия Васильевича врасплох, дал ему задание сделать реферат на тему «Черт в русской литературе и искусстве». Все расхохотались, и пуще всех — Ленин. Когда смех смолк, Луначарский спокойно и серьезно спросил, о каком периоде должно быть сообщение.

Дан внес «снисходительное» предложение:

— Для облегчения задания возьмем… древность.

Все опять расхохотались. Луначарский же, чуть улыбнувшись странному заданию, начал доклад.

— На древнерусских иконах бес предстает столь отвратительным, что в народе возникла поговорка: «Не так страшен черт, как его малюют». В рукописи семнадцатого века… — Луначарский запнулся, напрягая память, снял пенсне, а затем как по-писаному произнес: — В этой рукописи говорится: «Некий зограф писал образ Богородицы благолепнее, а дьявола зело гнусно под ногами ея». Создавая облик беса, или образ зла, художники обычно соединяли звериные и человеческие формы. Использовались формы летучей мыши, пса, быка, свиньи, козла, обезьяны, змеи. Демонология на Руси, — продолжал Луначарский, — была как национального, так и византийского и античного происхождения. На формирование представлений о

бесе оказывали воздействие образы восточных человекообразных божеств со звериными головами и крыльями, образы минотавра, кентавра, горгоны, сирены, цербера, сладострастных козлоподобных сатиров, привлекалось также непривычное обличье иноземцев.

Ленин довольно улыбнулся и взглядом подбодрил Луначарского: мол, задай жару. Луначарский встретил этот взгляд и, вместо того чтобы ободриться, смутился и замолк. Но, собравшись с мыслями, вновь начал говорить:

— Да, так вот… В муромской легенде о Петре и Февронии бес предстает в качестве страшного огненного гостя, который оскверняет приведенную от венца невесту…

Дану явно не нравился реферат Луначарского. И дело было даже не в том, что Дан проигрывал и ему предстоял фант — а уж эти большевики непременно придумают для него какое-нибудь неприятное испытание! — глава меньшевиков испытывал смутное беспокойство, видя, что Ленин собирает вокруг себя столь сильную гвардию журналистов и пропагандистов, обладающих завидной эрудицией и блестящими ораторскими данными.

Луначарский же между тем продолжал:

— В семнадцатом веке в характеристику бесов включается элемент карикатуры. В западной демонологии подобные мотивы известны еще с двенадцатого века.

Федор Дан с сарказмом заметил:

— Пятьсот лет разницы?! Голубчик, это непатриотично — отдавать исторический приоритет западной демонологии. Наш, русский бес — самый передовой в мире!

Луначарский снова снял пенсне, протер его, надел и сказал:

— Я вполне разделяю ваши патриотические чувства, но ничего не могу поделать с фактами. Их логика сильнее логики ваших намерений.

Ольминский вступился за Луначарского:

— Давайте не мешать Анатолию Васильевичу!

Луначарский благодарно улыбнулся ему и продолжил:

— На гравюре петровских времен мы видим образ слепоты юных: к бесам стремится недоросль с завязанными глазами и с флюгером в руке. В рукописи «Душевное лекарство» есть иллюстрация, изображающая убийцу, за спиной которого прячется грязно-зеленый черт. Он шепчет на ухо Каину наставления и направляет удар на его брата — Авеля.

Дан попытался вмешаться:

— В этой картине можно увидеть образ гражданской войны: брат идет на брата.

Ольминский бросил реплику, стремясь опровергнуть Дана:

— Бесы — враги революции. Они по ту сторону баррикады.

Мартов решил всех примирить и сказал:

— Есть бесы и в революции. Достоевский прав. Разве нечаевщина — не бесовство? Слепой, беспощадно жестокий террор, помноженный на безнравственность, вседозволенность, маккиавелизм, иезуитскую хитрость и инквизиторство — все это тоже бесовство!

Отчасти соглашаясь с Мартовым, Воровский произнес:

— Марксистская революционность должна противостоять бесовству нечаевщины.

Луначарский, продолжая мысль Воровского, сказал:

— Петр Верховенский в «Бесах» Достоевского — тенденциозно окарикатуренный образ революционера. На самом же деле это образ злейшего врага революции. В христианской иконографии враг рода человеческого наделен хвостом, когтями и рогами. Хвост означает хитрость и соблазн, когти — хищность, рога — могущество и агрессивность. Бес — князь мира сего. Он падший ангел, ангел зла. На одной средневековой миниатюре князю бесовскому кланяются мужчины. С неба бог обрушивает огненные лучи, карая этих дьяволопоклонников. С другой стороны изображены коленопреклоненные праведники, которых нечестивые колотят дубинами. И некуда деться человеку: к богу путь пресечен бесами, к дьяволу — ангелами. Перед нами — образ экзистенциального абсурда, безысходности человеческого бытия. Не так ли? Как говаривал Достоевский: «Куда податься человеку? Некуда!»

Луначарский смолк. Раздались аплодисменты. Потом реплики. Хозяйка столовой Ольга Борисовна Лепешинская воскликнула:

— Не мы «поймали» Луначарского, а он нас поймал на дремучем незнании отечественной культуры!

Дан, стремясь притушить впечатление, произведенное Луначарским на аудиторию, скептически спросил:

— А зачем нужны знания о черте для дела революции? Знание чертовщины может только помешать научности мировоззрения.

Воровский парировал этот вывод:

— Знание культуры, даже в самых малопригодных для современной практики ее разделах, всегда ценно. Всякое знание может обернуться неожиданным практическим применением. Важна не только мировоззренческая ориентированность знаний, но и сами знания.

Ольминский поддержал Воровского:

— В культуре нет бесполезных разделов, а есть лишь не

поставленные на службу современности. Однако они нужны будут завтра.

Дан возмутился:

— Чертовщина пригодится революции?

Тут в полемику вступил сам докладчик:

— Не чертовщина, а представления о добре и зле, запечатленные в образах Христа и черта. Эти образы должны быть проинтегрированы нами при создании будущей культуры. Я не исключаю того, что какой-либо поэт, воспевая революцию, воспользуется образом Христа, чтобы показать ее высокое и светлое шествие, или использует образ черта, изображая ее врагов в своем совершенно революционном произведении.

Это мнение разделил и Воровский:

— К тому же образ беса — это не только древние тексты. Это и Пушкин, и Достоевский.

Желая мирно завершить дискуссию, Мартов сказал:

— В следующий раз, когда мы будем играть в «Поймать Луначарского», мы попросим его прочесть доклад на тему «Образ черта у Достоевского».

Это предложение отвел Ленин, посчитав его несоответствующим правилам игры:

— Раз вы предупредили о теме, она не может быть принята для очередной игры. Луначарский сумеет подготовиться! Надо будет придумать что-нибудь смешное и неожиданное. А теперь, по правилам игры, тот, кто дал тему и кому не удалось поймать Луначарского, должен нам фант.

Все засмеялись и повернулись к Дану, а он недовольно насупил брови.

Лепешинский сказал:

— Пусть Дан залезет под стол и прокукарекает.

Лядов бросил:

— Пусть проскачет на одной ножке вокруг стола.

Ольминский придал фанту политический смысл:

— Пусть Дан восхваляет революцию, во главе которой будет пролетариат, и скажет доброе слово о большевиках.

Все захохотали.

Поздним вечером, когда Луначарский попытался уснуть, события этого дня повторились в его взбудораженном сознании. Заснуть ему никак не удавалось. В его памяти стали возникать эпизоды дневной дискуссии, которые сменялись какими-то смутными образами будущего. Он считал, что только революционное насилие может привести к всеобщей справедливости. А между тем он помнил художественное предупреждение из «Преступления и наказания» Достоевского. У

него получалось, что насилие перманентно: если убьешь злую старуху-процентщицу, никакая справедливость не наступит, а волей-неволей придется убить ни в чем не повинную Лизавету… И вообще не бесы ли все революционеры?! При Николае I в подчинении Третьего отделения было пять тысяч жандармов. Декабрист Бестужев планировал после победы членов тайного общества обеспечивать стабильность и государственный порядок с помощью 50 тысяч жандармов. Видимо, какие-то опасения о возможности жесткого жандармского государства после победы революции подспудно бродили в сознании Луначарского. Он в полудреме видел какое-то будущее правительство победившей революции, среди членов которого он узнавал знакомых ему ныне деятелей. И они отдавали приказы арестовывать знакомых и незнакомых ему людей. С тревожной мыслью «не бесовщиной ли я и все мы занимаемся?!» — он проснулся. И теперь уже сознательно ответил себе: «Состояние мира неблагополучно и изменить его можно только революционным насилием».

Знакомство с Лениным, совместная борьба и работа вместе с ним определили дальнейший ход жизни Луначарского.

Анатолий Васильевич Луначарский родился в 1875 году в Полтаве. Его отцом был крупный чиновник, действительный статский советник Александр Иванович Антонов. Мать состояла в официальном браке с действительным статским советником Василием Луначарским. Он усыновил родившегося вне брака ребенка, дал ему свое отчество и фамилию. У Василия Федоровича были для этого причины: он сам был внебрачным сыном помещика Николая Чарнолусского — тот тоже дал отпрыску фамилию, но измененную: отсюда и странное «Луначарский», и хорошо знал, как важна семья для ребенка, обреченного жить с клеймом «незаконнорожденный». Странная закономерность: в разных поколениях одной семьи часто повторяются одни и те же ситуации.

Луначарский учился в гимназии в Киеве. В 1892 году стал членом нелегальной ученической социал-демократической группы. В гимназические годы товарищем Луначарского был Н. А. Бердяев, с которым он позже полемизировал. Еще будучи гимназистом, «с 15 лет… стал усердно изучать марксизм и считал себя марксистом…» (из автобиографии). В 1892 году Луначарский вступил в социал-демократическую организацию Киева. Юный Луначарский увлекся идеями марксизма и с 1895 года принял участие в социал-демократическом движении. Он организовал подпольную группу учащихся киевских гимназий. Эта группа объединила около 200 человек, которые проводили

маевки, изучали сочинения народников и демократов-шестидесятников. «С 17 лет начал вести пропагандистскую работу среди рабочих железнодорожных мастерских и ремесленников» (из автобиографии). Участвует в социал-демократической газете, печатавшейся на гектографе, работает агитатором и пропагандистом в рабочем предместье Киева. Активное увлечение политикой сочеталось у Луначарского с художественно-эстетическими интересами и постоянным вниманием к искусству. Еще в гимназические годы юный Луначарский познакомился с будущими крупными российскими философами С. Н. Булгаковым и Н. А. Бердяевым. В выпускной аттестат гимназии Луначарскому была поставлена четверка по поведению за активную политическую деятельность, что закрыло ему доступ в столичные университеты. В 1895 году Луначарский окончил гимназию, но из-за политической неблагонадежности не был принят в Московский университет. Поэтому он уехал в Швейцарию и поступил в Цюрихский университет. Чистую, спокойную, уклоняющуюся от войн и социальных бурь Швейцарию многие возмутители спокойствия на своей родине — революционеры избирали местом эмиграции.

В 1898 году Луначарский возвращается в Россию и активно включается в подпольную революционную деятельность. В 1899 году его арестовывают и ссылают в Полтаву, а затем, после нового ареста, он попадает под надзор полиции в Калугу, где знакомится с А. А. Богдановым (Малиновским). В 1902 году Луначарского высылают в Вологду. Здесь он опять встречается с Богдановым, дружба с которым дополняется общностью философских взглядов, особенно в вопросах взаимоотношения марксизма и эмпириокритицизма. Он женится на сестре Богданова, Анне Александровне Малиновской. Это, естественно, еще более связало двух участников социал-демократического движения. Луначарский долго находился под влиянием Богданова и как философа, и как неординарной личности, но позже не раз с ним полемизировал.

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

Один из создателей самолета Орвилл Райт был молчалив и объяснял это так: «Из птиц разговаривают только попугаи, но они и летают невысоко».

* * *

Николай I любил балет и даже сам поставил на сцене один спектакль.

* * *

Балерина Матильда Кшесинская была возлюбленной Николая II еще до его коронации. После помолвки он рассказал об этом романе Аликс и был ею прощен.

* * *

Бисмарк, первый рейхсканцлер Германской империи, говорил о Марксе: «С этим бухгалтером еще наплачется вся Европа».

Глава вторая
«ВАЖНО ДУХОВНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ»

В Цюрихском университете Луначарский под руководством Р. Авенариуса изучает философию и естествознание. В Швейцарии Луначарский сближается с западноевропейскими марксистами и социал-демократами, с русскими марксистами — с «Группой освобождения труда» и знакомится с П. Б. Аксельродом, В. И. Засулич, П. Л. Лавровым, а также с Г. В. Плехановым. Георгий Валентинович приобщил Анатолия Васильевича к изучению классической философии, а также работ К. Маркса и Ф. Энгельса.

Изучение марксизма и увлечение эмпириокритической идеалистической философией Авенариуса повлияло на выработку философских и эстетических взглядов Луначарского и позже скажется в его богостроительских исканиях. В 1895 году Луначарский становится членом только что организованной РСДРП. В 1896–1897 годах он живет во Франции и Италии, в 1897 году возвращается в Москву, где вместе с А. И. Елизаровой и М. Ф. Владимирским восстанавливает разрушенный арестами Московский комитет РСДРП и становится членом этого руководящего партийного органа. Он пишет прокламации и работает агитатором и пропагандистом. В Москве и Киеве ведет работу как профессиональный революционер. На рубеже XIX и XX веков Луначарский неоднократно был арестован, подвергнут тюремному заключению и ссылкам. Сначала арестованного 25-летнего Луначарского отдали на поруки отцу в Полтаву. Однако вскоре во время лекции его арестовывают вновь и два месяца держат в Лукьяновской тюрьме. Вскоре после выхода на свободу Луначарского по ордеру московской охранки арестовывают вновь. Он восемь месяцев сидит в одиночке в Таганской тюрьме, затем следует временная высылка в Калугу. Наконец, состоялся суд, который приговорил Луначарского к трехлетней ссылке в Вологодскую губернию. И 1901–1903 годы он проводит в Вологде и Тотьме. После II съезда РСДРП становится большевиком (1903).

Луначарский в сборнике «Вопросы философии и психологии» (1902, май — июнь) публикует одну из первых работ — «Русский Фауст». Статья посвящена Ивану Карамазову, который рассматривается как «декадент», отрицающий социальный прогресс.

В 1900-х годах Анатолий Васильевич сотрудничал в

периодических изданиях — «Образование», «Киевские отклики», «Правда», «Курьер». Он становится крупным партийным журналистом.

Отбыв ссылку, Луначарский едет в Киев, а затем в Париж. Оттуда по настоятельной просьбе Ленина переезжает в Женеву, где входит в редколлегии большевистских газет «Пролетарий» и «Вперед» и активно взаимодействует с А. А. Богдановым и Лениным, ведя идейную борьбу с Мартовым, Даном и другими меньшевиками.

…К писателю А. И. Куприну и Луначарскому подошел черноволосый красавец Бердяев. По его одухотворенному лицу изредка пробегала обезображивающая гримаса, однако в следующее мгновение его лицо вновь становилось вдохновенным и красивым. С Луначарским он обращался надменно, менторски, как старший, хотя были они почти одногодками.

— Мы с господином Луначарским давненько знакомы, — сказал Бердяев, обращаясь к Куприну. — Драчливый субъект! Правильно я вас характеризую, господин Луначарский?

— Как же, как же, — поспешно заговорил Луначарский, — вместе ссылку отбывали. Много спорили. Да и сейчас я с вами резко расхожусь в позициях и не могу вам простить нападки на Горького.

Бердяев не обратил внимания на выпад Луначарского и сказал Куприну:

— Александр Иванович, я в газете «Наша жизнь» прочитал очень острую вашу статью «События в Севастополе. Ночь 15 ноября» о жестоком подавлении восстания на крейсере «Очаков». Ваша корреспонденция опровергает официальное сообщение «Крымского вестника».

Куприн пояснил:

— Вице-адмирал Чухнин отдал приказ о высылке меня в двадцать четыре часа из Севастопольского градоначальства и подал на меня жалобу прокурору. Я получил повестку о привлечении меня к уголовной ответственности за статью, которая, по официальному определению, «от начала до конца направлена к несправедливому опорочиванию должностного лица». Так что вы, господин Бердяев, имеете дело то ли с карбонарием, то ли с уголовником.

— Мы с господином Луначарским уже были в этом положении в Вологде. Посему нам не привыкать, — сказал Бердяев.

Луначарский вежливо улыбнулся и продолжил воспоминания о ссылке:

— Да, ссылка объединила нас, и жаль, что сегодня у нас нет общности взглядов. А ведь мы когда-то учились в одной гимназии и были на «ты». И вот разошлись в разные идейные стороны.

Бердяев пропустил мимо ушей как неуместную лирику все воспоминания собеседника о гимназических годах и годах совместного пребывания в ссылке. Но, видимо, что-то в высказываниях Луначарского задело его, он перешел на «ты», хотя и продолжил полемику.

— Да, ты, Анатолий, прав. У нас нет общности взглядов по многим вопросам и, в частности, в отличие от тебя я весьма критично отношусь к Горькому, поэтому и иронизировал по поводу его «Заметок о мещанстве». Право же, Анатолий, негоже тебе, человеку образованному, за эти заметки заступаться. Рассуждения Горького очень слабы, политически невежественны и просто неумны.

Луначарский принял переход на «ты», но возмутился:

— Ты просто не понимаешь масштаба личности Горького!

— Хотя личность Горького и масштабна, в ней олицетворяется все, что есть противокультурного в русской революции, — возразил Бердяев.

Луначарский парировал:

— Твое мнение по поводу Горького подпадает под характеристику Лениным твоей стилистики и манеры вести полемику: «философские туманности, политические или политиканские пошлости, литературно-критические взвизгивания а-ля Бердяев». Здесь ни прибавить, ни убавить.

Разговор получился «не из вежливых», как обычно такие перепалки определяет Ленин. Бердяев несколько опешил от резкости оценки, его красивое лицо исказил нервный тик, но тут же оно обрело спокойное выражение. Куприн, невольно вовлеченный в конфликт, счел нужным высказать свое мнение:

— Мы все должны быть благодарны Горькому за его статьи о мещанстве. Такие выступления в печати помогают людям определиться в нынешних сложных обстоятельствах.

Бердяев понял, что у одного из собеседников его позиция не находит сочувствия, а у другого вызывает протест. Философ вежливо улыбнулся и со словами «Позволю себе сохранить свое мнение» вышел в прихожую, оделся и, ни с кем не попрощавшись, ушел. Куприна в это время позвал Аверченко, и Луначарский остался один.

Он подумал: «Какая-то интеллектуальная гражданская война… Но что поделаешь, духовное обеспечение революции очень важно, и тут без споров не обойтись».

Достоевский считал, что грядущие социально-революционные потрясения в России отнимут сто миллионов жизней. Точной статистики нет. Но на много ли он ошибся? А с другой стороны, многим ли меньше в масштабах той исторической эпохи заплатила Франция за убыстрение исторического процесса и революционные преобразования и завоевания в конце XVIII — начале XIX века?

* * *

Чехов, говорят, недолюбливал евреев, но Исаака Левитана приравнивал к трем русским. Когда художника Леонида Пастернака и писателя Максима Горького выбрали в академию и царь не утвердил одного как еврея, другого — как неблагонадежного, Чехов вышел из академии.

Глава третья
«МИР ПЕРЕКРАШИВАЕТСЯ В ДРУГОЙ ЦВЕТ ТОЛЬКО КРОВЬЮ»

В июле 1903 года выбранные на II съезд РСДРП делегаты съехались в Брюссель, где состоялось 13 заседаний съезда. Но бельгийская полиция вынудила делегатов покинуть страну, и съезд перенес свои заседания в Лондон. На съезде при выборе руководящих органов партии произошел раскол на большевиков и меньшевиков. 1 ноября 1903 года Ленин вышел из состава редакции газеты «Искра», газета перешла в руки меньшевиков. Отношение Луначарского к расколу на II съезде РСДРП не сразу было определенным. Однако вскоре он выбрал позицию и стал большевиком. С 1904 года он живет в эмиграции в Женеве, где включен в состав редакций газет «Вперед» и «Пролетарий». В том же 1904 году издал свой первый теоретический труд «Основы позитивной эстетики». В предисловии к сборнику «Отклики жизни» Луначарский аттестует себя как активного марксиста, однако тут же восхваляет Маха и Авенариуса. Им он посвящает статью «Основные идеи эмпириокритицизма» и публикует в своем изложении «Критику чистого опыта» Р. Авенариуса (1905).

Ленин высоко ценил выступления в партийной печати Луначарского. «Из России есть письма ЦК, уповающие на Вашу литературную работу. Трудно нам очень без Вашего постоянного и близкого сотрудничества», — писал ему Ленин из Женевы 1 августа 1905 года.

Луначарский выступает на многочисленных диспутах политических эмигрантов, он защищает позиции большевиков от нападок Мартова, Дана и других меньшевиков, агитирует за созыв третьего съезда партии.

В августе 1904 года в местечке Каруж (предместье Женевы) под руководством В. И. Ленина состоялось совещание двадцати двух большевиков, на котором было принято написанное им обращение «К партии» с призывом немедленно созвать III съезд РСДРП. По замыслу Ленина, этот съезд должен был вывести партию из кризиса, вызванного конфликтом большевиков и меньшевиков. Большую роль в борьбе против меньшевиков, за подготовку третьего съезда партии играла созданная В. И. Лениным газета «Вперед», в редколлегии которой работал Луначарский. Первый номер газеты «Вперед» вышел в свет в Женеве. В декабре 1904 года Ленин выступил в Париже и в ряде городов Швейцарии с рефератом о внутрипартийном положении

в РСДРП. Деньги, собранные за эти выступления, пошли на издание газеты.

III съезд РСДРП состоялся в Лондоне 12–27 апреля (25 апреля — 10 мая) 1905 года. Он был подготовлен большевиками и проходил под руководством Ленина. На съезде присутствовали 38 делегатов: 24 — с решающими голосами и 14 — с совещательными. Председателем съезда избрали Ленина. В числе делегатов были В. В. Воровский, Р. С. Землячка, Н. К. Крупская, А. А. Богданов, А. В. Луначарский, М. М. Литвинов, М. Г. Цхакая и другие.

Луначарский вместе с двумя другими делегатами съезда — Д. С. Постоловским и Л. Б. Красиным — предложил порядок дня съезда составлять по четырем рубрикам: организационные вопросы, тактические вопросы, отношение к другим партиям, отчеты делегатов. Это предложение было принято.

На съезде выступал Луначарский с обоснованием необходимости организации вооруженного восстания. Этот вопрос обсуждался на пяти заседаниях съезда в апреле 1905 года. Луначарский зачитал съезду проект резолюции об отношении РСДРП к вооруженному восстанию, написанный В. И. Лениным. При обсуждении проекта резолюции Д. С. Постоловский (Михайлов) выдвинул ряд возражений и предложил свой проект. Чтобы согласовать обе резолюции, съезд назначил заседание комиссии по «примирению» резолюций. На девятом заседании съезда, вечером 16 (29) апреля, была принята «примирительная» резолюция о вооруженном восстании. В основу резолюции был положен проект, написанный Лениным. Поправки были незначительными. Эту резолюцию съезд принял единогласно при одном воздержавшемся. (См.: Третий съезд РСДРП: Протоколы. 1959. С. 162–164.)

Не подлежал оглашению и не обсуждался на съезде ленинский проект дополнительной резолюции о вооруженном восстании. Эту дополнительную резолюцию раздали делегатам для ознакомления.

Меньшевики отказались от участия в съезде и собрали в Женеве свою конференцию.

Уже в этот период у Луначарского наметились философские расхождения во взглядах с В. И. Лениным. Позже, после Штутгартского конгресса Второго интернационала (1907), эти расхождения стали причиной отхода Луначарского от большевизма.

Несмотря на это, Ленин видел в Луначарском выдающегося оратора-полемиста и, по свидетельству Горького, считал его «на редкость богато одаренной натурой».

Во второй половине ноября 1905 года Луначарский по телеграфному вызову Ленина выезжает из Флоренции в охваченную революцией Россию. Сразу же по приезде в Петербург Анатолий Васильевич отправляется на Невский. Он шагает по проспекту до его пересечения с набережной Фонтанки. Там в угловом доме 68/40 расположена редакция большевистской легальной газеты «Новая жизнь».

Начинаются горячие и напряженные журналистские будни, полные споров, борьбы, литературного труда, новых знакомств. В их числе было и знакомство с Алексеем Максимовичем Горьким.

Горький снял шубу, не найдя, где ее повесить, положил на широкий редакционный стол и остался в черной косоворотке навыпуск, подпоясанной узким ремешком. На ногах его сверкали до блеска начищенные хромовые сапоги, в которые были вправлены черные брюки.

Луначарский внимательно рассматривал знаменитого писателя: высок, сутуловат, однако время от времени вспоминает об этом и выпрямляется. Горький пошел навстречу Луначарскому, протянул озябшую на осеннем ветру руку, широко улыбнулся и сказал, поглаживая рыжеватые, аккуратно подстриженные усы:

— Наслышан о широких знаниях и способностях ваших, Анатолий Васильевич. Рад познакомиться и рад, что мы с вами будем сотрудничать в этой газете.

Луначарский с приветливой почтительностью улыбнулся, поблагодарил за добрые слова и лестное мнение писателя, а тот продолжал:

— А вы, я слышал, из теплой Флоренции в нашу революционную круговерть?

Луначарский подтвердил:

— Да, я из Флоренции, по телеграфному вызову Ленина.

Горький признался:

— Неважно себя чувствую, простужен, высокая температура. Однако у меня сегодня богатый на знакомства день. Вот вас узнал, а перед тем, как в редакцию поехать, впервые встретился с Лениным.

— Я осведомлен: вы привезли на заседание ЦК резолюцию Московского комитета большевиков. Будем готовиться к вооруженному восстанию. Сегодня 27 ноября, а в первых числах декабря все должно начаться.

— Да. Назревают события. Мир перекрашивается в другой цвет только кровью. Грустный закон истории. Однако закон, и действовать приходится сообразно с ним.

Стараясь занять своего нового знакомого беседой и сгладить

шероховатость его вхождения в среду столичной интеллигентской элиты, Алексей Максимович спросил:

— Помимо газетных дел успеваете что-нибудь?

— Приходится много выступать на рабочих собраниях. Выступаю с докладами перед студенчеством и другой публикой. Много читаю платных лекций. Сбор — в кассу партии.

— Похвально, — как волжанин, немного «окая», пробасил Горький, а Луначарский продолжал:

— Стараюсь преуспеть и в творчестве. Вот закончил двухактную пьесу «Из иного мира». Собираюсь отдать в журнал «Мир божий» Кранихфельду, а если разрешите — вам покажу для прочтения и желательного помещения в сборнике «Знание». Для меня ваше издание предпочтительнее.

— Покажите. Смущает меня только, что творчеством вы занимаетесь между уймой дел. Литература ревнива и не прощает других увлечений. Писательский труд требует полной сосредоточенности. Жизнь в искусстве требует всей жизни художника, и он творит всей своей жизнью. Иначе недолго стать графоманом.

— Сосредоточиться пока не получается. Вот победим в революции, тогда…

— Тогда только и начнутся главные заботы, — пошутил Горький.

— Возможно. Ныне же я стараюсь писать об истории рабочего движения. В «Образовании» идет статья.

— О чем?

— О Первом интернационале. Еще недавно марксистов упрекали в преувеличении значения рабочего класса. Сегодня его историческая роль не вызывает ни у кого сомнений не только в Западной Европе, но и у нас. Теперь марксистов обвиняют в незаконной претензии на исключительные права представлять экономические и политические интересы рабочего класса.

— Интересная, но трудная тема… — сочувственно покачал головой Горький.

Луначарский, продолжая беседу, разглядывал писателя: глаза сосредоточенные, внимательные, с лукавинкой, густые волосы. Анатолий Васильевич перевел разговор на остро интересующую его тему издания газеты:

— Алексей Максимович, хочу сказать вам как одному из основателей «Новой жизни», что в нынешних условиях такая легальная газета — большое дело. Однако в наследство от ее легального происхождения нам достались неожиданные попутчики, не имеющие к большевистской печати никакого отношения. Мы их высадим из «Новой жизни».

— А вы драчливый! — улыбнулся Горький.

— Что поделаешь. На войне как на войне.

— Ну что же, воюйте. Дело правое. Впрочем, кажется, вам и воевать не придется: ЦК сегодня решил изменить состав редакции «Новая жизнь».

— Спасибо, Алексей Максимович, за добрую весть. Ужасно разношерстна современная русская интеллигенция. И не со всеми за один стол сядешь.

— Вы правы, Анатолий Васильевич. Но верно и особое значение русской интеллигенции. В России, которая, по словам Некрасова, «и убогая, и обильная, и могучая, и бессильная», главные носители культуры — люди искусства. У нас нет прочных традиций, и поэтому люди искусства являются истинным духовным авторитетным правительством страны.

— По Платону, править народом должны философы, а по Горькому — художники?

— Я не говорю — должны. Я, Анатолий Васильевич, говорю о реальных условиях нашей культуры. Впрочем, не будем спорить. Лучше я задам тривиальный вопрос, который меня действительно интересует. Над чем вы сейчас трудитесь?

— Вот, вычитываю статью «Социальная революция», выйдет в завтрашнем номере нашей газеты. — Луначарский протянул Горькому гранки.

Горький пробежал глазами текст: «Социальная революция в России возможна лишь в связи с европейской социальной революцией. Многое, однако, заставляет думать, что она может прийти скорее и неожиданнее, чем предполагают»…

— Интересно. Завтра в номере прочту. А сейчас, прежде чем попрощаться, хочу пригласить вас принять участие в первом редакционном совещании журнала «Жупел». Совещание состоится вскоре на квартире художника Билибина. Вот вам адрес. — Горький подошел к большому редакционному столу и карандашом на обрывке бумаги написал несколько слов. — Хочу заметить, — продолжил он, — что журнал предполагается сатирического направления, и было бы хорошо, чтобы вы приготовили и высказали ваши соображения по этому предмету.

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

Протоколы сионских мудрецов были подложены Николаю II, и он, ознакомившись с ними, сказал: «Революция 1905 года — результат работы жидов и масонов». Однако вскоре, узнав от Столыпина, что протоколы сионских мудрецов фальшивка, царь

высказался по-другому: «Чистое дело грязными руками не делают».

* * *

В 1905 году Керенский был эсером и собирался убить царя.

* * *

В 1905 году после объявления конституции дрессировщик Владимир Дуров выступал в ялтинском цирке. Он вывел на сцену собаку и приказал ей: «Лови себя за хвост, но смотри не оторви его, а то станешь собака куцая, как наша конституция».

Генерал Думбадзе издал приказ: обязать Дурова ни о хвостах, ни о конституции не говорить ни слова.

* * *

В 1908 году в открытом письме Толстой призвал индийцев к ненасильственному сопротивлению. Это письмо вдохновило Ганди.

Глава четвертая
ПОРАЖЕНИЕ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Свои эстетические взгляды первого десятилетия XX века Луначарский выразил в статье «О художнике вообще и о некоторых художниках в частности» (1903) и в работах «Основы позитивной эстетики», опубликованной в сборнике «Очерки реалистического мировоззрения» (1904), «Этюды критические и полемические», «Марксизм и эстетика. Диалогов искусстве» (1905) и других. Они написаны под влиянием одного из классиков позитивизма Спенсера, университетского учителя Луначарского Р. Авенариуса и известного участника российского социал-демократического движения А. Богданова. Дух позитивизма и эмпириокритики живет в этих работах, иногда взаимодействуя с марксистским подходом к искусству, которое должно соответствовать «идеалу жизни».

Идеал же — гармоничное сочетание красоты, добра и истины. Художник стремится к концентрации жизни, к сгущению жизненных явлений, чтобы дать гораздо больше ощущений, чем дает обыденная жизнь. Творческий процесс — свободная игра духовных и физических сил творца, дающая ему ощущение счастья. Каждый класс имеет свое представление об «идеале жизни». Каждый класс имеет свое представление и об искусстве. При этом существуют и общие критерии прекрасного и искусства, которые обусловлены их законами и соответствуют общечеловеческой природе. Прекрасно «то, что эстетично во всех своих элементах, что состоит из эстетичных линий, красок, звуков, вызывает ассоциации наслаждения». (Основы позитивной эстетики. 1923. С. 102.)

Размышления Луначарского о позитивной эстетике написаны под влиянием эмпириокритицизма Авенариуса и Богданова. Луначарский определяет эстетическое и прекрасное в духе модной в эти годы «биомеханики», подчеркивая роль субъективных и биологических факторов и не уделяя серьезного внимания конкретно-историческим факторам.

В работе «Марксизм и эстетика. Диалог об искусстве» и в критических статьях этих лет Луначарский, в духе вульгарного социологизма, акцентирует внимание на социальных и классовых моментах художественного творчества. Он считает себя «поэтом и философом революции» и пишет: «Борьба — вот задача искусства. Оно должно воспитывать боевые чувства и настроения». В работе

«Задачи социал-демократического художественного творчества» он выступает за связь художника с движением рабочего класса, утверждает необходимость развития пролетарского реалистического искусства, резко критикует «искусство для искусства», декадентство, «искусство печальности». (Вестник жизни. 1907. № 1.)

Луначарский в своих работах, написанных еще до Октября, «Русский Фауст» (1902), «Задачи с.-д. художественного творчества» (1907), «Письма о пролетарской литературе» (1914) критикует декадентов, рассматривает проблему партийности искусства, пишет о влиянии революции на культуру, о значении искусства в классовой борьбе пролетариата. Он рассматривает взаимоотношения мировоззрения художника и его творчества. Эта проблема позже, в 1930-е годы, будет предметом острой дискуссии «благодаристов» и «вопрекистов». Они будут на примере творчества Бальзака, и опираясь на высказывания основоположников марксизма, выяснять: благодаря мировоззрению или вопреки ему творит художник.

Луначарский критикует народническое миропонимание и выступает за активные и продуктивные взаимоотношения между художником, критиком и народом. Он и другие богостроители стремились подыскать искусству идеологически оправданную роль в рамках марксизма. Эстетика русских марксистов (Ленин, Плеханов) недооценивала, а порой и отрицала значение художественной фантазии.

Осуждая абстрактность, оторванность от жизни, мифичность народнических представлений о крестьянстве, марксисты выдвигали такой же миф по отношению к пролетариату. Луначарский полагал, что владеет знанием законов, которые управляют социальным развитием, и это позволит ему точно и ясно предвидеть будущее. Луначарский утверждает, что пролетариат — единственный наследник всех культурных ценностей прошлого. В статьях о классиках русской литературы и искусства он утверждает значимость и ценность для строителей нового мира культурного наследия Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Островского, Достоевского, Льва Толстого, Чехова, Горького, Брюсова и Блока. «…Тот, кто выражает черты своего времени, роднящие его с будущим, оказывается бессмертным», — писал он в 1921 году в статье «Пушкин и Некрасов». (Собрание сочинений. 1963. Т. 1. С. 32.)

Луначарский пишет: «Жизнь — борьба, поле битвы: мы этого не скрываем, — радуемся этому, потому что сквозь тяжесть трудов и, быть может, реки крови видим победу более грандиозных, прекрасных и человечных форм жизни. Побольше

света, борьбы, энергии, жизни, правды с собою и другими, прочь все больное, жаждущее покоя, мира во что бы то ни стало, все кислое и дряблое! Мы не боимся суровой истины, холодного горного ветра, и даже ужасающего „нестрашного“, чудовищных буден не боимся…» (Диалоги об искусстве. С. 160.) Главное качество нового героя — пролетарский «макропсихический индивидуализм». Новый герой — одновременно и «я», и «мы», слившиеся воедино. В нем заключено то, что Ницше назвал бы «малым разумом».

Меньшевик Потресов заявил, что пролетариат совершенно не заинтересован в литературе и искусстве. Искусство — «подлинное безделье, в котором рабочий класс не нуждается». (Наша заря. 1911. № 9, 10.) В ответ Луначарский опубликовал «Письма о пролетарской литературе», где опровергал этот художественно-эстетический нигилизм: «В высшей степени не правы те, как, например, Потресов, которые стремятся доказать, что литература, беллетристика для рабочего есть роскошь, для которой он, во-первых, не находит времени и которая, во-вторых, — вещь относительно излишняя в его борьбе: ему-де нужно оружие, а не цветы». Он сообщает о выходе первых сборников («Пробуждение», «Наши песни») пролетарской прозы и об ожидаемых публикациях редакцией «Правды» сборника стихов пролетарских поэтов. Он обращал внимание на копенгагенского сапожника Андерсена Нексе, которого «даже буржуазная критика сравнивает с великим Диккенсом». Луначарский подчеркивает, что пролетарское искусство объединяет массы и утверждает новые идеалы. Он пишет: «Искусство есть оружие, и оружие огромной ценности» и вспоминает, как спартанцы высмеивали своих союзников-афинян, приславших им вместо военной помощи хромого певца Тиртея; однако искусство Тиртея оказалось действенным и вдохновило спартанцев на победу. Так и пролетарское искусство «всегда будет объединять, как песня, всегда будет вести пламенную агитацию».

Луначарский в «Письме о пролетарской литературе» пишет, что искусство — «оружие огромной ценности» и пролетариат должен научиться владеть им. Луначарский при некоторой склонности к тому, что позже получит название «вульгарный социологизм», стремится избежать его или по крайней мере отойти от его крайних форм. Он подчеркивает, что нельзя строить пролетарскую литературу как узкоклассовую или как вариант публицистики. Важно выстроить правильные взаимоотношения пролетариата и интеллигенции, важно особенно беречь и развивать отношения с той частью интеллигенции, которая приходит в лагерь пролетариата.

(Борьба. 1914.№ 1,3, 6.) Эти идеи высказаны были Луначарским задолго до Октября и до того, как он стал наркомом просвещения, однако уже в этой работе его размышления во многом предвосхищают культурную политику будущего Советского государства.

Луначарский стремился создать марксистскую эстетику — основоположники марксизма эстетику разрабатывали не специально и не системно, а то, что было ими сделано, в то время еще не было опубликовано. Плеханов же ограничился разработкой социологии искусства. По мнению Луначарского, «самые вопросы стиля как такового, самые вопросы художественного творчества, художественного мастерства, самый вопрос психологии художественного наслаждения в литературе, равным образом как основы эстетики в собственном смысле этого слова, то есть положительного эстетического чувства, с которым мы воспринимаем нравящееся нам искусство, остались, к великому нашему сожалению, в стороне от Плеханова как искусствоведа и литературного критика». (Собрание сочинений. Т. 8. С. 273.)

У Луначарского было свое представление о предмете и задачах этой науки: «…эстетика есть наука об оценке и отчасти о вытекающей из оценки творческой деятельности. Понятно, таким образом, что эстетика оказывается одной из важнейших отраслей биологии как науки о жизни вообще… Не только эстетика, но и вся психология и даже социология должны рассматриваться как части науки о жизни и рано или поздно будут рассматриваться с точки зрения основных законов биомеханики…» (Собрание сочинений. Т. 7. С. 43.) Тем самым Луначарский впадает в вульгарный позитивизм, не разграничивая естественные и общественные науки.

Крупнейший аксиолог второй половины XX века Л. Столович так характеризует представления Луначарского о категории прекрасного: «Обращение к биологии в широком смысле дает возможность Луначарскому противопоставить идеалистическое понимание истины, добра и красоты „реалистической“ их интерпретации. Если „истина, красота и добро слились у идеалистов в один потусторонний, умопостигаемый мир — в царство небесное“, то „истина, красота и добро или познание, счастье и справедливость“ соединяются у активных реалистов в один идеал могучей, полной жизни, который человечество может завоевать на земле путем эмпирического познания, техники и художества и, наконец, социального творчества». Сама «красота человека — как тела, так и лица — сводится, по преимуществу, к совокупности признаков, обличающих здоровый, сильный

организм, одаренный живой и богатой психикой». И заканчивается трактат-эссе формулой: «Единственное благо, единственная красота есть совершеннейшая жизнь». *(Столович Л. Н.* История русской философии: Очерки. М., 2005. С. 474.)

Декабрьское вооруженное восстание захлебнулось… Завтра Новый год… Что принесет он? С этими мыслями Анатолий Васильевич пробудился ото сна ранним утром 31 декабря 1905 года в номере гостиницы на Владимирском проспекте. Он не встал, а разрешил себе поваляться в постели. Он лежал, глядя в потолок и перебирая в памяти события последнего месяца, который был особенно напряженным. В Москве шло восстание, и правительство пустило в ход не только казачьи части, но и артиллерию. Плохо вооруженные рабочие дружины героически сражались на баррикадах. Пресня… кровь и героизм… жестокость и доблесть… бесстрашие и государственная сила…

Мысли текли сначала медленно, потом стали убыстряться и наконец стремительно понеслись в его голове. А может быть, Плеханов прав и «не надо было браться за оружие»? А может быть, прав Ленин и за оружие надо было браться, но браться более подготовленно, более решительно. А вообще-то говоря… состоялась репетиция… Всякое историческое действо, как и сценическое, прежде, чем возникнет какой-то результат, должно быть проиграно вчерне… должно быть отрепетировано и в его ход должны быть внесены режиссерские поправки…

Он окончательно проснулся, но не встал с постели. А воспоминания о бурном и напряженном последнем месяце уходящего, 1905 года не покидали его. Поток его сознания стал более внятным и логичным. С месяц тому назад газета «Новая жизнь», которой он отдал так много сил, была закрыта правительством. Закрыли и газету «Начало». Ленин решил создавать новую газету. Вместе с Лениным он организовал переговоры большевиков и меньшевиков. Он председательствовал на встречах, а линию искусно вел Ленин. Им удалось сделать почти невероятное: 6 декабря 1905 года вышел первый номер газеты «Северный голос». Там было сказано, что это издание выходит «по соглашению объединенных фракций РСДРП и под объединенной редакцией». Редкий и удивительный факт преодоления ленинской большевистской нетерпимости к любому разногласию…

…Он написал предисловие к книге Бебеля. В предисловии рассматривалась актуальнейшая тема: «Массовая политическая стачка и социал-демократия». Ему удалось проанализировать и определить условия успеха стачечного движения.

Он не отвлекал себя от воспоминаний никакими текущими делами, ведь 31 декабря — день подведения итогов прожитого в уходящем году. Он стал вспоминать, что же произошло с ним, с партией, с Россией в завершающемся через несколько часов 1905 году. Однако его воспоминания иной раз нарушали временной период сроком в один год и уходили немного в ближайшее прошлое… Да, он прав: одно слово может охватить все, что происходило и происходит, — революция. Однако это слишком общее, всеохватывающее слово обретало смысл и историческое содержание, когда память выхватывала из недавнего третий съезд, борьбу с меньшевиками, в которую и он, Луначарский, был страстно включен… Десятки статей в газетах, написанных им за этот год, ленинская телеграмма, которая, как по тревоге, вызвала его из мирной обители гармонии и высокого искусства — Флоренции — в охваченный революционной борьбой Петербург… Надо бы все это осмыслить. У Толстого в «Войне и мире» изображена эвакуация из Москвы. Какой-то кучер кричит: «Запрягать надо!» — а смертельно раненный Андрей Болконский слышит: «Сопрягать надо». Замечательно сказано: «сопрягать надо». Как же сопрячь все эти события в одно целое, именуемое революцией? При этом явно видно, что революция терпит поражение… Однако борьба еще не кончена… Она уходит в грядущее.

Нет, не суждено было Анатолию Васильевичу, неспешно вспоминая и раздумывая, бездействовать. В дверь постучали.

Вошел молодой энергичный человек с румяными от мороза щеками. Это был большевик Ермолаев. С ним в комнату ворвался запах арбузной свежести морозного утра. Ермолаев восторженно и возбужденно заговорил:

— С наступающим тебя! Можно ли так долго валяться в постели?

— Тебя тоже с Новым годом!

Луначарский стал быстро собираться, продолжая говорить:

— Мы сегодня хорошо встретим Новый год в тесной компании с Горьким, Шаляпиным, Скитальцем.

— Ничего себе тесная компания! Человек пятьдесят ожидается. Однако до Нового года еще почти пятнадцать часов. Мы же договорились участвовать в собрании членов партии Невского района! Там и путиловцы будут.

— Сейчас поедем.

Ермолаев вытащил из внутреннего кармана пальто два парабеллума, один из них он перепрятал в карман брюк, а другой передал Луначарскому:

— Возьми на всякий пожарный…

Луначарский спрятал парабеллум в боковой карман пиджака. Они сбежали по лестнице, вышли из гостиницы и быстро зашагали по Владимирскому проспекту. В булочной купили две французские булочки, а в мясной лавке сонный хозяин нарезал им краковской колбасы. Они взяли извозчика и по дороге позавтракали всухомятку.

Они проехали Нарвскую Заставу и, расплатившись с извозчиком, ради осторожности прошли два квартала пешком. Все было спокойно, и они свернули во двор школы Императорского технического общества, обогнули здание и с черного хода прошли на второй этаж. Организатор дискуссии Ольга Белошицкая встретила их в коридоре и провела в большую залу, где уже сидели человек тридцать глухо переговаривающихся рабочих и интеллигентов. Белошицкая еще минут десять похлопотала и посуетилась по поводу ведения собрания и его безопасности. Она послала одного из студентов дежурить во дворе школы, встретила и провела в класс еще несколько человек, подошла к Луначарскому и попросила его выступить, а потом подбежала к человеку лет тридцати, одетому в форму гимназического учителя, и предложила ему представить на диспуте точку зрения меньшевиков. Наконец Белошицкая перестала суетиться, вышла к доске и объявила дискуссию, посвященную вопросам революционной борьбы и ее тактики, открытой.

Слово было предоставлено Луначарскому. В своем выступлении он развил ленинскую точку зрения о руководящей роли пролетариата в современной русской буржуазной революции и особо остановился на проработанной им теме о значении стачки в тактике революционной борьбы: «Успех стачечного движения зависит от ряда почти неуловимых факторов. Роль организации, роль руководящих центров сводится скорее к объединению и оформлению движения, чем к созданию его. Сознательность в стачке — это акушерка, помогающая рождению высших форм политико-экономической борьбы. Сознательность должна стоять на высоте современной науки. И даже если сегодня революция потерпит поражение, сознательность поможет осмыслить опыт борьбы и извлечь уроки».

Докладчик от меньшевиков попытался опровергнуть утверждавшееся Луначарским положение о руководящей роли пролетариата в современной русской буржуазной революции. Анатолий Васильевич вступил в полемику, и благодаря его ораторскому мастерству и убедительности аргументации была принята большевистская резолюция.

Заседание уже заканчивалось, когда быстро вошел студент, дежуривший во дворе, и, нагнувшись к сидящей за столом импровизированного президиума Белошицкой, сказал ей несколько слов. Она встала и без особого волнения произнесла:

— Товарищи, прошу всех соблюдать спокойствие и организованность. Здание школы окружено. Бежать поздно. Все компрометирующие бумаги постарайтесь уничтожить до прихода жандармов.

Ермолаев, потрогав оттопыренный карман брюк, спросил Луначарского:

— Что будем делать?

— Ничего, — ответил Анатолий Васильевич. — Здесь женщины и много безоружных молодых людей. Отстреливаться? Смешно даже думать. Нужно срочно избавиться от оружия.

Анатолий Васильевич отдал свой парабеллум Ермолаеву, и тот вышел в коридор к окну, с силой открыл его и, целясь в сугроб снега во дворе, метнул один за другим два парабеллума.

Вскоре в зале, где проходила дискуссия, появились солдаты. Все присутствующие были подвергнуты тщательному обыску, а потом их окружили солдаты и повели в шлиссельбургский участок.

По дороге арестованные переговаривались:

— Обидно под Новый год попасть в тюрьму.

— В тюрьму всегда не ко времени…

— Посмотрите на эти несознательные рожи солдат!

— Да, судьбы революции печальны!

— Успокойтесь! Их просветят, и настанет день — они поведут в тюрьму царя и его министров.

— Пока что в тюрьму ведут нас.

— Товарищи, — тихо, но внятно обратился к своим невольным спутникам Луначарский. — Нам надо сообщить на волю о случившемся и постараться передать резолюцию нашего собрания для публикации в партийной печати. Если кто-либо будет отпущен, сообщите…

Тут офицер приказал прекратить разговоры, и арестованные пошли молча.

Луначарского и его товарищей заключили в тюрьму «Кресты». Там его поместили в одиночную камеру. В одиночке он продолжает работать, пишет драму в стихах «Королевский брадобрей» и много читает — благо в тюрьме оказалась вполне приличная библиотека, задумывает книгу «Великие мученики», в которой собирается описать судьбы Пушкина, Рылеева, Лермонтова, Белинского, Добролюбова, Гаршина, Лессинга, Шелли, Бодлера, По. Анатолий Васильевич вспоминает и

записывает факты своей жизни и творчества, ведет дневник.

В начале 1906 года открылось дознание по делу Ольги Белошицкой и других арестованных под Новый год в Петербурге. Полным ходом заработала государственная машина, решая судьбы заключенных. Петербургский цензурный комитет возбудил судебное преследование Луначарского как переводчика брошюры Карла Каутского «Русский и американский рабочий». В Департаменте полиции составили справку о прошлой его судимости. Через 28 дней пребывания в тюрьме Луначарский и другие арестованные получают приговор. В части приговора, касавшейся его, говорилось:

«Луначарский Анатолий Васильевич, потомственный дворянин, 31 года. Первоначально принятая мера — содержание под стражей, окончательно принятая мера — особый надзор полиции; когда принята — 27 января».

28 января Луначарский освобождается из петербургской тюрьмы «Кресты» под надзор полиции и сейчас же вовлекается Лениным в кампанию по выборам делегатов на IV (Стокгольмский) съезд РСДРП (апрель 1906 года). На съезде присутствовало 111 делегатов с решающими голосами от 57 организаций и 22 делегата с совещательными голосами от 13 организаций. Была принята «Аграрная программа» партии, требовавшая конфискации всех крупных земельных владений. По вопросу о Государственной думе было принято решение участвовать в выборах и была принята резолюция «планомерно использовать все конфликты, возникающие между правительством и Думой, как и внутри самой Думы, в интересах расширения и углубления революционного (диверсионного) движения».

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

Тенора императорского Большого театра Дмитрия Смирнова купец первой гильдии пригласил на дачу. После ужина гостя попросили спеть. Смирнов усомнился:

— Уже поздно, я могу побеспокоить ваших соседей.

Хозяйка успокоила:

— Поделом им: сегодня их собака всю ночь не давала нам спать.

* * *

Эту историю мне рассказал Шкловский, а сам он слышал ее от Репина. Лев Толстой играл в карты с Мамонтовым. Было неписаное правило: деньги, упавшие со стола, оставались прислуге. Мамонтов уронил десятку и полез ее искать. Прижимистый Толстой поджег двадцатипятирублевку и посветил под столом.

* * *

Куприн из Балаклавы сообщил царю, что он хотел бы, чтобы этот город обрел суверенитет. Николай, знавший привычки писателя, прислал телеграмму: «Закусывайте».

Глава пятая
РАЗНОГЛАСИЯ

Еще до революции 1905 года у Луначарского стали вырисовываться философские разногласия с Лениным. Эти разногласия после поражения революции стали нарастать и углубляться, что вызвало отход Луначарского от большевизма. В 1908 году он написал и издал первую часть книги «Религия и социализм», а в 1911 году закончил и опубликовал вторую часть этой книги. В сфере философии и религии Луначарский проповедует махизм и богостроительство. За эти религиозные мировоззренческие позиции Ленин остро критикует его.

К концу 1900-х — началу 1910-х годов философские разногласия между Луначарским и Лениным усилились и переросли в идейную и политическую борьбу. Луначарский стремится философски осмыслить свою политическую практику участия в революции, потерпевшей поражение. Опубликовав двухтомный труд «Религия и социализм» (1908–1911), он стал одним из главных теоретиков «богостроительства» — богословско-философского учения, переосмыслявшего марксизм в духе философии эмпириокритиков Маха и Авенариуса, учения, пытавшегося соединить диалектический материализм с эмпириокритицизмом. Луначарский стремился сформировать пролетарскую религию без бога. Это учение обожествляло коллектив и прогресс. Луначарский считал, что «философия Маркса есть философия религиозная» и «вытекает из религиозных мечтаний».

В эти годы в среде интеллигенции большое распространение поручают философско-религиозные учения — богостроительствои богоискательство. Сторонники богостроительства отличаются от богоискателей тем, что не «ищут» бога, а стремятся «построить» его из мощи коллектива. В качестве богоискателей выступили интеллигенты-индивидуалисты, а богостроителями стали интеллигенты-социалисты: А. В. Луначарский, В. А. Базаров, М. Горький.

Луначарский утверждает, что религия — это такое мышление о мире, которое «психологически разрешает контраст между законами жизни и законами природы». Религия, согласно Луначарскому связывает идеал и действительность; она «разрешает тоску органического, живого по полноте жизни, по счастью». Богостроители видели основную цель религии в стремлении к преодолению противостояния между законами

мира физического и мира психического. Они полагали, что научный социализм разрешает эти противоречия и несет победу человека над природой. Луначарский выступает за религию труда.

Отрицая существование божественной силы, стоящей над миром, он возлагал на нее социальную функцию «сохранения ценностей».

М. Горький в вопросах религии был единомышленником Луначарского. Отвечая на анкету «Mercure de France», он определял религиозное чувство как «сложное творческое чувство веры в свои силы», а социализм — как религиозное чувство связи с прошлым и грядущим. У Горького богостроительские идеи нашли художественное воплощение в «Исповеди» (1908). Писатель сочувственно относится к богостроителям — Иону и Михайло Ивановичу, которые творят нового бога.

В своей работе «Мещанство и индивидуализм» (1909) Луначарский старается примирить марксизм с эмпириокритицизмом и религией.

Луначарский участвует в сборнике русских социал-демократов махистов «Очерки по философии марксизма» (1908). Он в своей статье утверждает, что жизнь — высшая ценность, поэтому идея прогресса, являясь безусловным жизнеутверждением, оказывается началом религии. Фейербах поднял антропологию до теологии, а Маркс и Энгельс придали экономическому и социальному прогрессу «высокую идеалистическую ценность, можно сказать, религиозную ценность». *(Луначарский А.* Атеизм // Очерки по философии марксизма. СПб., 1908. С. 140.)

Сборник подверг резкой критике Г. В. Плеханов. Он считал, что религиозные искания, если они находят себе сторонников в социалистической среде, могут нанести большой урон делу рабочего класса. Ошибка богостроителей, по мнению Плеханова, состояла в том, что они стали «налагать штемпель религии на такие отношения людей между собой и на такие их чувства, настроения и стремления, в которых нет ровно ничего религиозного». Плеханов показал, что у Луначарского, как идеолога богостроительства, понятие божества свило себе гнездо в его религиозной концепции, требовавшей «обожать потенции человечества». Анализируя религиозные искания Луначарского и Горького, Плеханов приходит к выводу, что эти искания не только несовместимы с марксизмом, но своей попыткой напялить на социализм религиозный костюм проповедники «новой религии» уходят от научного социализма к утопическому.

Резко обрушились на «Очерки по философии марксизма»

большевистские издания. В центральном печатном органе партии появились острые критические статьи, направленные против Луначарского («Не по дороге» и «Религия против социализма, Луначарский против Маркса»).

Луначарский провозглашает социализм способом «войти в землю обетованную на земле», а марксизм — поиском человечеством способа освобождения от зависимости от природы и сверхъестественного. Он проповедует идею коллективного коммунистического бессмертия.

Религиозные искания Луначарского и его единомышленников вызвали резкую отповедь со стороны Ленина. Он пишет работу «Материализм и эмпириокритицизм» (1908), в которой резко критикует идеи богостроительства. Ленин рассматривал богостроительские и эмпириокритические идеи Луначарского как проявление международного ревизионизма, охватившего многих отечественных и европейских марксистов. Ленин писал: «Надо быть слепым, чтобы не видеть идейного родства между „обожествлением высших человеческих потенций“ Луначарского и „всеобщей подстановкой“ психического под всю физическую природу Богданова. Это — одна и та же мысль, выраженная в одном случае преимущественно с точки зрения эстетической, в другом — гносеологической». *(Ленин В. И.* Собрание сочинений. 1-е изд. Т. X. С. 292.)

Ленин полагает, что Луначарского еще можно вернуть в лоно марксистского миропонимания. «Позорные вещи, до которых опустился Луначарский, — не исключение, а порождение эмпириокритицизма, и русского, и немецкого. Нельзя защищать их „хорошими намерениями“ автора, „особым смыслом“ его слов: будь это прямой и обычный, то есть непосредственно фидеистический смысл, мы не стали бы и разговаривать с автором… Если этого нет — а этого *еще* нет — то исключительно потому, что мы видим „особый“ смысл и воюем, пока еще есть почва для товарищеской войны».

В 1909 году редакция большевистской газеты «Пролетарий» приняла резолюцию, в которой определяла богостроительство как течение, порывающее с марксизмом. Ленин в письме Горькому писал: «Богоискательство отличается от богостроительства, или богосозидательства, или боготворчества и т. п. ничуть не больше, чем желтый черт отличается от черта синего… Всякий человек, занимающийся строительством бога или даже только допускающий такое строительство, оплевывает себя худшим образом, занимаясь вместо „деяний“ как раз самосозерцанием, самолюбованием, причем „созерцает“-то такой человек самые грязные, тупые, холопские черты или черточки своего „я“,

обожествляемые богостроительством. С точки зрения не личной, а общественной, всякое богостроительство есть именно любовное самосозерцание тупого мещанства, хрупкой обывательщины, мечтательного самооплевывания филистеров и мелких буржуа, „отчаявшихся и уставших“»… (14 ноября 1913 года). Хотя в критических откликах Ленина на религиозные искания Луначарского порою брани было больше, чем аргументов, все же они имели некоторую убедительность и служили делу отстаивания марксистской ортодоксии. Ленин не раз выступал как редактор Луначарского-журналиста. Например, он избавляет статью Луначарского «Банкротство полицейского режима» от излишнего пафоса. Луначарский пишет: «Пока этот светлый богатырь не построит *храм общечеловеческого счастья»,* Ленин же правит: *«нового социалистического здания»* (выделено мной. — *Ю. Б.)*.

Ленин резко критиковал Луначарского за его религиозные искания и его отзовизм — идею отзыва членов партии из легальных организаций. В апреле 1908 года Ленин писал Луначарскому: «…Не забывайте, что Вы — сотрудник партийной газеты, и окружающим не давайте забывать… У меня дороги разошлись — и, должно быть, надолго — с проповедниками „соединения научного социализма с религией“ да и со всеми махистами».

В 1909 году Луначарский становится одним из организаторов левой антипартийной группы «Вперед» и партшколы на Капри и в Болонье. В эту группу входили также Богданов, Г. А. Алексинский, М. Н. Покровский, В. Р. Менжинский. Группа действовала среди русских политических эмигрантов и выступала против использования думской трибуны и других легальных возможностей революционной работы РСДРП. В 1910–1911 годах Луначарский участвует в работе фракционных партийных «школ» в Италии.

В 1910-х годах Луначарский занимает позиции интернационалистов. Еще за три года до этого он участвовал в Штутгартском конгрессе Интернационала, а затем — в Копенгагенском. Во многих российских газетах и журналах он выступает против шовинизма в искусстве.

Влияние Ленина, дружба с профессиональным революционером-большевиком И. Ф. Дубровинским («товарищем Иннокентием») ориентировали Луначарского на преодоление отклонений от марксизма в философии, политике, эстетике. В 1912 году Луначарский отошел от «впередовцев», а в 1913 году стал членом редколлегии газеты «Правда».

В Швейцарии Луначарский посещает школы и народные

дома, изучает специальную литературу по проблемам народного просвещения. Он следит за повседневной жизнью культурных центров Европы, публикует в русских и иностранных газетах и журналах множество статей и рецензий о литературе, театре и других искусствах. Он занимается самообразованием и благодаря этому и мощной памяти обогащается энциклопедическими знаниями в области культуры, знаниями, по его словам, осмысленными «под углом зрения революции и ее великих задач».

Революция 1905 года потерпела поражение, и вскоре Ленин, Луначарский и многие другие русские профессиональные революционеры вновь оказались в эмиграции.

…После ужина, несмотря на сопротивление Владимира Ильича и его сетования на необходимость закончить работу, Надежда Константиновна настояла на прогулке к озеру. Они двинулись вдоль набережной. Ленин, держа под руку Надежду Константиновну, шел молча.

Темное озеро сонно плескалось о берег. Огни вечерней Женевы искрились и переливались в тихих, лениво колышущихся волнах. Надежда Константиновна решила не прерывать молчания мужа, чувствуя, что он сосредоточен на чем-то важном и серьезно его беспокоящем.

Ленин действительно сосредоточенно размышлял, потому и молчал. «Дело даже не в том, что после разгрома революции 1905 года многое нужно начинать сначала, — рассуждал он про себя. — Главная трудность в том, что поражение революции породило в душах многих социал-демократов смятение, возникли даже мировоззренческие метания, отступления не только от марксизма, но даже от элементарного материалистического взгляда на мир». Такой степени душевной растерянности и мировоззренческой капитуляции перед наступающей реакцией трудно было ожидать, по крайней мере — от некоторых авторов «Очерков по философии марксизма». Ленин считал, что правде нужно смотреть в глаза: левая интеллигенция сильно накренилась вправо и в мировоззренческом, и в политическом отношении. А «Очерки по философии марксизма» ввиду отхода от материалистического взгляда на мир следовало бы назвать «Очерками против философии марксизма».

Революция была разгромлена. Среди революционной интеллигенции, к величайшему огорчению Ленина, возникли религиозные верования. Это были верования не ортодоксальные по отношению к господствовавшей в стране православной вере, имевшей многовековую традицию. Возникло богостроительство — философско-религиозное течение, приверженцы которого

искали бога, в котором, несмотря на философские ухищрения богостроителей, многовековая религиозная традиция видела некую высшую надмирную сущность. Сторонники богостроительства стремились «построить» бога из мощи коллектива. Создателями идеологии богостроительства стали революционные интеллигенты-социалисты, и в их числе А. В. Луначарский. При первой же встрече с Горьким он стал внушать ему богостроительские идеи.

— Алексей Максимович, задам вам самый тривиальный вопрос, какой всегда задают писателю. Над чем вы работаете?

Для меня это вопрос не праздный. Мне кажется, что сегодня ваше перо должно быть точным как никогда. И может быть, в этом могут помочь общефилософские размышления, которыми я готов поделиться с вами.

— Работаю над романом «Мать». Не знаю образа более светлого, чем мать, и сердца более емкого для любви, чем сердце матери. Прототип моей героини — мать Петра Заломова, осужденного в 1902 году за демонстрацию 1 мая. Она женщина религиозная и просит сына, которому начинает помогать в его революционной работе: «Уж вы мне Бога-то оставьте, как я без него жить буду?» В моем романе важен момент поиска истинной веры. Ниловна видит в Боге возможность справедливости хотя бы на том свете. И она восхищается своим сыном и его товарищами-революционерами, ибо они стремятся создать справедливость на земле. Хочу восславить женщину-мать, неиссякаемый источник всепобеждающей жизни. Женщина-мать — единственная сила, перед которой склоняется даже смерть.

— Весьма интересный замысел. И важно, что вы обсуждаете проблему бога. Это актуально. Я трактую религию как мышление о мире и как мирочувствование, которое психологически разрешает контраст между законами жизни и законами природы. Религия, по-моему, прокладывает пути от идеала к действительности. Она разрешает тоску всего живого по полноте жизни, по счастью. Религия помогает преодолеть расхождение законов человеческой жизни и законов природы. Высшее разрешение этих противоречий дает научный социализм. Нужна новая религия, религия без бога, религия труда.

Видимо, для самого Луначарского проблема была неясна и он, обычно говоривший логично и складно, вдруг стал выражаться туманно, высокопарно и путано. Однако Горький был согласен с собеседником, хотя и признавался, что далеко не все понимает в его рассуждениях. Писатель относился к речи Луначарского уважительно и слушал внимательно. Луначарский же продолжал, предрекая религии большое будущее:

— Религии предстоит подняться на новую высоту. Она меняет свои формы, но она жива и будет жить.

М. Горький был солидарен с Луначарским:

— Религиозное чувство — сложное творческое чувство веры в свои силы. Социализм — религиозное чувство связи современного человека с прошлым и грядущим. Я на стороне тех, кто творит нового бога — бога красоты и разума, справедливости и любви. Живое чувство бога возникает в пламени сладкого сознания духовного родства каждого со всеми. Вечный источник боготворчества — это весь рабочий народ земли. В результате пробуждения воли народной и соединения воедино ныне разрозненных земных сил, образуется, светел и прекрасен, всеобъемлющий бог земли. Этого бога создает неисчислимый мировой народ.

Горький закончил свой философско-религиозный пассаж почти кликушески:

— «Народушко бессмертный, его же духу верую, его силу исповедую; он есть начало жизни единое и несомненное; он отец всех богов бывших и будущих…» (См.: Исповедь. М. Горький. 1908; ответ Горького на анкету «Mercure de France».)

Луначарский оказал значительное влияние на Горького и убедил его в необходимости следовать богостроительным идеям. Его роман «Мать» оказался задет мировоззренческим влиянием этих идей. Ощущается в романе и смысловая рифма с евангельским сюжетом — мать, страдая, отдает своего сына миру во искупление человеческих грехов и во исправление общего неблагополучия в жизни человечества. Ленин был непримирим к любым отклонениям от идей революционной борьбы и уходу к религиозным идеям. Он резко осуждал богостроительские идеи Луначарского и Горького.

Вместе с тем Ленин видел в романе «Мать» отражение борьбы рабочих, которые много полезного для себя могут почерпнуть, прочитав этот роман. Роман помогал, по мнению Ленина, перейти от стихийной борьбы к сознательной революционной борьбе. Другими словами, главная идея соцреализма, его парадигма уже была заложена в романе Горького: человек — преобразователь мира, борющийся со злом насильственными, революционными средствами.

Взгляды Рихарда Авенариуса оказали большое влияние на Луначарского, хотя эти идеи и противоречили марксистскому мировоззрению, которое овладело его сознанием. Он утверждает необходимость взаимодействия материалистической философии с «религиозными мечтаниями» прошлого.

Богостроительские идеи осуждал и Георгий Валентинович

Плеханов. Эта критика богостроительских увлечений была особо чувствительной для Луначарского. Плеханов утверждал, что религиозные искания вредны для борцов за дело рабочего класса. Он считал, что богостроители обращаются к религии там, где нет и не должно быть для нее никакого места. Патриарх русского марксизма утверждал, что богостроители не понимают реальной общности законов физического и психического миров и считают главной силой мироздания потенции человечества.

Глава шестая
НА КАПРИ И ПОСЛЕ

Луначарский оценивал Горького как великого художника революции, и поэтому его появление у писателя на Капри было не случайным. Здесь он участвовал в организации партийных школ и кружков. Кроме Капри эта работа шла также в Болонье и Париже. В 1910–1911 годах Анатолий Васильевич принимал участие в фракционных партийных встречах и в преподавании в школах. В этих школах Луначарский читал курсы всеобщей истории искусства, истории русской и европейской литературы. Вместе с Луначарским сотрудничал в школе на Капри и Горький. Он тоже читал лекции по русской литературе XIX века. Слушателями школы на Капри была небольшая группа находившихся в эмиграции рабочих-большевиков. Предполагалось, что из них сформируется культурная элита пролетариата.

Луначарский и Горький вместе работали над сборником марксистской антимодернистской литературной критики «Литературный распад» (1908–1909) и над сборником «Очерки философии коллективизма» (1908). Находясь в эмиграции, Анатолий Васильевич сотрудничал в газетах «Киевская мысль» и «День».

Около тридцати статей посвятил Луначарский творчеству Горького: первая статья — «Дачники» (Правда. 1905. Апрель), последняя, написанная в конце жизни, — «Самгин». (Красная новь. 1932. № 9.) Не всё принимал Луначарский в творчестве Горького, не всегда его оценки совпадали с ленинскими. Так, он, не признавая художественных достоинств романа «Мать», объявил «изумительной социалистической поэмой» «Исповедь», находил и одобрял ницшеанское бунтарство в пьесах «Мещане» и «Дачники». Луначарский критиковал Горького за пессимизм в рассказах 1920-х годов. Но, даже полемизируя с Горьким, он называл его «первым великим писателем пролетариата», в котором этот класс «впервые осознает себя художественно, как он осознал себя философски и политически в Марксе, Энгельсе и Ленине». (Собрание сочинений. 1964. Т. 2. С. 141.)

В революционной среде Луначарский первым уделил внимание пьесам молодого Максима Горького и написал критические статьи о «Мещанах», «Варварах», «Дачниках», поддерживающие разработку социалистической тематики в этих произведениях. Первым из русских критиков Луначарский выступил за рубежом с докладами о Горьком.

Луначарский был озабочен ролью и судьбой интеллигенции в революции. Еще в 1907 году в письме Горькому он писал: «Мы — единственный мост, соединяющий культуру с народными массами».

«Письма о пролетарской литературе», «Задачи социал-демократического художественного творчества», статьи о Горьком, выступления в период Первой мировой войны против шовинизма — стали заметными и важными акциями Луначарского-критика в предшествовавшее Октябрю десятилетие.

Луначарский был революционным романтиком. Он считал себя глазами и голосом народа. Горький был для него и талантливый самородок, и представитель народа, обретающего самосознание. Он участвует в создании мифологемы: герой истории — человек из народа, отвергающий существующий порядок. Новому герою приписывается как характерная черта — *радостная деструктивность,* то есть оптимизм и стремление к революционному разрушению всего устаревшего.

Луначарский принимает участие в создании новых идейно-художественных установок, в творении новой мифологии. Народнический миф XIX века сосредоточивался на крестьянских массах и непоколебимо верил в народ, который рассматривался как носитель культурной и социальной цельности и нравственных добродетелей. Это представление к 1890-м годам выродилось в чувство жалости к его нищете. Этот миф был отвергнут, и Чехов изображал крестьян невежественными, грубыми и убогими. Горький был еще более резок в деидеализации крестьянства. Плеханов считал, что русский крестьянин должен винить в своей горькой доле лишь самого себя, ибо он по своей природе жаден, эгоистичен и консервативен. Социального прогресса, согласно Плеханову, можно ждать только от пролетариата.

Луначарский окончательно отверг народническое искусство в статье о Глебе Успенском (1903). Он писал: «Нам не интересны страдальцы, нам интересны протестанты, и если крестьянству суждено когда-нибудь снова очутиться в центре интересов общества, то завоюет оно это не страданиями, а проявлением активной жизнедеятельности».

Луначарский считал, что народ — субъект, народ — творец истории. Наиболее активная и действенная часть народа — пролетариат, приходящий к осознанию своей великой миссии и своего права на счастье. Такой народ нуждается в иных, нежели народники, выразителях. Мужиковствующие художники не были выразителями мужика. Они выражали веру в него интеллигенции. Отсюда самоотречение и аскетизм, ярко просвечивающие в их искусстве. Художник пролетариата должен тесно срастись с ним и

выразить его боевое, классовое общественно-эгоистическое настроение.

…Ленин спорил сам с собой, его внутренний диалог был полон противоречий: ехать на Капри бесполезно и даже вредно. Теперь уже не до дипломатии. Разговаривать с людьми, проповедующими соединение научного социализма с религией, не о чем… «Я уже послал в печать статью „Марксизм и ревизионизм“. Это формальное объявление войны богостроителям. Однако, если с другой стороны взглянуть на дело, ехать надо: во-первых, я еще в Лондоне на Пятом съезде дал Горькому слово побывать на Капри, во-вторых, нужно постараться отстоять Горького от того, чтобы он полностью не попал под влияние богостроителей, в-третьих, дела, связанные с организацией издания газеты „Пролетарий“, требуют этой поездки… Впрочем, все эти рассуждения напоминают один эпизод. Наполеон спрашивает у своего генерала, почему батарея на левом фланге не стреляет. Генерал отвечает: для этого есть тринадцать причин; во-первых, нет снарядов; во-вторых… Наполеон прерывает и говорит: достаточно…

Я дал слово Горькому приехать. Этого достаточно для того, чтобы совершить поездку, даже если она нецелесообразна…»

Солнечным апрельским днем 1908 года из спального вагона поезда, прибывшего в Неаполь из Швейцарии, энергично вышел коренастый мужчина лет сорока. На его голове глубоко сидел котелок, одет он был не по сезону в зимний серый костюм. Несмотря на обычную вокзальную сутолоку, мужчина разглядел высокую сутуловатую фигуру встречающего его человека, который быстро двинулся ему навстречу. Они дружески обнялись. И, по-волжски окая и покашливая от смущения, высокий человек сказал:

— Володимир Ильич! Очень рад вашему приезду.

Ленин же ответил:

— Алексей Максимович, на Лондонском съезде я дал слово приехать к вам. Видите: выполняю обещание. Устал от работы. Пишу книгу. Еле оторвался.

— Я надеюсь, что на Капри вы хорошо отдохнете, восстановите силы, а заодно и отношения с некоторыми вашими товарищами.

Ленин нахмурился, но промолчал, видимо, не желая омрачать первые минуты встречи спорами и возражениями.

До Капри они доплыли на маленьком пароходике. Воздух был прозрачен, мягок, напоен солнцем, свежестью моря и горечью полыни, смешанной с терпкой сладостью мяты. С пароходика пересели в экипаж, и Ленин сам заговорил о том, что составляло

одну из главных забот Горького:

— Вы, Алексей Максимович, надеетесь… да, да, я чувствую это… надеетесь примирить меня с махистами… Я уже в письмах предупреждал вас: это невозможно. И вы, пожалуйста, не старайтесь. Никаких попыток, пожалуйста!

— Вы не совсем правы, Владимир Ильич, я не собираюсь вмешиваться в ваши философские распри. Да и непонятны мне они. Я, признаться, с юности заражен недоверием к философии. По-моему, всякая философия — это уродливая женщина, которая столь ловко одевается, что ее можно принять за красавицу.

Ленин засмеялся:

— Это — юмористика, а не определение философии.

— Владимир Ильич, я не намерен мирить ваши философские расхождения, но… ваши человеческие отношения должны быть восстановлены…

Ленин сделал протестующий жест, но не стал перебивать собеседника, а тот басовито продолжал:

— …Богданов, Луначарский, Базаров — крупные и всесторонне образованные люди. В партии я не встречал равных им.

— Допустим, — согласился Ленин. — Но что же отсюда следует?

— Они люди одной с вами цели, и это должно снять философские противоречия между вами.

— Ах, значит, моим предупреждениям вы все-таки не вняли? Вы все еще надеетесь нас примирить? Это зря. Гоните эту надежду прочь и как можно дальше! Дружески советую вам: гоните!

Горький понял, что мировоззренческие распри зашли далеко и захватили и систему личных отношений и что Ленин настроен непримиримо. Писатель обескураженно покашлял и замолчал.

Хозяин и гость, больше не проронив ни слова, сошли с экипажа, поднялись по каменной лестнице к маленькому кафе, обогнули его и подошли к вилле Блезус. Отворив стеклянную дверь, Ленин оказался в холле. Здесь были оставлены вещи, и в тот же момент появилась нарядно одетая женщина — актриса Московского Художественного театра Мария Федоровна Андреева, жена Горького. Приветливо поздоровавшись, она повела гостя по коридору, затем через анфиладу комнат и вывела на залитую солнцем террасу, с которой открывался великолепный вид на залив. Вслед за Лениным и Марией Федоровной на террасу вышел Горький.

Ленин сказал:

— Вы, Алексей Максимович, не философ, вы — художник.

Художник же может почерпнуть для себя много полезного во всякой философии. Он извлекает материал для творчества как из своего жизненного опыта, так и из любой философии.

— Из любой? — радостно ужаснулся Горький.

— Сформулируем осторожней: история художественной культуры показывает, что художники всегда опирались на любую не противоречащую гуманизму философию. Политики же более непосредственно зависят от философских ориентаций. Поэтому Богданов и Луначарский, Базаров и Юшкевич, махисты и богостроители обречены на философский и политический крах, и их…

— Владимир Ильич, — вмешалась в разговор Мария Федоровна, — право же, это море, эти горы, эти деревья, это небо заслуживают не меньшего внимания, чем философия. Я хотела бы, чтобы вы у нас отдохнули. Отключитесь, пожалуйста, от дел и споров, обретите покой…

— Вы очень любезны, Мария Федоровна. Я уже оценил прелесть этого пейзажа и должен заметить, что вы выглядите на его фоне совершенно великолепно…

В это время на террасу вышли Богданов и Луначарский. Луначарский, здороваясь, радостно и порывисто протянул руку, Богданов сдержанно-выжидательно кивнул, внутренне приготовившись подать Ленину руку, если тот пожмет руку Луначарскому. Ленин ответил Луначарскому сухим рукопожатием, а Богданову — кивком головы. Совершая эти необходимые действия и подчеркнуто сухо приветствуя людей, в которых он разочаровался, Ленин продолжал говорить с Горьким, совершенно не стесняясь вошедших:

— Между философским фундаментом и художественным творчеством ряд опосредствующих звеньев, в числе которых: жизненный опыт, мироотношение, художественная традиция, миросозерцание. Они могут внести коррекцию в ошибочные философские позиции. Я не считаю, что для художника безразлично, на какую философию он опирается. Однако для художника ошибка в выборе исходной философской позиции не так опасна, как для политика. Ваши же подзащитные совершают мировоззренческие ошибки в политике: они проповедуют соединение научного социализма с религией. Я с Богдановым и Луначарским разошелся по важнейшим философским, коренным мировоззренческим вопросам. Эти разногласия нельзя ни затушевать, ни скрыть, ни примирить.

Веселый, щеголеватый Луначарский в белой рубашке, подпоясанной широким поясом, внимательно следил за Лениным. Душа Луначарского разрывалась между родственной

привязанностью к Богданову и глубоким уважением к Ленину, охлаждение со стороны которого он остро чувствовал и горько переживал. Луначарский оказался в трудном положении: теоретическими своими воззрениями он был близок к Богданову, человеческие симпатии делил почти поровну между Богдановым и Лениным, а в политических и внутрипартийных делах для него авторитет Ленина был незыблем.

Горький, чтобы разрядить обстановку, стал рассказывать забавную историю, приключившуюся с ним недавно:

— Посетил я маленький итальянский городок, где шла моя пьеса. Пришел в театр. К моему изумлению, в конце спектакля под бурные аплодисменты на сцену вышел человек, очень на меня похожий, и принялся раскланиваться. Когда публика стала расходиться, я подошел к моему двойнику и представился. Тот стал умолять не выдавать его. «Я безработный актер, приспособился играть авторов. В этом сезоне трижды сыграл Стринберга, четырежды — Ростана и, вот видите, вас…» Я рассмеялся и пожал двойнику руку.

Ленин, стоя у балюстрады, смотрел вдаль. Перед ним простиралась бухта Марина Пиккола, за синей морской гладью Неаполитанского залива угадывалась голубая волнистая линия гор. Луначарскому показалось, что рассказ Горького разрядил обстановку, а красивый пейзаж внес в душу Ленина умиротворение. Сочтя этот момент наиболее подходящим, Луначарский подошел к Ленину и тихо сказал:

— Владимир Ильич, между нами возникло какое-то недоразумение. Я хотел бы его прояснить. Мои личные чувства к вам…

Ленин перебил его:

— Личные чувства в политике и в философии мало что значат. Лично Мартов, например, мне весьма симпатичен. В политическом же отношении мы с ним — противники…

Луначарский тоже позволил себе перебить Ленина:

— Надеюсь, у нас с вами до этого дело не дойдет…

В отличие от Луначарского Ленин говорил до обидного громко и прямо:

— Уже дошло… Анатолий Васильевич, вам тридцать три года. В этом возрасте, согласно библейской легенде, Христос уже закончил свою земную юдоль, успев свершить все свои деяния. Вы же к тридцати трем годам еще не созрели духовно. Ваше мировоззрение совершенно расплывчато: винегрет из социализма и религии, марксизма и идеализма. Я уважаю ваши знания, память, эрудицию, но без приведения всего этого в систему, без опоры на прочный фундамент последовательного марксистского

мировоззрения все ваши знания могут оказаться грузом, привязанным к ногам пловца. Все это усугубляется общей духовной растерянностью интеллигенции после поражения революции 1905 года. Эта растерянность не миновала и вас. А между тем только слепцы и нытики не видят грядущей победы революции… Я не могу согласиться с вашим заигрыванием с поповщиной…

Горький слушал Ленина, смущаясь резкостью его слов и не зная, как остановить разгорающийся спор. Алексей Максимович чувствовал внутреннее напряжение Богданова, который, по всем признакам, доходил до предела терпения и готов был взорваться. На помощь Горькому пришла Мария Федоровна.

— Довольно философии! — сказала она. — Предлагаю мужчинам сразиться в шахматы. Победа в этой интеллектуальной игре не менее почетна, чем в философском споре. Давайте договоримся не спорить на философские темы по крайней мере до ужина.

Мария Федоровна поставила шахматную доску на столик и зажала черную и белую пешки в руках, которые протянула перед Богдановым и Лениным, пока Владимир Ильич из вежливости не коснулся рукой ее левой руки. Там оказалась черная пешка. Ленин почти по-детски огорчился, покорно подошел к столу и с видом покорности судьбе воспринял первый ход Богданова.

Ленин проиграл партию, очень расстроился, затем рассердился на самого себя и тут же предложил играть вторую партию. Однако он никак не мог сосредоточиться на игре, а стал объяснять Богданову несостоятельность махистской позиции в философии:

— Материя исчезает? Ничего подобного! Исчезает тот предел, до которого дошли наши знания. Почему вы думаете, что предел материи — это атомы? Делимость атома никак не укрепляет идеалистическую позицию. Мир бесконечен как в макро-, так и микрокосмосе. Материя — объективная реальность, данная нам в ощущении. Ощущения же не есть наша чистая субъективность. Они всего лишь ворота, через которые в наше сознание входит вне нас существующий мир… Ощущения — это…

Мария Федоровна решительно вмешалась: чур, все философские споры после ужина!

Ленин замолчал.

Однако философские рассуждения во время шахматной игры не преминули сказаться: Ленин проиграл и вторую партию, доставив большую радость Богданову. Перед ужином по настоянию Марии Федоровны Ленин отдохнул с дороги, а после ужина отправился с нею и Алексеем Максимовичем на прогулку.

Они долго шли молча, наслаждаясь красотой пейзажа. Первым заговорил Горький:

— Владимир Ильич, может быть, все-таки не следует так резко говорить с Богдановым и Луначарским? Это же наши товарищи.

Ленин ответил:

— Раз человек партии пришел к убеждению в сугубой неправильности и вреде известной проповеди, то он обязан выступить против нее. Я бы не поднимал шума, если бы не был убежден, что они написали нелепую и вредную книгу, поповскую от начала и до конца. Я не могу оставаться нейтральным в этой ситуации.

Опять долго шли молча. Неожиданно до них донеслись громкие хлопающие звуки, похожие на ружейные выстрелы. Ленин заметил:

— Как в 1905 году в Москве во время Декабрьского вооруженного восстания…

— Да, похоже… — произнес Горький. Он помолчал и после долгой паузы добавил: — Революцию жестоко подавили…

Ленин то ли возразил, то ли успокоил:

— Как говаривал один из героев Чехова, мы еще увидим небо в алмазах!

Салютом этим словам надежды и уверенности вновь прогремели ружейные выстрелы.

Ленин спросил:

— Все же, что это? Где-то идет охота?

Горький ответил:

— Нет. Это не выстрелы, а звуки от ударов волн в один из каменных гротов на берегу нашего острова.

На следующий день Ленин настоял на поездке в Неаполь. Он избегал общения с Луначарским и Богдановым, для него политические разногласия делали человека почти физически неприятным. В Неаполе Ленин и Горький посетили Неаполитанский музей, осмотрели окрестности города и отправились к развалинам Помпеи. Восхождение на Везувий пришлось отложить на следующую поездку. Горький, удивляясь ленинской неутомимости и жажде впечатлений, едва поспевал за ним и очень умаялся. Всю дорогу Алексей Максимович рассказывал о великой Волге, о детстве и юности, о скитаниях по белому свету.

Возвратившись на Капри, Ленин вдруг сказал:

— Вы, Алексей Максимович, рассказали мне много интересного. Напишите об этом. Поучительная и замечательная получится книга о том, как школа жизни и самообразование

заменили вам университет.

— Спасибо за дельный совет, — пробасил Горький.

— Вот и думайте в этом направлении, а не в направлении богостроительских исканий, на которые вас толкают Луначарский и Богданов!

На следующий день Ленин готов был вновь плыть в Неаполь, а оттуда поехать к подножию Везувия, чтобы совершить восхождение на знаменитый вулкан. Однако Горький попросил поездку отложить. Ленин согласился с настоятельными требованиями Марии Федоровны отдохнуть, но сказал, что признает только активную форму отдыха. Он отправился на прогулку по берегу залива, где Горький познакомил его с рыбаком Джованни Сандро и с другими каприйскими рыбаками. Ленин тут же ушел в море на рыбацкой лодке учиться у Сандро ловить рыбу по-каприйски. Знание французского языка и латыни помогло Владимиру Ильичу понимать нового знакомого, и он засыпал Сандро вопросами: сколько зарабатывает рыбак? где и как учатся дети рыбаков? как сбывается улов? каковы условия жизни?

Высадившись на берег, Ленин пошел вдоль моря. Он загляделся на золотые цветы дрока, росшие на покрытых зеленью прибрежных взгорках, и неожиданно столкнулся с прогуливающимися по берегу и беседующими Луначарским и Богдановым. Избежать встречи было уже поздно, и Ленину пришлось вступить в беседу.

— Ну что же, в философском отношении мы разошлись, однако политически мы с вами полностью солидарны, и вряд ли нам следует терять политические контакты, — сказал Богданов.

Ленин ответил:

— Тот, кто отступает от марксизма в принципиальных вопросах, не может не отступить от правильной линии в вопросах политических. Сегодня меньшевики выступают против нелегальных форм борьбы. Эта позиция, как вы знаете, получила название ликвидаторства. Однако вы оба, а еще Алексинский, будучи большевиками, практически стали «ликвидаторами наизнанку». Вы…

Луначарский прорвался сквозь напор ленинской речи:

— В условиях реакции партия должна вести только нелегальную работу, следует отозвать социал-демократическую фракцию из Думы. В этом нет никакого ликвидаторства.

— Хорошо, — ответил Ленин, — дело не в названии. Назовем это отзовизмом. Однако такой «отзовизм» и есть «ликвидаторство наизнанку». Он может привести лишь к разрыву связей партии с массами. Партия не должна быть сектантски замкнута. Партия

посылает своих депутатов в Думу, чтобы с ее трибуны по возможности пропагандировать революционные идеи. Использовать эту легальную форму борьбы очень важно для решения тактических задач партии. В период, когда свирепствует реакция, надо использовать всякую возможность для легального выхода к массам.

Нет, разговор не получился. Ленин не принял примирения с Богдановым и Луначарским. Они же не приняли ленинской критики…

Ленин стал избегать тесного общения с Богдановым и Луначарским и более охотно проводил время в работе, в чтении попавшейся ему в руки книги «История костюма» и в общении с рыбаками и крестьянами Капри.

Как-то после отъезда Ленина Джованни Сандро подошел к Луначарскому, который свободно говорил по-итальянски, и сказал:

— Ваш русский синьор Ленин может стать хорошим рыбаком. Он быстро научился ловить рыбу. Скажите, а русский царь не схватит синьора Ленина?

Луначарский успокоил Джованни, заверив, что Ленин обязательно победит царя. Слушавший этот разговор Горький раздумчиво и смущенно произнес:

— Видите, Анатолий Васильевич, с Джованни Ленин поладил, а с вами и Богдановым поссорился. Черти вы драповые, не смогли найти общий язык с таким человеком!

Луначарский молча постоял, потом повернулся и потерянно двинулся вдоль берега.

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

Когда выносили гроб с телом Толстого из дома, в котором он умер, на всем примыкающем к дому пространстве люди встали на колени.

* * *

Интеллигенция предчувствовала революцию. «А вас, кто меня уничтожит, встречаю приветственным гимном!» — любил декламировать Валерий Брюсов.

* * *

Горький говорил: «Искусство может быть действительнее самой действительности».

Глава седьмая
НАПРЯЖЕНИЕ НАРАСТАЕТ

В годы Первой мировой войны Луначарский занимает интернационалистическую позицию и выступает против шовинизма. Он считал, что Верхарн и Метерлинк шовинисты, и в статье «Верхарн в Швейцарии» остро критикует французского поэта за его реферат, прочитанный в Лозанне, и осуждает бельгийского драматурга за национализм. Анатолии Васильевич выступил и против Андреева, Арцыбашева, Гумилева, Кузмина, Сологуба, утверждавших необходимость «освежения застоявшегося искусства войной».

9 января в Женеве он выступает на митинге и утверждает, что «Россия должна сейчас воспользоваться бессилием правительства и усталостью солдат, чтобы с помощью революции произвести коренной переворот».

Под воздействием ленинской критики Луначарский все более отдаляется от Богданова. В конце марта 1917 года в ответ на предложение Луначарского обсудить создавшееся в России положение В. И. Ленин писал из Парижа: «Просто переговорить нам с Вами, без всяких формальных совещаний, я был бы очень рад и считал бы это для себя лично (и для дела) *полезным*». На VI партийном съезде Луначарский был снова принят в большевистскую партию.

В 1917 году в России произошла Февральская революция — Николай II отрекся от престола, руководить страной стало Временное правительство. Весть о Февральской революции ошеломила Луначарского: она состоялась без него, без Ленина, без партии большевиков… В этом было что-то не вполне согласующееся со всеми устоявшимися марксистскими представлениями об историческом процессе. Оставив семью в Швейцарии, 9 мая 1917 года Луначарский приехал в Петроград и сразу же включился в политическую борьбу. Фракция объединенных социал-демократов избирает его членом Первого Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, который состоялся 3–24 июня 1917 года. Луначарский выступил с идеей ликвидации Государственной думы и Государственного совета, предлагая передать всю власть в России «трудовым классам народа».

В дни июльского кризиса Луначарский отстаивает позиции большевиков при обсуждении военного вопроса. Он вошел в редакцию созданной Горьким газеты «Новая жизнь». Временное

правительство обвиняет его в государственной измене, и 23 июля 1917 года его арестовывают, и он сидит в тюрьме «Кресты». Его заочно избирают почетным председателем на VI съезд РСДРП(б) и кандидатом в члены Учредительного собрания. Выйдя из заключения 8 августа, он в тот же день на Петроградской конференции фабрично-заводских комитетов выступил с речью против арестов большевиков. 20 августа Луначарский начинает руководить фракцией большевиков в Петроградской городской думе. Во время Корниловского мятежа выдвигает идею передачи власти от Временного правительства Советам. В августе 1917 года Луначарский начинает работать в газете «Пролетарий», из которой вскоре выросла газета «Правда», и в журнале «Просвещение». Он ведет широкую культурно-просветительскую и пропагандистскую деятельность, выступает за развитие пролетарских просветительских обществ и за созыв их конференции. В сентябре 1917 года Луначарского избирают председателем культурно-просветительской секции и заместителем петроградского городского головы. Он становится членом Временного совета Российской республики.

В конце мая 1917 года Анатолий Васильевич, выйдя с заседания городской думы, где он занимался вопросами культуры, столкнулся со своим будущим сослуживцем по Наркомпросу большевиком П. И. Лебедевым-Полянским. Они без всякого предисловия (как, мол, поживаете) и обычных вежливых фраз, отмененных по случаю революции, стали обсуждать «текущий момент», предполагаемое развитие событий и «светлое будущее» после окончательной победы революции и прихода большевиков к власти. Луначарский строил планы и предсказывал, как потом оказалось, довольно точно. По его социальным прогнозам выходило, что после победы пролетарской революции Ленин станет премьер-министром, Троцкий — министром иностранных дел, а он, Луначарский, займется Министерством народного просвещения и, вероятно, даже возглавит его. В отношении себя Анатолий Васильевич с самого начала профессиональной революционной деятельности был ориентирован на проблемы культуры и искусства, в этом духе и прогнозировал свое будущее. День оказался богат на случайные встречи. Только Луначарский расстался с Лебедевым-Полянским и сделал несколько шагов в сторону кафе «Привал комедиантов», как его окликнул давний знакомый — Дмитрий Иванович Лещенко. Луначарский сказал:

— У меня назначено деловое свидание с Коллонтай в кафе «Привал комедиантов». Давайте поужинаем там? Мы с Коллонтай сегодня выступаем на митинге в цирке.

По дороге Анатолий Васильевич вспомнил:

— Дмитрий Иванович, а как ваша библиотека изданий, посвященных крупнейшим художникам мира, цела ли?

— В основном цела.

— Ленин, когда в 1906 году жил у вас на конспиративной квартире в Петербурге, был увлечен вашей роскошной библиотекой. Он как-то рассказывал, что у вас до утра не мог заснуть, все рассматривал книги по истории искусства. Ленин сказал мне тогда, что это увлекательная область знания, в которой много работы для марксиста, и сетовал на то, что у него нет времени заняться историей искусства, а мне советовал не упускать эту тему из виду.

— Я и не знал, что Ленина так увлекли книги из моей библиотеки.

Луначарский и Лещенко спустились в уютно обставленное подвальное помещение и сели за столик около входа, так как Анатолий Васильевич боялся разминуться с Коллонтай. Они осмотрели небольшой зал и сами стали объектами пристального внимания. У самой эстрады, на которой играл скрипач, за столиком сидели Борис Савинков и Михаил Кузмин. В противоположном углу кафе были сдвинуты два стола вместе, и их занимала большая компания, в которой явным заводилой был Владимир Маяковский, рядом с ним все время находился Осип Брик. Маяковский через зал поздоровался с Луначарским.

В это время музыка смолкла, скрипач сошел с эстрады, а его место занял Игорь Северянин. Он прочел стихи «Ананасы в шампанском». Маяковский немедленно вытащил из пиджака карандаш и на салфетке написал:

Ешь ананасы, рябчиков жуй,
День твой последний приходит, буржуй.

Маяковский пустил салфетку с двустишием по рукам вначале за своим столом, а потом она стала путешествовать и по всему кафе, вызывая то бурный восторг и аплодисменты, то негодование и возмущенные возгласы.

Опять заиграл скрипач, и Маяковский стал постукивать по столу пальцами левой руки в такт музыке. Кузмин, поощряемый Савинковым, встал из-за столика, поправил золотое пенсне и прочитал свое четверостишие:

Дважды два — четыре,
Два плюс три — пять.
Остальное в мире

Нам не надо знать.

Вновь аудитория кафе зашумела, споря и аплодируя. Между тем Лещенко заказал подошедшему официанту чай, пирожки и бутерброды, а Луначарский попросил чашечку кофе и газеты. И пока официант выполнял заказ, они оглядывали публику, следили за оживленной жизнью кафе и переговаривались. Луначарский пошутил:

— Русская поэзия вступила в стадию кофейно-эстрадного существования.

Погладив небольшие, аккуратно подстриженные усики, Лещенко серьезно ответил:

— Эстрада может расширить аудиторию поэзии.

Помолчав, он добавил:

— Никак не могу забыть ваш рассказ об увлечении Ленина моими альбомами. А меня наш старый партийный товарищ Мария Эссен убеждала, что Ленин не любит живопись и в музеи не любит ходить… Недавно я фотографировал Ильича для конспиративного паспорта… Сколько ему и нам еще подполий предстоит?

— Думаю, немного…

Между тем Маяковский встал и, не выходя на эстраду, громовым голосом, перекрывающим гомон и смех, звон посуды и шарканье ног, стал читать антивоенные стихи. В обращенных к солдату строфах стихотворения «К ответу» поэт спрашивал:

Когда же в лицо им бросишь вопрос:
За что воюем?

Стихи вновь раскололи аудиторию. Кто-то выкрикнул: «Пораженец! Предатель!» Кто-то крикнул: «Браво!» Раздались аплодисменты. Мандельштам воскликнул с упреком:

— Маяковский, зачем вы читаете стихи в кафе? Вы же не румынский оркестр!

Маяковский, никогда не пасующий в споре, неожиданно смутился и мрачно промолчал. Однако пауза длилась недолго, из-за столика встал высокий худощавый человек лет тридцати и, чуть-чуть щурясь, простодушно сказал:

— Я — скрипка из румынского оркестра. Ничего зазорного в этом не вижу. Поэта ничто не может унизить, если он поэт. Буду читать!

Это был Николай Яковлевич Агнивцев. Он был пьян. Энергично откинув голову назад, отчего его длинные волосы

взлетели вверх, Агнивцев пришел в себя и приветствовал публику каким-то замысловатым жестом, высоко подняв над головой правую руку:

Как-то где-то и когда-то
Приглянулся свыше мер
Белокурой королеве
Чернобровый офицер.
И, сводя вопросы чести
Приблизительно к нулю,
Офицер и королева
Изменили королю…

Стихотворение было длинным. Агнивцев читал выразительно и громко: Его не перебивали.

Когда же он закончил, то сказал:

— Теперь скрипке румынского оркестра нужна канифоль!

С этими словами он лихо выпил рюмку водки и сел под одобрительные аплодисменты. Однако их перекрыла короткая реплика, раздавшаяся из-за стола футуристов:

— На фронтах — умирают, на заводах — бастуют, дети — голодают, а он о шашнях королевы стихи пишет!

Тем временем на эстраду выбежал с красным бантом на голове и с кастрюлей в руке французский комик Мильтон. На нем была зеленая юбка, прикрытая фиолетовым фартуком. Пританцовывая, он запел:

Да, я кухарка
И тем горжусь!
Держу я марку,
Не дешевлюсь!

Из одного конца зала раздались аплодисменты и смех, а от стола футуристов донеслись выкрики: «Это не демократично! Кухарка — тоже человек!», «Ирония здесь неуместна!»

Луначарский заметил:

— Действительно, зачем иронизировать по поводу кухарки?! По прогнозам Ленина, кухарка скоро будет принимать участие в управлении государством. Впрочем, возможно, это сказано в запальчивости и метафорически.

Мильтон закончил танец, включавший акробатические элементы, и удалился.

Луначарский, листая газеты, принесенные официантом,

сказал Лещенко:

— Дмитрий Иванович, чувствуете, как нарастает напряжение в обществе? По одной литературной полемике в этом кафе можно прогнозировать революционный ход событий.

Жуя бутерброд и запивая его чаем, Лещенко возразил:

— Ход событий одновременно революционный и контрреволюционный. Шуточное ли дело: самодержавия давно уже нет, а Ленин вынужден уйти в подполье!

Последние дни были столь напряженными, что Луначарский не всегда успевал поесть, недосыпал и, что особенно непростительно, даже не успевал прочесть газеты. По старой привычке он сейчас просматривал газеты разных направлений. Ход событий он знал, и его интересовали не столько сообщения и факты, сколько отношение к ним, и главное — культурные программы и позиции газет разных направлений.

В большевистской газете «Рабочий и солдат» он обратил внимание на стихи Демьяна Бедного «Приказано, да правды не сказано»:

Нам в бой идти приказано:
«За землю станьте честно!»
За землю? Чью? Не сказано.
Помещичью, известно!

Нам в бой идти приказано:
«Да здравствует свобода!»
Свобода? Чья? Не сказано.
А только — не народа!

Нам в бой идти приказано —
«Союзных ради наций».
А главного не сказано:
Чьих ради ассигнаций?

Кому война — заплатушки,
Кому — мильон прибытку.
Доколе ж нам, ребятушки,
Терпеть лихую пытку?

В правой газете «Биржевые ведомости» Луначарский нашел отповедь Демьяну Бедному: «В шестнадцати строках этой песни содержится вся соль, весь яд той большевистской проповеди, которая разложила столько частей нашей армии. Это стихотворение — ответ на все речи и усилия Керенского,

Савинкова, Лебедева, Филоненко и других, стремящихся возродить мощь нашей армии, возродить ее дух, поколебавшийся под влиянием таких вот, как эта песня, „ядовитых посевов“».

Неожиданно для себя Луначарский нашел в плехановской газете «Единство» резкую критику стихотворения Маяковского «К ответу». В статье «Футурист-интернационалист» говорилось: «Если до сих пор только скучные прозаики победно боролись с „империализмом“ Милюкова, французов, англичан, то теперь за это дело взялся футурист Маяковский». И далее шли нападки на стихотворную технику.

Луначарский передал газеты Лещенко, тот стал их просматривать. Луначарский же вынул из портфеля сложенный листок бумаги, развернул его и продолжил ранее начатое письмо жене, все еще живущей в эмиграции:

«…При редакции „Новой жизни“ состоялось собрание имеющего скоро выходить нового социалистического сатирического журнала „Ткач“. Редактор его, футурист социал-демократ Брик. В литотделе участвуют футурист социал-демократ Маяковский, А. М. Горький-Пешков, твой слуга, Э. Кроткий, О. Л. д’Ор, Базаров, Левидов и другие. В художественном — Бенуа, Петров-Водкин, Альтман, Маяковский — тот преталантливый молодой полувеликан, зараженный кипучей энергией, на глазах идущей в гору и влево, — Лебедев и др.».

Письмо он опять не закончил. В дверях кафе появилась молодая, невысокого роста изящная женщина — Александра Михайловна Коллонтай. Она обвела взглядом зал, кивнула и помахала рукой каким-то знакомым за дальним столиком. Наконец она увидела Луначарского, звонким громким голосом поздоровалась с ним и его спутником, а потом вытянулась по стойке «смирно», как шталмейстер, задорно и торжественно объявила:

— Цирк «Модерн» ждет! Сегодня на арене чемпионы митингов Луначарский и Коллонтай выступают против меньшевиков и эсеров!

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

Крик из окопа: «Не стреляйте! Здесь же люди!»

* * *

Вл. Соловьев утверждал: «Национализм так же разъедает

нацию, как эгоизм — личность».

* * *

В 1914 году Уэллс сказал: «Мировая война доведет нас до полного маразма. Мир можно ожидать году в восемнадцатом-девятнадцатом. Немецкие войска не займут Париж, Лондон или Москву, и, наоборот, никто не войдет в Берлин — просто тот, кто будет окончательно истощен, сдастся на милость победителя».

* * *

Попав в окопы мировой войны, английский поэт Оуэн был потрясен не трудностями и смертями, а антиэстетичностью войны: трупы, испражнения, грязь, вонь, нечистоты, кровь. Поэта преследовал образ раненого, у которого глаза от боли вылезли из орбит.

* * *

Во время Первой мировой войны композитор Игорь Стравинский в Риме познакомился с художником Пабло Пикассо. Когда композитор возвращался в Швейцарию, итальянский таможенник нашел у него рисунок и спросил, что это такое.

— Мой портрет работы Пикассо.

— Но это похоже на план — какие-то кружки, линии…

— Это план моего лица. Не более.

Таможенник решил, что это план стратегического сооружения, и конфисковал рисунок. Если этот борец сохранил рисунок, то он и его дети стали богачами.

Глава восьмая
«РЕВОЛЮЦИЯ НЕ КОНЧЕНА, ОНА ВПЕРЕДИ»

В преддверии Октября Луначарский работает заместителем петроградского городского головы (избранный от большевистской фракции) и председателем культурно-просветительской секции Думы. «…Моя роль первой скрипки в культурно-просветительском деле получила широкое признание и среди большевиков, и в Советах вообще, и в Думе, и в пролетариате, и даже среди специалистов», — писал он жене Анне Александровне 25 сентября 1917 года. 20 сентября он утвержден ЦК партии членом Муниципальной группы ЦК. Его избирают во Временный совет Российской республики (Предпарламент) и от профсоюзов — в Государственную комиссию по народному образованию. 16 октября он открывает 1-ю общегородскую конференцию Пролеткульта в Петрограде и выступает с докладом о задачах культурно-просветительского движения пролетариата.

Хмурым октябрьским вечером Гиппиус и Мережковский торопливо шли по Большой Никитской улице Петрограда. Дул холодный ветер, и супруги одинаково прикрывали подбородок и рот кашне. Они торопились домой: ожидались гости. В конце улицы они встретили хорошо знакомого им президента Российской академии наук Александра Петровича Карпинского, который шел в сопровождении двух оборванцев и дружелюбно беседовал с ними.

Гиппиус и Мережковский обменялись выразительными взглядами, которые означали: «Ужас, до чего дошло! Академики гуляют с хамами!» Супруги не стали даже раскланиваться с президентом, который, впрочем, из-за увлеченности беседой и по близорукости не заметил их. Они же в недоумении остановились на крыльце своего дома и с возмущением следили за странной сценой: президент академии открыл портфель, который оказался набит камнями.

— Золото небось, — предположил один из спутников академика.

— Вы почти угадали, голубчик! — кротко сказал Карпинский. — Это образцы пород. В породе же заключены богатства: и медь, и железо, и золото, и серебро, и платина, и алюминий. Эти богатства невидимы, и их без науки извлечь нельзя. Если не вмешается наука, то все эти богатства останутся

лежать в земле без пользы.

Старичок неспешно двигался к своему дому и столь же неспешно разъяснял любознательным молодым людям сомнительного облика научную суть проблемы извлечения богатств из недр земли. Подойдя к дому, академик поднялся по ступеням, дернул ручку звонка и любезно попрощался с молодыми людьми. Они же пребывали в странном и доселе незнакомом им состоянии и даже не стали снимать со старого академика не по сезону рано надетую шубу. Вдобавок к этим чудесам они с уважением вернули старичку его тяжелый портфель. Видевшие эту сцену Гиппиус и Мережковский были потрясены до глубины души. Брови их невольно ползли вверх, выражая высшую степень недоумения, а под конец наблюдавшегося ими странного эпизода они почти одновременно пожали плечами и так и застыли в немой сцене.

Дома Гиппиус и Мережковский только успели переодеться к приему гостей, как пришел первый из них — поэт Федор Сологуб, а вслед за ним — Иванов-Разумник и Ремизов. Спустя некоторое время стали прибывать литераторы и журналисты. Некоторые из них ранее не были вхожи в этот дом. Последним явился Борис Викторович Савинков. Поглаживая лысую голову, знаменитый эсер и литератор вошел в гостиную и обвел присутствующих испытующим взглядом, без стеснения прикидывая, кто из этих интеллектуалов на какое дело годится. На его лице на мгновение мелькнуло брезгливое выражение.

Затевался вовсе не обычный салонный вечер с чтением стихов и литературными спорами, какие не раз звучали в стенах этой богатой и просторной петербургской квартиры. Это было политическое собрание консервативной интеллигенции, ощутившей страх перед надвигающимся будущим.

Первое время гости, разбившись на группы, переговаривались. Новички смущенно жались у стены, переживая торжественную процедуру представления знаменитостям. Потом на середину комнаты вышла пожилая рыжеволосая хозяйка дома, одетая в праздничное малиновое платье, отороченное пушистым мехом. Близоруко щурясь, она оглядела присутствующих и остановила взгляд на Савинкове. Вслед за ней в строгом черном костюме и белой рубашке с черной бабочкой вышел карлик с аскетическим лицом. Это был Мережковский.

Гости обратили взоры на них и притихли, понимая, что начинается действо, ради которого все собрались. Зинаида Гиппиус обвела заносчиво-торжественным взглядом присутствующих и тихим сиплым голосом сказала:

— Мы собрались в решающие часы истории. Мы не должны

быть разобщены, мы обязаны совместно предпринять усилия во имя спасения России, находящейся на краю пропасти.

Гиппиус замолчала, и вперед выдвинулся Мережковский. Савинков тихо, почти про себя, произнес: «Они устраивают нечто вроде митинга в салонно-концертном исполнении. Однако никакого практического значения этот митинг иметь не будет».

Сидевший с ним рядом господин что-то возразил.

Выразительно жестикулируя, словно актер, читающий художественный текст, Мережковский, картавя, продолжил речь супруги:

— На нас движется великий хам. Он наступает. Некоторые из людей духа уже сдались ему без всякого сопротивления. Сегодня мы с Зинаидой наблюдали удивительную сцену братания президента Академии наук с самой затрапезной чернью, и нам эта сцена показалась знаменательной и символичной. Если так дело пойдет и дальше, то рухнет русская культура, а вместе с ней Россия.

Борис Викторович молчал, рассматривая свои тонкие гибкие пальцы.

Гиппиус с драматическим надрывом воскликнула:

— Конец, провал, крушение уже не только предчувствуются — чувствуются! Мы все в агонии!

Мережковский вопросил:

— Так что же, смириться? Молчать? Ждать?

Вопрос взбудоражил Сологуба, и он подал реплику:

— Нет! Хвататься, кто за что может, и бить…

И тут Савинков понял, что время вступать в дело ему — главной скрипке в этом политическом концерте.

— Я ушел из Временного правительства после мятежа Корнилова. Возможно, это была ошибка. Сегодня я начал организацию антибольшевистской газеты. Мне уже удалось сплотить большую группу интеллигенции. Почти все видные писатели дали согласие сотрудничать. Благодарю вас, Зинаида, — обратился он к Гиппиус, — ибо согласием многих писателей я обязан вам. Правда, приглашение Блока несколько затянулось…

Гиппиус торжественно и чуть снисходительно улыбнулась:

— Это потому, что я в Блоке совершенно не сомневаюсь. Он, безусловно, присоединится. Я сейчас же позвоню ему.

Она стремительно подошла к телефону, рывком сняла трубку и нервным сипловатым голосом назвала телефонистке номер. Блок сразу же ответил. Спешно, кратко, точно, совершенно телеграфным языком Гиппиус объяснила антибольшевистский характер объединения группы интеллигенции вокруг Савинкова и

создаваемой им газеты. Затем властно предложила:

— Приезжайте тотчас же на наше первое собрание.

Она долго молчала, а потом недоуменно спросила:

— Не приедете?

Опять наступила пауза, и Гиппиус слушала глуховатый голос, доносившийся из трубки. Потом с удивлением и возмущением спросила:

— Что вы говорите?! Вы не согласны? Вы не сможете участвовать в такой газете?! Да в чем же дело?!

Блок молчал, не отвечая на нервные вопросы Гиппиус. Ничего не понимающая и растерявшаяся Зинаида Николаевна пыталась сообразить, что происходит. После долгой паузы Блок сказал совершенно бесстрастно, глухим голосом:

— Вот война… — опять помолчал и уже рассерженным тоном добавил: — Война не должна длиться. Нужен мир.

— Как… мир? Сепаратный? Теперь — с немцами мир?

— Ну да. Я очень люблю Германию. Нужно с ней заключить мир.

У Гиппиус чуть трубка не выпала из рук от неожиданности и гнева:

— И вы… не хотите с нами?.. Хотите заключать мир?.. Уж вы, пожалуй, не с большевиками ли?

Последний вопрос и самой Гиппиус показался абсурдным, однако Блок, человек совершенно правдивый всегда и во всем, ответил:

— Да, если хотите, я скорее с большевиками. Они требуют мира…

Гиппиус, не попрощавшись, резко и сердито повесила трубку. Все собравшиеся были потрясены отказом Блока присоединиться к антибольшевистскому объединению интеллигенции под эгидой Савинкова. Это потрясение стало одной из причин того, что объединение не состоялось и новая газета так и не родилась.

А в это же время седовласый академик Александр Петрович Карпинский позвонил по телефону непременному секретарю академии и своему другу Сергею Федоровичу Ольденбургу и рассказал о своем небезопасном приключении на улице:

— Меня хотели ограбить. Эпизод свидетельствует о том, что утеряна социальная стабильность. А это признак революционной ситуации. Однако, что интересно, даже самые низкие элементы таят в глубине души любознательность и уважение к науке.

— Я полагаю, что вы, Александр Петрович, находитесь под слишком сильным впечатлением от происшествия и преувеличиваете возможность построения обобщений на основе данного частного эпизода. Что же касается революции, то она…

Александр Петрович, видимо, был сильно взволнован и, вопреки обыкновению, перебил собеседника:

— Революция!.. Помню, как вы, Сергей Федорович, еще в 1908 году сказали мне слова, которым я в те годы не поверил, но которые запомнил: «Столетия рабства зародили в груди пролетариата ненависть к тем, кому жизнь отдала все блага и преимущества. Теперь начинается возмездие. Столыпин пишет, что революция кончена, а рядом, в другом столбце, — казни, казни… Революция не кончена, потому что она еще впереди…» Ныне эти ваши слова звучат удивительно пророчески. Право же, Сергей Федорович, нужно было быть очень прозорливым человеком, чтобы так рассуждать почти десять лет назад.

— Вы слишком добры ко мне, Александр Петрович, и преувеличиваете мои способности. Если бы я действительно был проницательным человеком, я бы не вошел в качестве министра просвещения во Временное правительство и не втащил бы туда в качестве моего помощника академика Вернадского. Быть может, этим я причинил не только себе, но и ему большой вред…

Академики помолчали, а затем Ольденбург повернул беседу в другое русло:

— Культуру, идеалы, если потеряешь, не вернешь! Наша задача: сохранить русскую науку, русскую культуру для человечества, как бы ни суждено было развиваться событиям.

— Вы правы. Академик Стеклов говорил мне нынче о том же: «Даже если возмездие, которое несут на своих штыках революционные солдаты, справедливо, мы должны отстоять тонкий слой культуры, которую разбушевавшаяся стихия может смыть». Я же сегодня убедился, что ценность науки можно втолковать даже самым крайним, самым невежественным и самым зло настроенным людям.

В это же вечернее время, когда Гиппиус по телефону ссорилась с Блоком, а Карпинский мирно беседовал с Ольденбургом, по осеннему сумрачному Петрограду, навстречу пронзительному ветру, сквозь холодный туман шел Луначарский. Он свернул с Невского на Литейный, где было расположено множество редакций газет, и вошел в первую попавшуюся.

В коридоре толпились корректоры, наборщики, курьеры, литсотрудники. Теперь коридор — главное место политической жизни любого учреждения, место для обмена информацией, обсуждений, споров. Луначарский, почти как на митинге, с порога крикнул:

— Товарищи! Кто хочет перейти на работу в Смольный, в экспедицию газеты «Рабочий и солдат»? Предупреждаю, работа трудная и небезопасная.

Раздались возмущенные и протестующие голоса, но одновременно поднялось и множество рук.

— Нет, это много, нужно только шесть человек.

Внимательным, оценивающим взглядом окинув желающих, Луначарский отобрал шестерых, вышел с ними на улицу и пошел широким быстрым шагом, не оглядываясь. Следом за ним шли новые сотрудники газеты «Рабочий и солдат». У ворот Смольного матросы остановили эту группу. Луначарский предъявил мандат и, указав на своих спутников, сказал:

— Это со мной.

И опять, не оглядываясь, пошел сквозь толпу, кипящую в коридорах и на лестницах Смольного. Высокую фигуру Луначарского венчала черная шляпа, хорошо заметная среди множества папах, фуражек, бескозырок, картузов и треухов. Новые сотрудники тут же получили первое поручение в экспедиции Смольного: распространить газету «Рабочий и солдат» в Новочеркасских казармах. Солдаты этих казарм еще не присоединились к перешедшему на сторону революции гарнизону. Среди отобранных Луначарским распространителей газеты был семнадцатилетний юноша — Борис Коротков. Его в Новочеркасских казармах схватили офицеры, газеты отняли и изорвали, а самого избили. Об этом эпизоде узнал Ленин, который взял Короткова в свой личный секретариат — вести прием посетителей.

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

Летом 1917 года Осип Мандельштам сказал: «Наши граждане ходят с бантами, как коты».

* * *

В начале революции Сталин скрывался в Петрограде у одного подпольщика. Однажды он надолго остался в доме с сыном хозяина — девятилетним Мишей. Наконец раздался стук в дверь — пришла мать. Мальчик бросился открывать, но Сталин остановил его и ударил по щеке: «Не плачь, Миша, запомни: сегодня с тобой разговаривал Сталин».

В горах есть такой обычай. Если князь посещает дом крестьянина, отец зовет старшего сына и со словами: «Запомни этот день — у нас в доме был князь» — дает ему пощечину.

Рассказывавший мне эту историю режиссер Михаил Ромм

заключил: Сталин шел в революцию с намерением стать князем.

Глава девятая
«…РАЗРУШИМ, ДО ОСНОВАНЬЯ…» 25 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

Когда я
итожу
то, что прожил,
и роюсь в днях —
ярчайший где,
я вспоминаю
одно и то же —
двадцать пятое,
первый
день.

В. Маяковский

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.

Тютчев

Шекспировский вопрос «Быть или не быть?» в русской интерпретации звучит: «Была не была!» Эта русская национальная формула стала негласным девизом всех трех русских революций и демократической революции (контрреволюции?) конца XX века.

В октябрьские дни 1917 года Луначарский работал в составе Петербургского комитета РСДРП(б). В октябре его письма жене свидетельствуют о тревожном настроении и беспокойстве по поводу развивающихся событий. 2 октября: «Положение России ужасно, и сердце болит все время за нее. С нею пропадем мы все». 10 октября: «Озлобление против нас колоссально растет на правом полюсе… Растет страшное недовольство и в рабочей, солдатской, крестьянской среде, оно здесь пугает меня, и теперь много анархического, пугачевщинского. Эта серая масса, сейчас багрово-красная, может наделать больших жестокостей, а с другой стороны, вряд ли мы при зашедшей так далеко разрухе сможем, даже если власть перейдет в руки крайне левой, наладить сколько-нибудь жизнь страны. И тогда, вероятно, мы будем смыты той же волной отчаяния, которая вознесет нашу

партию к власти. Кадеты как будто на это и держат курс».

18 октября образован блок правых большевиков: Каменев, Зиновьев, Луначарский, Рязанов, Рыков. Во главе левых стоят Ленин и Троцкий. У них — ЦК, а у правых все руководители муниципальных, профсоюзных, фабрично-заводских комитетов. Спасение, по мнению Луначарского, в немедленных действиях «правой демократической коалиции», которая опасается того, что Ленин и Троцкий приведут страну к террору.

В середине октября газета «Биржевые ведомости» опубликовала сообщение, что Луначарский якобы предоставил сведения городской милиции о готовящемся восстании. 20 октября в газете «Рабочий путь» Луначарский публикует опровержение, в котором, в частности, пишет: «Если кто-нибудь обращался бы с такого рода вопросом, то я ответил бы слово в слово то же, что товарищ Троцкий заявил 18 октября на заседании Петроградского Совета РСД». Заметим, что Троцкий, участвовавший в подготовке восстания, утверждал, что «никаких вооруженных выступлений нами не было назначено». (Революция 1917. Т. 5. С. 120, 121.)

21 октября Луначарский пишет жене: «Быть может, левая демократия сделает героическое усилие одновременно социалистического и глубоко-патриотического характера, но, вероятно, погибнет на этом».

Утром 25 октября Луначарский выступил в городской думе с поддержкой линии партии. Позже на экстренном заседании Петроградского совета РСД выступили Ленин и Троцкий. Они объявили о победе революции. Луначарский выступает в поддержку этих исторических сообщений. Вечером его избирают членом президиума Второго Всероссийского съезда Советов РСД. Он выступает против меньшевиков и эсеров, ушедших со съезда и, по словам Луначарского, открыто переходящих в лагерь корниловцев. (2-й съезд Советов. С. 9.) Луначарский огласил написанное Лениным воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!», оповещавшее о победе революции и переходе власти к Советам. Луначарского избирают членом ВЦИК, и он становится наркомом просвещения в первом советском правительстве.

27 октября он пишет жене: «Для меня он (захват власти. — *Ю. Б.)* был неожиданным. Я, конечно, знал, что борьба за власть Советов будет иметь место, но что власть будет взята накануне съезда — этого, я думаю, никто не знал. Может быть, даже ВРК решил перейти в наступление внезапно, из страха, что, занимая чисто оборонительную позицию — можно погибнуть и погубить все дело. Переворот был сюрпризом и со стороны легкости, с

которой он был произведен… положение страшно опасно и ответственно. Повторяю — несколько дней до конца. Выходом была бы демократическая коалиция. Я, Зиновьев, Каменев, Рыков за нее. Ленин, Троцкий — против… оборонцы… так же мало способны пойти на компромисс, как наши левые большевики». (Вопросы истории КПСС. 1991. № 2. С. 45, 46.)

28 октября он пишет жене: «Я пойду с товарищами по правительству до конца. Но лучше сдача, чем террор. В террористическом правительстве я не стану участвовать… Лучше самая большая беда, чем малая вина».

29 октября: «Ясно одно — с властью у нас ничего не выходит. Одни мы ничего не сумеем наладить. Сойдутся ли социалисты на чисто демократическом министерстве? — Не знаю. Но вне этого, — должно быть, кроме гибели для революции, ничего нет. К тому же я глубоко не сочувствую некоторым мерам. Например, длительному запрещению не только буржуазной, но и социалистической печати… Погибнуть за нашу программу — достойно. Но прослыть виновником безобразий и насилий — ужасно… Пусть сорвемся: декреты о мире, земле и контроле над производством народ не забудет».

Несмотря на все небезосновательные сомнения и колебания, Луначарский включается в работу и отдает ей все силы. В декабре 1917 года он пишет Горькому о революционных событиях и начале своей деятельности на посту наркома просвещения: «Да, этому делу я отдаю всю кровь и весь ток нервов и с никогда еще не переживавшимся мною напряжением сил, работая по 20 часов в сутки, я мало-помалу, словно прокладывая туннель сквозь гранит, продвигаюсь вперед».

Взятие Зимнего оказалось для Луначарского неожиданностью. Он непосредственно не участвовал ни в подготовке, ни в ходе этого исторического действа. Луначарский считал, что страна находится на краю гибели. 25 октября 1917 года жизнь в Петрограде, в России, во всем мире перешла на световую скорость. Произошло убыстрение исторического времени. Это станет судьбой всего XX века. Произошло спрессовывание пространства мира, когда многое из его ближайшей судьбы, и судьбы всего XX столетия, вдруг начало решаться и определяться в Смольном и на площади перед Зимним дворцом, где сосредоточились готовые к штурму отряды красногвардейцев, солдат и матросов. В грандиозном космосе октябрьского Петрограда временем исторического движения становятся не века, а часы и минуты. В эти часы смены власти, часы, равные целой эпохе, длившейся всего лишь немногим более

суток, крупная личность нашего героя, Луначарского, на это время теряет свои исторические очертания и мельчает в масштабе. Все в этом космическом пространстве предстает в ином измерении, высвеченное огненным светом Октября. Сегодня многие говорят, что Октябрь был не революцией, а переворотом. Можно не одобрять это событие и полагать, что оно сыграло только разрушительную роль в жизни нашей страны, но даже в этом случае нельзя не видеть, что это не переворот, а революция. Октябрь протекал не как переворот в каком-нибудь Михайловском дворце, разворачивающийся в его кулуарах и завершающийся в спальне самодержца. Октябрь прокатился по всей стране и не просто сменил одну властную элиту на другую (именно это характеризует переворот, который далеко за пределы дворца не выходит). Октябрь сменил существо власти, характер и принадлежность собственности. Он был глубочайшим историческим качественным изменением всей жизни и страны, и мира. Можно взвешивать, сколько зла и сколько добра принес Октябрь России. Однако с Западом все более определенно: Октябрь спас Запад от потрясений. Западная властная элита имела богатый опыт правления и гибкого приспособления к постоянно меняющимся обстоятельствам. Увидав на примере России, к чему приводит общество *массовой нужды,* богатая часть общества поняла, что, соблюдая свои интересы, надо делиться с малоимущими, надо не жадничать и создавать общество *массового потребления.* Парадокс состоит в том, что Россия благодаря ненавистному на Западе Октябрю в очередной раз спасла Запад от нестабильности, спасла от народного гнева.

Сегодня от телеведущего и от депутата Думы, от интеллигента-демократа, «упропагандированного» простолюдина и от комментатора радио «Свобода» можно услышать гневные филиппики в адрес Октября. Он-де результат авантюрной безответственности большевиков. Это, мол, был почти без усилий, случайно происшедший удачный захват власти. И все же нельзя сколько-нибудь полно применить к Октябрю знаменитую пушкинскую формулу: «Русский бунт, бессмысленный и беспощадный». О да! Беспощадный! И то не сразу. Чем большее сопротивление новой власти нарастало из месяца в месяц и чем более широкие и глубокие слои измученного войной и нуждой населения захватывало революционное действие, тем более и более нарастали беспощадность и жестокость. А бессмысленный ли? Да, много стихийного, инстинктивного, массово-подсознательного было в этом революционном действе, вскоре переросшем в гражданскую войну. Все это так. Однако все же это действо стратегически не было бессмысленным и исторически не

оправданным. Капитализм как господствующий строй в XIX веке и начале XX века так или иначе осуждала, отрицала, порицала, отвергала вся или почти вся мыслящая элита мира, все великие деятели культуры. Нет, это было осознанное движение души не только Маркса и Энгельса. Это было ясно выраженное в творчестве убеждение и Пушкина, и Толстого, и Достоевского, и Чехова, и Диккенса, и Стендаля, и Бальзака, и Флобера, и Гофмана, и Марка Твена, и Джека Лондона. Идеи марксизма, даже если посчитать их полностью не оправдавшими себя исторически, лежали в основе Октября и делали это действо, безусловно, не бессмысленным, а напротив, исторически осмысленным. Более того, вся тогдашняя культура осмысляла существующее положение как противочеловечное. Ставился великий исторический эксперимент: Россия искала выход для всего человечества из безысходной капиталистической ситуации. В. Брюсов писал: «…Всех, кто меня уничтожит, / встречаю приветственным гимном». Этот эксперимент проявил себя противоречиво. Он включал в свое поле и жестокость ГУЛАГа, и героизм победы над фашизмом, и произвол цензуры, и огромные средства, брошенные в культуру, и загубленные жизни или судьбы художников, и великие достижения культуры, поощряемые государством. Через семь десятилетий этот эксперимент завершился развалом СССР и отрицанием роли Октября. Однако последнее — явная неправда. Октябрь спас Россию от распада, который состоялся бы на семь десятилетий ранее. Не очень развитой социализм в СССР все же состоялся. Он помимо всех известных и раскрученных в постсоветской прессе реальных недостатков и пороков имел и всем известные, но затушеванные в той же прессе достижения. Да, СССР через 72 года после Октября распался. Даже если считать, что социализм не состоялся или состоялся, но оказался абсолютно порочным в моральном, экономическом, социальном отношениях, как это принято считать сегодня, то этот отрицательный исторический результат все равно высокоценен. И в истории, и в науке отрицательный результат эксперимента очень ценен, и в известном смысле не менее ценен, чем положительный результат.

Без этих общих рассуждений нельзя верно оценить и обрисовать фигуру Луначарского. Без них жизнь и деятельность первого в мире наркома просвещения первой в истории республики, строившей социализм, превращается в сплошную бессмыслицу, в абсурд. При абсолютном отрицании смысла и значения Октября вся жизнь Луначарского полностью перечеркивается неумолимым движением времени. Однако, если у исторического эксперимента Октября были свои глубокие

причины, если это было не просто злобное деяние кучки авантюристов и проходимцев, как об этом обычно пишут и говорят сегодня некоторые историки и многие журналисты, комментаторы и обозреватели, то тогда жизнь и деятельность Луначарского при всех его ошибках и неверных поступках имеет смысл и историческое содержание. И давайте не забывать, даже если считать, что исторический эксперимент Октября на рубеже 80–90-х годов XX века кончился полной неудачей, что этот эксперимент продолжается сегодня успешно в Китае и, хотя и с меньшим успехом, в ряде других стран. И похоже, что в такой стране, как Швеция, исторический эксперимент поиска другого пути истории в совершенно другой, незнакомой нам форме ставится совершенно серьезно. Однако все это уже проблемы, углубляться в которые не наша задача.

А. В. Луначарский 25 октября 1917 года пишет жене в Швейцарию: «…Пишу утром 25. Фактически борьба за власть началась. Можно сказать, что в наступление первым пошел Керенский. Обстоятельства 24-го ты знаешь из газет. Поэтому пишу тебе только то, что касается меня. Я весь день провел в Думе, т. е. сначала на заседании (экстренном) Управы, а потом Думы. Я говорил и там и здесь. Главное — в Думе, где говоришь публично, где совершается политический акт. Политически я, конечно, солидаризовался с большевиками. Для меня ясно, что вне перехода власти к советам нет спасения для России, правда, есть еще выход — чисто демократическая коалиция, т. е. фронт: Ленин, Мартов — Чернов — Дан — Верховский. Но для этого нужно со всех сторон столько доброй воли и политической мудрости, что это, по-видимому, утопия. Итак, политически я защищал эту идею, практически советовал городу принять меры для охраны жизни, имущества граждан, для борьбы с хулиганами, с разгромом хлебных и спиртных складов, для организации Красного Креста и т. д. Официальное предложение городского головы напоминает мое, но само поведение социал-революционеров ясно свидетельствует, что в этот решающий момент они чувствуют себя ближе к кадетам, чем к нам. Что произошло сегодня ночью, я еще не знаю. Вчера какой-то провокатор убил городского инспектора милиции, призывавшего толпу на Невском расходиться. Резолюция Совета Республики как бы открывает слабую надежду на исход компромиссный и более или менее мирный. Ну, поживем — увидим. Ждать не долго. Сегодня-завтра все должно решиться по трем точкам:

1. Либо Временное правительство победит целиком, тогда реакция быть может медленная, но верная. 2. Либо Петроградский Совет победит целиком. Тогда ряд спасительных

революционных мер, но какая тяжесть ответственности, какие чудовищные трудности. 3. Либо… демократическая власть без цензорских элементов (Луначарский имеет в виду: без буржуазии. — *Ю. Б.)*. Созыв Учредительного собрания при толковой оппозиции большевиков может быть при участии их в общедемократическом правительстве, и тут трудности велики, но это — лучший исход… Страшные, страшные времена. На кончике острия. Много страданий, волнений, может быть, преждевременной гибелью они грозят нам. Но все-таки счастье жить в эпоху великих событий, когда история не трусит лениво и сонно, а птицей летит по бездорожью…» (Вопросы истории КПСС. 1991. № 2. С. 45.)

В последней фразе этого письма подразумевается гоголевская птица-тройка (обычные птицы по бездорожью не летают). И тогда ясно, что в подсознании Луначарского жили летящая вдаль птица-тройка с валдайским колокольчиком и бесконечная дорога — образ незавершенной истории России. И не давал ему покоя гоголевский вопрос: куда же ты несешься, Русь?! Чтобы лучше представить себе ответ на этот великий вопрос, все гуманитарии и особенно историки, психологи, литераторы должны научиться тому, что умеют делать палеонтологи, которые по одному зубу способны восстановить весь облик ихтиозавра и все особенности его повседневного бытия. Это умение особенно важно, когда не хватает точных данных и материалов. В этом случае исследователь должен совершать прыжок через разрыв информации. Поэтому, чтобы полнее понять состояние души Луначарского 25 октября 1917 года, его взгляды на историческое движение России, вспомним о «зубе», который нам удалось найти в письме Луначарского к жене: «…счастье жить в эпоху великих событий, когда история не трусит лениво и сонно, а птицей летит по бездорожью…» И теперь с небольшими купюрами вспомним гоголевское лирическое отступление о птице-тройке, летящей по российскому бездорожью:

«И какой же русский не любит быстрой езды?.. Ее ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чудное? Кажись, неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе, и сам летишь, и все летит: летят версты, летят навстречу купцы на облучках своих кибиток, летит с обеих сторон лес с темными строями елей и сосен, с топорным стуком и вороньим криком, летит вся дорога невесть куда в пропадающую даль, и что-то страшное заключено в сем быстром мельканье, где не успевает означиться пропадающий предмет, — только небо над головою, да легкие тучи, да продирающийся месяц одни кажутся недвижны. Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? знать, у

бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарябит тебе в очи. И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным схвачен винтом, а наскоро живьем с одним топором да молотом снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик. Не в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы, и сидит черт знает на чем; а привстал, да замахнулся, да затянул песню — кони вихрем, спицы в колесах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход — и вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вон уже видно вдали, как что-то пылит и сверлит воздух.

Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади. Остановился пораженный божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас движение? и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знакомую песню, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится вся вдохновенная богом!.. Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земли, и, косясь, посторанивaются и дают ей дорогу другие народы и государства».

Право же, это сказано как предвосхищение и про Октябрьскую революцию, и про стремительное движение России в неведомое, но, безусловно, великое будущее.

Россия — бойкая, «необгонимая» птица-тройка. Россия загадочно-таинственна и для Гоголя, и для всего человечества: «Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа». И действительно, до сих пор нет внятного и неопровержимого ответа на многие вопросы исторического движения России.

Именно так, через гоголевский образ, воспринимал Луначарский историческое бытие России 1917 года. Во многих эпизодах протекающей на его глазах истории он сам принимал активное участие.

Анатолий Васильевич в 1918 году вспоминал в очерке «Смольный в великую ночь»: «Весь Смольный ярко освещен. Возбужденные толпы народа снуют по всем его коридорам… Вспоминаешь, как какую-то особенную музыку, как какой-то

особенный психологический запах, эту тогдашнюю взрывчатую атмосферу. Это были часы, в которые все казалось гигантским и в которые все висело на волоске, часы и каждая минута которых приносили с собой огромные известия… Кто пережил это, тот никогда этого не забудет, для того Смольный останется центром его жизни».

В Смольном всюду развевались знамена и самодельные транспаранты: «Мир народам, война капиталу», «Напором дружным, усилием сильным мы капиталу сорвем главу», «Да здравствует власть Советов, власть трудящихся», «Мир всему миру», «Да здравствует всенародный демократический мир», «Да здравствует Интернационал».

Вечером 25 октября революционные события бурно нарастают.

20 часов. В Народном доме с опозданием на полчаса начался спектакль «Дон Карлос». В зрительном зале, в фойе, за кулисами царит возбуждение. И зрители, и актеры обсуждают воззвание «К гражданам России», текст которого расклеен на стенах многих петербургских домов. Шум в зале прекратился: вышел исполнитель партии Филиппа — Федор Шаляпин и сразу же захватил внимание аудитории.

20 часов 05 минут. Ранее ушедший в качестве парламентера в Зимний дворец Григорий Чудновский по прошествии условленного времени не вернулся. Сведения от него не поступают. Он задержан. Генерал Пильчевский колеблется: вести ли переговоры? Чудновский призывает защитников Зимнего сдать оружие. Он разъясняет безнадежность их положения. Среди защитников Зимнего — георгиевцев — замешательство. Часть из них слагает оружие и пытается выйти из дворца. Их увещевают офицеры, удерживают юнкера. Наконец офицеры, опасаясь сопротивления солдат, выпускают их и они уходят.

Появление на Дворцовой площади солдат-георгиевцев неожиданно и поначалу непонятно. Оно вызывает в цепях восставших недоумение. Когда ситуация проясняется, «ура!» катится через площадь. Среди солдат и вооруженных рабочих, осаждающих Зимний, нарастает нетерпение.

В это же время большевик Петр Дашкевич безуспешно пытается добиться капитуляции и вывода из Зимнего юнкеров, которые согласились вести переговоры. С группой красногвардейцев Дашкевич проходит через цепи восставших, пересекает пустое пространство Дворцовой площади. У баррикады из дров эту группу останавливают ударницы из женского батальона. Задержанного Дашкевича и его группу юнкера и активистки «бабьего батальона» ведут в ворота Зимнего

дворца, к уполномоченному по наведению порядка в Петрограде Н. М. Кашкину, который строго спрашивает:

— Имеете ли вы полномочия для переговоров с Временным правительством?

Дашкевич:

— Да, имею.

Кашкин поясняет:

— Никто из юнкеров не собирается покидать дворец.

Юнкер удостоверяет:

— Мы согласились вести переговоры. И мы гарантировали парламентерам неприкосновенность.

Кашкин отдает распоряжение:

— Освободить парламентеров и вывести через проход на набережную.

20 часов 50 минут. Свободный отряд Военно-революционного комитета в ожидании сигнала к штурму Зимнего расположился на Петроградской стороне, у Народного дома, где идет опера «Дон Карлос». Солдаты, матросы, красногвардейцы по очереди бегают в зал греться и слушать Шаляпина. Билетерши безропотно пропускают их. Вооруженные люди на цыпочках проходят в зал, где стоят, прижавшись к стене, замирая от восторга и удивления, а потом вновь уходят на позицию. Шаляпин, не ведая о том, поет для бойцов, осадивших Зимний.

21 час. Заседают все фракции Второго Всероссийского съезда Советов. На заседании фракции большевиков выступает В. И. Ленин. Он формулирует программу и оглашает состав советского правительства, который будет предложен на обсуждение Второму съезду Советов. На заседании присутствует Луначарский и слышит свое имя в предлагаемом Лениным составе будущего правительства.

21 час 15 минут. В Малахитовом зале Зимнего дворца, в полумраке, вокруг большого стола, над которым висит прикрытая газетой лампа, сидят двенадцать министров Временного правительства. Их власть рушится. Они не знают, что предпринять для ее спасения. Из углового окна видна Нева и на ней — военные корабли Балтфлота. Обреченные министры в Малахитовой мышеловке одиноки, забыты народом и покинуты армией. Порой министры обмениваются короткими репликами. Вокруг дворца сгущается темная и холодная враждебность, заползает в души министров, приводя их в отчаяние, которое сменяется безразличием.

Министр юстиции Временного правительства П. Малянтович размышляет про себя: «Нужен короткий и решительный приказ. Впрочем, приказ о чем? Держаться до последнего человека, до

последней капли крови? Ради чего? Если народ не защищает свое правительство, значит, он не нуждается в нем».

21–23 часа. Комиссары Военно-революционного комитета разъезжаются по всему Петрограду во главе красногвардейских отрядов и занимают ключевые позиции города.

21 час 30 минут. К «Авроре» подошла шлюпка со связным Военно-революционного комитета на борту. Он передал распоряжение: если Временное правительство не сдастся, над Петропавловской крепостью появится красный огонь, означающий, что «Аврора» должна дать залп, который станет сигналом к штурму Зимнего дворца. Комиссар «Авроры» А. Белышев отправился на бак, где у шестидюймового орудия стоят вахтенные комендоры. С набережной доносится винтовочная стрельба.

21 час 40 минут. На Петропавловской крепости красного огня все нет.

22 часа 10 минут. Комендант Петропавловской крепости Благонравов ворчит: «Все-таки Россия не была бы Россией, если бы в ней можно было все исполнять строго по плану. Что-нибудь обязательно помешает. Сорок минут искали красный фонарь — условный знак к началу штурма Зимнего. Нашли, слава богу. Теперь не знаем, как на шпиль поднять сей фонарь. Опять заминка, а в Смольном из-за нас открытие съезда задерживается».

22 часа 20 минут. Военно-революционный комитет приказывает коменданту Петропавловской крепости Благонравову стрелять из пушек Петропавловской крепости в сторону Зимнего.

Раздался орудийный выстрел, и над дворцом разорвалась шрапнель. Гул понесся над Петроградом, небо озарилось всполохом. Голуби и вороны черной стаей в ужасе метнулись в темное ночное небо. Офицер пулеметного батальона А. Тарасов-Родионов влез на площадку бастиона, чтобы корректировать огонь. Снизу раздался голос: «Только не полевому крылу дворца! Там лазарет!»

22 часа 25 минут. Наводчики-матросы навели орудие без всяких панорамных прицелов — на глаз. Из крепости грянул новый выстрел. В небе над дворцом вспыхнула ракета.

22 часа 30 минут. В третий раз громыхнул орудийный выстрел. Во дворце и на набережной погас свет. Воцарилась жуткая тишина. Смолкли даже пулеметы и ружейные выстрелы на площади перед дворцом. И лишь с Троицкой донесся веселый, обыденно-привычный звук трамвая. Трамвай летел в ночь, и подрагивала мостовая под тяжестью его колес. А может быть, сорвался с пьедестала Медный всадник и это его тяжело-звонкое

скакание сотрясает мостовую, напоминая загадочный подземный гул, который случается при землетрясениях? В этом чудящемся подземном грохоте созревали тектонические сдвиги истории, гигантские смещения жизненных пластов.

В душе Анны Андреевны Ахматовой рождался образ, который позже выкристаллизуется в строки:

Словно в зеркале страшной ночи,
И беснуется и не хочет
Узнавать себя человек.
А по набережной легендарной
Приближался не календарный —
Настоящий Двадцатый век.

Рождался новый век. Календарно он начался 17 лет назад, но исторически — в эту ночь. Была своя правда в том, что французская революция ввела новый календарь, а после Октябрьской революции были произведены некоторые изменения в календаре, и летосчисление по новому стилю сдвинулось на 13 дней вперед. Однако еще более чутко, чем календари, суть сдвигов во времени почувствовало сердце поэта: 25 октября 1917 года в России начался не календарный, а исторический XX век, новая социальная эпоха. В оглушительной тишине стал внятен гул смещающихся слоев поднимающейся новой эпохи.

22–23 часа. В посольствах и дипломатических миссиях, аккредитованных в Петрограде при Временном правительстве, идет сбор отрывочных сведений и переработка тревожной информации. Советник швейцарской миссии Фюрер телеграфирует в Берн: «Большевистский переворот, по-видимому, можно считать совершившимся. В течение нескольких часов столица целиком в руках Петроградского совета, на сторону которого перешел почти полностью гарнизон. По сообщению французского посольства, правительство Керенского, оставленное даже казаками, распущено. Сегодня утром Керенский бежал, сказав, что уезжает в армию. По-видимому, формируется правительство Ленина. Отряды войск Совета занимают город; главные улицы забаррикадированы. В 10 часов вечера слышна ружейная стрельба и канонада у Зимнего дворца».

22 часа 35 минут. Делегаты съезда толпятся во всех дверях, коридорах, на лестницах, сидят на подоконниках Смольного в ожидании открытия Второго съезда Советов.

Американский журналист Альберт Вильямс, войдя в Беломраморный зал Смольного, увидел там Стучку и Петерса. Вильямс спросил:

— Почему Ленин все еще в парике? Ему угрожает опасность?

Петерс ответил:

— Нет, все в порядке. Просто товарищ Ильич хочет осмотреться, спокойно изучить обстановку.

22 часа 36 минут. На заседании фракции большевиков съезда Советов Луначарский избирается членом президиума Второго Всероссийского съезда Советов.

22 часа 37 минут. Временное правительство передает по прямому проводу на фронт: «Правительство в полном составе, за исключением С. Н. Прокоповича, на посту. Положение признается благоприятным. Городская дума и Советы крестьянских депутатов на стороне правительства. Дворец обстреливается только ружейным огнем без всяких результатов. Выяснено, что противник слаб. Из Ставки правительству сообщают, что на выручку правительству идут войска с фронта. Самокатный батальон ожидается ночью, а несколько полков — утром».

22 часа 40 минут. В актовом зале Смольного открывается Второй Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Холодно-непроницаемый человек с круглым, гладко выбритым лицом взошел на центральное место в президиуме съезда и, взяв в руки колокольчик, позвонил. Это был многолетний редактор меньшевистских газет Федор Ильич Дан, врач по профессии, председатель старого ЦИКа, в котором меньшевики имели сильные позиции. Он сказал, что не будет произносить вступительную политическую речь, потому что в эту минуту его соратники по партии подвергаются обстрелу в Зимнем дворце. Они, рискуя жизнью, продолжают выполнять свой долг.

Дан объявил съезд открытым.

Съезд принимает решение: включить в президиум представителей всех представленных на съезде партий пропорционально числу делегатов этих партий. Большевики получили 14 мест. Все остальные партии вместе взятые —11. Эсеры и меньшевики отказались от своих мест в президиуме. Старый президиум сошел со сцены, и на нее поднялись и заняли свои места большевики. В президиум были избраны 14 большевиков, семь левых эсеров и один украинский социалист. Среди избранных: Ленин, Антонов-Овсеенко, Крыленко, Каменев, Коллонтай, Луначарский, Ногин, Склянский, Стучка, Троцкий и другие.

Гремят аплодисменты. Ленина среди вышедших на сцену в составе президиума пока не было. Съезд утверждает повестку дня, в которую включены вопросы: об организации власти, о войне и мире, о земле. Прежде всего решено заслушать доклад Петроградского совета.

22 часа 45 минут. На крейсере «Аврора» А. Белышев отдал команду:

— Носовое! Пли!

Грохот выстрела прокатился над Невой, над набережными, над площадью Зимнего дворца, над Петроградом, над Россией, над миром. Начались десять дней, которые потрясут мир. Послышались ружейная и пулеметная стрельба и грянуло «ура!».

22 часа 50 минут. А. Белышев отдал приказ зарядить орудие «Авроры» на всякий случай боевым снарядом и включить прожектор.

Федор Иванович Шаляпин вышел на сцену в спектакле «Дон Карлос», но жизнь и революция мощно ворвались в творческий процесс. С Невы донесся орудийный выстрел «Авроры» — сигнал к штурму Зимнего. Многие зрители покинули театр. Зал оказался полупустым.

После сцены объяснения Филиппа и королевы последняя публика покинула театр. Первый и последний раз в своей жизни великий Шаляпин пел перед почти пустым залом. Шекспир считал, что мир — театр: лицедействуй или уйди со сцены. Маркс считал, что революция — предмет для истинной трагедии. Публика в зале, где пел Шаляпин, все население Петрограда, весь народ России ставили в самой жизни великую революционную трагедию, и некому было слушать великого певца. За стенами театра гремела революция.

22 часа 52 минуты. С Невы до Смольного докатывается гул орудийного выстрела. Делегаты вскочили с мест. Те, кто был у окон, стали вглядываться в ночную тьму. Мартов бросился к трибуне и глухим голосом с отчаянием воскликнул:

— Товарищи, это начинается гражданская война! Первостепенное дело — мирное разрешение кризиса. Главный вопрос съезда — о власти, а он уже решается на улицах силой оружия!.. Съезд не имеет права сложа руки наблюдать за тем, как разгорается гражданская война, которая чревата опасностью контрреволюции. Возможность мирного исхода — в создании единого демократического органа власти. Мы должны избрать делегацию для переговоров с другими социалистическими партиями и группировками.

22 часа 55 минут. Большевики покидают президиум, чтобы посоветоваться с Лениным, который пока остается за кулисами съезда. После короткого совещания от имени большевистской фракции выступает Луначарский. Он говорит:

— У большевиков нет никаких возражений против предложения Мартова обсудить вопрос о мирном разрешении создавшегося кризиса.

Вопрос ставят на голосование. Лес штыков удваивается лесом поднятых рук. Предложение принимается единогласно.

23 часа. Вдруг вновь стало тихо, и в этой тишине от дворца к мосту бежал связной. Он махал бескозыркой. Потом остановился и крикнул:

— На «Авроре»! Больше не стрелять. Наши у Зимнего!

Крейсер ответил: «Ура! Да здравствует советская власть!»

В это время Б. В. Савинков встречается с генералом Алексеевым и разрабатывает план освобождения из осажденного Зимнего дворца членов Временного правительства силами юнкеров и казаков.

23 часа 03 минуты. На Дворцовой площади из-за баррикады, сооруженной из дров, нервно стреляют юнкера и ударницы. Командир красногвардейцев района Московской заставы Петрограда Н. А. Милютин кричит:

— Даешь!

Цепь поднялась. Покатилось «ура!».

Чудновский спросил у Подвойского: «Не предложить ли Зимнему снова сдаться?» Однако его вопрос потонул в грохоте штурма. А с баррикады перед дворцом раздались женские возгласы:

— Сдаемся! Только не обижайте!

Две сотни ударниц складывают оружие. Под конвоем их выводят на Миллионную улицу. А по площади в рядах наступающих идут несколько броневиков. Со стороны Миллионной и Дворцового моста тоже доносятся крики «ура!».

В воротах Зимнего поспешно скрываются остатки юнкеров.

23 часа 10 минут. Восставшие уже ворвались в Зимний.

На Втором съезде Советов единства не получилось. Стараясь перекрыть негодующие возгласы и гул, меньшевик, капитан 12-й армии Хараш, выразил резкий протест против действий большевиков, окруживших Зимний дворец.

Выступил другой офицер и сказал, что ожидается созыв Учредительного собрания, а потому съезд Советов не является «полномочным» органом власти. Член партии с 1903 года, меньшевик Л. М. Хинчук, который в 1920 году вступит в партию большевиков, а затем станет советским послом в Берлине, выдвинул резолюцию правых меньшевиков, требующую переговоров с Временным правительством. Правый социалист, стараясь срывающимся голосом перекрыть гул возмущения и топот ног в зале, зачитал резолюцию своей фракции: сотрудничество с большевиками невозможно, съезд не имеет никаких полномочий.

Представитель Бунда Абрамович заявил, что меньшевики,

эсеры и бундовцы, члены городской думы, а также члены исполкома Совета крестьянских депутатов приняли решение «погибнуть вместе с Временным правительством». Абрамович провозгласил: «Безоружные, все мы подставим свою грудь под пулеметный огонь террористов». Он призвал всех делегатов съезда последовать его примеру.

В ответ на это обращение из 649 делегатов съезда около 50 покинули Смольный. Председательствующий призвал всех оставаться на местах. Вдогонку уходящим меньшевикам и эсерам раздавались свист и выкрики: «Предатели!»

23 часа 15 минут. Вновь выступил Мартов: «Мы должны непременно прекратить кровопролитие!» Послышалась реплика: «Никакого кровопролития не происходит». Мартов с трибуны возразил: «Пушки ведь стреляют». Мартов внес предложение отложить работу съезда до тех пор, пока все социалистические партии не придут к соглашению. Раздались протестующие возгласы.

Американские журналисты Альберт Вильямс и Джон Рид, до сих пор сидевшие рядом в Беломраморном зале Смольного, вышли на улицу, с тем чтобы пойти к Дворцовой площади. К ним присоединились другие иностранные корреспонденты — Брайант, Битти, Гамберг.

Вильямс недоумевал: «Я могу понять, почему ушли меньшевики и эсеры. Однако Мартов? Неужели и он уйдет со съезда?! Он и его друзья — интеллигентные люди, перенесшие тюрьмы. Мартов в сибирской ссылке заболел туберкулезом. Он поклонялся народу, как Богу, и призывал его восстать. А когда бог восстал, Мартов вдруг стал атеистом: испугался, что бог вышел из повиновения».

Иностранные журналисты сели в грузовик, в кузове которого уже находилось несколько матросов в бескозырках и казак в высокой меховой шапке.

Грузовик быстро поехал к Зимнему, громыхая по булыжной мостовой. Матросы поднимали со дна кузова пачки листовок и бросали их в темень пустынных улиц. Город казался вымершим, но из подворотен, подъездов, дворов выбегали люди и подбирали листовки, поздравлявшие граждан с победой революции.

Гамберг проворчал:

— Это было напечатано и готово к распространению утром. Довольно оптимистично. Однако оптимизм не сказался на военных гениях, играющих в кошки-мышки вокруг Зимнего дворца. Сначала они ждали чуть ли не целого флота, а теперь посылают ультиматум во дворец, угрожая начать обстрел, если министры не сдадутся в указанный срок. Когда срок подходит,

назначают новый. Революции без крови не бывает. Впрочем, это их революция и им виднее.

Грузовик подъехал к Дворцовой площади. Оказалось, что красногвардейцы уже в Зимнем. Джон Рид сказал: — Когда пала Бастилия, освободили семь узников, причем большинство из них были карманниками. В Зимнем будут захвачены полтора десятка, и они, по крайней мере, не мелкие воры.

23 часа 20 минут. Отряд красногвардейцев во главе с комиссаром ВРК Д. Е. Соловьевым занял Финляндский вокзал и потребовал подчинения со стороны начальника станции, служащих и охраны. Все ответили согласием.

23 часа 30 минут. Идут стычки на лестничных площадках Зимнего дворца.

23 часа 40 минут. Эсеры предложили всем гласным Петроградской городской думы идти в Зимний дворец «умереть вместе со своими избранниками». Это предложение ставится на открытое голосование. Все опрашиваемые, кроме большевиков, с пафосом отвечают:

— Да, иду умирать!

Голосование заканчивается. Все выходят из зала в вестибюль, надевают пальто и разбирают мешки с хлебом и колбасой — это продукты для осажденного Временного правительства.

23 часа 50 минут. Вдали слышны выстрелы. В ночной темноте делегаты, покинувшие съезд, и члены городской думы с женами и друзьями безоружной толпой двинулись к Зимнему. Всего человек триста. У Екатерининского канала шествие остановил заградительный патруль из двадцати матросов. Делегаты пытаются втолковать сумрачным матросам, что это за процессия, кто в ее составе, куда и с какой целью они идут. Выкрикиваются высокие и потерявшие цену слова: «избранники народа»… «всенародное голосование»… «воля народа России». Матросы молча слушают. Доводы «демократии» иссякают. Воцаряется молчание.

Дует холодный ветер. Вдали слышна стрельба. Пафос совместного «подвига смерти» остывает. Шествие утрачивает единство, его участники начинают сознавать вздорность своего поступка. Возникает растерянность. Нелепость демонстрации начинает раздражать матросов, и некоторые из них без команды снимают с плеч винтовки. Раздаются выкрики:

— Поворачивай оглобли! Назад!

Матрос, командующий отрядом, властно требует:

— Возвращайтесь.

— Пропустите нас! Мы идем умирать… — не слишком уверенно требуют демонстранты.

— Мы здесь по приказу Военно-революционного комитета. Умирать здесь не положено. Ступайте домой, примите яд, — посоветовал матрос.

— А что будет, если мы попробуем прорваться?

— Ничего не будет, — ответил матрос. — Придется вас поколотить. Однако убивать мы вас все равно не будем. Ни одного человека не убьем.

Министр снабжения Прокопович дрожащим от волнения и возмущения голосом воскликнул:

— Давайте вернемся! Откажемся умирать от руки стрелочников!

Демонстранты, в бессильном гневе выкрикивая негодующие возгласы о попрании демократии, двинулись вспять, к Таврическому дворцу, где обычно заседала городская дума. Теперь это была уже толпа. Вскоре все 300 демонстрантов, выходивших на «подвиг смерти», в полном здравии вернулись в здание Думы. Прогулка по холодным и продуваемым ветром улицам, переживания несостоявшегося гражданского подвига возбудили аппетит. Мешки были развязаны, и демонстранты принялись жадно вкушать недоставленные Временному правительству хлеб и колбасу.

Близится полночь. Восставшие уже заняли часть Зимнего. Время от времени еще слышится стрельба.

Представитель Центробалта Алексей Баранов телеграфирует в Гельсингфорс Дыбенко: «Правительство свергнуто… Идет овладение Зимним».

Полночь. Юнкера на первом и втором этажах уже не сопротивляются. Красногвардейцы и матросы лавиной движутся на третий этаж. Агония Временного правительства подходит к концу.

26 октября, четверг. 0 часов 35 минут. Антонов-Овсеенко и Чудновский идут в сопровождении красногвардейцев и матросов в глубь дворца. В одной из комнат они встречают генерал-губернатора Петрограда Пальчинского. Тот говорит:

— Товарищ, представители городской думы во главе с Прокоповичем с зажженными фонарями идут к Зимнему дворцу для прекращения его осады.

Чудновский взял за рукав Пальчинского и обратился к матросам:

— Арестуйте его!

Пройдя анфиладу комнат, Антонов-Овсеенко, Чудновский и возглавляемый ими отряд оказались в обширном зале. Здесь несколько юнкеров стояли с ружьями наготове. Им предложили сдаться. После некоторого колебания юнкера, сознавая тщетность

сопротивления, сложили оружие.

0 часов 45 минут. В следующей комнате — министры Временного правительства.

— Именем Военно-революционного комитета вы арестованы! — заявляет Антонов-Овсеенко.

Министры сдают бумаги и оружие. Толпа в зале растет. С трудом удается поставить часовых. Матросы выгоняют из комнаты подозрительных лиц, проникших с толпой в Зимний.

0 часов 50 минут. Зимний взят. Временное правительство арестовано.

Ставка верховного командования по прямому проводу связалась с политуправлением военного министерства. Дежурный офицер сообщил: «…Фактическое соотношение сил таково, что до позднего вечера, когда началась осада Зимнего дворца, восстание проходило бескровно; подходя к тому или иному зданию, охраняемому правительственным патрулем, восставшие снимали его без всякого сопротивления, план восстания был, несомненно, заранее разработан и проводился неуклонно и стройно. Комитет спасения революции в данное время никакими силами не обладает, но может рассчитывать на части, идущие с фронта. Сутки тому назад штаб округа должен был констатировать, что он опирается лишь на женский батальон, две-три роты юнкеров, роту ударников и группу офицеров, пришедших из госпиталей; броневые машины заявили, что не желают активно бороться за Временное правительство, и к утру ушли; три казачьих полка, находящихся в Петрограде, в течение всей ночи вели переговоры, обсуждая условия своего прихода к Зимнему дворцу, и к утру прислали две-три сотни, рассеявшиеся к сегодняшнему вечеру. Крейсер „Аврора“, подошедший к Николаевскому мосту, обстрелял Зимний дворец…»

1 час 20 минут. Протоколы и список арестованных составлены. Их подписывают Антонов-Овсеенко и Чудновский. Каждому арестованному придан свой конвоир.

1 час 30 минут. По истоптанным коридорам Зимнего, навстречу гулу негодования и ненависти, арестованных министров ведут вниз, потом во двор, затем — через ворота и через баррикаду из дров выводят на ночную Дворцовую площадь и ведут в Петропавловскую крепость.

Овсеенко торопит шествие. Бывший министр Никитин шутит:

— Господин Овсеенко, не бойтесь, мы не убежим.

— Я боюсь другого, — многозначительно отвечает Овсеенко.

На площади накал ненависти нарастает и слышатся выкрики:

— Расстрелять на месте! К стенке!

В слепой ярости, опьяненная торжеством победы толпа

солдат и разного люда набрасывается на арестованных членов Временного правительства. Особо ожесточает толпу весть, что Керенский удрал. Терещенко, Коновалов и некоторые другие министры получают затрещины и пинки. Конвоиры кричат:

— Не омрачайте пролетарского торжества!

Красногвардейцы и матросы оттесняют разъяренную толпу, окружают кольцом арестованных членов правительства, спасают их от самосуда.

По Миллионной улице под красногвардейским конвоем, потирая полученные синяки, «временные» движутся к Петропавловской крепости, где их ожидают казематы.

1 час 35 минут. Разоруженных во дворце юнкеров отпускают.

Американский журналист Гамберг, наблюдающий эту сцену, говорит: «Зря они отпускают юнкеров. К чему такое мягкосердечие? Впрочем, это не наше дело. Это их революция».

1 час 40 минут. Алексеев в соответствии с планом, разработанным совместно с Б. В. Савинковым, принял представителей военных школ и изложил им план военной операции. Однако этот план было уже поздно приводить в действие — Зимний дворец взят восставшими.

2 часа. Керенский в Пскове издает приказ Верховного главнокомандующего, который датирован еще 25 октября 1917 года: «Приказываю всем начальникам и комиссарам во имя спасения родины сохранять свои посты, как я сохраняю свой пост Верховного главнокомандующего до изъявления воли Временного правительства республики».

2 часа 15 минут. Подвойский отдает приказ усилить караулы в Генеральном штабе, штабе округа, Министерстве иностранных дел, на почтамте и телефонной станции. Затем он садится в машину и говорит: «В Смольный».

2 часа 20 минут. По дороге в крепость, на мосту, у прохожих возникло поползновение сбросить бывших министров в Неву. Матрос А. А. Дорогов и другие конвойные предотвратили самосуд. Наконец арестованные доставлены в Петропавловскую крепость. Здесь они садятся на деревянные солдатские скамейки в рабочем клубе Монетного двора. Антонов-Овсеенко проверяет по списку, все ли министры благополучно прибыли. В это же время на съезде Советов от имени фракции большевиков выступает Луначарский с кратким заявлением: «Тяжесть задачи, выпавшей на нас, вне всякого сомнения. Для успешного разрешения этой задачи необходимо объединение различных элементов, действительно революционных элементов демократии».

2 часа 30 минут. Объявляется перерыв в работе Второго Всероссийского съезда Советов. Ленин проходит в свой кабинет и

пишет воззвание «Рабочим, солдатам, крестьянам!». Входит Подвойский. Ленин, почти не отвлекаясь от работы над воззванием, выслушивает его доклад. На прощание Ленин крепко жмет руку Подвойскому и вновь углубляется в работу.

Луначарский расположился в вестибюле у свободного подоконника и записывает в блокнот соображения по поводу первоочередных культурных мероприятий революционной власти, которую только еще надлежит сформировать. Его работу прервала 22-летняя журналистка Лариса Рейснер и один из руководителей штурма Зимнего 27-летний Григорий Чудновский — делегат Второго Всероссийского съезда Советов, солдат Преображенского полка, только что назначенный комендантом Зимнего дворца. Молодые люди полны революционного энтузиазма и хотят поделиться переполняющими их впечатлениями с Луначарским. Он откладывает карандаш и слушает. Измученный, усталый и счастливый Чудновский рассказывает, как он ходил в Зимний предлагать Временному правительству сдаться. Молодой человек рассказывает Луначарскому, но немного красуется перед юной журналисткой.

Луначарский с интересом выслушал рассказ Чудновского и деликатно отошел, оставляя молодых людей далее беседовать друг с другом.

2 часа 45 минут ночи. Воззвание «Рабочим, солдатам, крестьянам!» готово. Ленин выходит из своего кабинета в коридор Смольного. Здесь он видит Луначарского, стремительно подходит к нему и с лукавой усмешкой спрашивает:

— Анатолий Васильевич, вы уже знаете, что будете народным комиссаром просвещения? Привыкаете ли к новой роли?

— За несколько часов, Владимир Ильич, к такой роли не привыкнешь. Боюсь, на это потребуются месяцы и годы.

— Годы! Это вы, батенька, хватили! За работу нужно приниматься сейчас же, немедленно! И без того в деле просвещения России годы и годы упущены. Знаете ли вы, что в России на каждые сто человек — более семидесяти неграмотных, около четырех пятых детей и подростков лишены образования. Это данные 1913 года. Относительно сегодняшнего дня точных цифр не знаю, однако положение за время войны ухудшилось. Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были ограблены в смысле образования, в Европе не осталось ни одной, кроме России…

— Владимир Ильич, я уже начал думать над планом работы в области просвещения.

— Помните, что в вашей деятельности вы должны будете охватить и начальное, и среднее, и высшее образование, и всю

сферу культуры. Обычно таким объемом работы занимались три министерства. Постарайтесь в первую очередь обратить внимание на библиотеки. Поскорее надо сделать книгу доступной массам. Давать вам инструкции по части ваших новых обязанностей сейчас не время, да и не могу сказать, что у меня уже сложилась продуманная система мыслей по поводу первых шагов революции в области культуры и просвещения. Многое, безусловно, необходимо перекроить, перевернуть, пустить по новым рельсам.

— Понимаю, Владимир Ильич. На все это нужны люди и люди…

— Постепенно обрастете помощниками. Кое-кого мы вам пришлем. Я советую вам серьезно обсудить эти задачи с Надеждой Константиновной. Она может сотрудничать с вами, так сказать, на правах товарища министра. Она много думала над вопросами народного просвещения и воспитания молодого поколения и, мне кажется, имеет правильные установки и поможет выработать правильную линию.

Подошел Свердлов и, обратившись к Ленину, сказал, что перерыв в работе съезда заканчивается. Ленин кивнул и продолжал говорить:

— В вопросах высшей школы большую помощь вам может оказать Михаил Николаевич Покровский. Реформы надо проводить очень осторожно: дело крайне сложное, как говорится, не наломать бы дров. Ясно одно: надо всемерно расширить доступ в высшие учебные заведения широким массам и прежде всего пролетарской молодежи. Не буду вас далее занимать. Вы, я вижу, устали. Однако за дело надо приниматься немедленно. Буквально сегодня. Анатолий Васильевич, сейчас начнется заседание съезда, я прошу вас зачитать на заседании от имени большевиков воззвание.

Луначарский согласился и взял текст воззвания, написанный Лениным. Ленин энергично пожал ему руку и стремительной походкой пошел через толпу по коридору в Беломраморный зал.

3 часа 10 минут. Перерыв закончился, работа Второго Всероссийского съезда Советов возобновилась. Принимается резолюция, осуждающая делегатов, не разделяющих решительные революционные действия и покинувших съезд Советов.

3 часа 40 минут. В актовом зале объявляется о взятии Зимнего и аресте министров Временного правительства. Гремят аплодисменты. Зачитывается список арестованных министров.

4 часа. Представитель левых эсеров заявил протест против ареста министров.

4 часа 10 минут. В Петропавловской крепости бывший царский министр юстиции Щегловитов иронически-сочувственно

сказал бывшему министру иностранных дел Временного правительства: «Вы, господин Терещенко, во времена царизма плохо распорядились своими деньгами. Дали целый миллион либеральным организациям и газетам, чтобы попасть сюда! Обратились бы ко мне, и я устроил бы вас в Петропавловскую крепость без всяких для вас расходов».

4 часа 50 минут. Луначарский прерывающимся от волнения голосом зачитывает написанное Лениным воззвание «Рабочим, солдатам, крестьянам!»:

«Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов открылся. На нем представлено громадное большинство Советов… Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки.

Временное правительство низложено… Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые должны обеспечить полный революционный порядок. Солдаты, рабочие, служащие — в ваших руках судьба революции и судьба демократического мира! Да здравствует революция!»

Съезд подавляющим большинством голосов принимает воззвание, два голоса против, двенадцать воздержавшихся.

5 часов 05 минут. Принято обращение к солдатам и железнодорожникам не пропускать в Петроград эшелоны с войсками, посланные Керенским и Калединым.

На трибуну поднимается бледный от бессонницы Крыленко. Он размахивает телеграммой: «Товарищи! Сообщение с Северного фронта: Двенадцатая армия приветствует съезд. Там создан Военно-революционный комитет, который взял на себя командование фронтом! Генерал Черемисов признал комитет».

Солдаты — делегаты съезда бросились обнимать друг друга.

5 часов 10 минут. Ленин и Бонч-Бруевич вышли из Смольного. Город не освещен. Автомобиль стоит на условленном месте. Они садятся в машину и едут к Бонч-Бруевичу. Ленин устал и вздремнул в автомобиле. Приехав, поужинали. Ленин расположился в небольшой комнате, где стояли кровать, письменный стол и шкафы с книгами. Когда все улеглись спать, он встал с постели, на цыпочках подошел к письменному столу, включил настольную лампу и стал писать. Лишь когда начало светать, потушил свет и лег отдохнуть.

Утром Владимир Ильич вышел из комнаты энергичный, бодрый и радостный.

— С первым днем социалистической революции! —

поздоровался он.

Подошли товарищи. Когда собрались пить чай, Ленин вынул из кармана листки бумаги и прочел «Декрет о земле (проект)».

7 часов. Весть о победе Октябрьской революции облетела мир. Аккредитованные в Петрограде дипломаты сообщили о ней своим правительствам. Так, греческий поверенный Какламанос телеграфировал в Афины: «Совет захватил власть. Судьба министров неизвестна, за исключением Керенского, который, говорят, уехал в Ставку. Совет выпустил воззвание, в котором заявляет, что, беря власть в свои руки, он выдвигает в качестве программы предложение демократического мира, распределение земель между крестьянами, контроль рабочих над промышленностью и т. д. Всю ночь шла ружейная перестрелка, а крейсер „Аврора“, пришедший из Кронштадта с несколькими миноносцами, стрелял в упор. Верные правительству войска укрылись в Зимнем дворце, но в два часа утра сдались».

Утром Блок отдернул занавеску на окне своего кабинета. По небу плыли низкие тучи. Всю ночь глухо ухали выстрелы. Сейчас все стихло. Блок открыл наугад Библию, лежавшую на письменном столе, и прочел: «И судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими». Захлопнул тяжелый переплет, надел шинель и вышел из дому. Худая согнутая фигура двинулась в рассветный сумрак, в сторону Дворцовой площади.

Золотая адмиралтейская игла, как первый луч солнца, горела в холодном городе, горела то ли отсветом прошлого, то ли будущей надеждой, отражая далекие костры и одинокие огни «Авроры», стоящей на якоре неподалеку от Зимнего дворца.

Черное кружево решетки Летнего сада четко проступало на фоне белого инея, припорошившего холодную осеннюю землю и голые деревья. Береговой гранит сковывал величественное течение Невы. Блок шел по притихшим улицам. Холодный ветер дул с Балтики. «Ветер, ветер на всем белом свете…»

У Зимнего дворца горели костры. Блок зашагал на их свет. Рабочие и солдаты грелись, весело перешучиваясь и незлобиво переругиваясь. К костру из серой мглы приблизилась огромная фигура. Блок вгляделся в эту фигуру и удивленно и обрадованно окликнул, назвав фамилию, будто тем самым говоря «здравствуйте»:

— Маяковский!

— Блок? Здравствуйте! Вот уж не чаял увидеть вас здесь в такое время. Нравится?

Поэты неторопливо пошли в сторону Зимнего.

— Хорошо! — ответил Блок и вдруг с грустью сказал: — А у

меня в деревне библиотеку сожгли…

Маяковский произнес:

— Возмездие. Не лично вам. Классу.

«Хорошо» и «возмездие» — слова, сказанные друг другу двумя поэтами, западут в сознание каждого из них. Пройдет время, и по таинственным законам творчества слово «хорошо», сказанное Блоком, всплывет в виде названия октябрьской поэмы Маяковского. Слово же «возмездие», сказанное Маяковским, станет названием поэмы Блока.

21 час. Открылось второе заседание съезда Советов.

Съезд отменяет введенную Керенским смертную казнь на фронте и принимает решение об освобождении из тюрем революционных солдат и офицеров, о переходе всей власти на местах к Советам. Приняты обращения: к железнодорожникам — о сохранении дисциплины на транспорте, к Советам — об обеспечении порядка. Воздух в Беломраморном зале стал голубым от дыма махорки и табака.

Съезд перешел к рассмотрению основных вопросов. Председательствующий объявил: «Слово предоставляется товарищу Ленину». Крепкий, приземистый лысый человек в поношенном пиджаке энергичным шагом пошел к трибуне. Ленин был без привычных усов и бороды, которые сбрил, находясь на нелегальном положении.

Ленин подчеркнул, что документы, которые он собирается зачитать, не нуждаются в комментариях. Он провозгласил необходимость справедливого мира без аннексий и контрибуций и предложил резолюцию, требующую немедленного решения вопроса о мире и земле. Декрет о мире съезд принял единогласно. Декрет о земле — всеми делегатами при одном против и восьми воздержавшихся.

Ночь на 27 октября. Съезд принимает декрет об образовании советского правительства. «Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановляет: образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания, временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров;

заведование отдельными отраслями государственной жизни поручается комиссиям, состав которых должен обеспечить проведение в жизнь провозглашенной съездом программы, в тесном единстве с массовыми организациями рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян, служащих;

правительственная власть принадлежит коллегии представителей этих комиссий, то есть Совету Народных Комиссаров, контроль над деятельностью народных комиссаров и

право смещения их принадлежит Всероссийскому съезду Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и его Центральному Исполнительному Комитету.

Совет Народных Комиссаров составлен из следующих лиц: председатель Совета — Владимир Ульянов (Ленин); народный комиссар по внутренним делам — А. И. Рыков; народный комиссар земледелия — В. П. Милютин; народный комиссар труда — А. Г. Шляпников; по делам военным и морским — комитет в составе: В. А. Овсеенко (Антонов), Н. В. Крыленко и П. Е. Дыбенко;

народный комиссар по делам торговли и промышленности — В. П. Ногин;

народный комиссар народного просвещения — А. В. Луначарский;

народный комиссар финансов — И. И. Скворцов (Степанов);

народный комиссар по делам иностранным — Л. Д. Бронштейн (Троцкий);

народный комиссар юстиции — Г. И. Оппоков (Ломов);

народный комиссар по делам продовольствия — И. А. Теодорович;

народный комиссар почт и телеграфа — Н. П. Авилов (Глебов);

председатель по делам национальностей — И. В. Джугашвили (Сталин)».

Пост наркома по делам железнодорожным временно остался незамещенным.

5 часов. Принимается решение о составе ВЦИКа. Луначарский входит в его состав.

5 часов 15 минут. Второй Всероссийский съезд Советов объявляется закрытым.

7 часов 30 минут. На третьем этаже в большой комнате, примыкающей к комнате ВРК, непрерывно стучит машинка. Выдаются мандаты и удостоверения, подписанные членами ВРК. Несмотря на стук машинок, диктовку, поток посетителей, эта комната — самое тихое место в Смольном, паркетные полы которого, привыкшие к туфелькам барышень, затоптаны сотнями тяжелых сапог солдат и красногвардейцев.

Луначарский уселся на диване, стоящем у стены, утомленный напряжением последних дней, обессиленный бессонными ночами заседаний Петроградского совета и Второго Всероссийского съезда. Вскоре он, не раздеваясь, прилег на этом диване и заснул. У изголовья дивана остался стоять высокий пюпитр. К нему шнурком от ботинка привязана картонка. На картонке надпись карандашом: «Наркомат просвещения. Нарком принимает

круглые сутки». Мимо дивана проходят Ленин, Бонч-Бруевич и Свердлов. Они добродушно улыбаются, переглядываясь, а Ленин подходит к пюпитру, вынимает из кармана карандаш, озорно щурясь и заговорщически поглядывая на Бонч-Бруевича, приписывает на картонке: «Категорически прошу не будить наркома до 9 часов утра. Управделами Совнаркома Бонч-Бруевич».

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

Во время Октябрьской революции историк Дубнов сказал: «Вокруг нас тьма египетская, но когда же и зажигать свечу, как не во тьме?»

* * *

Нобелевские лауреаты Мария и Пьер Кюри были в Лондоне на элитарном банкете. Пьер разглядывал женщин, и Мария ревниво спросила:

— Почему ты так внимательно смотришь?

— Вычисляю, сколько лабораторий можно построить на украшения этих дам.

* * *

Английский король Георг после отречения Николая II пригласил его в Англию. Это могло бы предотвратить трагедию царской семьи. Однако вскоре приглашение было отозвано. Впрочем, сам Николай II не хотел ехать.

* * *

В революцию со второго этажа загородного дома Рахманинова крестьяне сбросили рояль. У Блока в усадьбе сожгли библиотеку. Совершая насилие над собой, Блок стремился понять, простить, оправдать это насилие над культурой и даже пытался винить в нем себя и других носителей культуры. Однако эти внутренние усилия и окружающий хаос жестокости надломили поэта, и он погиб.

* * *

Сергей Бондарчук снимал на Дворцовой площади «Десять дней, которые потрясли мир». Сцена штурма. Идущая мимо старушка интересуется:

— Что происходит?

Бондарчук отвечает:

— Штурм Зимнего.

— Зачем Зимнего? Они же теперь в Смольном.

* * *

Бондарчук вызывает директора фильма:

— Почему на Дворцовую площадь выкатили только пять пулеметов?

— Побойтесь бога, тогда и было-то всего три.

— Но у нас же сейчас больше возможностей!

* * *

«Спаси нас Бог от русского бунта, бессмысленного и беспощадного», — говорил Пушкин и рисовал привлекательный образ Пугачева. Кузнец Архип обрекает на смерть в огне чиновников-обидчиков и, рискуя жизнью, спасает из огня кошку. Пушкинское творчество в зародыше уже содержало в себе и призыв Чернышевского к топору, и толстовскую идею непротивления злу насилием. Народ предпочел топор. В рассказе Замятина Архип эпохи Октября без всякого повода, по классовой неприязни, убивает интеллигента. И тут же согревает своим дыханием замерзшего воробушка. Дальнейшее мы знаем: в 1929 году Архипа раскулачат, в 1937-м расстреляют раскулачивавших, а потом — расстреливавших. И стало богом нашим насилие, и стали люди молиться этому богу на митингах и собраниях денно и нощно.

* * *

В оценке и осознании смысла Октябрьской революции образовалось мощное многоголосие и разноголосие. Для Джона Рида Октябрьская революция — десять дней, которые потрясли мир. Розанов сказал об Октябре: с лязгом и грохотом опустился

над русской историей занавес. Бунин назвал дни революции окаянными. Ахматова — истинным началом железного века. Для Блока это была «космическая музыка сфер». Для Маяковского — «моя революция». Осип Мандельштам считал, что в революцию один ограблен волею народа, другой ограбил сам себя. Максимилиан Волошин говорил: «В дни революции нужно быть человеком, а не гражданином». Рискуя жизнью, он спасал красных от белых и белых от красных.

Глава десятая
«А ЗАТЕМ…»

27 октября Луначарский был назначен наркомом просвещения в первом советском правительстве. Это было верной, закономерной и перспективной акцией. Новый руководитель российского просвещения был образованным человеком, хорошо знал несколько европейских языков, историю и современное состояние отечественной и западной культуры и умел широко и глубоко мыслить. Забота о современной культуре и ее развитии была органична для этого человека. По его мнению, образованный и интеллигентный человек «…слышит весь концерт, который играют вокруг него, все звуки для него доступны, все они сливаются в одну гармонию, которую мы называем культурой. И в то же самое время сам он играет на одном очередном инструменте, играет хорошо и делает свой ценный вклад в общее богатство, а это общее богатство все в целом отражается в его сознании, в его сердце». (Из выступления Луначарского в 1918 году на открытии курсов инструкторов по внешкольному образованию.)

Луначарский обнародовал программу действий, предоставляя возможность ее широкого обсуждения. Была сформирована Государственная комиссия по народному просвещению. Ее состав, структура и функции были утверждены декретом ВЦИК и СНК 9 ноября 1917 года. В комиссию вошли большевики, еще до Октября так или иначе соприкасавшиеся с проблемами просвещения: Н. К. Крупская, П. И. Лебедев-Полянский, Л. Р. Менжинская, В. М. Бонч-Бруевич, Д. И. Лещенко, Д. А. Лазуркина, В. М. Познер. В комиссии было организовано 15 отделов: по введению всеобщей грамотности, по дошкольному воспитанию и внешкольному образованию, по учебным заведениям, по вопросам науки, по искусству, по печати и другие.

Позднее комиссия была преобразована и переименована в коллегию, которая стала руководящим органом Наркомпроса. К декабрю 1917 года был сформирован аппарат Наркомпроса. Луначарский в своей работе столкнулся с огромными трудностями, которые были обусловлены и новизной задач, и отсутствием опыта в их решении, и сопротивлением противников революции, и недостатком средств, а в дальнейшем и Гражданской войной, развернувшейся на необъятных просторах России. Все это касалось не только Наркомата просвещения, но и всего нового госаппарата.

Положение осложнялось тем, что интеллигенция, еще недавно восторженно встретившая свержение самодержавия, в значительной своей части относилась к советской власти или настороженно-выжидательно, или враждебно. Учителя бастовали, актеры бывших императорских театров отказывались играть перед новым зрителем, чиновники Министерства просвещения и других министерств саботировали работу своих учреждений.

В условиях широкого саботажа культурной работы Луначарский считал, что самое главное — установить контакт с творческой интеллигенцией и перетянуть ее на сторону революции. Он много выступает, убеждая деятелей культуры поддержать новый строй. А златоустом он был выдающимся, недаром его называли «крупнейшим оратором революции» (М. Н. Покровский), «лучшим оратором в мире» (А. А. Богданов). Многие выдающиеся деятели культуры во многом благодаря логическим доводам и личному влиянию Луначарского начали активно сотрудничать с советской властью. Это в той или иной степени относится к А. А. Блоку, А. Р. Кони, Ф. И. Шаляпину, С. А. Венгерову, А. Н. Бенуа, В. М. Бехтереву, А. И. Южину.

Уже 27 октября состоялись первые заседания Совнаркома. Среди его решений был Декрет о печати, подготовленный Луначарским. Он же подготовил и воззвание к гражданам России «О народном просвещении» (опубликовано 29 октября 1917 года), в котором прокламировались направления просветительной деятельности Наркомпроса: «добиться в кратчайший срок всеобщей грамотности», организовать «единую для всех граждан абсолютно светскую школу», поддерживать культурно-просветительное движение рабочих и крестьян. В воззвании утверждалась необходимость и готовность Наркомпроса сотрудничать и с широкой общественностью, и с созданным после февраля Государственным комитетом по народному образованию, и со специалистами бывшего Министерства народного просвещения.

За подписью Ленина и Луначарского вышли первые законодательные акты, посвященные проблемам культуры: о роспуске Государственного комитета по народному образованию (20 ноября 1917 года), о передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Наркомпроса (11 декабря 1917 года), об увеличении жалованья учителям (2 января 1918 года), об охране предметов старины и искусства, принадлежащих польскому народу (12 января 1918 года).

Луначарский участвует в работе Совнаркома. Там подготавливались законопроекты и вносились на утверждение правительства. Это была существенная часть работы наркомов.

Руководимая Луначарским Госкомиссия по просвещению с ноября 1917-го по июнь 1918 года подготовила свыше 30 документов, разрабатывавших и формировавших новую систему народного просвещения. Наркомат, руководимый Луначарским, занимался организацией печати и издательского дела, охраны культурных ценностей и жизни школы, внешкольного образования и работы и жизни учителей.

Профессор Тартуского университета Л. Столович: «Я считаю, что реальная культурная политика Луначарского, к его чести, далеко не всегда совпадала с культурной политикой будущего советского государства. Луначарский был тоньше, плюралистичней, чем Ленин. Поэтому он и стал не нужен Сталину, который бы его убрал в 1937 году, если бы он до этого не умер сам. Я в своей „Истории русской философии“ подчеркиваю эту плюралистичность Луначарского, полагая, что отступления от ортодоксии были плодотворны, даже при том, что сам характер этих отступлений (позитивизм, эмпириокритицизм) мне лично философски не симпатичен. Но твердолобая, самодовольная ортодоксальность мне еще более не симпатична».

К весне 1918 года интеллигенция постепенно переходила от бойкота к признанию и сотрудничеству с советской властью. И в этом была большая заслуга Луначарского, выступавшего в качестве полномочного представителя советской власти в культуре.

Луначарский дольше всех членов первого советского правительства работал наркомом — наркомом просвещения (1917–1929).

Луначарский принимает активнейшее участие в трудном и таинственном деле строительства нового мира. В качестве народного комиссара просвещения работает до своего назначения в 1929 году председателем Ученого комитета при ЦИКе СССР. Он — член ВЦИКа и ЦИКа СССР всех созывов. Все эти годы он ведет научную работу и выступает как популяризатор культуры. Библиография трудов Луначарского насчитывает свыше трех тысяч публикаций. Собрание его сочинений едва помещается в восьми томах. Он разрабатывает с марксистской точки зрения проблемы истории общества и истории искусства, истории и теории литературы, литературоведения и критики, этики и эстетики. Он пишет пьесы и рассказы, стихи и мемуары, рецензии и фельетоны, научные труды и статьи, популяризирующие достижения культуры.

Из всех членов Совета народных комиссаров только Ленин, Луначарский и Теодорович имели партийный стаж с 1895 года.

В одном из просторных классов Смольного на стулья и столы были брошены шинели, пальто, шапки. Снявшие их участники и руководители Октября толпились вокруг тускло освещенного стола. Формировался состав руководителей новой России. Вел этот процесс Ленин. Он еще не остыл от радости первых побед революции и, будучи готовым к трудностям, все же еще плохо представлял себе, какая лавина бед, череда нестроений ожидает и его, и партию, и страну в ближайшие годы. Луначарский высказал опасения:

— Слишком большое несоответствие между гигантскими задачами и людьми, выбираемыми народными комиссарами.

Ленин ответил:

— Нужны ответственные люди на все посты; если не справятся — заменим.

Луначарский возразил:

— Это же только обезьяны действуют методом проб и ошибок. Человеческие действия должны быть продуманными, просчитанными на несколько ходов вперед…

Но сам Луначарский попадал в число «ответственных людей» и назначался наркомом просвещения, что совпадало с его стремлением отдать все силы революции и соответствовало его амбициям. В дальнейшем он окажется единственным наркомом из первого состава советского правительства, остававшимся на своем высоком посту 12 лет. Такое долгожительство во власти было обусловлено и его полным соответствием должности главного просветителя и проводника культуры в революционной России, и его увлеченностью этим делом, и его уклонением от активной деятельности в различных группировках, и его способностью к компромиссам.

Луначарский сразу же начал формировать и уже в декабре 1917 года утвердил на Совнаркоме коллегию Наркомата просвещения. В нее вошли: Н. К. Крупская, сестра и брат Л. Р. и В. Р. Менжинские, П. И. Лебедев-Полянский, В. М. Познер, Ф. И. Калинин, И. Б. Рогальский, жена Бонч-Бруевича — В. М. Бонч-Бруевич, позже к ним присоединилась Д. А. Лазуркина. Секретарем коллегии стал товарищ Луначарского по эмиграции, старый большевик Д. И. Лещенко. Он проявил инициативу и подключил к организационным делам Наркомпроса энергичного и распорядительного человека из левых эсеров — Бакралова.

Бакралов перехватил Луначарского на одном из лестничных маршей Смольного и с пафосом боевика-романтика стал рассказывать и убеждать:

— Я разузнал обстановку в Министерстве народного

просвещения. Сведения неутешительные: все сотрудники в оппозиции к новой власти и угрожают саботажем. Предлагаю с помощью дюжины красноармейцев взять министерство штурмом и вытряхнуть оттуда чиновников-саботажников.

— Нет, — возразил Луначарский, — мы не должны прибегать к насилию там, где можно обойтись без него.

Обескураженный и немножко обиженный в лучших революционных чувствах Бакралов спросил:

— Что же делать?

— Прежде всего, на заседании коллегии наркомата надо обсудить вопрос о новом персонале министерства. Поручить товарищу Лебедеву-Полянскому подготовить доклад о приглашении квалифицированных сотрудников для работы в Наркомпросе. И этот вопрос надо ставить ежедневно на коллегии.

— Однако, насколько я осведомлен, квалифицированный персонал, или, проще говоря, интеллигенция, в своей массе против революции и не соглашается идти к нам на работу.

— Нужны терпение и разъяснение, убеждение и оргработа.

Попрощавшись с Бакраловым, Луначарский зашел в приемную Ленина, сел к одному из пустовавших столов и стал писать обращение к Комитету по народному образованию, в котором было много левонастроенных педагогов. Закончив, Луначарский отправился с этой бумагой в Комитет по народному образованию. Однако председатель комитета В. Н. Чернолуский, ранее знакомый Луначарскому по совместной работе, не подал ему руки и отказался с ним сотрудничать.

На первом же заседании Совнаркома Ленин сказал:

— Зимний взят. Министры арестованы. Однако это еще не полное взятие власти в свои руки. Нужно, чтобы каждый народный комиссар подобрал себе помощников и сотрудников. Вместе с ними следует отправиться в порученное вам министерство. Надо завладеть им и живыми оттуда не уходить, если будут посягать на то, чтобы вырвать у вас порученную вам часть власти.

Нужно было найти способ взять Министерство просвещения в свои руки.

…Над Петроградом вставало хмурое осеннее утро. В ущельях улиц клубился холодный туман. Казалось, это клубилось пороховое облако от выстрелов артиллерийских орудий «Авроры» и Петропавловской крепости и от залпов винтовок на Дворцовой площади. Редкие дымы заводов плавно перетекали в темные тучи, которые плыли по оранжевому от рассвета небу. Этим ненастным утром небольшая группа мужчин и женщин разного возраста на четырех машинах подъехала к Чернышеву мосту.

Несмотря на совершенно штатский вид, эта безоружная группа людей была похожа на штурмовой отряд. Они быстро и организованно высадилась из машин и решительно направилась к зданию Министерства просвещения. Во главе группы шел высокий человек в пенсне на черном шнурке. Это был Луначарский. Его сопровождали Надежда Константиновна Крупская, брат и сестра Менжинские, П. И. Лебедев-Полянский, Ф. И. Калинин, В. М. Бонч-Бруевич, Д. И. Лещенко, Ю. Н. Флаксерман и ряд других партийцев, брошенных, как тогда выражались, на культурный фронт. Они обменивались короткими односложными репликами. Они шли брать в руки власть в области культуры, а попросту говоря, шли организовывать Наркомат просвещения. Подойдя к зданию министерства, в котором и должен был расположиться Наркомпрос, пришельцы встретили у входа возбужденных чиновников. Они переговаривались, перекрикивались — «митинговали». Один из пожилых чиновников произносил речь:

— В тот момент, когда ненавистный Луначарский переступит порог этого здания, мы уйдем отсюда. Посмотрим, как он и его невежественные большевики пустят в ход сложную машину культуры.

Раздались аплодисменты и послышались выкрики:

— Объявим саботаж!

— Не будем с ними сотрудничать!

— Придут большевики, а в министерстве — пусто!

Луначарского и его спутников, приняв за своих, чиновники стали уговаривать не входить в министерство и присоединиться к бойкоту большевиков.

— А мы, господа, и есть большевики! — ответил Луначарский.

После минутного замешательства раздались свист, улюлюканье и гневные выкрики. Однако группа партийцев, «брошенных» на трудный и ответственный участок, не отступила. Им предстояло налаживать работу наркомата, и они вошли в здание.

В кабинетах — пустота, бумаги валяются на столах и на полу. Однако кое-кто в министерстве все же оказался: курьеры, уборщицы и даже один старый чиновник, который представился как Евтихиан Псоич.

Луначарский попросил созвать всех, кто остался в министерстве. Перед немногочисленной аудиторией нарком произнес речь, в которой подчеркнул важность исторического момента и обреченность саботажа мероприятий новой народной власти. Он развернул широкую программу действий

организуемого здесь Наркомата просвещения и указал на огромный объем предстоящей работы и важность задач, стоящих перед просвещенцами, призвал всех работников проявлять инициативу и активно участвовать в строительстве революционной культуры.

На следующий день, когда Луначарский и его сотрудники пришли в министерство, они нашли все двери наглухо заколоченными. Сторож и швейцар по наущению высших чиновников прежнего министерства закрыли здание.

Луначарский написал записку-воззвание: «Товарищ швейцар и товарищ сторож! Вы, сыны трудового народа, должны приветствовать Советскую власть, а не сопротивляться ей! Ключи прошу сдать по адресу: Смольный, комната № 31, комендатура». Записка была прикреплена к двери.

Три дня работал Луначарский и его сотрудники то в Зимнем дворце, то в Смольном, пока сторож не принес и не сдал в комендатуру Смольного ключи. Луначарскому их передали во время заседания Совнаркома.

Анатолий Васильевич слушал ораторов, разложив на коленях бумаги, быстро просматривал их и урывками что-то писал. В зал заседаний вошел комендант Смольного П. Г. Мальков. Он поискал глазами Луначарского, подошел к нему, передал ключи от здания бывшего Министерства образования и, нагнувшись, шепотом спросил:

— А сторожа арестовать за саботаж?

— Нет, нет! Ни в коем случае! Он выполнял указания своих прежних начальников, а теперь сам принес ключи…

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

В помещении банка на полу валялись кресла. Они хранили память об испугавшихся и бежавших отсюда людях. Столы хранили пыль. В пыли лежали огромные толстые гроссбухи. Их добротная довоенная бумага служила топливом для буржуек. На остатках этой бумаги Всеволод Иванов позже напишет «Партизанские повести», Федин — «Города и годы», Николай Тихонов — первые стихи, Александр Грин — рассказы.

* * *

Бунин называл Бальмонта рыжей хризантемой. Находясь в эмиграции, он написал в соавторстве с Вячеславом Ивановым

гимн «Боже, спаси жизнь на Руси».

* * *

Сомерсет Моэм был послан английской разведкой в Россию, чтобы удержать ее от выхода из войны. Не удержал. Когда пришли к власти большевики, страшно испугался красного террора. Дзержинский приводил его в ужас, и он вскоре бежал на родину.

* * *

Многие деятели русской культуры в первые годы после Октября, в годы Гражданской войны уехали в путешествие за ностальгией — в добровольную или принудительную эмиграцию.

Ремизов, покидая Россию, сказал о тогда еще никому не известном молодом писателе: «Берегите Зощенко. Он — современный Гоголь».

* * *

Сологуб собрался в эмиграцию, оформил бумаги, получил разрешение, и в это время его жена бросилась с Тучкова моста в Неву. Сологуб затосковал. Пасмурные дни доставляли ему страдание, и он говорил: «Я умру от декабрита».

* * *

Уезжая из России, Вячеслав Иванов сказал друзьям: «Еду умирать в Рим».

* * *

В эмиграции в Германии Андрей Белый понял, что не сможет жить без русского языка, и вернулся в Россию.

* * *

Пантелеймон Набоков, дядя поэта Платона Набокова и

родственник писателя Владимира Набокова, любил и знал творчество Достоевского. В 1920-х годах за изучение Достоевского могли дать срок, и он от постоянного страха тронулся умом. Он нищенствовал, ходил в галошах на босу ногу и умер в бедности на Украине.

Глава одиннадцатая
КАК СОХРАНИТЬ НАУКУ ПРИ СОЦИАЛЬНОМ СТРЕССЕ?

Благодаря взаимной интеллектуальной дипломатии наркома просвещения и руководителей Российской академии наук уже в январе 1918 года последние пошли на сотрудничество с новым государством и повели за собой цвет российской науки.

Даже в особенно трудный первый год работы на посту наркома просвещения Луначарский пишет брошюры о А. Н. Радищеве и К. Марксе, некрологи ушедшим из жизни революционерам — Г. В. Плеханову, М. С. Урицкому, В. Володарскому. Он внимательно следит за ходом культурной жизни Петрограда: постановкой в Мариинском театре оперы Н. А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже», публикацией очередного тома полного собрания сочинений А. П. Чехова. Нарком пишет вступительную статью к книге К. Каутского, предисловие к хрестоматии футуристов «Ржаное поле». Он создает лейзендраму (драму для чтения) «Фауст и город».

Ходом революции, Гражданской войной, нищетой и разрухой проблемы науки и всей культуры были отодвинуты на задний план. Не только на развитие, но даже на сохранение просвещения и культуры, науки и искусства не хватало средств. Произошел отток творческих сил в результате смертей ученых и художников от недоедания и трудных бытовых условий, ухода некоторых специалистов на заработки в нетворческую сферу, внутренней эмиграции и эмиграции из советской России целых слоев интеллигенции. Без учета всех этих обстоятельств и процессов невозможно оценить работу Наркомпроса и его руководителя за первый год советской власти.

Мы тоже на фронте, мы тоже ведем борьбу, мы тоже защищаем Октябрь, утверждал Луначарский.

На второй день после падения Зимнего президент Российской академии наук Александр Петрович Карпинский пригласил к себе «на чай» двух своих соратников: академика Владимира Андреевича Стеклова и непременного секретаря академии Сергея Андреевича Ольденбурга. Деловое чаепитие — это была новая для Российской академии наук традиция демократических конфиденциальных совещаний, введенная Карпинским в 1917 году и сохранившаяся до сих пор.

В доме на Николаевской улице ученых встретили Александр Петрович и его жена Александра Павловна. Гостей усадили за стол и потчевали чаем. За чаепитием и развернулось обсуждение происходящих событий. Александр Петрович был человеком невысокого роста, коренастым, семидесяти лет от роду, с седой шевелюрой, седыми усами и благообразной бородкой. Он остро ощущал свою ответственность перед отечественной наукой и перед ее средоточием — Российской академией. Теперь президент был в некоторой растерянности.

Гости президента были людьми выдающимися. Сергею Федоровичу Ольденбургу было 54 года. Он был известным ориенталистом. Его работы, посвященные буддизму и другим проблемам восточной культуры, были переведены на многие языки и считались классическими среди ученых всего мира. Он строил свои концепции на основе личных наблюдений, вынесенных из путешествий по Востоку. Высокий и худощавый, с блестящими печальными глазами, Ольденбург был похож то ли на восточного мудреца, то ли на йога. Говорил он всегда любезно и вежливо, располагая собеседника к вниманию.

Разговор издалека постепенно шел к главному — к судьбе русской науки. Эта проблема волновала всех присутствующих, ради нее президент академии и созвал своих ближайших коллег.

Умное и энергичное лицо Ольденбурга выражало спокойную сосредоточенность. Он попытался в геополитическом плане развить модную теорию панмонголизма — ориентации на Восток вместо традиционного после Петра I европеизма:

— Вероятно, Россия закроет теперь окно в Европу и откроет дверь в Азию. Я предпочитаю Восток. Парадоксально, но там больше духа и люди цельнее.

Академик Карпинский выразил некоторое сомнение по поводу глобального прогноза Ольденбурга:

— Однако идеи социализма пришли в Россию из Европы. Не похоже, что Азия возобладает в нашей жизни.

Ольденбург ответил:

— Но центр социализма переместился из Европы в Россию. Быть может, перед нами какой-то громадный мировой сдвиг на Восток?

В отличие от академика Ольденбурга выдающийся математик своего времени академик Владимир Андреевич Стеклов был человеком крупным, полноватым, медлительным. Говорил он басом, любил пересыпать речь церковнославянизмами и вообще ничем не напоминал своего знаменитого дядю Добролюбова. Стеклов и начал разговор на главную тему:

— Зимний пал. Свершилось историческое действо,

сокровенный смысл и следствие коего днесь не вполне явственны. Однако нам внятно, что как от царского, так и от Временного правительства, доведших страну до омерзения и позора, добра ждать было нечего. Что же сулит России и ее науке случившийся переворот? Что суть большевики, кои пришли к власти? Что сулит или чем грозит новая власть Российской академии наук? В известном смысле сии вопросы сводятся к проблеме: что за личность глава большевиков Ленин? Говорят и пишут на эту тему разное, в том числе и ужасное. Кому и чему верить?

Карпинский ответил:

— Мы — ученые и должны верить только проверенным фактам. Я созвал вас, дорогие коллеги и близкие моему сердцу друзья, на эту своеобразную «тайную вечерю» именно для того, чтобы суммировать имеющиеся у нас факты и личные наблюдения. Только так мы можем выработать некоторые принципы отношения Академии наук к происходящим событиям.

Некоторое время академики молча пили чай с вареньем. Стеклов продолжил разговор так, будто он и не прерывался долгой паузой:

— Воистину, Александр Петрович, главное — факты и наблюдения. К сожалению, личных наблюдений у нас нет. Впрочем, припоминаю, что с полгода назад, в апреле, когда Ленин вернулся из эмиграции, академик Шахматов говорил мне, что он как директор библиотеки Академии наук был знаком с Лениным, который посещал сию библиотеку еще в 1891 и 1894 годах. Ныне, вернувшись из эмиграции, он посещал рукописное отделение библиотеки. Впечатление у Шахматова от Ленина сложилось весьма благоприятное.

— Ну вот, это уже факт, основанный на личном наблюдении! — обрадованно воскликнул Карпинский.

— Я тоже могу, — неожиданно сказал Ольденбург, — добавить кое-что, основанное на личных наблюдениях…

Карпинский оживился:

— Пожалуйста, расскажите, это очень важно, Сергей Федорович.

Ольденбург понимал свою ответственность за информацию, которую собирался сообщить коллегам. Ведь на ее скудной основе будут приниматься далекоидущие решения о первых установках академии в отношении новой власти. Наконец Сергей Федорович заговорил:

— Я Владимира Ильича Ульянова знаю давно. В середине восьмидесятых годов я сошелся с его братом Александром Ильичом. После его казни Владимир Ильич посетил меня. Лицо у него было внимательным и мрачным, когда я рассказывал ему о

его брате. Он почти все время молчал и лишь изредка прерывал меня вопросами… О политике почти не говорили. Я рассказывал о глубоком интересе Александра Ильича к людям. Ленин согласился с моим впечатлением и, помнится, сказал: «Вы правы, он жил и работал для людей, о себе, о своем никогда не думал». Мне показалось тогда, что и сам Ленин другой жизни не понимает.

Академики помолчали, обдумывая сообщение Ольденбурга. Потом президент сказал:

— Вы поведали нам, Сергей Федорович, о юноше. Сейчас мы имеем дело со зрелым человеком и политиком. И все же фигура Ленина отчасти проясняется. Видимо, речь идет об интеллигентном человеке. К тому же я слышал, что он — автор ряда книг по философии и экономике. Каков пастырь, такова должна быть и его паства. Однако мы должны проявить максимальную осторожность: интеллигентность и склонность к философствованию не гарантируют отсутствие фанатизма и жесткости.

И все же полагаю, что следует сделать шаг навстречу новой власти и посмотреть, как к этому отнесутся большевики.

Стеклов, любивший во все вносить математическую ясность и завершенность, подытожил:

— Значит, завтра с утра мы отправимся к большевистскому министру просвещения и после беседы с ним вынесем суждение о возможности сотрудничества науки и революции.

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

Это было в 1970-х годах. Президент Академии наук СССР академик Александров сказал, открывая заседание президиума:

— Сегодня нам предстоит решить беспрецедентный вопрос о выводе Сахарова из членов академии.

— Почему беспрецедентный? — возразил академик Капица. — В свое время Гитлер лишил Эйнштейна звания академика.

— Переходим к следующему вопросу, — объявил Александров.

Глава двенадцатая
НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ОТСТАВКА

Не прошло и десяти дней с момента назначения Луначарского наркомом просвещения, а 2 ноября 1917 года он подал в СНК заявление о выходе из правительства. Как сенсацию эту новость поспешила сообщить меньшевистская газета «Новая жизнь». Свое решение Луначарский объяснил тем, что не может работать под гнетом таких фактов, как разрушение Кремля, уничтожение соборов Успенского, Василия Блаженного и других исторических памятников. Об этих фактах появились сообщения в газетах. Вскоре, однако, выяснилась частичная ложность этой информации. 3 ноября 1917 года Луначарский опубликовал обращение «Ко всем гражданам России!», в котором призывал беречь народное достояние. Он писал: «Непередаваемо страшно быть комиссаром просвещения в дни свирепой, беспощадной, уничтожающей войны и стихийного разрушения… Нельзя оставаться на посту, где ты бессилен. Поэтому я подал в отставку. Но мои товарищи, народные комиссары, считают отставку недопустимой. Я остаюсь на посту. Но я умоляю вас, товарищи, поддержите меня, помогите мне. Храните для себя и потомства красы нашей земли. Будьте стражами народного достояния». В этом документе он сообщал, что его отставка не принята и что он остается на посту, «пока ваша воля не найдет более достойного заместителя». Нарком забрал свое заявление об отставке назад. Немалую роль в нормализации ситуации сыграло то, что Ленин немедленно провел беседу с Луначарским, доказывая ему, что панические слухи не могут оправдать такой серьезный политический акт, как отставка члена революционного правительства. «Весьма серьезная „обработка“ со стороны великого вождя», по признанию Луначарского, убедила его в необоснованности и ошибочности его решения.

Анатолий Васильевич выступил в «Известиях» (7 ноября 1917 года) со статьей «В трудный час», в которой признал свою ошибку. Он пишет: «Каковы бы ни были наши разногласия, мы не смеем дезорганизовывать тот центральный государственный аппарат, количественно и так слабый, которым вынужден пока пользоваться трудовой народ в своей первой самостоятельной борьбе».

Он продолжает активно выполнять обязанности наркома просвещения и 8 ноября 1917 года докладывает ВЦИКу о первых мероприятиях Наркомпроса, а 9 ноября проводит через эту

высшую инстанцию декрет об учреждении Государственной комиссии по просвещению.

В конце октября во время революционных боев с юнкерами в Москве была применена артиллерия. Распространился слух, что от перестрелки пострадали ценные архитектурные памятники города. Луначарский поверил этим слухам, был возмущен разрушениями, которые якобы затронули храм Василия Блаженного и колокольню Ивана Великого, впал в депрессию. Он написал на имя председателя Совета народных комиссаров официальное заявление об отставке и пошел к Ленину.

Когда Анатолий Васильевич вошел в кабинет, Ленин заканчивал беседу со Свердловым и Бонч-Бруевичем. Поздоровавшись с Луначарским и пригласив его сесть, Ленин вновь вернулся к тому делу, которым был занят. После обмена репликами со Свердловым Ленин подписал бумагу, поданную Бонч-Бруевичем, и обратился к Луначарскому:

— Очень хорошо, что зашли, Анатолий Васильевич. Я хотел поговорить с вами об архиважном деле. Вы должны понять, что необходимейшей задачей дня стало привлечение к созидательной работе буржуазной интеллигенции. Именно эта задача является сегодня краеугольным камнем деятельности вашего наркомата… Однако вы бледны и не слушаете меня… Что с вами? Вы нездоровы?

— В известном смысле нездоров, Владимир Ильич, — ответил Луначарский. — Я не могу нести ответственность за культуру, не могу строить культуру, если в это время ее от имени советской власти варварски разрушают.

— Да о чем это вы? — удивился Ленин.

— Я слышал, что во время боев в Москве с войсками Временного правительства была применена артиллерия, что вызвало разрушение ценнейших памятников культуры. Я вынужден в этих условиях сложить с себя полномочия руководителя культуры. Я написал заявление об отставке и решил выйти из правительства.

С этими словами Луначарский протянул Ленину заявление. Ленин, не прочитав бумагу, нахмурился, а потом энергично сказал:

— Как вы, Анатолий Васильевич, можете придавать такое значение тому или иному старому зданию, как бы оно ни было хорошо, когда речь идет о создании общественного строя, который способен творить красоту, безмерно превосходящую все, о чем только могли мечтать в прошлом?

— Владимир Ильич, для меня храм Василия Блаженного — это не просто хорошее старое здание…

Ленин, казалось, думал о чем-то стороннем. Вдруг он расхохотался, приведя Луначарского в замешательство и недоумение. «Что его так рассмешило?» — подумал он, выжидательно глядя на Ленина, который, переворачивая карандаш, тихонько ударял то заточенным, то тупым концом по столу. Помолчав, Ленин, улыбаясь, сказал:

— А знаете, Анатолий Васильевич, это замечательно, что вы так остро переживаете всякий урон, наносимый нашей культуре. Это значит, что вы — на своем месте. Вам возглавлять Наркомпрос, вам бороться за сохранение и приумножение культурных ценностей. Лучшего наркома просвещения нам не найти! А то, что вы не упиваетесь властью и готовы от нее отказаться, это тоже хорошо. Знаете, как говорят французы: власть можно доверить человеку, который ею немного тяготится.

Затем уже совершенно серьезно продолжил:

— Нашли, батенька, повод и время для отставки. Культурные ценности не берегут, видите ли! В Москве шел бой. Понимаете, бой! И не в храм стреляли московские большевики, а во врагов революции. Вы — нарком, вы наделены широчайшими полномочиями. И в следующий раз я с вас первого спрошу, что предпринял наркомат для спасения культурных ценностей, в том числе и во время ведения боевых действий.

Тут рассмеялся Луначарский от неожиданного поворота в разговоре.

А Ленин продолжал:

— Вот что, Анатолий Васильевич, пусть эта бумага полежит у меня. Я посоветуюсь с товарищами и дам вам окончательный ответ. Сердит я на вас, очень сердит. Огорчили вы меня: отставка в такое время!

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

В апреле 1918 года Совнарком принял декрет «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской социалистической революции». Этот декрет должен был выполнять Луначарский и его наркомат. Однако к назначенному сроку — 1 мая 1918 года — приговоренные памятники все еще оставались на своих местах.

В Кремле перед началом первомайской демонстрации под лозунгом «Да здравствует красное знамя свободного труда» собрались члены и сотрудники ВЦИКа и Совнаркома во главе с Лениным. Комендант Кремля, бывший балтийский матрос Мальков, доложил:

— На Троицкой башне заместо тусклой иконы по моему указанию нарисовали красноармейца.

— А что же вы, батенька, вот это безобразие не убрали? — Ленин указал на памятный крест, созданный Васнецовым на месте убийства великого князя Сергея Александровича.

Мальков повинился:

— Рабочих рук не хватило.

— А это разве не руки? — кивнул Ильич на Свердлова, Бонч-Бруевича, Аванесова, Смидовича. — А ну, тащите веревки!

Мальков принес веревки. Ленин ловко сделал петлю, накинул ее на верхушку креста и стал тянуть за веревку. Его примеру последовали другие.

— Эй, ухнем! — скомандовал Ленин.

Все дружно потянули за веревки. Крест покачнулся и рухнул.

— На свалку! — распорядился Ильич.

И, высекая искры из булыжной мостовой, большевики поволокли крест, на котором было отчеканено: «Отче, отпусти им — не ведают бо, что творят».

* * *

На месте памятника великому князю Сергею Александровичу было решено поставить памятник его убийце Каляеву. Однако из-за межведомственной неразберихи этот пункт ленинского плана монументальной пропаганды остался невыполненным — Россия не стала родиной первого в истории искусства памятника террористу.

Глава тринадцатая
РАБОЧИЙ ДЕНЬ В ЗИМНЕМ ДВОРЦЕ

Сразу после Октябрьской революции Луначарский оказался на ответственном посту народного комиссара просвещения. В деятельности наркома развернулись способности Луначарского: его организаторский талант, редкая эрудиция, острое чувство нового.

Луначарский был мягким и гибким человеком. Это были свойства его характера, основанные на глубоком уважении к личности человека. Однако в проведении главных социальных целей своей жизни он был тверд и бескомпромиссен, неколебим и принципиален. Луначарский руководил демократично, и его стиль руководства особенно актуален сегодня.

С утра до вечера Луначарский работал в огромном здании бывшего Министерства народного просвещения у Чернышева моста, а с вечера до глубокой ночи — в Совнаркоме.

Рабочий день народного комиссара просвещения на всю жизнь стал тесным от дел и событий. Луначарский работал самозабвенно, решая множество вопросов очередных и срочных, неожиданных и не терпящих отлагательства, небывалых и парадоксальных, бытовых и обыденных, мелких и масштабных, всероссийских и общемировых, частных и общих.

У Анатолия Васильевича в Петрограде образовались две официальные рабочие резиденции: кабинет в детской половине Зимнего дворца, где он принимал посетителей главным образом по делам искусств, и в Наркомпросе, где решались вопросы по делам народного просвещения и науки. Однако позже появилось и третье место, где Луначарский проводил многие вечерние и ночные часы, — Совнарком.

В один из первых послеоктябрьских дней Анатолий Васильевич приехал в Зимний дворец и решил заняться оприходованием и учетом художественных ценностей, ставших теперь народным достоянием. Помощником Луначарского по ведомству дворцов и музеев стал молодой и энергичный Юрий Николаевич Флаксерман. В 10 утра он доложил наркому, что пришли важные посетители — президент Российской академии наук Александр Петрович Карпинский, исполняющий обязанности вице-президента Владимир Андреевич Стеклов и непременный секретарь Сергей Федорович Ольденбург.

Луначарский сразу понял огромное значение визита этих

людей, был подчеркнуто любезен и проявил теплое расположение к гостям. И тем не менее начало беседы было напряженно-выжидательным, не совсем ясны были исходные позиции сторон.

Говорил в основном президент, а сопровождавшие его два руководителя Российской академии одобрительно слушали и всем видом своим выражали полное единодушие с ним. Александр Петрович подчеркнул значение Российской академии в судьбе России, в ее экономическом и духовном развитии, обратил внимание наркома на то, что ни царское, ни Временное правительства не уделяли достаточного внимания академии, из-за чего ряд крупных научных замыслов не мог осуществиться. Президент высказал готовность сотрудничать с новой властью и выразил надежду, что последняя поймет необходимость такого сотрудничества, а также упомянул о своей личной ответственности за судьбу академии и ее членов.

Луначарский любезно ответил:

— Уважаемый Александр Петрович! Я понимаю вашу высокую миссию: по положению вам надлежит заботиться о науке и ее творцах. Еще Ломоносов в проекте устава академии писал: «Президент Академии Наук не токмо главный правитель и начальник, но и оберегатель от посторонних приключений и наветов». Я сегодня же доложу Ленину о вашем посещении и о выраженной вами готовности сотрудничать с советской властью. Я уверен в плодотворности этого сотрудничества и во взаимной глубокой заинтересованности в нем.

Карпинский счел нужным подчеркнуть:

— При всех предоставленных мне полномочиях мои действия нуждаются в одобрении академиков. Не следует заблуждаться по поводу того, какие трудности могут возникнуть в академической среде. Разность мнений может затруднить принятие быстрых и далекоидущих решений. Необходимы большое терпение и выдержка со стороны новой власти. Вместе с тем академики способны внять голосу разума и способны увидеть реальные возможности науки, если таковые откроются.

Луначарский пообещал, что советская власть проявит необходимое терпение, проведет широкую разъяснительную работу и откроет возможности для развития науки. От президента и его коллег потребуется сначала предварительная смета, учитывающая нужды академии, а затем подробный обоснованный запрос с указанием направлений, в которых будет развиваться наука, и конкретных расходов, которые для этого потребуются.

Академики заговорщически переглянулись, и Александр Петрович Карпинский вытащил из объемистого портфеля предварительную заявку на основные расходы академии.

Луначарский просмотрел поданную бумагу и рассмеялся:

— Да, академия, я вижу, в надежных руках!

Вежливо посмеялись и академики. Напряжение спало, и собравшиеся спокойно продолжили беседу.

— Минеральные богатства, — повел разговор Карпинский, — образуются в эволюционном процессе осадконакопления. Социальная революция не должна прерывать «осадконакопление» культурного пласта. Для меня как для геолога особо важно понятие культурной преемственности. Если революция не разрушает культурный пласт и не прерывает осадконакопление в нем — тогда я принимаю революцию. В противном случае я ее отвергаю.

Луначарский с радостным возбуждением ответил:

— Уважаемый Александр Петрович, вы говорите абсолютно то же, что говорит по этому поводу Ленин. Он, как и вы, за сохранение культурного наследия прошлого. Он как-то сказал мне: «Ученый придет к признанию коммунизма не так, как пришел подпольщик-пропагандист или литератор, а через данные своей науки. По-своему придет к коммунизму инженер, по-своему — агроном, по-своему — лесовод». Вот и вы, геолог, только что по-своему пришли к абсолютно марксистским суждениям и прекрасно их сформулировали.

— Боюсь, что наши академики, узнав, что я абсолютный марксист, даже при полной лояльности к новой власти не оставят меня в президентах.

Все рассмеялись, и пуще всех — Луначарский.

Ученые и нарком расстались дружески. Было решено в ближайшее время провести общее собрание Академии наук, а затем вновь встретиться.

Провожая академиков, Луначарский вышел в приемную и увидел там невысокого человека на костылях. Это был почетный академик, бывший сенатор, действительный тайный советник, член Государственного совета, кавалер самых высоких орденов Российской империи, знаменитый юрист Анатолий Федорович Кони. После обмена приветствиями Луначарский, пригласив гостя в кабинет, прямо спросил:

— Ваше бывшее превосходительство, а ныне гражданин Кони, согласны ли вы служить народу и революции?

— Мне, оппортунисту, который всегда соизмерял свои шаги соответственно духу медлительной эпохи, в которую я жил, ваши цели кажутся головокружительными.

— Могу ли я понимать, Анатолий Федорович, что вы приняли революцию? Ведь царская власть была несправедлива и к народу, и к личности.

— Это верно, Анатолий Васильевич, однако были и исключения. Помню, как монарх однажды восстановил справедливость. Дело обстояло так: за бедной француженкой, приехавшей в Петербург, стал волочиться молодой повеса. Юная француженка объяснила ему, что признает любовные отношения, лишь осененные законным браком. Повеса повел француженку в церковь. Здесь он заказал молебен во здравие царя. Юная иностранка приняла эту церемонию за русский свадебный обряд и посчитала себя законной женой. «Медовый месяц» прошел счастливо. Затем «жена» узнала, что она обманута. В момент прогулки самодержца француженка бросилась ему в ноги и рассказала свою историю. Нарушая церковный устав во имя восстановления справедливости, император приказал: «Считать молебен бракосочетанием!»

Луначарскому не понравился рассказ Кони.

— Анатолий Федорович, обычно в суде вы были прокурором, а как судить царя — вы адвокат! На совести русского самодержавия столько крови и несправедливости, что даже вы с вашим красноречием его не оправдаете.

— Что теперь судить? — вздохнул Кони. — Народ осудил самодержца. Царь отрекся от престола… Это я так… вспомнил…

И Кони, не без ностальгии о прошлом, согласился служить революции. Это была маленькая победа народного комиссара в деле привлечения интеллигенции на сторону новой власти.

Попрощавшись с Кони, Луначарский углубился в работу.

Ровно в полдень, к крайнему удивлению Анатолия Васильевича, в его кабинете появился парадно одетый дворцовый лакей. Особым чутьем, которое дано только хорошо вышколенной челяди, он угадал в Луначарском высшее лицо новой администрации, расположившейся в Зимнем дворце. Он обошел все залы и кабинеты, в которых работали наркомпросовцы, приглашая «уважаемых господ» на «фриштык». Лакей особенно торжественно пригласил «фриштыковать» Луначарского. Нарком не понял, о чем речь, и переспросил:

— Куда вы нас приглашаете?

Слуга с любезным величием поклонился и почти торжественно сказал, видимо заранее осведомившись и об именах и отчествах, и о субординации:

— Анатолий Васильевич, Юрий Николаевич, вместе с другими уважаемыми господами пожалуйте фриштыкать.

Видя, что его не поняли, лакей пояснил:

— Завтракать приглашаем, кушать подано.

Теперь не понять было уже трудно, а отказаться — еще труднее. Полуголодные наркомпросовцы были приятно удивлены

и обрадованы таким неожиданным приглашением. Луначарский тоже заметно оживился. В Смольном в эти дни в лучшем случае можно было получить чай с черным хлебом и как особый деликатес чечевичный суп и селедку.

И вот Луначарский с Флаксерманом и еще пятью наркомпросовцами, возглавляемые лакеем, двинулись по длинному коридору на другую половину дворца. Слуга привел всех в большую комнату, которая, как потом выяснилось, была царской столовой. Здесь по традиции, которой было, по-видимому, не менее полутора веков, стоял стол под белоснежной скатертью, накрытый на восемнадцать кувертов. Серебряные вилки, ножи и ложки, императорского фарфорового завода тарелки и супницы, хрустальные рюмки и бокалы — все было осенено эмблемой власти — двуглавым орлом. Около каждого прибора стояла белоснежная накрахмаленная салфетка. Молчаливо и строго, величественно и услужливо, бесшумно и ловко ходили вышколенные лакеи и обносили гостей телячьими отбивными, а желающим предлагали ильменского сига под винным соусом, от которого ни у кого не хватило решимости отказаться.

После обеда Луначарский сел за письменный стол, попросил его не отвлекать и стал писать воззвание к учительству.

В конце рабочего дня, ровно в 6 часов вечера, появился тот же лакей и пригласил коллектив сотрудников, к этому времени уже по меньшей мере утроившийся, отобедать. На этот раз за великолепно сервированным столом было тесно от голодной наркомпросовской братии и даже на девятнадцатую персону пришлось ставить еще один прибор, что было проделано не только без всяких возражений, но и расторопно, совершенно бесшумно и несуетно.

На обед были поданы бульон с пирожками, «царская» рыба ряпушка, мясо, дичь, красное и белое вино, на десерт — персиковый компот.

Все эти яства были очень быстро уничтожены. Медленнее всех ел Юрий Николаевич, и, когда все уже были готовы встать из-за стола, он еще задумчиво доедал десерт. Наконец, не выдержав соревнования совести и желудка, он спросил:

— Что все это значит?

— Не знаю, — смущенно ответил Луначарский, будто это он организовал все это роскошество. — Позовем метрдотеля и наведем справки.

Пришел представительный человек с еще более церемонными манерами, чем у лакеев. Понимая, что лишь чрезвычайные обстоятельства могли заставить вызвать его, он взволнованно

осведомился, нет ли каких-либо претензий у «уважаемых господ».

— Откуда у вас все это? — спросил Луначарский, обведя широким жестом стол.

— Из гофмаршальской части, Анатолий Васильевич, — учтиво ответил метрдотель, вновь поражая всех тем, что точно знал, кто есть кто.

— Что это за гофмаршальская часть?

— Гофмаршальская часть — обслуживание царской семьи, — охотно объяснил метрдотель. — Все повара и лакеи, стационарные и передвижные, числятся за гофмаршальской частью.

— Что за передвижные повара и лакеи?

— Если их величество царь куда-либо уезжать изволили, то с ними отправлялись передвижные повара и лакеи.

— Царь вот уже восемь месяцев как низложен. И что же, эти порядки существуют до сих пор?

— Порядку сему, почитай, два века. Так что все на своем месте и ныне. Господин Керенский весь порядок царского двора сохранили. Передвижных лакеев также не изволили уволить. Сегодня гофмаршальская часть снабжает служащих ведомства дворца, а также семью низложенного монарха, содержащуюся в Царском Селе.

— Сколько же человек в гофмаршальской части?

— Почитай, без малого пятьсот душ.

Луначарскому, видимо, картина уже была ясна, и он прекратил расспросы, но Юрий Николаевич, все еще не вполне понимая происходящее, спросил:

— Откуда же гофмаршальская часть достает продукты? Ведь кругом голод!

Метрдотель удивился столь странному вопросу:

— Как откуда? Доставляют поставщики его величества соответственно договору, заключенному на весь 1917 год. Деньги вперед уплачены.

Тут Юрий Николаевич Флаксерман вскипел и высказал возмущение по поводу все еще не отмененных вековых порядков:

— Анатолий Васильевич! Пятьсот лакеев! Гофмаршальская часть! Царские обеды! С ума можно сойти! Завтра же я все это ликвидирую!

— Не жаль? — спросил Луначарский то ли грустно, то ли лукаво и строго добавил: — Ликвидируйте немедленно!

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

Леонтьев говорил: «России не миновать социализма, а вот как она выходить будет? Многие десятилетия!»

* * *

Шла национализация смычковых инструментов. Члены комиссии приехали в особняк к графу Зубову и предъявили полномочия. Седой и дряхлый граф спросил: а кто и где на этих инструментах будет играть? Ему ответили: инструменты будут храниться в государственном фонде и ими будут пользоваться лучшие музыканты России для выступлений перед народом. Граф удалился в глубь особняка и долго не возвращался. Члены комиссии решили было, что он больше не вернется. Однако двери неожиданно распахнулись, и граф предстал перед ними в парадном мундире со всеми орденами и медалями. На руках, как святыню, он нес скрипку Страдивари, а придворные несли две другие скрипки.

У членов комиссии на глазах выступили слезы. Граф Зубов передал государству скрипку Гварнери, изготовленную в 1600 году, Амати — 1629 года и Страдивари — 1707 года.

Глава четырнадцатая
ПЕРВЫЕ НЕДЕЛИ ПОСЛЕ 25 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

Луначарский на заседании комиссии 13 декабря 1917 года выступил на тему реформы школы. Он считал, что реформа эта должна идти на основе четырех методологических принципов: изучение предшествующего опыта работы школы в России и Западной Европе; создание идеальной картины школьного дела; разработка его реорганизации (план-минимум); организация образцовых учебных заведений. Такой подход позволял сочетать мировой педагогический опыт в его историческом и современном плане с реальными возможностями страны.

Луначарский стал обращаться с воззваниями, призывающими граждан России к сотрудничеству с советской властью: «Ко всем учащимся» (15 ноября 1917 года), к артистам петроградских театров — (6 декабря 1917 года), «К учащейся молодежи» (27 февраля 1918 года).

На заседания Государственной комиссии по просвещению нередко приглашались специалисты той или иной области культуры.

«В Совнаркоме царило какое-то сгущенное настроение, — вспоминал Луначарский, — казалось, что самое время сделалось более плотным, так много фактов, мыслей и решений вмещалось в каждую данную минуту».

Работу в Наркомпросе Луначарский пытался сочетать с собственным литературным творчеством. Работать приходилось урывками, в редкие перерывы между приемом посетителей и просматриванием деловых бумаг или ночью за счет сна. Наиболее ценные работы в области истории литературы и литературной критики Луначарский создал в годы советской власти. К ним относятся его статьи и этюды, посвященные русским классикам: Радищеву, Пушкину, Гоголю, Лермонтову, Герцену, Некрасову, Тургеневу, Достоевскому, Салтыкову-Щедрину, Льву Толстому, Чехову, Короленко, основоположнику социалистического реализма Горькому, советским писателям Фурманову, Маяковскому, Серафимовичу и другим. Часто обращался Луначарский и к трудам «наших могучих эстетических критиков» — Белинского, Чернышевского, Добролюбова, горячо пропагандировал их творческое наследие. Деятельность Луначарского по строительству социалистической культуры была напряженной и плодотворной.

Молодой человек подошел к двери квартиры на третьем этаже большого старинного петербургского дома, потоптался на лестничной площадке и наконец постучал. Открыл сам хозяин. Молодой человек поспешил представиться:

— Рюрик Ивнев. Поэт. Хочу сотрудничать в деле культурного строительства нового общества.

Хозяин пригласил гостя к себе в кабинет, где за письменным столом сидел и перебирал бумаги человек средних лет.

— Знакомьтесь, — сказал хозяин, — мой товарищ по эмиграции Дмитрий Иванович Лещенко, а ныне мой помощник в Наркомпросе. А это молодой поэт Рюрик Ивнев, желающий строить новую революционную культуру.

Лещенко встал и, подавая Ивневу руку, сказал:

— Похвальное намерение, молодой человек, желаю успехов, — и, обращаясь к хозяину, прибавил: — Анатолий Васильевич, вот вам с неба секретарь свалился. А вы жалуетесь, что некому работать. Берите молодого поэта в наркомат, ставьте его на довольствие, и пусть он садится за бумаги. А мне пора откланяться.

Хозяин усадил поэта на диван и, видимо, полагая, что всякий интеллигентный человек самодостаточен и не нуждается в том, чтобы его занимали, обратился к Лещенко:

— Сколько вы папок разобрали?

— Две.

— Вот и прекрасно. Спасибо. Жаль, что уходите, однако не смею задерживать. Заходи, Дмитрий Иванович. — Хозяин вдруг перешел на «ты» и заговорил с тоской в голосе: — Знаешь, небо в Петрограде суровое, серое, холодное, люди суровы, а порою и ожесточенны. Сложные и трудные времена наступают. Хотя при этом полные надежд и упований.

Лещенко молча подал руку Ивневу. Луначарский же, провожая гостя, продолжал говорить проникновенно и задушевно:

— Нам, товарищам по совместной борьбе — а ведь мы еще в 1905 году были вместе, — нужно держаться друг друга. Заходи. Я рад, что ты работаешь со мной…

Луначарский вернулся в кабинет и сказал гостю:

— Извините, но я должен ехать в наркомат. Если хотите, можете проводить меня, в дороге и поговорим.

Они спустились на улицу, сели в ожидавшую Луначарского машину и отправились через холодный, окутанный утренним туманом город к зданию Министерства просвещения. По дороге Ивнев произносил горячие, полные революционного пафоса речи о разрушении старой и созидании новой культуры. Нарком

слушал его невнимательно, никак не мог сосредоточиться на восторженных словах молодого человека и отвечал односложно и порой невпопад. Доехав до наркомата, Луначарский пригласил спутника пройти с ним, чтобы помочь организовать прием посетителей, назначенный на сегодня. Юноша охотно согласился. Такой небюрократической формы приема на работу в государственное учреждение он еще не встречал. Революция ломала старый государственный аппарат и строила новый. Возникла острая потребность в людях, и их привлечение к работе было делом неформальным, совершенно срочным и импровизационным.

В приемной Луначарский застал аккуратного пожилого человека, который, видимо, уже давно его ожидал. Осведомившись, имеет ли он дело с Луначарским, и получив утвердительный ответ, благообразный посетитель изъявил желание сказать наркому просвещения нечто важное. На предложение войти в кабинет гость ответил отказом. Он не переступил даже порога приемной, в которой, несмотря на ранний час, уже сидели посетители. Нарком согласился выслушать странного гостя в коридоре.

— Я — старый капельдинер Александринского театра, — представился гость. — Мне велено передать вам, что при появлении представителей власти большевиков в зале театра опустят занавес.

— Ну что же, несмотря на эту дурную весть, заходите, побеседуем.

— Покорнейше благодарю. Не велено, так что я пойду.

— Воля ваша. Однако передайте тем, кто вас послал, что саботажа советская власть не потерпит.

Пока шла эта беседа, Ивнев деликатно отошел в сторону, а теперь присоединился к Луначарскому и вместе с ним вошел в приемную. Здесь уже сидел исполняющий обязанности секретаря Флаксерман, наркома ожидали режиссер Александринского театра Мейерхольд, певица Скарчилетти, режиссер Майко, инженер-театроман Эксказович. Луначарский поздоровался с посетителями, пожав каждому руку. Он пригласил Мейерхольда в кабинет, а Ивнева оставил в приемной и попросил его помочь Флаксерману организовать дальнейший прием посетителей и перепечатать несколько бумаг.

Войдя в кабинет вслед за наркомом и расположившись в удобном кресле, Мейерхольд, напряженно улыбаясь, сказал:

— У нас с вами, Анатолий Васильевич, давние и схождения, и расхождения. Мы с вами встретились под одной обложкой в «Книге о новом театре». Это было еще в 1908 году. Неплохая

компания тогда собралась: Брюсов, Белый, Сологуб, Аничков, Бенуа…

— Да, припоминаю, компания разношерстная, — заметил на это Луначарский, — и я, помнится, оговорил в конце моей статьи и незнание других материалов сборника, и вероятность моих разногласий с авторами, и право в дальнейшем выступить против того, с чем буду не согласен в этом издании.

— Да, более того, вы потом резко полемизировали с моей статьей «Театр», где излагалась программа условного театра. Однако ваша полемика была во многом неубедительна. Вы утверждали зависимость формы от содержания.

— Форму диктует содержание. Я и сейчас так думаю.

— Нет, форму ничто подсказать не может. Она находится впереди всего творческого процесса, форма в известном смысле есть содержание. Мне не так важен текст, как его театральное прочтение.

(Заметим, что формулировку Мейерхольда «форма в известном смысле есть содержание» почти через полвека повторят структуралисты.)

Луначарский возразил:

— Нельзя так беззаботно относиться к содержанию. Отсюда возникает опасность идейной и эмоциональной пустоты.

Было неясно, для чего пришел этот умный и острый человек. Неужели только затем, чтобы изложить свои взгляды на художественную форму? Луначарский решил придать встрече деловой характер и повернул разговор в нужное русло:

— Уважаемый Всеволод Эмильевич, у нас с вами будет, надеюсь, еще время поспорить о художественных принципах современного театра. Ныне же организационные вопросы должны опережать и определять художественные.

— Видите, — обрадовался Мейерхольд, — форма может опережать содержание!

— Не стану сейчас спорить на эту тему. Только что со мной говорил посланец Александринского театра и заявил, что театр не будет сотрудничать с новой властью. Нет ли у вас каких-либо соображений по этому вопросу?

— Я, режиссер Мейерхольд, сотрудничать с революцией и ее властью буду и полагаю, Анатолий Васильевич, что смогу организовать ваше выступление в Александринском театре. А дальше успех будет зависеть от вашего ораторского искусства и убедительности аргументов в пользу революционной культуры.

— Договорились. Организуйте митинг. Я приеду. А о вашем сотрудничестве поговорим при следующей встрече. Приходите.

Луначарский попрощался с Мейерхольдом и проводил его до

двери. Следующим в кабинет вошел человек, лицо которого показалось наркому знакомым, однако он никак не мог вспомнить, где и при каких обстоятельствах они прежде виделись. Кажется, в то недавнее и теперь такое далекое предоктябрьское время они встречались на каком-то собрании художественной интеллигенции. Помнится, это был активный, склонный к резким спорам человек. Пока Анатолий Васильевич вспоминал, откуда он знает этого посетителя, гость представился. Луначарский уловил, что это живописец, но фамилии не расслышал, а переспрашивать показалось неудобно, тем более что художник держал себя как знаменитость, которую все хорошо знают. Спросить в этой ситуации: «Как ваша фамилия?» — было действительно неловко. Гость же сразу стал развивать свою точку зрения на отношение интеллигенции к революции и к новой власти. Начало этих рассуждений Луначарский пропустил и включился в разговор лишь на последней фразе длинной тирады.

— …в нас, художниках, память эпохи, — говорил посетитель. — Если советская власть не подружится с нами, мы изобразим ее для истории в черных красках.

— За нашей властью — народ. Память народа важнее памяти искусства. В искусстве навечно остается лишь то, что совпадает с представлениями народа о своей эпохе, о своей жизни. Так что не пугайте нас возможным отлучением от истории, а подумайте, как бы самому к ней приобщиться.

— Для этого вы рекомендуете покориться вашей власти и пойти с ней на сотрудничество? — не без сарказма спросил художник.

— Не вижу в этом ничего зазорного, — сказал Луначарский. — Напротив, такое сотрудничество для разумного художника сегодня — единственно верный путь служения своему народу.

Художник говорил уверенно, ни минуты не сомневаясь в истинности своих слов и сопровождая каждую фразу жестом:

— Кто только не отождествлял себя с народом! В прошлом провозглашалось единение православия, самодержавия и народности. Сегодня вы объявляете новое триединство: партия, советы и народ. Художник должен следовать не политическим лозунгам, а реальности. Союз с властью сулит ему личное благо. Но есть еще его душа, его призвание, его искусство. В довольстве разнежиться — себя потерять. Художнику жить должно быть неудобно. Как река ищет путь к морю, преодолевая горы и ущелья, пороги и перекаты, так и деятель культуры может осуществиться лишь в поиске!

— Я тоже за поиск, — мягко возразил Луначарский, — но

искать нужно благо для своего класса, для своей отчизны, для всего человечества. Революция — локомотив истории, и неразумно стоять на ее пути.

— Однако в топке этого локомотива не уголь, а человеческие судьбы и жизни! — воскликнул художник. — Слишком мал коэффициент полезного действия вашего локомотива. В его топке горят людские судьбы, путь, проторенный историей, изменен, по топи и глуши во тьму, в неизвестность прокладывается новый путь. Прокладывается днем и ночью, с неимоверными трудностями: не хватает шпал — кладут людей вместо них, не хватает рельсов — на них переплавляют чайники, самовары, кровати, не хватает проводов — и из людей начинают вытягивать жилы и натягивать их на столбы. И это все, чтобы история продвинулась в новом, никому не известном, непредсказуемом направлении? А кто ведет ваш локомотив? Поначалу — бескорыстные энтузиасты, талантливые безумцы. Однако на смену им придут корыстные люди, готовые половину вагонов пустить под откос ради того, чтобы установить свою безоговорочную власть над поездом, над всеми пассажирами всех классов!

— Ваши рассуждения излишне мрачны, чтобы не сказать — контрреволюционны.

— От отрицательной политической квалификации они не становятся менее истинными.

— Политические эпитеты характеризуют классовую ориентацию ваших рассуждений, а чтобы понять их ложность, надо вам почитать Маркса. Вам нужен политический ликбез, тогда вы поймете главное: локомотив революции идет не в случайном направлении, не в неизвестность, а в научно обоснованное будущее и научно обоснованным путем. Машинист этого локомотива — партия… Ваши футурологические прогнозы выдают вашу политическую безграмотность.

Отповедь Луначарского, видимо, немного отрезвила посетителя, и он начал говорить более примирительно, обозначая линию своего возможного сотрудничества с советской властью.

— Я не хочу идти на глубокий конфликт с новой властью, но в мои планы не входит и тесное сотрудничество с ней. Я полагаю служить русской национальной и мировой культуре. А поскольку сегодня это возможно лишь в рамках новой власти, я готов, чтобы она меня использовала в качестве творца и проводника культуры в массы, а я использовал бы новую власть в качестве способа передачи культурных ценностей аудитории и для обеспечения условий моего существования и творчества. На таких взаимовыгодных условиях и имея в виду известное единство

целей — создание культурных ценностей и их передачу народу — я готов и даже желал бы сотрудничать с новой властью, сохраняя свою независимость. Маркса я почитывал и, если угодно, сформулирую свои убеждения по-марксистски: я — производительная сила культуры — нуждаюсь в посредничестве власти для создания моих производственных отношений с читателями и зрителями и в орудиях и средствах производства — типографиях, театрах, библиотеках, которые национализированы новым государством. Государство же нуждается во мне — творце искусства.

Луначарский устал от словопрений. У него уже не хватало терпения продолжать эту беседу. Выручил Флаксерман, который сообщил:

— Анатолий Васильевич, звонили из Смольного. Владимир Ильич просит вас приехать.

Луначарский извинился перед художником и выразил надежду, что «творец искусства», несмотря на ряд расхождений с советской властью, сможет с ней сотрудничать. Порукой тому служит верно подмеченное художником обстоятельство, что в культурном просвещении народа заинтересован не только сам уважаемый «творец искусства», но и советская власть.

Извинившись перед посетителями, сидевшими в приемной, Луначарский отправился в Смольный.

Когда Луначарский вошел в кабинет председателя Совнаркома, Ленин немедленно оторвался от бумаг и спросил:

— Как у вас в наркомате разворачивается работа? На что вы делаете сейчас упор?

— Мы описываем ценности, доставшиеся нам после революционного переворота. Нужно все учесть, а затем распределить по музеям, библиотекам, клубам, театрам. Беда в том, что большое количество посетителей замедляет работу.

— Ценности учесть нужно. Социализм начинается с учета народного достояния. Однако сейчас главная ваша задача не столько материальные ценности культуры, сколько люди. Интеллигенцию надо перетянуть на нашу сторону, ее надо терпеливо привлекать к работе, даже если она сегодня не принимает наших целей.

— Понятно, Владимир Ильич. У меня состоялась беседа с руководителями Российской академии наук. Они готовы сотрудничать с советской властью. Там еще много сложностей…

— Сотрудничество с учеными архиважно. Нужно привлечь Академию наук к решению важнейших экономических и народно-хозяйственных задач. Нужно создать ученым все условия для успешной работы.

— Я понимаю. Однако иной раз приходится разговаривать с такими субъектами, что никакого терпения не хватает… Тысяча претензий. Он, видите ли, согласен сотрудничать, но отнюдь не везде, не всегда, не во всем и на особых основаниях.

— И все же нужно набраться терпения.

— Я понял, Владимир Ильич, буду проявлять терпение, гибкость, широту и принципиальность.

— Ну, хорошо, батенька. До свидания. И больше не совершайте необдуманных поступков.

Выйдя из Смольного, Луначарский попросил шофера отвезти его обратно в Наркомпрос.

…Была уже глубокая ночь, когда Луначарский с огорчением подумал: «Безобразие, снова не успел написать ни строчки для статьи о задачах революционного театра. Очень медленно работаю. Не хватает времени. Как мало сделано за сегодняшний день! Надо торопиться. Ленин верно говорит, что в деле просвещения за месяцы и годы нужно сдвинуть то, что веками стояло на месте: нужно культуру двинуть в народ, а народ — навстречу культуре… Это же недопустимо, совершенно недопустимо, сегодня надо было… решать проблемы школьных завтраков… Как их распределять? Нужно было выхлопотать разрешение на отъезд за рубеж для художника… О боже, так устал, что сейчас уже забыл фамилию известного художника… Посплю, усталость спадет, и на свежую голову вспомню… Нужно было связаться с Наркоматом финансов насчет дополнительных ассигнований на нужды культуры. Нет, с фамилиями сегодня совсем плохо… Обычно помнил все четко: и фамилии, и цитаты, и дела… Дела… дела…»

Он заснул в кресле, положив голову на письменный стол…

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

Прочитав «Несвоевременные мысли» Горького, Сталин сказал: «Видимо, Горькому захотелось в архив, где уже находится Плеханов».

* * *

Если искусство писать есть умение вычеркивать, то умение жить есть умение отбрасывать второстепенное.

* * *

Однажды в Доме творчества в Переделкине Ивич и Шкловский хохотали до слез, вспоминая о каком-то договоре, заключенном в начале Гражданской войны Горьким — от имени «Всемирной литературы» и Чуковским: слева на договоре был двуглавый орел, а справа — серп и молот.

* * *

Философ Диоген ел чечевичную похлебку. Философ Аристипп сказал ему:

— Если ты научишься льстить правителю, как я, тебе не придется питаться чечевицей.

— А если ты научишься питаться чечевицей, тебе не придется льстить правителю.

* * *

«Когда помилует нас Бог, / Когда не буду я повешен, / То буду я у ваших ног, / В тени украинских черешен». Так альтернативно видел А. С. Пушкин свое будущее. В России даже великий поэт вынужден предполагать такую несчастливую развязку.

Глава пятнадцатая
НАУКА И ГОСУДАРСТВО

Авторитет Луначарского возрастал и не за счет высокой должности, а благодаря его образованности, увлеченности наукой и искусством, преданности культуре, уважению к личности. Он умел выслушать и принять во внимание любые доводы, даже самые противоречивые. Такую возможность создавать свое мнение или даже концепцию на основе противоречивых, но сводимых к единому основанию фактов и мнений в философии начала XXI века назовут «системным плюрализмом» (термин Л. Столовича). Он умел сделать обобщение, концентрируя внимание на главной проблеме. Луначарский всеми силами старался добиться сотрудничества советской власти и Академии наук.

Одному из руководящих деятелей Наркомпроса, в прошлом профессиональному революционеру Л. Г. Шапиро, была поручена связь с академией. Вскоре он доложил Луначарскому, что после посещения Наркомпроса три академика, возглавляющие академию, развернули большую деятельность.

Был проведен ряд совещаний, а затем академики Российской академии наук собрались на экстраординарное общее собрание. Президент Александр Петрович Карпинский сообщил, что происходящие события угрожают гибелью стране и необходимо, чтобы Российская академия наук не молчала в такое исключительное время. В ходе горячих прений были предложены разные варианты проекта резолюций. Однако ни один проект не собрал большинства голосов. Поэтому было решено избрать комиссию из академиков А. А. Шахматова, А. С. Лапо-Данилевского, С. Ф. Ольденбурга, М. А. Дьяконова, Н. С. Курнакова, М. И. Ростовцева для составления текста обращения и представления его новому общему собранию академии. Это известие обрадовало Луначарского, и он обрел надежду, что будет принята резолюция, прокладывающая пути сотрудничества академии с новой властью.

В начале 1918 года по заданию Луначарского от имени Наркомпроса Шапиро нанес официальный визит в академию. Его проводили к Ольденбургу.

Представитель Наркомпроса сказал:

— Мне поручено наркомом просвещения высказать соображения и пожелания о связи научной работы академии с широким кругом государственных задач настоящего времени —

от военно-оборонных до народно-хозяйственных.

Ольденбург ответил:

— Я доложу о вашем приходе президенту академии и полагаю, что он сочтет целесообразным столь принципиальный вопрос обсудить на очередном общем собрании академии.

Как только посланец Луначарского покинул академию, Стеклов, Ольденбург и Карпинский втроем заперлись в кабинете и обсудили поручение Наркомпроса.

Суть проблемы и «академическое» отношение к ней сформулировал Стеклов:

— Соглашаться или отказываться сотрудничать в каждом случае следует решать, исходя только из научных соображений. Принципиально же следует идти на сотрудничество.

Карпинский поддержал:

— Вы правы, Владимир Александрович. Академия не должна отказываться сотрудничать. Соответствующую резолюцию постараемся провести через общее собрание. А вы, Сергей Федорович, подготовьте общую смету на государственные субсидии академии, поскольку мы собираемся выполнять научные исследования, необходимые государству. Прошу вас, милейший Сергей Федорович, назначить общее собрание на 24 января 1918 года.

Резолюция общего собрания, зафиксированная в протоколе, гласила: «…ответ Академии может быть особым по каждому отдельному вопросу в зависимости от научной сущности вопроса по пониманию Академии и от наличия тех сил, которыми она располагает».

Через пять дней после принятия академией этой резолюции (29 января 1918 года) Луначарский назначил заседание Государственной комиссии по просвещению. На заседании нарком сказал:

— Рабочий контакт с академий налажен, и Наркомпрос должен подготовить конкретные предложения. Академики уже представили смету и дали согласие войти в переговоры относительно реформ. Нужно срочно подготовить записку «Предложения к проекту мобилизации науки для нужд государственного строительства». Руководство этим делом поручим товарищу Шапиро.

В дальнейшем «Предложения к проекту…» почти не фигурировали под полным официальным наименованием, а в академической среде назывались для краткости «Записка Шапиро». В этом документе речь шла о необходимости создания специальной комиссии при академии, которая могла бы стать мобилизационным центром решения государственных задач

российской наукой. Записка предлагала широко организовывать коллективные исследования, сконцентрировать научные силы, обеспечить всестороннее исследование основных отраслей народного хозяйства.

Ольденбург тут же доложил о «Записке Шапиро» президенту академии, который пригласил академика Ферсмана и сказал:

— Многоуважаемый Александр Евгеньевич, ознакомьтесь, пожалуйста, с «Запиской Шапиро» из Наркомпроса и подготовьте ответ с учетом уже сложившейся ориентации научных исследований академии на народно-хозяйственную практику. Не вам объяснять, что КЕПС (созданная еще в 1915 году Комиссия по изучению естественных производительных сил России. — *Ю. Б.),* собственно, и нацелена на решение тех задач, о которых печется Наркомпрос. Так что, как сказал однажды один капрал своему генералу: «Ваше превосходительство, мы выполнили ваш приказ еще до вашего приказа».

Ферсман, ознакомившись с содержанием «Записки Шапиро», заметил президенту:

— Александр Петрович, я считал бы нужным возразить против обязанности академии изучить все народное хозяйство, ибо эта задача слишком широка, сложна и лежит вне прямых обязанностей академии. Распыление научных сил нельзя допускать, в этом Луначарский и его комиссариат правы. Однако в тяжелые моменты русской истории охрана того, что уже создано, должна превалировать над идеей нового строительства.

— Ну что же, Александр Евгеньевич, в этом духе и подготовьте ответ Луначарскому. Подчеркните, что мы считаем первоочередной необходимостью широкий подъем народного труда, продуманное использование народных богатств и бережное сохранение работников свободной научной мысли.

— Я постараюсь учесть все ваши соображения, Александр Петрович. Только свободная мысль интеллигента, избавленного от социальной несправедливости, может быть творческой и потому полезной народу. И нужно объяснить новой государственности, что в ее собственных интересах создание благоприятной обстановки для ученых.

На новом внеочередном собрании академии 20 февраля 1918 года был обсужден вопрос «О предложении Комиссариата по народному просвещению относительно мобилизации русской науки». В ходе прений академики подчеркнули, что деятельность академии тесно связана с благом России, что они почитают своим долгом изучать материальные и духовные богатства страны. В резолюции, принятой собранием, говорилось: «Академия всегда готова по требованию жизни и государства приняться за

посильную научную и теоретическую разработку отдельных задач, выдвигаемых нуждами государственного строительства, являясь при этом организующим и привлекающим ученые силы страны центром».

Луначарский счел, что простое сохранение уже достигнутого в науке недостаточно даже при трудных обстоятельствах современной жизни. Однако все же высоко оценил готовность академии участвовать в разработке государственно-важных задач и в организации научных сил страны.

Так было положено начало сотрудничеству Российской академии наук и революционного правительства. Луначарский решил углубить и расширить контакты и командировал в Московское общество сельского хозяйства своего представителя. Последний посетил председателя этого общества Ивана Александровича Стебута и сказал ему:

— Академия наук дала свое принципиальное согласие работать в контакте с Наркомпросом. Хотелось бы надеяться, что общество сельского хозяйства также согласится на сотрудничество с советской властью и на выполнение работ, связанных с народно-хозяйственными задачами.

— Если работа будет вестись под руководством Академии наук, то наше общество не замедлит согласиться, — ответил Иван Александрович.

Как только представитель Наркомпроса ушел, Стебут сел писать письмо Ольденбургу. В письме он откровенно перепроверял информацию, полученную от представителя Наркомпроса, о контактах этого нового государственного учреждения с Академией наук.

Вскоре Стебут получил от Ольденбурга подтверждение, однако с тем существенным уточнением, отражающим позицию академии, которая «каждый раз сама будет решать, входить ли ей в рассмотрение данного дела, и сама будет определять формы и способы своего участия в работе».

Луначарский после первого успеха не оставил без внимания проблему углубления контактов с академией и уже 5 марта 1918 года написал письмо Карпинскому. В этом письме отмечалось, что для всякого значительного научного начинания вопрос об организационном центре является наиболее существенным, имея в виду прежние и вновь созданные комиссии академии. Стараясь соблюдать почти дипломатический такт, нарком пишет: «Академия в ходе своих работ уже сама близко подошла к границам народно-хозяйственной области, причем не всегда оставляла эти границы неперейденными». Луначарский никак не посягает на суверенность академии в постановке и решении

научных задач и отдает должное этому «высшему в России представителю чистой теоретической науки». Однако он тут же подчеркивает, что академия сама взяла на себя почин и попыталась «установить живую связь между наукой, техникой и промышленностью». Поэтому сегодня особенно остро встает вопрос о необходимости разработки существенных для промышленности и экономики проблем. Все это свидетельствует о том, что «отдаленность области настоящих работ академии от задач экономического изучения России на деле меньше, чем это может показаться с первого взгляда». Заканчивает письмо Луначарский словами: «В тяжелой обстановке наших дней, быть может, только высокому авторитету Академии наук с ее традицией чистой независимости научности удалось бы, преодолев все трудности, сгруппировать вокруг этого большого научного дела ученые силы страны».

Карпинский в ответном письме Луначарскому подчеркнул роль академии в объединении научных сил и рассмотрел формы их возможного сотрудничества с новым государством. Учитывая дух времени и противопоставляя свой взгляд вульгаризаторам науки и революционным экстремистам, президент утверждает и отстаивает высокий статус интеллигенции и общенародную значимость ее труда, подчеркивает ложность понимания «труда квалифицированного как труда привилегированного, антидемократического», считает, что подобные представления вредны и ложатся «тяжелой гранью между массами и работниками мысли и науки».

Позже В. Маяковский будет бороться за правильное и достойное «место поэта в рабочем строю», доказывая: «мой труд всякому труду родственен». Сегодня об этом пишет ученый. Острота проблемы «интеллигенция и революция», борьба за достоинство интеллигенции и за ее народный статус чувствуются в письме президента академии.

Карпинский решительно утверждает, что пагубно отождествлять научную работу с барством, необходима борьба с этими представлениями и создание для русской науки нормальных условий существования. За этими словами президента стоит его возмущение уплотнениями, жилищными и бытовыми притеснениями. Президент академии решительно отвергает социальную практику конфискаций и обложений. В его письме возражения против повинностей, которые несправедливо возлагались на представителей науки борцами с «угнетателями» и иными ревнителями решительных революционных действий.

Луначарский с удивительной проницательностью строит стратегию взаимодействия революции и науки. Президент

оказывается достойным партнером в отношениях с наркомом и на его дальновидную государственную дипломатию отвечает академической мудростью и социальной прозорливостью. И только после того, как нарком принципиально поставил вопрос об интересах научной интеллигенции, президент формулирует те мысли, которых от него ждали: «Чистая наука должна войти в тесное общение с техникой и прикладным знанием вообще… Это является истинным залогом настоящего, глубокого использования сил природы и сил человека для создания новой, улучшенной во всех отношениях жизни». Президент призывает бороться с уже произошедшими, по его мнению, утратами в преемственности традиций и потерями в культурных ценностях. Эти утраты он оценивает как «несчастье русской жизни». И снова можно подивиться прозорливости президента, который в преддверии разгула пролеткультовского нигилизма по отношению к классическим традициям предупреждает об опасности разрыва с предшествующей культурой.

Наркомпрос выказал себя как орган нового государства, нацеленный на организацию партнерского сотрудничества академии с государством. Президент понимал необходимость такого сотрудничества и стремился к конкретным решениям: «Долголетний опыт убеждает Академию в необходимости начинать с определенных реальных работ, расширяя их затем по мере выяснения дела». Эта формула позволяет академии, отвечая на важнейшие народно-хозяйственные нужды и выполняя социальный заказ государства, сохранять известную долю суверенитета в постановке и решении научных проблем.

Письмо Карпинского Луначарский получает в конце марта 1918 года. Он стремится закрепить деловые отношения новой власти с академией и едет в Москву, где теперь сосредоточены многие правительственные учреждения и куда переехал Ленин. По приезде в Москву он сразу же обращается к Свердлову с просьбой дать ему возможность выступить перед Центральным исполнительным комитетом, чтобы доложить о своем письме президенту Академии наук и его ответе на это письмо. Луначарский получает такую возможность и 11 апреля 1918 года выступает на заседании ВЦИКа. Там Луначарский зачитал основные положения этой важной переписки, доложил об убедительной финансовой смете, подготовленной академией. «Эта смета, — подчеркнул Луначарский, — может обеспечить задуманный Академией разворот научных работ, нацеленных на народно-хозяйственные нужды».

ВЦИК одобрил деятельность Луначарского по установлению сотрудничества с Российской академией наук.

12 апреля на заседании Совета народных комиссаров, проходившем под председательством Ленина, Луначарский сделал доклад, на основе которого 16 апреля Совет народных комиссаров принял постановление о привлечении Академии наук к государственному строительству. Тем самым академия стала советским учреждением. В постановлении СНК, в частности, говорилось:

«Совет Народных Комиссаров в заседании от 12 апреля с. г., заслушав доклад народного комиссара по просвещению о предложении Академией наук ученых услуг Советской власти по исследованию естественных богатств страны, постановил:

Пойти навстречу этому предложению, принципиально признать необходимость финансирования соответственных работ Академии и указать ей как особенно важную и неотложную задачу разрешение проблем правильного распределения в стране промышленности и наиболее рациональное использование ее хозяйственных сил».

17 апреля возникает новый документ — «Письмо А. П. Карпинского в СНК о нуждах Академии наук и работающих с ней учреждений». Перечислив ряд деловых просьб, Карпинский в заключение ставит важный вопрос и просит сохранить за академией право, которое она имела со дня своего основания.

Речь идет о том, что почти 200 лет тому назад академии было дано право обращаться в особо важных случаях непосредственно к высшему органу власти, который «всегда может обеспечить путем одновременного рассмотрения вопроса всеми заинтересованными ведомствами необходимую срочность».

В то же время (18–25 апреля 1918 года) Ленин, ознакомившись с материалами, представленными Луначарским и Карпинским, делает «Набросок плана научно-технических работ», в котором формулирует от имени Высшего совета народного хозяйства поручение Академии наук разработать программу конкретной помощи народному хозяйству России.

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

— Могли Вольтер дожить до французской революции?
— Мог, но пережить ее не мог бы.

* * *

Наука может прямо и однозначно выводиться из

общественного строя: так, революция в химии совершалась параллельно французской революции, но настолько независимо от нее, что Лавуазье попал на эшафот.

* * *

Будущий академик Академии наук СССР Дмитрий Сергеевич Лихачев был арестован в 1928 году и вышел в 1932-м как ударник Беломорско-Балтийского канала. Он попал уже в другую страну — из лагеря в лагерь.

Глава шестнадцатая
НАРКОМ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ЛЕНИН

Материалы «Литературного наследства» (том 80) документально раскрывают тему «Ленин и Луначарский» и показывают, что их связывали и работа по подготовке революции, и острые философские споры, и совместная работа в Совнаркоме, и поиски направлений, задач и форм культурной политики советской власти.

Владимир Ильич не раз давал высокую оценку как самому Луначарскому, так и его деятельности: «Этот человек не только знает всё и не только талантлив — этот человек любое пар-тайное поручение выполнит, и выполнит превосходно»; «На редкость богато одаренная натура… Я его, знаете ли, люблю, отличный товарищ!» При этом взаимоотношения их были принципиальными и деловыми. В начале 1920-х годов Ленин критикует работу Луначарского и руководимого им Наркомпроса. Критика была конструктивная, направленная на улучшение деятельности Наркомпроса и сосредоточение его на культурных факторах превращения России нэповской в Россию социалистическую. При этом Ленин подчеркивает, что Луначарский должен обратить особое внимание на разработку и решение стратегических проблем культурной политики и должен быть избавлен от рутинной административной работы.

Луначарский с неизменным уважением относился к Ленину, ценил и искренне любил его как человека и многому у него учился.

Луначарский считался главным большевистским специалистом и экспертом по вопросам культуры. Он боролся за сохранение культурного наследия прошлого, был главным проводником в жизнь ленинского плана монументальной пропаганды. Это, к сожалению, было связано со сносом многих памятников, поставленных до революции, чему часто сопротивляться более активно Анатолий Васильевич не мог, и без того некоторые старые большевики называли его за либерализм «Васильевич Блаженный». Он с воодушевлением способствовал созданию новых памятников, посвященных деятелям революции и их предшественникам. Нередко практиковалась переделка уже существующих монументов с учетом актуальных пропагандистских нужд. Новые истуканы почти всегда не отличались художественными достоинствами, однако Луначарский часто закрывал на это глаза, понимая важность их

возведения и политическую актуальность людей, которым они посвящались.

Еще до Октября Луначарский отмечал, что среди социалистов есть люди, провозглашающие лозунг «Долой буржуазную культуру!». Сам он впоследствии одобрил меры Петроградского военно-революционного комитета и Совнаркома по охране Зимнего дворца, музеев, дворцов и других архитектурных и художественных ценностей. В приказах Наркомпроса были объявлены благодарности красноармейцам, охранявшим Зимний, и тем дворцовым служащим, которые в ночь на 26 октября остались на своих постах. Нарком обратился к ученым и художественной интеллигенции и уже в ноябре 1917 года организовал при Наркомпросе коллегию по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Такая же организация была создана и в Москве. Анатолий Васильевич включил в дело охраны культуры А. Н. Бенуа, И. Э. Грабаря, И. А. Фомина, И. А. Орбели, Н. Я. Марра и других известных деятелей науки и искусства.

9 декабря 1917 года Совнарком по инициативе Луначарского принял постановление выделить Наркомпросу средства на охрану дворцов и музеев. Уже в 1918 году началась реставрация памятников Кремля. А 10 марта 1918 года Луначарский провел через Совнарком постановление об организации Комиссии по охране художественных и исторических ценностей.

Луначарский считал необходимым предоставить Пролеткульту автономию. Эту точку зрения осудил Ленин.

Луначарский участвовал в выработке резолюции ЦК ВКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» (1925) и других партийных документов.

Луначарский писал: «Пролетариату в нынешнем его составе свойствен именно реализм. В философии — материализм, в искусстве — реализм. Это связано одно с другим. Пролетариат любит действительность… и в искусстве, как идеологии, ищет помощника познания действительности и преодоления ее». (Собрание сочинений. 1964. Т. 3. С. 300.)

«Если бы не было этого заботливого глаза, многое, несомненно, погибло бы в вихре социального переворота» — так в 1927 году писали коллеги о роли Луначарского в сохранении классического искусства и о его заботе о современных художниках в статье «Десять лет несменно на посту», опубликованной в журнале «Народное просвещение».

Луначарский как критик уделял внимание национальным литературам народов СССР, писал о творчестве грузинских и эстонских писателей, о произведениях национальных

драматургов народов России, о Т. Шевченко, Коцюбинском, Янке Купале, Акопе Акопяне.

Любителям обвинять Россию в голодоморе на Украине хотелось бы напомнить (вернее, сообщить, ведь напоминать можно людям, знающим историю), что одна из первых акций российского революционного ВЦИКа (24 ноября 1917 года) была предпринята по предложению Луначарского — передача Украине хранящихся в Петрограде украинских реликвий и трофеев. Кроме того, в 1919 году Петербургская академия наук помогла образованию Академии наук Украины.

Ленин пригласил Луначарского расположиться в мягком кожаном кресле перед столом и сам занял такое же. Нарком начал говорить так, будто продолжал только что прервавшийся разговор:

— Владимир Ильич, Большой театр стоит нам сравнительно дешево, а многие совнаркомовцы настаивают на сокращении ему ссуды. Они уже и вас на свою сторону перетянули…

— Неловко, Анатолий Васильевич, содержать за большие деньги такой роскошный театр, когда у нас не хватает средств на содержание школ в деревне.

— И все же, Владимир Ильич, вы неверно относитесь к Большому театру. И ваши нападки на него я хотел бы оспорить. Несомненно его культурное значение.

Владимир Ильич прищурил глаза:

— Я не только не враждебен культуре прошлого, но в высшей степени ценю ее. Марксизм вырос не в стороне от столбовой дороги истории. Искусство прошлого, в особенности русский реализм, а в живописи, например, передвижники, являют собой безусловную ценность. Однако что бы вы ни говорили, а опера и балет есть остаток чисто барской культуры. Против этого никто спорить не может.

Луначарский, отчасти впадая в вульгарный социологизм, стал защищать оперу и балет:

— Разумеется, в опере и балете отразились и буржуазные вкусы (Вагнер), и некоторые либеральные веяния (Верди), и даже кое-что от демократического народничества (Мусоргский), но в основе своей весь строй большой оперы, и в особенности балета, с его только в России сохранившейся формой, являются, конечно, придворно-церемониальными и барскими. И все же общекультурная их значимость весьма высока.

Сегодня многое может показаться странным в этом разговоре вождя революции и его первого министра культуры. Однако, как из песни слова, из истории факта не выкинешь. Да и как было не

усомниться в том, нужен ли Большой театр России 1919 года, со всех сторон теснимой врагами, голодной и холодной, когда на деньги и топливо, расходуемые на содержание театра, можно было научить, накормить и обогреть несколько тысяч детей? Выбор был не из легких. И сколько мужества, сколько приверженности культуре и ее ценностям нужно было иметь руководителям, чтобы в этих жесточайших условиях принять решение о сохранении Большого театра. А они примут именно это решение.

Вошел секретарь и, нагнувшись к Ленину, сообщил что-то и передал какую-то телеграмму. Услышав лишь одно слово: «прорвали», Луначарский понял, что телеграмма с фронта. Ленин помрачнел и сказал:

— Анатолий Васильевич, извините, вынужден прервать нашу беседу.

— Владимир Ильич, мне при первой вашей возможности важно ее продолжить. Без решения этого вопроса никакое руководство культурой невозможно. Я хотел бы все обсудить и согласовать с вами.

— Постараюсь сегодня вечером пригласить вас.

Была уже глубокая ночь, когда Ленин вновь вызвал к себе Луначарского. Ленин, оторвавшись от бумаг, вышел из-за письменного стола:

— Прошу извинить, Анатолий Васильевич, что вынужден назначить встречу на столь поздний час.

Луначарский был взволнован, но говорил тихо:

— Не страшно. Я люблю работать ночью. Владимир Ильич, товарищи из Пролеткульта требуют от меня решительных действий против старых театров, таких как Александринский, Большой, Малый, подчеркивая их буржуазно-аристократический характер. Пролеткультовцы называют их «гнездами реакционного искусства». Вопрос сложный, он упирается в более широкую и принципиальную проблему: отношение к традициям классического искусства, к культуре прошлого, созданной буржуазно-помещичьим обществом. Конечно, за свое многолетнее развитие эта культура выработала немало важных навыков. Сложились устойчивые художественные традиции, накопился огромный художественный опыт. Однако что это за традиции? Не рутина ли это? Что такое опыт, создавшийся на потребу буржуазно-помещичье-чиновничьего зрительного зала? Могут ли старые формы, выработанные в целях совершенно чуждого нам социально-художественного функционирования, быть сколько-нибудь полезными для нового революционного театра и, скажем шире, для новой художественной культуры? Не является ли

просто бессмыслицей стараться новое пролетарское вино влить в старые «императорские» мехи? Речь идет о самой стратегии нашей культурной политики, поэтому я и решил посоветоваться с вами…

Ленин, внимательно слушавший Луначарского, вдруг перебил его:

— Анатолий Васильевич, а сколько часов в сутки вы спите? Вид у вас довольно усталый. Только говорите правду…

— До пяти часов. Иногда даже шесть.

— Негусто. Может быть, мы отложим этот разговор на другой раз? Я хотел бы, чтобы вы выспались, отдохнули…

— Времени совершенно не хватает. А откладывать этот разговор нельзя… От него вся работа Наркомпроса зависит, вся наша культурная политика. Откладывать разговор — значит, откладывать всю работу…

— Ну, хорошо. Тогда согласимся на том, что мы сейчас выпьем чай, подкрепимся и поговорим. Тема действительно серьезная.

Ленин позвонил, и из приемной вышел секретарь лет девятнадцати. В нем Луначарский узнал паренька, которого когда-то, в октябре 1917-го, он привел на работу в Смольный.

— Товарищ Коротков, нельзя ли для нас с Анатолием Васильевичем чай организовать?

Появился чай, и собеседники ненадолго замолчали. Затем Ленин сказал:

— Я помню, Анатолий Васильевич, на чем мы остановились. Продолжайте.

— Я полагаю приложить все усилия к тому, чтобы сохранить все лучшие театры страны. Пока, конечно, репертуар их стар, но мы его обновим. Публика, и притом пролетарская, ходит туда охотно. Эта публика, да и само время, заставят даже самые консервативные театры постепенно измениться. Думаю, что это изменение произойдет относительно скоро. Вести здесь прямую ломку я считаю опасным: у нас ничего взамен еще нет. Да и новое, что будет расти, потеряет культурную нить. Нельзя рассчитывать на то, что на пустом месте, без традиций, музыка сделается социалистической. Нельзя выбросить из культуры Глинку и Чайковского, Моцарта и Бетховена. Нельзя закрыть консерватории и музыкальные училища и сжечь старые «феодально-буржуазные» инструменты и ноты, как того готовы потребовать некоторые сверхреволюционные леваки.

— Я согласен с вами, Анатолий Васильевич. Только не забывайте поддерживать и то новое, что родится под влиянием революции. Возможно, поначалу оно будет слабым. Тут нельзя

применять одни эстетические суждения, иначе старое, более зрелое искусство затормозит развитие нового, а само хоть и будет изменяться, но тем медленнее, чем меньше его будет пришпоривать конкуренция молодых явлений.

— Только нельзя допустить, чтобы шарлатаны, которые сейчас в довольно большом количестве стараются примазаться к революции, стали бы играть неподобающую им и вредную для нас роль.

— Насчет шарлатанов вы, Анатолий Васильевич, глубоко правы. Победивший класс, да еще такой, у которого собственные интеллигентские силы пока количественно невелики, непременно делается жертвой таких элементов. Это в некоторой степени, — Ленин засмеялся собственной мысли, — неизбежный результат нашей силы и даже признак победы.

— Какой же все-таки принцип должен господствовать в нашем отношении к культуре прошлого? Сохранение? Отрицание со снятием положительного? Вытеснение новой культурой? У нас уже есть почти двухлетний опыт строительства нового государства и новой культуры. Этот опыт нуждается в обобщении.

— Это верно, Анатолий Васильевич. Без теории практика слепа. Хранить ли культурное наследие? Конечно же наследие нужно хранить, но это не значит ограничиваться наследием. Мы должны строить новую культуру, но не на пустом месте, не на пепелище старой. Новая культура должна вобрать в себя все ценное из культурного наследия прошлого. У нас трудная задача — соединить победоносную пролетарскую революцию с буржуазной культурой, бывшей до сих пор достоянием немногих. Важно освоить всю предшествующую культуру. Нужно взять всю культуру, оставшуюся от капитализма, и из нее построить социализм. Мы должны взять ценнейшие завоевания буржуазной эпохи, взять культуру, выработанную гнетом буржуазно-помещичьего общества. В этой культуре всегда есть зачатки демократических, социалистических элементов. На них и нужно ориентироваться.

— Значит, можно подытожить так: все добротное в старом искусстве — охранять. Искусство должно быть не музейным, а действенным. На театр, литературу, музыку — оказывать осторожное влияние, подталкивая их эволюцию навстречу новым потребностям. К новым явлениям — относиться с разбором. Захватничеством заниматься им — не позволять. Давать им возможность завоевывать себе все более видное место реальными художественными заслугами. В этом отношении — помогать им. Правильно ли я понял, Владимир Ильич?

— Я думаю, что это довольно точные формулы. Постарайтесь

их втолковать нашим художникам и критикам, да и вообще публике, в ваших выступлениях и статьях.

— Могу я при этом сослаться на вас?

— Зачем же? Я себя специалистом в вопросах искусства не считаю. Раз вы — нарком, у вас у самого должен быть достаточный авторитет. (Ленин был последним советским руководителем, который не считал себя специалистом в области искусства. — *Ю. Б.)* Я хочу, Анатолий Васильевич, обратить ваше внимание еще на одну важную сторону вашей работы. На школу. Необходимо внимательно, с учетом задач борьбы за социализм пересмотреть все школьные программы. Особенно важна работа с учительством. Учительская армия должна поставить перед собою гигантские просветительские задачи и, прежде всего, должна стать главной армией социалистического просвещения. Надо освободить жизнь, знание от подчинения буржуазии. Нельзя ограничить деятельность учителей рамками узкой школьной деятельности. Задача новой педагогики — связать учительскую деятельность с задачей социалистической организации общества. Главная масса интеллигенции старой России оказывается прямым противником советской власти. Процесс брожения в широкой учительской массе только начинается, и истинно народным учителям не следует замыкаться в узких рамках, необходимо уверенно идти в массы с пропагандой научных знаний и социализма.

— Владимир Ильич, эти задачи мне совершенно ясны, и в их осуществлении у меня есть два замечательных помощника: Надежда Константиновна и товарищ Покровский.

На следующий день на заседании Совнаркома доклад делал представитель Малого Совнаркома Галкин. Он говорил, что Большой и Малый театры не нужны рабоче-крестьянской публике, так как в их репертуаре все те же старые «буржуазные» пьесы и оперы вроде «Евгения Онегина», что не следует бросать драгоценное топливо в прожорливые печи московских театров.

Луначарский заволновался и передал Ленину записку: «Владимир Ильич! Я возмущен Галкиным. Прошу слова в прениях. А. В.». Ленин улыбнулся и тут же, щурясь, бросил реплику докладчику:

— Мне кажется, что Галкин имеет наивное представление о роли и назначении театра. Как нам сейчас ни трудно, но театры, составляющие гордость нашей культуры, должны работать!

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

Елизавета Гердт танцевала классические танцы. В 1919 году к ней за кулисы как-то пришел Ленин:

— Многие артисты эмигрировали. Спасибо за то, что вы с нами.

— Я не с вами. Я здесь потому, что не смогла уехать.

Ленин опешил:

— Чем я могу вам помочь?

— В моей гримерной холодно — разбито окно…

— К сожалению, сейчас в России трудно найти оконное стекло.

— Я знала, что вы не поможете.

* * *

Когда Ленину жаловались на первую жену Горького актрису Андрееву, комиссара театра и зрелищ Петрограда, он говорил: «Не трогайте ее — у нее такие связи!»

* * *

Летом 1922 года, когда Ленин давал указание выслать из России многих знаменитых ученых, он уже не мог производить элементарных арифметических действий.

* * *

В 1960-е годы я встречался с врачом, который в 1922 году по поручению Ленина ездил в Китай изучать тибетскую медицину.

* * *

Конец 1923 года. Студент химфака Харьковского технологического института загадывал загадку: «Что за страна: царь-колокол не звонит, царь-пушка не гремит, премьер не говорит?»

* * *

Эстетик профессор Авнер Яковлевич Зись в молодости работал с Крупской. Однажды он высказал какое-то суждение, и

Крупская оценила его как неправильное.

— Но так написано у товарища Сталина!

— А Ленин считал по-другому. Вот и решайте, с кем вы согласны: с Лениным или со Сталиным.

— С Лениным, — сказал Зись и невольно боязливо оглянулся.

* * *

Луначарский написал статью «Ленин и литературоведение» для «Литературной энциклопедии» (1932. Т. 6), в которой дает первое системное описание взглядов Владимира Ильича по вопросам литературы.

Глава семнадцатая
РЕВОЛЮЦИЯ ЗАЩИЩАЕТСЯ

Луначарский предпринимал немало усилий, ограждая деятелей культуры от преследований со стороны ВЧК. Одной из форм спасения интеллигенции была массовая высылка крупнейших русских ученых и мыслителей за рубеж, к которой был причастен и нарком просвещения. Вместе с тем Луначарский был причастен к массовым увольнениям преподавательского состава из вузов по политическим мотивам.

26 сентября 1926-года М. Булгакова вызвали в ОГПУ. Его допросил следователь С. Гендин. В собственноручных показаниях писателя, которые хранятся в архиве бывшего КГБ, говорится: «Советский строй считаю исключительно прочным». Он за девять лет советского строя увидел, как новая власть этой прочности добивается.

Луначарский прилагал большие усилия, направляя развитие всех отраслей культуры на помощь в стабилизации порядка в новом обществе, на укрепление его устоев.

На прием к наркому пожаловал управляющий труппой Малого театра, почетный член Петербургской академии наук, знаменитый актер Александр Иванович Сумбатов-Южин. Взволнованно он рассказал Луначарскому об аресте артиста Ленина. Луначарский снял телефонную трубку и любезно попросил барышню соединить его с ЧК.

— Говорит нарком просвещения Луначарский. Здравствуйте! Вот какое дело: ваши товарищи задержали известного актера Ленина. Узнайте, пожалуйста, в чем там дело. Я не буду вешать трубку… Выступал против Владимира Ильича в июле семнадцатого года?.. Не выступал? А что же?.. Одну минутку. — Луначарский повернулся к Южину: — Александр Иванович, мне объясняют, что в июльские дни семнадцатого года ваш протеже надписал одной девице свою фотографию совершенно неприличным образом: «На добрую память от актера Ленина, которого прошу не путать с немецким шпионом — большевиком Лениным».

— Но, Анатолий Васильевич, тогда все газеты писали, что Ленин — немецкий шпион! — воскликнул Сумбатов-Южин.

— Не все газеты, а буржуазные газеты.

В трубку:

— Товарищ дежурный, доложите, пожалуйста, о моем звонке

кому-нибудь из начальников, компетентных решить проблему. Жду у аппарата… С кем имею честь?.. Очень приятно. Вы уже знаете о чем речь?.. Хорошо. Политическая бестактность и легкомыслие введенного в заблуждение буржуазной пропагандой в июле семнадцатого года актера Ленина подлежат суровому порицанию. Однако это не должно послужить причиной репрессий по отношению к нему. Я имею поручительство за этого известного актера от очень авторитетных театральных деятелей, сотрудничающих с советской властью. Я от имени Народного комиссариата просвещения прошу освободить актера Ленина. Он будет полезен для разворачивания культурной работы в республике. Да, да, я вас слушаю… Однако это не значит, что я с вами согласен. Даже кратковременное пребывание у вас — уже хорошее наказание для него и гарантия от ошибок… Да, да. Освободите? Хорошо. Я просил бы сегодня же. Благодарю. Всего хорошего.

Сообщив Сумбатову-Южину о благоприятном исходе переговоров, Луначарский тепло попрощался со знаменитым театральным деятелем.

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

У шефа Третьего отделения Бенкендорфа было пять тысяч тайных агентов. Декабрист Пестель предполагал, что, когда он и его товарищи захватят власть, они создадут тайную полицию из пятидесяти тысяч человек.

* * *

На Гороховой улице происходила казнь петрашевцев, среди которых был приговоренный к смерти, но в последнюю минуту помилованный Достоевский. Об этой улице он напишет в «Преступлении и наказании»: на ней (и это символично!) Раскольников совершает свое уголовно-революционное преступление. И наконец, на Гороховой в революцию была ЧК, где сидел Блок и где допрашивали и приговорили к расстрелу Гумилева.

* * *

В 1932 году Алексей Толстой взял в гости к Горькому своего

пасынка Фефу — Федора Федоровича Волькенштейна. Сидели за столом. Ждали Сталина. Охрана многих выгнала, а Толстого и Фефу оставила. Вошел Сталин, попросил рассказать, что нового в писательской среде. Выпили. Подвыпивший Фефа сказал:

— Я предлагаю тост за Сталина.

У Горького остекленели глаза от ужаса: была нарушена субординация и не соблюдена форма — «товарища Сталина».

Сталин сказал Толстому:

— Шустрый мужик у тебя.

Толстой был мрачнее тучи. Уйдя из гостей, он отчитал пасынка:

— Ты понимаешь, что ты наделал? Нас всех могут уничтожить.

Глава восемнадцатая
ОХРАННАЯ ГРАМОТА

За окном плохо натопленного кабинета стояла холодная весенняя ночь. Луна желтком облила мокрые от стаявшего снега мостовые голодной Москвы 1919 года. Луначарский нехотя отошел от окна. Волевым усилием он прервал излишне затянувшуюся паузу в работе. Он неторопливо подошел к столу и с чувством безнадежности еще раз взглянул на список дел, которые собирался решить сегодня. Осознав, что уже ночь, а список уменьшился лишь наполовину, нарком стал выбирать только самые неотложные. Остальные он перенесет на завтра. Дело, обозначенное в списке одним словом «Бунин», нарком счел особо неотложным. С него он и начал.

Луначарский снял телефонную трубку и попросил:

— Соедините меня, пожалуйста, с ЧК. Мне нужен товарищ Петерс.

В трубке ответили.

— Товарищ Петерс? Это говорит Луначарский. Добрый вечер, то есть, извините, ночь. Я получил телеграмму из Одессы от художника Нилуса. Просит помочь писателю Бунину. Ему грозят арест и крупные неприятности.

— Не неприятности, а расстрел ему грозит, Анатолий Васильевич. Бунин скомпрометирован своими контрреволюционными взглядами. Он их даже не скрывает.

— Бунин — гордость русской литературы! Крупный писатель, академик. Я прошу вас связаться с Одесским ревкомом, я и сам туда телеграфирую. Нельзя допустить, чтобы с Буниным что-нибудь случилось! Вы меня слышите? Товарищ Петерс!

— Слушаю, слушаю.

— Так вот, если будет необходимо, я позвоню Феликсу Эдмундовичу и обращусь к Владимиру Ильичу…

— Ладно. Не надо. Я остановлю дело.

— Я могу на вас надеяться?

— Да. Все будет в порядке, если уже не… если уже не поздно.

— Тогда займитесь немедленно. Обещайте мне.

— Обещаю. Мы дадим вашему академику Бунину «охранную грамоту».

— Благодарю вас. Всего доброго.

На всякий случай Луначарский решил лично позвонить в Одесский губком партии, а для подстраховки попросил своего секретаря отправить туда телеграмму, которую тут же

продиктовал.

По ночной безлюдной Княжеской улице недавно взятого красными города Одессы, мимо весенних, но еще не пробудившихся от зимней спячки акаций шагал вооруженный отряд чекистов. Они подошли к особняку. В окне горел свет. Два матроса стали по углам дома. Три солдата вошли внутрь через открытую парадную дверь, остановились в обширных сенях и подняли ружья, приготовившись прикладами бить в массивную дверь квартиры.

Выглянув на шум в окно, жена Бунина Вера Николаевна увидела солдат и матросов и потеряла сознание. Молодой литератор Валентин Катаев, сидевший до этой минуты в столовой и беседовавший с Буниным, подбежал к ней. Бунин же поспешно устремился к двери. Он сжал кулаки, судорога исказила его побледневшее лицо.

— Если хоть кто-нибудь осмелится… — Голос Бунина сорвался, и он начал фразу сначала: — Тому, кто посмеет ворваться в мой дом… я… перегрызу горло! И пусть меня потом убивают! Я не хочу больше жить!

Катаев услышал скрежещущий голос, оглянулся и пришел в ужас от вида своего учителя.

Однако возня за дверью неожиданно стихла. Один из солдат в не по сезону теплом полушубке увидел на освещенной карманным фонариком двери «охранную грамоту», заверенную подписью и губкомовской печатью. Солдат, который, видимо, был за старшего, досадливо матюгнулся, однако велел всем поворачивать назад. И по безлюдной Княжеской улице маленький отряд, молча печатая шаг, удалился на другой край города вершить свою неблагодарную революционную работу. И снова матюгнулся солдат в адрес Одесского губкома, не зная, что адресовать все негодование нужно было в Москву, к наркому просвещения Луначарскому. Это он сорвал хорошо подготовленную операцию по ликвидации очередной контры.

А Бунин вскоре уехал в эмиграцию, так и не узнав, кто спас ему жизнь.

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

Волошин прятал и спасал красных от белых, белых от красных. Когда у него спрашивали: «К какому крылу вы примыкаете: к красным или к белым?» — отвечал: «Я летаю на двух крыльях».

* * *

В Гражданскую войну махновцы схватили Михаила Шолохова и хотели его расстрелять. Спас жизнь будущему писателю сам батька Махно, отменивший расстрел.

* * *

После изгнания большевиков из Киева в газете «Киевское эхо» появились статьи, рассказывавшие о расстрелах в подвалах ЧК. В этих статьях говорилось, что чекистам были присущи жестокость и исключительная бесцеремонность в обращении с живыми людьми. Не было ничего дешевле человеческой жизни.

* * *

Бунин рассуждал: «Есть два типа в народе. В одном преобладает Русь, в другом — Чудь, Меря. Но и в том, и в другом — шаткость: переменчивость настроений и обликов. Народ сам сказал про себя: „Из нас, как из дерева, — и дубина, и икона — в зависимости, кто обрабатывает: Емелька Пугачев или Сергий Радонежский“».

* * *

Толстой читал статью Короленко против смертной казни и плакал.

* * *

В 1920 году Луначарский посетил в Полтаве Короленко. Писатель с горечью говорил. «У нас нет ни свободы печати, ни свободы голосования. Эти свободы называют буржуазными предрассудкам. Отсутствие же свободы печати делает большевиков глухими и слепыми. Большевики расстреливают заложников. В городах начался голод. Любого, в том числе и рабочего, за самостоятельную мысль арестовывают. Все это большевики называют „диктатурой пролетариата“». Член советского правительства ответить ничего не смог.

Глава девятнадцатая
«ДВЕНАДЦАТЬ» БЛОКА

Наркомпрос занимался широким фронтом проблем — это и народное просвещение, и все области культуры: театр и кино, живопись и архитектура, литература и музыка, печать, библиотеки, музеи, архивы и памятники старины, клубы и самодеятельность. Вся интеллигенция от учителя до академика входила в сферу заинтересованного внимания Наркомпроса. Однако это внимание распространялось и на неграмотного крестьянина, так как Наркомпрос должен был организовать обучение его грамоте. Понимая общенародное значение культурного наследия прошлого, Луначарский обсуждал с Александром Блоком планы издания русских классиков. Главной задачей первых месяцев работы была выработка принципов культурной политики. Он все время думал над разными сторонами этой проблемы. «…Нашей культуре должна быть свойственна ширь мировых горизонтов, огненный энтузиазм, который зажигается от соприкосновения с великими идеями социализма…» — писал Луначарский в статье «Новый русский человек».

Луначарский жил на углу улицы Бассейной и Литейного проспекта с недавно вернувшейся из эмиграции женой Анной Александровной и сыном Анатолием.

Сегодня вторник. Ивнев заехал за наркомом к нему домой.

Анна Александровна пригласила гостя позавтракать с Луначарским. Завершив трапезу, они отправились в приехавшей за наркомом машине сначала в редакцию, а потом в Зимний дворец. К ним присоединился сотрудник наркомата Артур Лурье, который протянул наркому газету «Знамя труда» от 18 февраля 1918 года и сказал:

— Почитайте — здесь опубликована новая поэма Александра Блока.

О том, что эта поэма посвящена революции и что она называется «Двенадцать», знал уже весь культурный Петроград. Это была литературная сенсация, стараниями Гиппиус, Мережковского и их единомышленников перераставшая в литературный скандал.

Луначарский уже слышал об этом произведении и тут же в машине нетерпеливо развернул газету и стал читать поэму, нервно поправляя пенсне. Машина остановилась у подъезда редакции, а Луначарский еще несколько минут не выходил —

дочитывал поэму. Не покидали машину и сотрудники наркома Ивнев и Лурье. Закончив чтение, Анатолий Васильевич откинулся на спинку сиденья и произнес:

— Так мог написать только большой поэт. Это не гимн революции, но ее глубокое и искреннее признание, рожденное долгим раздумьем и душевной мукой. Этой поэме суждено бессмертие…

Весь день Луначарский находился под впечатлением прочитанной им поэмы. Она не отпускала его. Да и посетители, и все встречавшиеся ему деятели культуры в этот день так или иначе высказывались и спорили об этом произведении.

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

У Блока была любовница — жена знаменитого клоуна. Однажды эта дама и Любовь Дмитриевна Менделеева, встретившись на улице, подрались зонтиками. Блок отрешенно стоял рядом, потом взял жену под руку и со словами: «Люба, ничего этого не было» увел ее.

* * *

В коридоре редакции Бунин говорил своему собеседнику:

— Катька жрет шоколад «Миньон»… До такого позора русская поэзия еще не доходила! Державным шагом идут двенадцать Ванек, а впереди в белом венчике из роз — Иисус! Что такое венчик?! Наверное, веночек? Русский поэт от ужаса или от восторга разучился говорить по-русски!

А в другом конце коридора худощавый юноша — Михаил Зощенко — громко рассуждал:

— Статью о поэме я бы назвал «Конец Рыцаря печального образа».

Маяковский скаламбурил:

— Читаю поэму Блока бес конца и без конца.

Луначарский заметил:

— Действительно, Христос в финале революционной поэмы шокирует.

— Предлагаю изменить концовку:

В белом венчике из роз
Луначарский — Наркомпрос.

Луначарский рассмеялся. Маяковский притворно возмутился:
— Всё! Ухожу писать что-нибудь абсолютно революционное.

* * *

Про Белого, Блока, Разумника говорили, что они «и вашим и нашим». А на самом деле они — «ни вашим, ни нашим».

Глава двадцатая
«БЛАЖЕН, КТО ПОСЕТИЛ СЕЙ МИР…»

В Наркомпросе чернила в чернильницах с середины ноября нередко замерзали. В деятельности Наркомпроса участвовали многие литераторы и деятели культуры: в разное время здесь работали Блок, Мейерхольд, Булгаков, Федин, Брюсов, Иванов и другие. Здесь циркулируют сплетни, слухи, легенды. Главные из них — о смерти Блока (7 августа 1921 года) и о расстреле Гумилева (24 августа 1921 года).

Многие месяцы Блок голодал и мерз. Однажды в 1920 году он на Неве ломал барку на дрова. Хотя он и работал в Наркомпросе, но свой паек получал не всегда. Всю мебель и даже конторку, за которой его тесть Менделеев записал свою знаменитую периодическую систему, Блок изрубил на дрова. К тому же Блока, как и Ахматову, уплотнили еще в 1919 году. В апреле 1921 года здоровье Блока надорвалось.

29 мая 1921 года Горький написал письмо Луначарскому о тяжелом состоянии Блока и о необходимости срочно выхлопотать для поэта возможность выехать в санаторий в Финляндию. Лишь спустя 43 дня Луначарский обратился в ЦК к Ленину с ходатайством от своего имени и от имени Горького об отъезде Блока. Через 12 дней пришло разрешение. Однако в разрешение не было вписано имя жены Блока, а без нее невозможно было ехать смертельно больному поэту.

1 августа 1921 года Луначарский пишет в ЦК РКП(б) ходатайство о предоставлении Блоку возможности уехать на лечение вместе с женой.

Луначарский высоко оценил «Двенадцать» Блока, однако воспринимал его как поэта усадебно-дворянской и ресторанно-мистической культуры, у которого был отнят уют привычного барского быта, для Блока революция — музыка. Вместе с тем Луначарский ценил сотрудничество Блока с Наркомпросом «в условиях, — как он сам говорил, — упорного саботажа художественной интеллигенции». Блок писал рецензии не только для издательств, но и на рукописи, «самотеком» приходившие в Наркомпрос. Он посещал десятки коммунальных квартир, стараясь облегчить трудности быта людей, участвовал в строительстве культуры нового государства.

Луначарский с 11 июля по 7 августа 1921 года (день смерти Блока) дважды обратится в ЦК и лично к Ленину, пытаясь спасти поэта. В письме в ЦК РКП(б) от 1 августа 1921 года нарком

просвещения пишет: «Прилагаю при сем срочную телеграмму М. Горького об отпущенном согласно решению ЦК РКП(б) А. Блоке. Очень прошу ЦК признать возможным выезд жены его и уведомить об этом решении Наркоминдел и ВЦК». Бюрократическая машина работала медленно, с перебоями, и — «погиб поэт…».

Нарумяненная, постаревшая после недавно перенесенной болезни, Зинаида Николаевна Гиппиус в переполненном трамвае встретилась с Блоком. Толпа прижала их друг к другу. У Блока лицо было вытянувшееся, сухое, темно-желтое. Глуховатым, бесстрастным, но внутренне напряженным голосом он сказал:

— Зинаида Николаевна.

Так обычно Блок здоровался: со спокойной утвердительной интонацией называя человека. Однако на сей раз, видимо, сочтя это недостаточным, он медленно, с внутренним усилием, прибавил:

— Здравствуйте. — И после паузы, словно преодолевая боль, спросил: — Вы подадите мне руку?

Наступила долгая тяжелая пауза. Из-за глухоты излишне громким голосом Зинаида Николаевна ответила:

— Как знакомому лично — подам, но как Блоку — нет.

Подслеповато щурясь, Гиппиус неспешно протянула руку, обтянутую белой перчаткой. Публика стала прислушиваться к громкому разговору и оборачиваться. Пожилая дама прокомментировала своей спутнице:

— Влюбленные ссорятся.

Блок же, несмотря на трамвайную тесноту, снял фуражку, молча наклонился, поцеловал руку Зинаиде Николаевне и, помолчав, сказал:

— Благодарю вас… — и после мучительной паузы спросил: — Вы, говорят, с Дмитрием Сергеевичем уезжаете?

Гиппиус не расслышала, переспросила. Блок повторил свой вопрос. Поправляя рыжие взбитые волосы парика, Зинаида Николаевна с горечью сказала:

— Что же, тут или умирать, или уезжать. Если, конечно, не быть в вашем положении культуртрегера, приближенного к Луначарскому — большевистскому вождю, руководящему культурой…

Блок долго и печально молчал, углубившись в себя. Потом вымолвил:

— Умереть во всяком положении можно… — и вновь замолчал. Затем неожиданно встрепенулся и радостным искренним тоном воскликнул: — Я ведь вас очень люблю!

Старушечье лицо Гиппиус на минуту посветлело, стало моложавым и красивым. Она ответила:

— Вы знаете, что и я вас люблю.

Они замолчали, понимая, что это признание ничего не изменит и не разрешит в их отношениях.

Пожилая дама в трамвае снова обратилась к своей спутнице:

— Слышишь? Говорит: любит. Милые бранятся — только тешатся.

На Невском много народу вышло, и в трамвае неожиданно стало просторно. Прерывая молчание, Гиппиус сказала:

— Мне скоро выходить. Вам далеко?

— Далеко, — ответил Блок. — Я на заседание в Наркомпрос еду к упомянутому вами Луначарскому. Он, между прочим, вполне просвещенный человек. Поверьте мне…

Искренность Блока и его напоминание о сотрудничестве с новой властью повергли Гиппиус в отчаяние. Округлив близорукие глаза, она страдальческим голосом сказала:

— Я не могу смириться: Блок — с Луначарским, Блок — с большевиками! Россия гибнет. Больше нет России. Мы все разочаровались в своем народе. Вокруг хамство. Неужели вы ничего не видите?! Как можно этого не видеть?! Тоска и ужас, покаяние без надежды.

Блок ответил:

— Вижу. Перед нами Россия, какою ее узрели в устрашающих и пророческих снах Гоголь и Достоевский. Однако надежда не утеряна.

— Я уже ни на что не надеюсь и ни во что не верю.

— Я верю в то, что должно свершиться. Пусть сейчас этого нет и еще долго не будет, однако жизнь отдаст нам это, ибо она прекрасна.

— Блок, вы глупый, избалованный ребенок. Ваш романтический бред… Ваши розовые иллюзии…

Непроворно выходя из трамвая, Зинаида Николаевна продолжала говорить еще что-то осуждающее, а может быть, даже бранное в адрес Блока, а он стоял бесстрастный и отрешенный и уже не слушал ее.

Блок проехал свою остановку и огорчился: он привык к аккуратности во всем и не любил опаздывать. Он сошел с трамвая и зашагал в обратную сторону.

Сегодня предстояло очередное заседание комиссии по изданию собраний сочинений классиков русской и мировой литературы. Совещание еще не началось. Луначарский запаздывал и по телефону просил его подождать. В кабинете наркома уже сидели Чуковский, Альтман, Лебедев-Полянский…

Блок поздоровался, сел в углу и попытался сосредоточиться на вопросах предстоящего совещания. Речь должна была идти об издании полного собрания сочинений Некрасова. Однако сосредоточиться Блок не смог. Ему вдруг пришли в голову вовсе не некрасовские, а тютчевские строки. Они зазвучали в его душе так, словно он их сам сейчас сочинял:

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.
Его призвали всеблагие,
Как современника на пир…

Поспешно вошел Луначарский. Он обошел всех присутствующих, обменявшись с каждым крепким рукопожатием, и сказал:

— Начнем, пожалуй. Прошу извинить меня за опоздание…

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

Даже рассуждая о литературе, Троцкий мыслит не в эстетических, а в политических категориях и вносит в литературную критику на многие годы утвердившийся в ней внеэстетический термин — «попутчик». Он считает, что общая черта всех попутчиков — чуждость коммунистическим целям. Попутчик через голову рабочего глядит с надеждой на мужика. «Относительно попутчика, — говорил Троцкий, — всегда возникает вопрос: до какой станции? Этого вопроса нельзя сейчас, однако, предрешить и в самой приблизительной степени». Жизнь ответила на этот вопрос трагедией. Та группа писателей, которая именовалась попутчиками, ехала не дальше станции «37-й год». Клюев и Пильняк погибли в застенках и лагерях. Есенин еще раньше покончил с собой. Тихонов написал исторически ложную поэму «Киров с нами». Всеволод Иванов — недостойную его пера повесть о Пархоменко и многие годы безмолвствовал. Распались как группа и изменились в своем творческом лице Серапионовы братья и имажинисты. Они перестали существовать как литературное направление. Имажинист Гумилев был расстрелян еще до выхода книги Троцкого «Литература и революция».

* * *

Луначарский обратился к одному из литераторов:

— Мы решили поставить памятник Достоевскому. Что бы вы посоветовали написать на постаменте?

— «Достоевскому от благодарных бесов».

* * *

В гостиной Мережковского и Гиппиус Ремизов прочитал отрывок из «Слова о погибели Русской земли».

— Актуальное название, — заметил Философов.

— Однако вы предаете искусство, — упрекнул Ремизова Мережковский.

Сологуб его поддержал:

— Ремизов по примеру большевиков обращается к массам.

Ремизов подтвердил:

— Да, обращаюсь к массам. Хочу поставить литературу в услужение современной борьбе.

— Даже хорошая политика и даже справедливая борьба с советской властью разрушительны для поэзии, — заметил Мережковский.

* * *

Умирающий Блок написал Чуковскому: «Слопала-таки поганая, гугнивая родимая матушка Россия, как чушка своего поросенка».

Глава двадцать первая
ОТЧАЯНИЕ И УЖАС, РАДОСТЬ И НАДЕЖДА НА СЧАСТЬЕ

В первые месяцы после Октября Луначарский прилагает усилия для сохранения художественных, культурно-исторических ценностей и для привлечения старой интеллигенции на сторону революции. Интеллигенция же, по словам Луначарского, «нас ненавидит лютой ненавистью». (Вопросы истории КПСС. 1991. № 2. С. 50.) Однако постепенно стали появляться новая интеллигенция, новые писатели, принимающие и защищающие революцию.

Луначарский помогал становлению «искусства, обращенного в будущее» — молодой советской литературы. Повседневно участвуя в литературном процессе, руководитель Наркомпроса и критик-литературовед Луначарский подмечал и поддерживал все новое и талантливое, что могло служить делу революции. Он не примыкал ни к одной из литературных и художественных групп, но неоднократно высказывался в защиту разнообразия художественного творчества, необходимости свободного соревнования разных направлений, стилей и приемов, за создание новых ценностей в искусстве и за охрану старого наследия. Одним из первых он приветствовал появление «Разгрома» А. Фадеева и «Тихого Дона» М. Шолохова, находя в них связь с лучшими традициями русских классиков. Луначарский мог иногда поддержать какое-либо начинание «левого толка», где явно преобладали формалистические принципы. Так, он написал предисловие к сборнику футуристов «Ржаное слово» (1918), отмечая, что в нем много задора и молодости, а «молодость революционна».

Статьи и рецензии Луначарского о советской литературе в газетах и журналах 1920-х — начале 1930-х годов охватывают все значительные книги тех лет: «Чапаев» Д. Фурманова, «Цемент» Ф. Гладкова, «Железный поток» А. Серафимовича, «Барсуки» Л. Леонова, «Зависть» Ю. Олеши, стихи В. Маяковского, С. Есенина, Демьяна Бедного, Э. Багрицкого, Б. Пастернака, И. Сельвинского, А. Безыменского, Н. Тихонова, И. Уткина и других.

В марте 1918 года правительство переехало в Москву, которая отныне стала столицей. Луначарский еще некоторое время оставался в прежней столице. Он объяснял свое решение тем, что не следует в трудные времена покидать рабочие массы

Петрограда, надо быть с ними, как и раньше, «в непрерывном контакте». Кроме того, Луначарский считал нужным остаться и для завершения учета национальных культурных ценностей в бывшей столице, и для решения вопросов по охране памятников культуры, и для работы с петроградской интеллигенцией. Всю остальную деятельность наркома в новой столице вели заместитель Луначарского — Крупская, а также секретарь коллегии наркомата и секретарь парткома Штернберг. Луначарский по телефону осуществлял руководство московским подразделением Наркомпроса. Его секретарь Ивнев переехал вместе со многими другими наркомпросовцами в Москву, и Луначарский дал ему особый мандат на право пользования кремлевским телефоном для связи с Петроградом.

Луначарскому часто приходилось приезжать в Москву. Здесь Наркомпрос расположился в бывшем лицее Каткова около Крымского моста на углу Садовой улицы.

У входа в наркомат назойливый посетитель перехватил Луначарского, видимо, узнав заблаговременно о его приезде. Посетитель без всяких церемоний потребовал бронзу для отливки памятника жертвам революции.

Луначарский спросил:

— Вы скульптор? Какие художественные монументы вы создали? Где вы учились? Каков ваш проект?

Выяснилось, что гость никогда не учился в художественном училище, никогда не пробовал делать скульптур и никакого проекта у него нет.

Луначарский терпеливо объяснил просителю, что его претензии на создание памятной скульптуры лишены каких бы то ни было оснований, и подчеркнул, что он как нарком обладает единоличным правом распоряжаться бронзой, запасы которой минимальны. Гость увидел, что его предприятие терпит крах и с подкупающим простодушием попросил:

— Ну, если нельзя бронзу, то выдайте мне хотя бы брюки.

С этими словами он распахнул длиннополую шинель, и оказалось, что под нею на нем лишь кальсоны.

Весь этот разговор происходил по пути от подъезда к кабинету, а заключительная сцена — в приемной, при этом, минуя очередь, посетитель прошел за Луначарским в его кабинет.

Луначарский растерянно глядел на впавшего в бедственное состояние человека. Впервые столкнувшись с подобной ситуацией, нарком не знал, как поступить: ведь благотворительность не входит в компетенцию Наркомпроса.

Заметив растерянность наркома, секретарь Ивнев вошел в кабинет и сказал:

— Анатолий Васильевич, вам звонят из Кремля.

Луначарский подошел к аппарату и хотел снять трубку, но Ивнев остановил его:

— Вас не к этому аппарату, — и повел наркома в коридор, где разъяснил ему, что это его, Ивнева, хитрость, что он хочет помочь избавиться от назойливого посетителя, который к тому же, пользуясь деликатностью и либерализмом наркома, вторгся без очереди в его кабинет.

Приняв заявление Ивнева за упрек, Луначарский развел руками:

— Ну что же мне было делать, не мог же я вытолкать человека на улицу!

— Тогда придется мне, Анатолий Васильевич, выпроводить его.

— Неудобно как-то.

— А злоупотреблять вашим вниманием удобно?

— Как же этот «пролетарий умственного труда» пойдет строить новую счастливую жизнь без брюк?!

— У каждого сейчас свои лишения… Это нормально.

— Ну какие у вас особенные лишения? — усомнился нарком.

— Ну не начинать же мне жаловаться!

— Жалуйтесь! Чего у вас нет?

— В основном все в порядке. Однако у меня, например, нет перчаток. Или вот дома нет топлива: к утру недопитый чай замерзает в стакане… Да разве все перечислишь? Это мелочи.

К вечеру того же дня Луначарский вручил Ивневу отпечатанную на машинке серьезную бумагу, скрепленную столь значительными подписями, что казалось: речь в ней шла не о мелкой детали зимней экипировки, а о целом состоянии или решении государственной задачи. Впрочем, в ту эпоху ценностные критерии были настолько смешены, что перчатки, о которых шла речь в бумаге, были действительно целым состоянием. Бумага же, адресованная в высокие инстанции, гласила: «Прошу выдать моему секретарю тов. Ивневу Р. А. теплые перчатки, которые ему крайне нужны, так как ему часто приходится разъезжать по служебным делам в открытом экипаже».

Бумага была скреплена подписями наркома просвещения А. В. Луначарского, управделами наркомата В. К. Покровского и начальника канцелярии. Целая эпоха отразилась в этом кратком ходатайстве! Примечательно, что даже с таким солидным документом в руках Ивневу предстояли невероятные хлопоты по поводу перчаток, которые он в итоге так и не получил. Впрочем, это мало заботило молодого поэта, к тому же вскоре должна была

наступить весна, хотя еще нередко шел снег.

Из Наркомпроса Луначарский отправился в Моссовет. Здесь он провел трудные переговоры, стараясь предотвратить дальнейшее ухудшение отопления школьных помещений. Зима не сдавалась. Дети мерзли в классах. Служащие Моссовета и сами работали в холодных помещениях, сидели за столами в пальто и тоже мерзли. Однако они живо откликнулись на просьбу Луначарского и приложили много усилий, чтобы добыть топливо для школ. И все же того количества дров, которое удалось вытребовать, было недостаточно.

Кроме того, в другом отделе Моссовета Луначарский согласовал вопрос о создании в Москве, по примеру действующей уже в Петрограде, комиссии по делам изобразительных искусств. В Московскую комиссию нарком ввел В. А. Веснина, А. В. Златовратского, И. В. Жолтовского, К. А. Коровина, С. И. Коненкова, А. В. Щусева.

Закончив дела, Луначарский собрался было уйти, когда в одном из коридоров Моссовета столкнулся с писателем Александром Серафимовичем. Тот озабоченно давал какие-то указания окружающим его людям.

— Что вы здесь делаете? — спросил удивленный Луначарский.

— Редактирую художественный журнал Моссовета.

— И как идут дела?

— Сложно. Писателей больше, чем читателей. Бесконечным потоком идут люди и кладут на стол смятые, а порой и грязные литы, клочки грубой оберточной бумаги, какие-то ведомости. Эти обрывки покрыты безграмотными, трудночитаемыми каракулями. Это — стихи! Ежедневно мы получаем сто — сто двадцать стихотворений. Проза встречается редко. Всю эту литературу мы собираем в тюки.

Серафимович подвел Луначарского к двери в комнату, где за столами сидели несколько работников в шапках, пальто и валенках. На полу были сложены перехваченные веревками тюки.

— В каждом — тысяча-полторы стихов.

— Печатаете ли хоть что-нибудь в вашем журнале? — спросил Луначарский.

— Я пытался. Из тысячи можно выбрать одно-два, да и те нуждаются в серьезнейшей переделке.

— Однако не забывайте, что это первые попытки самовыражения освобожденного народа. Голос улицы.

Луначарский взял со стола несколько стихотворений и неожиданно для себя увлекся:

— Это не стихи! Это вопль отчаяния, ужаса и вместе с тем

радости и надежды на счастье!

Из Моссовета Луначарский отправился в Кремль доложить Ленину о ходе работ в Наркомпросе. Выслушав доклад, Ленин сказал:

— Вы, конечно, помните, Анатолий Васильевич, что Кампанелла в своем «Городе солнца» говорит о том, что стены его фантастического социалистического города украшены фресками, которые служат молодежи наглядным уроком по естествознанию и истории, возбуждают гражданское чувство и участвуют в просвещении и воспитании новых поколений. Далеко не наивная идея! С известными поправками она может быть усвоена и осуществлена нами теперь же. Я бы назвал это монументальной пропагандой. В людных местах, на стенах или на специальных сооружениях и постаментах можно разбросать краткие и выразительные надписи, содержащие основные принципы марксизма, или простые и ясные формулы, освещающие и оценивающие те или иные исторические события…

Луначарский внимательно слушал Ленина, записывая что-то в блокнот. Владимир Ильич продолжал:

— Пусть это будут, например, бетонные плиты, а на них — четкие надписи. О вечности или хотя бы длительности я пока не думаю. Еще важнее надписей я считаю памятники: бюсты, фигуры, может быть, барельефы или скульптурные группы. Надо составить список предшественников социализма, его теоретиков и борцов, а также тех светочей философской мысли, науки, искусства, которые хотя и не имели прямого отношения к социализму, но являлись подлинными героями культуры.

— Владимир Ильич, я, пока слушал вас, набросал кое-какие фамилии. Спартак, братья Гракх, Брут, Бабеф, Дантон, Марат, Робеспьер, Гарибальди, Роберт Оуэн, Степан Разин, Шевченко, Салтыков-Щедрин, Радищев, Руссо, Гейне, Гюго.

Ленин согласился и добавил:

— Хорошо, надо еще подумать и обсудить на Совнаркоме. Полагаю, что народные комиссары подбросят нам немало новых имен. Нужно не забыть Пестеля и других декабристов, Герцена, Чернышевского. Вспомним также Перовскую, Желябова, Халтурина, Каракозова, Каляева и других народовольцев. Включите в список также Бакунина, Михайловского, Плеханова…

Воодушевление Луначарского было безграничным:

— Видимо, следует увековечить имена крупных писателей и художников: Байрона, Золя, Ибсена, Рублева, Александра Иванова, Врубеля, Мусоргского, Сурикова, Сезанна… Мы должны ощутить себя наследниками всей мировой культуры!

— Верно! — подтвердил Ленин. — Особое внимание,

Анатолий Васильевич, обратите на процедуру открытия таких памятников. Это должно делаться торжественно, пусть сами митинги станут поводом для просветительного воздействия на массы. Пусть каждое такое открытие будет маленьким праздником и актом пропаганды. Все эти празднества должны быть связаны с нашей революцией и ее задачами.

Закончив беседу с Лениным, Луначарский из Кремля направился в «Литературное кафе», которое находилось в Настасьинском переулке и было организовано Давидом Бурлюком и Василием Каменским.

После двух-трех погожих мартовских дней неожиданно подул холодный северный ветер, тучи серой шинелью накрыли город, пошел снег. Весна запаздывала. У входа в кафе висела афиша, объявляющая о поэтическом вечере и предусмотрительно обещающая: «Зал будет отоплен». В этом кафе собирались поэты, читали новые стихи и спорили об искусстве. Вход был по рекомендациям. Однако рекомендателей и рекомендуемых, видимо, хватало, и зал всякий вечер был полон.

Луначарский любил посещать это кафе во время своих наездов в Москву и на этот раз не изменил своему литературному пристрастию, тем более что на сегодняшний вечер его настоятельно приглашали Маяковский и Каменский. Молодой, не по возрасту тучный и солидный Давид Бурлюк вел заседание, для пущего изящества и важности прикладывая к глазам лорнет или артистично поигрывая им. Когда Луначарский вошел в кафе, Бурлюк отложил лорнет, взял колокольчик и объявил:

— Товарищи, к нам в гости пришел наш добрый друг — Луначарский! Ему предоставляется слово.

Раздались аплодисменты, и все взгляды устремились к входу. Луначарский подошел к центральному столику, за которым расположились Маяковский, Каменский и Бурлюк. Не садясь на предложенный ему стул, нарком произнес короткое приветствие, закончив его словами:

— Там, где собираются два поэта, возникают по меньшей мере три точки зрения на искусство и на жизнь. Я уверен, что все участники сегодняшнего диспута, несмотря на разногласия, объединены стремлением служить молодому советскому искусству, отражать великие перемены, произошедшие в стране. Только такое искусство имеет будущее.

Маяковский пробасил:

— Будущее — за футуризмом!

— Если футуризм будет правильно отражать нашу великую эпоху, — ответил Луначарский.

Тем временем в кафе подтягивались новые литературные

силы. Хмельные от ветра и снега, в распахнутых пальто, буйно и широко размахивая руками и громко переговариваясь, вразвалку вошли Николай Клюев, Петр Орешин и Сергей Клычков. Они были похожи на подвыпивших деревенских парней, ищущих повод подраться и проучить обидчиков из соседнего села. Однако на самом деле они были совершенно трезвы и возбуждение их было совсем иного рода. Их возбуждал сам запах свободы. Они ощущали себя хозяевами новой жизни и с этим ощущением ввалились в «Литературное кафе». Здесь у самого входа, в коридоре, стояли Осип Мандельштам, Борис Пастернак, Александр Блок и Рюрик Ивнев. Разговор был незначительный. Блок объяснял причину своего приезда в Москву: предстояли выступления, кажется, на хороших условиях.

— Я не люблю выступать, — заметил Мандельштам, — разве это дело поэта?

Блок, кажется, не услышал реплики и не возразил.

В это время на пороге кафе появились «крестьянские» поэты. Завидев стоящих рядом «городских», Петр Орешин подошел к ним и по-петушиному звонко спросил:

— Что, не нравится? Брезгуете?

Клюев зло взглянул на смущенного и ничего не понимающего Пастернака и объяснил:

— Ваше времечко прошло. Наше настало!

Клычков решительным жестом убрал прядь волос со лба и сочувственно поддакнул Клюеву:

— С поэзией дворянчиков мы покончим! Да и с самими дворянчиками!

Смуглое лицо Пастернака, казалось, почернело. Большие печальные глаза смотрели застенчиво и удивленно.

Есенин стоял в стороне, щурился и улыбался. Его ясные голубые глаза, чистые, как у девушки, и глубокие, как у пророка, светились, на лоб спадала прядь волос цвета спелой ржи. Он не останавливал своих приятелей, хотя сам не был озлоблен и, видимо, не вполне разделял их пафос всеобщего разрушения.

Блок также отошел в сторону и с холодным равнодушием смотрел на происходящее, не выказывая ни тревоги, ни любопытства, ни сочувствия к кому-либо.

Потоптавшись на месте и не зная, как продолжить начатый скандал, «крестьянские» поэты отошли в сторону, а Есенин остался стоять, щурясь, улыбаясь и изредка встряхивая золотыми от неяркого электрического света волосами.

— Напугался? — спросил он у приятельствовавшего с ним Рюрика Ивнева.

— Да, испугался, — ответил Ивнев. — За тебя.

— Ишь как хитро поворачиваешь дело, — рассмеялся Есенин.

— Тут нечего поворачивать. Зачем скандалишь? Ты что, пьян?

— Нет. Как стеклышко. Не обращай внимания. Это все Клюев. Он стравил нас. Утверждает, что наступает «крестьянское царство» и что с «дворянчиками» нам не по пути. А «дворянчики» для него — все городские поэты.

— Уж не вообразил ли он себя новым Емельяном Пугачевым?

— Черт его знает! У него все так перекручено, что, неровен час, наречет себя или крестьянским царем, или всенародным поэтом… Но вообще-то он поэт талантливый…

Клюев между тем прошел за стойку, а оттуда — в подсобное помещение, выполнявшее порой функцию кухни. Вскоре он вышел оттуда в веселом расположении духа и с неестественно блестящими глазами. Не спрашивая разрешения у устроителей вечера, Клюев изъявил желание прочесть стихотворение. Он вышел на свободное пространство между столиками и объявил, что прочтет стихотворение из книги «Перезвон сосен». Выразительно подчеркивая музыку стиха, он начал читать:

Помню я обедню раннюю,
Вереницы клобуков,
Над толпою покаянною
Тяжкий гул колоколов.

Опьяненный перезвонами,
Гулом каменно-глухим,
Дал обет я пред иконами —
Стать блаженным и святым.

И в ответ мольбе медлительной,
Покрывая медный вой,
Голос ясно-повелительный
Мне ответил: «Ты не мой».

Стихи Клюева были звучными, как колокольный перезвон, и читал он ярко и внятно. Однако, когда он закончил, в зале воцарилось молчание, всю холодность и неприязненность которого еще более подчеркнули несколько никем не поддержанных хлопков. Клюев угас и с болью, отразившейся на сумрачном лице, отошел в сторону, а затем снова исчез в подсобном помещении.

Через полчаса Клюев уже был сильно пьян и жаловался Есенину:

— Я — из народа, а народ меня не понимает. Почему? Не по-

ни-ма-ет! — И глаза его наполнились вовсе не пьяными, а искренними слезами.

Есенин с сочувствием посмотрел на Клюева, но сказал резко:

— Поэзия — беспощадное дело. Стихи твои ладаном пропахли. Больно часто ты таскал их по церковным трапезным…

Тут Есенин вдруг с огорчением заметил, что Пастернак стал невольным свидетелем этого разговора, и замолчал. Он отошел от Клюева и, придя в дурное расположение духа, стал задирать Пастернака:

— Не больно воображайте, что вы лучше Клюева. Ваши стихотворения косноязычны. Их никто не понимает. Народ вас не признает никогда!

Пастернак был обескуражен этими неожиданными нападками. Он питал неприязнь ко всяким конфликтам, а тем более — к скандалам. Однако, оказавшись публично задетым, он не счел возможным смолчать и с подчеркнутой вежливостью ответил:

— Если бы вы были немного более образованным, то знали бы о том, как опасно играть со словом «народ». Был такой писатель Кукольник, о котором, вполне возможно, вы не слышали. Ему тоже казалось, что он — знаменитость, признанная народом. И что же оказалось?..

— Не беспокойтесь. И мы наслышаны о Кукольнике не хуже вас!

Скандал стал публичным, и на минуту в кафе воцарилась неловкая тишина. Тогда неожиданно встал Луначарский и произнес:

— Один восточный поэт, Омар Хайям, сказал: «У поэтов есть такой обычай: в круг сойдясь, охаивать друг друга». Ну что же, может быть, ссоры поэтов — это извечное условие их быта и известная производственная необходимость. Каждый поэт — оригинальная личность. Каждый стремится к самоутверждению. При высокой степени непохожести на других это самоутверждение часто превращается в резкое столкновение. Сегодня все это еще усугубляется большим социальным, классовым, идейным, эстетическим расслоением современных деятелей культуры. Наша с вами задача — преодолеть разногласия, перешагнуть через социальное и культурное отчуждение, объединиться и служить нашей отчизне и нашей революции.

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

Убийца немецкого посла Мирбаха Блюмкин приятельствовал с Есениным, любил богему, любил посидеть в ресторане в компании поэтов, художников, актрис. Когда деньги и выпивка кончались, он подзывал метрдотеля, клал на стол наган и говорил: «Я — Блюмкин. Вина и закуски!»

* * *

Агнивцев жил в «белом» Крыму. При знакомстве он вручал визитную карточку: «Поэт Николай Агнивцев, миллионер». В те поры миллион стоила коробка спичек.

Глава двадцать вторая
ТЕАТРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Искусство интересовало Ленина как дополнительный инструмент решения политических задач. Луначарский же, наоборот, рассматривал революцию как обстоятельства, благоприятствующие развитию литературы и искусства. Он искал в политике средство эстетических преобразований жизни народа, способы убыстрения художественного развития и формирования новых революционных писателей и деятелей искусств. В условиях глобального пафоса разрушения всего «до основания» Луначарский много сделал для сохранения художественных сил и возможностей императорских театров, незыблемости старых памятников архитектуры, нерушимости классической культуры.

Представители Петроградского совета числом в два человека, скрипя кожаными куртками и сапогами, не снимая кепок, несмотря на жаркий летний день, подошли по мраморным лестницам и широким коридорам к кабинету директора Мариинского театра. Из-за плотно прикрытой двери кабинета, не заглушаемый ее обивкой, в коридор вырывался мощный низкий голос:

— «Сатана там правит бал…» — Голос замер, потом начал сначала еще ниже: — «Сатана там…»

Старший по чину из похожих, как двойники, представителей решительно рванул дверь, буркнув:

— Ну вот, полюбуйтесь: второй год революции, а они тут Сатаной и прочей чертовщиной занимаются!

Они по-хозяйски вошли в кабинет и увидели высокого мужчину с острой бородкой и усиками, в черном плаще с красным подбоем. Из-под плаща торчала шпага. Мужчина то шумно полоскал горло, то начинал петь, то тут же неудовлетворенно прерывал свое пение, чтобы снова прополоскать горло, состоянием которого он был явно недоволен. Напрасно он беспокоился: музыкальная фраза, которую он успевал пропеть, звучала столь мощно, что плотная воздушная волна катилась навстречу вошедшим и звенели хрустальные подвески в люстре под потолком кабинета. Человек стоял спиной к двери и смотрел в окно. Он вновь начал полоскать горло и снова попробовал голос:

— «Сатана там правит бал…»

— Вы директор Мариинского театра?

Человек величественно повернул голову, саркастическая улыбка искривила его губы, и, видимо в соответствии с образом Сатаны, мрачно и грозно он забасил речитативом:

— Экскузович правит театром. Он вернется через час. До начала же спектакля Мефистофель примет вас.

У пришедших на лицах отразилось удивление. Узрев его, человек понял, что посетители не приняли предложенную им игру, и уже в совершенно обычной манере глубоким голосом вежливо сказал:

— Я член дирекции театра — артист Шаляпин. Чем могу служить?

Посетитель, вошедший первым, решительно заявил:

— Мы пришли уведомить дирекцию театра о решении Петроградского совета: все имущество Мариинского театра подлежит конфискации. Так сказать, реквизит реквизируется. — Гость весело хохотнул своей остроте.

— Как можно!

— Можно. Конфискованные декорации и костюмы будут распределены между провинциальными труппами и отданы группам художественной самодеятельности.

— Эти костюмы и декорации создавались выдающимися художниками и представляют величайшую ценность.

— Все ценности должны принадлежать народу, а не группе императорских актеров, привыкших обслуживать царей и буржуев…

— Да как вы смеете… Как вы себе позволяете разговаривать?

— Мы представители местных органов советской власти. Это решение одобрено самим руководителем петроградских трудящихся — товарищем Зиновьевым. — При этих словах говоривший показал пальцем на люстру. — Решение полностью соответствует революционным задачам пролетарской культуры… Конфискация будет проведена еще до начала нового сезона.

— Это вздор какой-то. Мы обжалуем это решение.

— Решение советской власти не может отменить даже сам Сатана, которого вы тут выкликаете. Да и вообще, мы тут посоветовались, и у нас складывается мнение, что бывшие императорские театры требуют коренной перестройки и даже закрытия… Все-таки не зря вы назывались императорскими…

Однако величественный человек уже не слушал. Он отвернулся к окну, давая понять посетителям, что аудиенция окончена, и вновь стал полоскать горло. Люди в кожанках потоптались на месте, недоуменно переглядываясь. Потом вновь обрели решительность и зашагали из кабинета.

Узнав от Шаляпина о случившемся, Луначарский принял

срочные и радикальные меры. В этом эпизоде он усмотрел угрозу не только Мариинскому, но и всем бывшим императорским театрам. В Москве по инициативе Луначарского было срочно созвано совещание руководителей ведущих театров страны. На совещании решили создать Ассоциацию бывших императорских театров, и 14 июня 1919 года был утвержден проект ее устава. В этом документе, подписанном Ф. И. Шаляпиным, К. С. Станиславским, А. И. Южиным, П. М. Садовским и рядом других выдающихся деятелей театра, говорилось: «Интересы русской культуры требуют ограждения этих театров от всего, что может внести разлад и разрушение в их структуру или провести распыление накопленных художественных, духовных и материальных ценностей. Необходимо бережно и строго охранять их сущность и условия, в которых единственно возможно осуществление их задач».

Вскоре по просьбе Луначарского Ленин принял его вместе с Шаляпиным и директором Мариинского театра Экскузовичем.

— Что у вас приключилось с театрами? — спросил он.

Луначарский выразительно посмотрел на Шаляпина, полагая, что именно его рассказ будет наиболее убедителен. Шаляпин понял этот взгляд и заговорил первым:

— В бывших императорских театрах сосредоточено много знаменитых актеров, множество костюмов и декораций, сделанных по эскизам выдающихся художников. Разрушать это — преступление перед русской и мировой культурой. Художественные возможности наших театров… как бы это вам объяснить… совершенно особые…

— Не беспокойтесь. Я все отлично понимаю… Возвращайтесь в Петроград. Не говорите никому о нашей беседе. Я же употреблю все свое влияние, чтобы ваши опасения были приняты во внимание.

Федор Иванович понял степень занятости этого человека, поблагодарил и откланялся; попрощался и Экскузович. Луначарский же извинился перед своими спутниками и сказал, что ему необходимо на несколько минут задержаться для обсуждения некоторых дел. Он решил использовать ситуацию для разработки важных постановлений по проблемам театра.

— Я прошу Совнарком выделить Наркомпросу деньги для поддержки наших экспериментальных театров. Это театры новые, революционные.

Ленин, схватив суть проблемы, ответил:

— Пусть в это трудное и голодное время экспериментальные театры продержатся на известном энтузиазме. Совершенно необходимо приложить все усилия, чтобы не упали столпы нашей

культуры, ибо этого нам пролетариат не простит. Шаляпин прав: нельзя утратить ценности императорских театров, но именовать их следует по-другому. Может быть, академическими? А главное, мы ничего не сможем сделать: ни сохранить ценности, ни руководить театральным делом, если не объединим театры под рукой Наркомпроса.

Через некоторое время Шаляпин сказал Луначарскому:

— Должно быть, влияние у Ленина есть, потому что все костюмы и декорации остались на месте и никто больше их не пытался отнять у нашего театра. Я счастлив, что это дело благополучно решилось.

— Ну вот, и я очень рад. Теперь вы можете работать спокойно.

Однако радость в глазах Шаляпина вдруг погасла, и он устало и печально сказал:

— Ах, Анатолий Васильевич, это очень грустно, что столь занятые серьезным делом люди, как я, вы и даже Ленин, должны заниматься такой чепухой: отменять «реквизицию реквизита». Да это же само собой должно разуметься, что трогать его недопустимо! А тут — какие усилия! Глава правительства должен вмешиваться в такую, по существу, ерунду.

— Все, что мы делаем, — делаем впервые в истории. Поэтому и достижения, и ошибки наши исторически поучительны и нужны будут человечеству. А кроме того, Ленин занимался не столько частным вопросом: кому должен принадлежать театральный реквизит, сколько общим, принципиальным делом — развитием театра в России. Вы скоро в этом убедитесь.

Луначарский выполнил поручение Ленина и подготовил проект постановления. На основе этого проекта 14 августа 1919 года Малый Совнарком решил лучшим театральным коллективам, и в их числе Мариинскому театру, присвоить звание академических. Не прошло и двух недель, и 26 августа Ленин подписал декрет об объединении театрального дела. Этот декрет венчал целый период театральной политики, которую проводил Луначарский в Наркомпросе. Театр становился общенародным, общегосударственным делом. В декрете вопрос, который ставил Шаляпин перед главой Советского государства как частный и касающийся Мариинского театра, решался коренным и глобальным образом: «Всякое театральное имущество (здания, реквизит) ввиду представляемой им культурной ценности является национальным имуществом». В декрете, подписанном председателем Совнаркома В. И. Ульяновым (Лениным) и наркомом просвещения А. В. Луначарским, ставился вопрос об объединении всех театральных организаций и

театрального дела. Был организован Центральный театральный комитет во главе с Луначарским, призванный руководить развитием театрального дела в советской России, вести все творческие и репертуарные дела театра, помогать в решении жилищно-бытовых проблем работников сцены, способствовать распределению театральных билетов среди рабочих.

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

Издатель Суворин обратился к Чуковскому:

— Сейчас революция — кого издавать?

— Кропоткина. Он революционер и князь — надежно при любом повороте событий.

Они пришли в голландское посольство, где Кропоткин исполнял обязанности сбежавшего посла, и быстро сговорились об издании трехтомника. Суворин предупредил:

— Больше двадцати пяти тысяч аванса я вам дать не смогу — революция.

— Я революционер и денег за мои сочинения не беру.

На улице Суворин чертыхнулся:

— Не буду его издавать! Что это за литератор, который не берет аванса!

Глава двадцать третья
ТЕАТРАЛЬНОЕ ПРОЧТЕНИЕ КЛАССИКИ

Автомобиль быстро довез Луначарского до театра, и он вошел в зал с третьим звонком. Его соседкой оказалась актриса Яблочкина. Она внимательно смотрела на сцену, часто сокрушительно вздыхала и наконец сказала: «Когда-то смотрела у Мейерхольда „Грозу“. Это было совсем как Малый театр, но только хуже. А „Ревизор“ — право, не знаю, что и сказать. Совсем не похоже на Малый театр».

После спектакля, во время перерыва перед началом обсуждения, Луначарский в фойе встретил немецкого драматурга Эрнста Толлера, собиравшегося уходить. Луначарский обрадовался, приветливо поздоровался и повел немецкого писателя в кабинет Мейерхольда. Всеволод Эмильевич предложил гостям располагаться в его кабинете, сам же, извинившись, что должен готовить предстоящее обсуждение, ушел, предварительно попросив своего помощника организовать угощение.

Вскоре на столе мейерхольдовского кабинета появились две бутылки ситро, конфеты и бутерброды.

— Я рад приветствовать вас в Москве и рад, что вам удалось посмотреть «Ревизора» у Мейерхольда, — на немецком языке начал разговор Луначарский. — Как вам показалась эта работа?

— Трудно судить по первому впечатлению, — ответил Толлер. — Но мне кажется, что Мейерхольд впадает в натурализм, натурализм же — буржуазен, и пролетариат его не примет.

— А каков же, по-вашему, вкус пролетариата? — спросил Луначарский.

— Почти весь немецкий пролетариат состоит из мещан по духу. И ваш русский пролетариат носит в себе, по-видимому, много мещанского, — ответил Толлер.

— Странное суждение! Из чего вы вынесли такое впечатление?!

— Доказательством служит то, что пролетарии любят натурализм.

— Кошка, которая ловит свой собственный хвост!

— Что-что? Не понимаю.

Луначарский с готовностью пояснил:

— *Idem per idem* — так в логике называется логический круг. То же доказывается через то же. Это порочный круг; к тому же у вас логически разорванный круг.

— Зрительный зал не может переносить патетики, он отвечает ироническими улыбками. Некоторые элементы патетики мне мешают воспринимать мейерхольдовские спектакли, — ответил Толлер, совершенно не принимая во внимание возражения Луначарского.

Разговор начал утомлять наркома, однако он вновь любезно возразил:

— В «Ревизоре» у Мейерхольда почти нет патетики, хотя патетика как таковая вовсе не противопоказана театру.

Раздались звонки, возвещавшие о начале обсуждения. Луначарский привык всегда ровно в пять часов приезжать домой обедать. Однако сейчас он быстро дожевал бутерброд и взял следующий, понимая, что пообедать ему сегодня не удастся. Он стал прощаться с Толлером, объяснив гостю, что вынужден торопиться на обсуждение и что рад этой импровизированной встрече, которая, к сожалению, может заменить их назначенную более основательную встречу, но в импровизации есть своя прелесть и свои преимущества — живость, непринужденность и так далее…

Здесь же, в театральном зале, состоялось обсуждение спектакля. Большинство выступающих резко критиковали Мейерхольда за вольное обращение с классикой, за непонятную трактовку гоголевской пьесы.

Когда страсти накалились, Луначарский решил вмешаться и взял слово. Он сказал:

— Имел ли право Мейерхольд изменить гоголевский текст, вольно трактовать его? Конечно, имел. П***о***лно разглагольствовать об этой форме пиетета перед классиками! Кто же не знает, что классиков из классиков, Эсхила и Аристофана, во многих нынешних театрах мира дают так, что не остается и малейшего сходства с первоначальным замыслом авторов. Кто же не знает, что шекспировские пьесы подвергаются всевозможным переделкам, сокращениям, искажениям и что отдельные постановки «Гамлета» отличаются и друг от друга, и от первоначальной постановки театра «Глобус», словно это совершенно разные пьесы.

Почему никто не возмущается, когда Леконт де Лилль переделывает «Эринний», а Гофмансталь — «Электру»? Почему «Федру» совершенно по-новому писали, только слегка сверяя с шедевром Еврипида? А Сенека, Расин, Д’Аннунцио? Почему никто из нас не сомневается, что Пушкин мог быть только обрадован «Борисом Годуновым» Мусоргского, хотя в либретто ряд сцен прибавлен, зато другие убавлены?

Иное дело, что нам необходимо хранить не только самые

точные тексты пьес, но и воспроизводить в наших академических театрах в возможно более точном виде старые постановки. Однако смешно на театр Мейерхольда возлагать почтеннейшую обязанность музейного консерватора! Ведь даже Малый театр, на который эти обязанности возлагаются совершенно законно, наряду со спектаклями старого стиля ставит спектакли нового стиля. Нельзя же при этом запрещать смелый полет фантазии театру, который целиком является лабораторным, экспериментальным, ищущим!

Критик Чужак подал реплику:

— Пушкин сказал: «Мне не смешно, когда маляр презренный мне пачкает Мадонну Рафаэля».

Луначарский парировал:

— Это сказал у Пушкина Сальери, осуждая Моцарта! Представьте себе: кто-то, оставляя Мадонну Рафаэля в Дрезденской галерее, решил написать версию, вариант, может быть, даже карикатуру на Мадонну. Разумеется, не Пушкин стал бы ему запрещать это. Иначе можно было бы сказать: как вы смели, Александр Сергеевич, после Евангелия изобразить по-своему Благовещение в вашей «Гавриилиаде»?

Критик Кононов возмущенно воскликнул:

— Мейерхольд убил гоголевский смех, я ушел после первого акта! Я не мог смотреть на это безобразие!

Луначарский ответил:

— Что бы вы подумали о человеке, который, прочитав первые пять страниц из «Капитала» Маркса или из «Фауста» Гете, сказал бы: «Галиматья!» — и захлопнул книгу? А что, если бы сей ценитель искусств в оправдание своему поведению привел доказательство: да ведь я не понимаю? Если ты не понимаешь и если ты хочешь культурно развиваться, то, когда перед тобой крупный художник, твоей первой мыслью должно быть: он гораздо больше тебя знает и умеет. Надо признать раз и навсегда: даже когда я ничего не понял после просмотра спектакля, мне скорее следует отчаиваться от собственной непонятливости, а не оплевывать художника.

Чужак встал и выкрикнул:

— Товарищ Луначарский не оставляет места для свободы критики!

Луначарский парировал:

— Пусть мое предложение слишком смелое. Осуждай, бросай камни в художника, если после внимательного рассмотрения его произведения ты сочтешь, что он не преуспел. Однако если ты уходишь после первого антракта и чувствуешь себя вправе говорить о «провале» «Ревизора» у Мейерхольда, то позволь мне

сказать, что этим ты выдаешь свою малую культурность, свой мещанский консерватизм, свое чванство перед художником.

Из зала кто-то подал реплику:

— Гоголь знал, почему лучше отбросить тот или иной вариант! Зачем же возобновлять их?

Луначарский ответил:

— Гоголь даже сжег второй том «Мертвых душ»! Он сжег его под давлением враждебной среды. Вы можете поручиться, что тот или иной вариант «Ревизора» не был отброшен Гоголем, чтобы не слишком шокировать чопорную публику петербургских чиновников? Вы можете поручиться, что соображения цензуры не висели над Гоголем? Оговорюсь. Тому или иному зрителю окончательный текст «Ревизора» может нравиться больше мейерхольдовского, однако новые фразы, которые я слышал со сцены, собственно гоголевские фразы. Слышать их приятно и радостно. Какое было бы счастье, если бы Гоголь мог увидеть этот спектакль вместе с нами. Я уверен, что великий писатель с пренебрежением отнесся бы к своим защитникам и дружески поблагодарил бы за «Ревизора» Мейерхольда, как дружески поблагодарил бы Мусоргского за его «Бориса Годунова» великий Пушкин.

Луначарский под аплодисменты сошел с трибуны с ощущением выигранного боя. Однако даже в отдалении не было видно перспективы победы в войне с невежеством, консерватизмом, вульгарно-социологическим догматизмом по отношению к искусству.

После обсуждения «Ревизора» Луначарский отправился в наркомат.

В Наркомпросе его секретарь Сац сумел перенести прием посетителей на завтрашний день. Так что перед заседанием коллегии можно было спокойно просмотреть текущие бумаги и заняться рукописью новой книги.

Луначарский не перечитывал бумаги, которые давали ему на подпись. Он схватывал их содержание сразу. Помнил, о чем идет речь, как возникла эта бумага. Он доверял своему аппарату, своим помощникам и сотрудникам, а поток дел был столь стремительный, что приходилось экономить время на всем: на сне, еде, перечитывании отпечатанных бумаг. Зная эту особенность Анатолия Васильевича, его секретарь Сац решил подшутить над ним и подсунул на подпись бумагу со следующим текстом: «В Совнарком. Заявление. В связи с тем, что я занят многими другими делами, прошу меня освободить от обязанностей наркома просвещения. А. В. Луначарский».

Не читая, Луначарский подписал эту бумагу в числе десятка

других. Анатолий Васильевич радовался освободившемуся времени — до начала заседания коллегии оставалось еще более полутора часов. Он стал работать над рукописью книги.

Через полчаса Сац зашел к Луначарскому и спросил:

— Анатолий Васильевич, вы что, уходите с работы?

— Нет, — не понял вопрос Луначарский, — я, как обычно, буду работать сегодня допоздна. Еще после коллегии останусь, хотя, впрочем, нет. После коллегии я еду в Академию наук.

— Я спрашиваю не о сегодняшнем дне. Мне стало известно, что вы решили уйти с поста наркома просвещения.

— Кто это сказал?

— Вы. Я задержал ваше заявление.

И Сац положил перед ним бумагу. Луначарский прочел текст, узнал свою подпись и начал хохотать. Он встал с кресла, изнемогая от смеха, дошел до дивана, упал на него и продолжал хохотать. Отсмеявшись, сказал:

— Теперь я буду читать все бумаги, прежде чем их подписывать.

Луначарский посмотрел на часы: четыре часа двадцать пять минут. Сегодня ему еще предстояло провести заседание коллегии Наркомпроса и выступить в Академии наук.

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

Однажды Мейерхольду представили режиссера лондонского театра «Лобус» мистера Олди. Мейерхольд о таком театре не слыхал, но ему объяснили, что это один из самых левых театров Великобритании и что мистер Олди высадился с английским десантом в Мурманске, перешел на сторону красных и попал в Москву. Одет гость был весьма странно: белый френч с блестящими пуговицами, желтые краги, галифе для верховой езды, кепи из рыжей кожи, в руках — трость. Мейерхольд и сам был одет хоть куда: старый рыжий свитер и солдатские ботинки, а его седую голову венчала ярко-красная феска. Мистер Олди совершенно не владел русским, но немного говорил и хорошо понимал по-немецки. Больше часа Мейерхольд объяснял на немецком языке революционные принципы режиссуры и основы актерской биомеханики. Закончил он любимой идеей: режиссер — это дирижер спектакля. Англичанин внимательно слушал, изредка произнося «вери гуд» или «йес», и вдруг на чистейшем русском спросил:

— Не пора ли побеседовать по-русски?

Мейерхольд опешил, а потом расхохотался:

— Мерзавцы! Кто этот талантливый проходимец?

Мистер Олди оказался одесситом Леонидом Утесовым.

Мейерхольд сказал:

— Больше его ко мне не приводить. Я его боюсь.

* * *

Мейерхольд с Зинаидой Райх путешествовали по Италии. В одном из самых прелестных уголков Рима они поцеловались… и были задержаны полицией. Когда в полицейском отделении разобрались, что нарушители общественного порядка муж и жена, полицейские были обескуражены. Начальник отделения пожал супругам руки:

— Ах, русские, умом вас понять невозможно… У нас, итальянцев, такого не бывает…

* * *

Сталин посмотрел «Отелло» и сказал: «А этот — как его? — Яго — неплохой организатор».

Глава двадцать четвертая
ХРАМ НАУКИ И ГЕРОСТРАТЫ

Организационная сторона не всегда удавалась Луначарскому-наркому, в чем он самокритично признавался. Умение же создать атмосферу дружной, целенаправленной работы было органично присуще ему. Многими его товарищами по партии овладело наваждение всеобщего реформаторства. В более умеренной форме, чем у других большевиков, эта страсть охватила и Луначарского, и он не всегда мог противостоять более радикальным своим коллегам по руководству культурой. Он не смог воспрепятствовать и фактически санкционировал разрушительный реформаторский удар по Академии наук. Он был инициатором создания Коммунистической академии и институтов красной профессуры. Это была альтернатива традиционному высшему образованию и даже альтернативный убыстренный способ получения высших научных степеней и званий. С помощью этих мер Луначарский стремился преодолеть нехватку квалифицированных преподавателей в университетах и институтах страны — ведь многие старые университетские профессора покинули Россию, а другие по причинам недостаточно пролетарского происхождения или из-за своих идеологических ориентаций не были допущены к преподаванию.

(История с красной профессурой вспомнилась мне, когда в начале 1970-х годов я был на Кубе с группой московских профессоров, приглашенных на «курсо де верано» (летние курсы). Диктатор Батиста боролся с коммунистами и расстрелял всех левых преподавателей кубинских вузов. Придя к власти, Кастро расстрелял всех правых преподавателей. Университеты стали работать революционно: первокурсников учили второкурсники, их — третьекурсники, третьекурсников — дипломники, а их — уцелевшие преподаватели, в основном малоквалифицированные. Для повышения их квалификации и устраивались летние курсы, на которые приглашались специалисты из Швеции, Франции, Англии и России.)

Красная профессура порой была недостаточно подготовлена, и ее деятельность была чревата нелепыми казусами. Так, в ГИТИС приходили люди записывать анекдотические «перлы», сообщаемые профессором Гагариным: «Данте одной ногой стоял в феодализме, а другой приветствовал зарю нового общества»; «Польшу четвертовали на три равные половины». И все же меры, принятые Луначарским по созданию кадров для вузов, давали и

положительные результаты.

Отношения с новым государством были основной проблемой дальнейшего существования и успешной работы Академии наук. Герострaты, готовые поджечь храм науки, всегда были среди бюрократов.

Еще в кулуарах общего собрания академии Анатолий Васильевич почувствовал напряжение. Предстояло первое выступление наркома просвещения перед академиками. Не все из них были благожелательны к Луначарскому, так как он не имел никакого отношения к академической среде, а многие не принимали новую власть, которую представлял докладчик. Начало заседания было совершенно неакадемичным, и даже сам президент академии не смог сдержать накал страстей. Раздавались реплики, в которых брался под сомнение культурный уровень большевиков и говорилось о необходимости просветить руководителя советского просвещения. Это Луначарский, может быть, еще и стерпел. Однако ставилась под сомнение и даже отвергалась как нечто противоправное сама советская власть. Президент академии Карпинский был растерян и предложил не обострять обстановку:

— Анатолий Васильевич, я предлагаю отложить ваше выступление до более благоприятного времени.

Луначарский возразил:

— Нет, я прошу предоставить мне слово. Благоприятные времена надо создавать, а не ждать их.

Карпинский, не ожидая ничего хорошего, вынужден был согласиться. Луначарский поднялся на трибуну. Шум прекратился, но некоторые академики демонстративно развернули кресла и сели спиной к докладчику. Луначарский спокойно принял вызов и начал речь с обращения к уважаемым академикам, а потом перешел к актуальным проблемам истории и революции, культуры и науки. Он говорил о трудностях и величии современного исторического момента. Некоторые академики стали демонстративно громко переговариваться между собой кто на английском, а кто на французском или немецком языках. Тогда Луначарский переходит на французский язык и говорит об Октябрьской революции и о роли и месте интеллигенции в революции.

От неожиданности зал смолкает и реплики прекращаются. Тогда Луначарский переходит на английский язык и говорит о возможностях и долге академии перед народом и государством в нынешних суровых исторических обстоятельствах. Недовольство академиков переходит в недоумение, недоумение — в

любопытство. Вот уже некоторые академики снова развернули свои кресла и сели лицом к наркому, который столь блистательно владеет не только иностранными языками, но и, оказывается, остро чувствует насущные проблемы, стоящие перед страной, перед академией, перед всем народом.

Луначарский перешел на немецкий язык и стал рассказывать о первых благоприятных контактах советской власти и академии. Затем по-итальянски — о перспективах развития науки в революционной России.

В аудитории наметился явный перелом, и Луначарский почувствовал интерес многих академиков к своему выступлению.

Однако кто-то из академиков бросил реплику, что протестует против вмешательства большевиков в дела академии. Тогда нарком обратился по-русски к тому, кто бросил эту реплику, и продолжал сидеть спиной к трибуне:

— Вы недовольны революцией и большевиками. Вы считаете, что советская власть вмешивается в дела академии. Я уважаю академию и цвет русской науки, объединенный в этом высоком учреждении. Однако позволю себе напомнить, что академия однажды по приказу полиции за неблагонадежностью вычеркнула из числа своих почетных членов Горького и отказала в академическом звании художнику Леониду Пастернаку из-за его еврейского происхождения. Позволю себе напомнить и то, что писатель и академик Короленко написал письмо в академию: не может высокое ученое учреждение по приказу полиции отказывать в академическом звании писателю, которым гордится русская литература. Многие ли из вас поддержали Короленко? Многие ли выступили против вмешательства полиции в дела Российской академии наук? На публичный призыв к достоинству, обращенный Короленко к академии, она ничего не ответила. Тогда Короленко заявил, что в этих условиях он считает для себя постыдным носить звание академика и слагает с себя это высокое, но опозоренное звание. Единственным российским академиком, который последовал примеру Короленко, был Антон Павлович Чехов. Он написал: «Присоединяюсь к Короленко, прошу не считать меня далее академиком». Все остальные академики промолчали.

Луначарский снял пенсне, протер его, вновь водрузил на нос и продолжил:

— Напомню еще одну историю. После трагических июльских событий 1917 года Бурцев обвинил целый ряд лиц в том, что они «немецкие шпионы». Попал в эту компанию и Ленин, и Горький. Я также имел «честь» попасть в список бурцевских шпионов. Великий врач, крупнейший в Европе авторитет по борьбе с

туберкулезом, стал ездить по всем академикам, чтобы собрать подписи под протестом против несправедливости. Из академиков один только полусумасшедший Марков подписал протест. Остальные отказались. Нет, дорогие академики, с гражданской совестью у вас пока еще не все в порядке. Как, впрочем, и с этикетом, и с гостеприимством. Вежливо ли садиться спиной к гостю?

Те из академиков, кто еще сидел спиной к Луначарскому, торопливо повернулись к нему лицом. А Луначарский уже перешел на латынь и стал говорить о великой миссии науки в современном мире, о великой традиции русских ученых служить своему народу. В конце выступления он вновь перешел на русский язык и выразил твердую уверенность в том, что русская наука выполнит свой долг перед народом.

Так закончил свой доклад Луначарский, и академики, еще недавно устроившие ему обструкцию, проводили наркома с трибуны аплодисментами.

Прошел год со дня Октябрьской революции, а над академией начинают сгущаться тучи, несмотря на ее пусть медленный, но все же поворот к сотрудничеству с советской властью. Пафос всеобщего преобразования и идеи созидания путем разрушения витают над всем. Даже не важно: происходит ли это в процессе революции или в процессе контрреволюции. Важно, чтобы изменение было всеобщим и ничто не осталось в неизмененном виде. Острый глаз историка может заметить, что, когда происходят коренные изменения во власти, находится множество активных деятелей, смыслом бытия которых становится реформирование всего и вся. Начинаются реформы ради реформ. Многим хочется немного порулить, что-то изменить, что-то улучшить, ухудшая, и ухудшить, улучшая. Так в конце XX века, после трагической гибели СССР (о том, что это была большая трагедия, хорошо сказал В. Путин) вот уже два десятилетия не кончаются реформы, общество живет на почве, содрогаемой перманентными преобразовательными землетрясениями. У нас было одно из лучших средних и высших образований в мире, одна из лучших систем научных степеней. Сегодня все это (и не только это) подвергается улучшающе-ухудшающему реформаторству. После Октября 1917 года преобразования охватывали по необходимости многие области жизни и втягивали в свое гравитационное поле многое из того, что в преобразованиях не нуждалось. Кстати сказать, сегодня с Российской академией наук преобразовательные эксперименты продолжаются, невзирая на протесты ученых. Над современной Российской академией наук витает дух реформирования. От

академии требуют актуальной эффективности. Именно так академия работала в годы войны с фашизмом. Однако главные задачи академии — не решение прикладных и сиюминутных проблем, а решение проблем стратегических и фундаментальных. Результаты такой научной деятельности входят в жизнь часто через десятилетия и даже через еще более долгие сроки, но без решения фундаментальных научных проблем ни у общества, ни у его науки нет серьезного развития и серьезного будущего.

В первые послеоктябрьские революционные годы нашлось немало архирадикально настроенных людей, выплеснутых революционной бурей наверх, которые замахнулись на академию, как, впрочем, и на бывшие императорские театры — Большой и Мариинский. Да что академия и театры! В те бурные годы находились горе-теоретики, обосновывавшие необходимость срыть железные дороги на том основании, что они-де буржуазны. В этой обстановке в научном отделе Комиссариата по просвещению Союза коммун Северной области, куда входил Петроград, возник нелепейший проект документа, носивший название «О реформе деятельности ученых учреждений и школ высших ступеней в Российской Социалистической Федеративной Республике». Эта бумага касалась «разновидности, именуемой высшим ученым учреждением типа Академии наук». «Таковые, — категорически утверждал этот документ, — подлежат немедленному упразднению как совершенно ненужные пережитки ложноклассической эпохи развития классового общества. Коммунистическая наука мыслима лишь как общенародное, коллективное трудовое жизненное дело, а не как волхование в недоступных святилищах, ведущее к синекурам, развитию кастовой психологии жречества и сознательного или добросовестного шарлатанства».

Нет, все же только преобразовательного пафоса и реформаторского зуда недостаточно, чтобы создать такой документ, замахивающийся на цвет отечественной и мировой учености — Академию наук, коей в тот момент было уже без малого 200 лет. Для создания этого документа нужны еще и комплекс неполноценности бездарного псевдоученого, и ненависть к истинной учености, и ощущение вседозволенности разрушения.

26 ноября 1918 года Ольденбург вновь посещает Наркомпрос, дабы отвести от академии угрозу, исходящую от реформаторски настроенных новых красных бюрократов. Защищаясь от реформаторского произвола, непременный секретарь академии упомянул в переданном в Наркомпрос письме «о тех крупнейших переменах, какие произошли и во внутреннем строе академии, и в

характере ее работы».

И все же из беседы Ольденбург вынужден был сделать вывод: «Настроение комиссариата по отношению к академии не может считаться особенно благоприятным». В июле 1919 года Наркомпрос вновь подтверждает и конкретизирует свои претензии к академии: «Комиссариат не находит удовлетворительной проведенную Академией наук реорганизацию. Академия именует себя Российской, однако остается не связанной со многими важными сферами жизни страны». При этом выборы академиков все же остались прерогативой общего собрания Академии наук. Как заманчиво было для бесстыдно корыстных карьеристов отнять эту научно-демократическую процедуру у Академии наук и под революционным предлогом передать возможность решения вопроса о членстве в академии какой-либо бюрократической инстанции! Однако преобразования в этом бюрократическом направлении на каком-то этапе остановились. Впрочем, даже уже в XXI веке не прекратились попытки придушить, или развалить, или лишить самостоятельности Российскую академию наук (в том числе и в вопросе выборов членов академии).

Ольденбург обращается к академику П. Л. Лазареву:

— Попросите Красина, чтобы он поговорил с Лениным и объяснил ему, что разрушение Академии наук опозорит любую власть. Науку, конечно, уничтожить нельзя, но расстроить систему академии нетрудно.

Вскоре Ленин вызвал Луначарского и резко выговорил ему:

— Я очень обеспокоен! Вы, я слышал, хотите реформировать академию, у вас даже издаются какие-то планы на этот счет? До меня доходят неприятные сведения о том, что ваш комиссариат замахивается на Академию наук.

Луначарский ответил:

— Наркомпрос на академию не замахивается. Просто молодой коммунист и астроном Павел Карлович Штернберг разрабатывал план реорганизации академии. Он предполагает сломать существующую систему академии, он хочет здание академии как научного учреждения заменить сооружением образцового академического града. Этот прожект даже не обсуждался и не имеет еще никакого статуса.

— Анатолий Васильевич, прошу вас лично проследить, чтобы никто не вздумал озорничать с Академией наук ни под каким предлогом! Только осторожно и органично ее следует вводить в новое коммунистическое строительство. Не озорничать! Озорство может дорого стоить!

— Владимир Ильич, я учту ваши соображения. Вместе с тем я

полагаю, академию необходимо приспособить к государственной и общественной жизни, нельзя оставлять ее каким-то государством в государстве. Мы должны ближе подтянуть ее к себе, знать, что она делает, а потому давать ей некоторые директивы. Но, конечно, планы коренной реформы сегодня несвоевременны и серьезного значения мы им не придаем.

— Нам сейчас, Анатолий Васильевич, вплотную академией заняться некогда. Это важный государственный вопрос. Его решать нужно осторожно, тактично и на основе изучения и знания проблемы.

— Боюсь, что, пока мы заняты проклятыми черновыми вопросами, у вас найдется какой-нибудь «смельчак», который наскочит на академию и перебьет там столько посуды, что потом и в сто лет осколков не собрать. Вы понимаете? Я уверен, что понимаете.

Глава двадцать пятая
ИЗДАНИЕ КЛАССИКОВ

Луначарский — плодовитый критик. Его критические статьи сочетают в себе научность и публицистичность, политическую актуальность и устремленность в будущее. Он поддерживал принцип автономии Пролеткульта, против которой выступал Ленин. Как государственный деятель, руководивший культурой, Луначарский участвовал в создании основополагающих партийных документов. В их числе была и известная резолюция ЦК ВКП(б) 1925 года «О политике партии в области художественной литературы».

В поздних работах (1931–1933) эстетические и литературно-исторические воззрения Луначарского уточняются и углубляются. Его оценки творчества Горького сближаются с ленинскими, обостряется критическое отношение к теоретическим идеям и конкретно-литературным суждениям Плеханова и к философско-эстетическим взглядам Ницше.

В одной из последних работ «Гоголиана (Николай Васильевич приготовляет макароны)», опубликованной в 1934 году, Луначарский искал различия в разных литературно-публицистических формах и жанрах.

В приемной у начальства иногда у посетителей отыскивается общая тема и затевается какое-либо обсуждение или спор. На сей раз темой стал сам Луначарский.

— Луначарский — человек мягкий как воск.

— Нет, он тверд как кремень.

Однако спору было не суждено разгореться.

— Кремень, сверху покрытый восковой оболочкой, — примирительно сказал сидевший рядом с Тихоновым-Серебряковым высокий худощавый человек лет тридцати. Он, видимо, наконец дождался своей очереди, а потому встал с кресла, взял большой и, судя по всему, нелегкий чемодан, до того стоявший у его ног, и не спеша, с достоинством прошел в кабинет.

Луначарский согласно выработанному им служебному этикету, переросшему в своеобразный ритуал, вышел из-за стола встретить нового посетителя. Гость поставил на пол чемодан, пожал Луначарскому руку и представился:

— Корней Иванович Чуковский — журналист, критик, литератор. Вы, Анатолий Васильевич, читали, конечно,

«Двенадцать» Блока? — Не дожидаясь ответа, Чуковский продолжил: — Перед нами плод высшего расцвета блоковского творчества, которое — от начала до конца — было как бы приготовлением к этой поэме. Поэма гениальна. Блок — величайший из ныне живущих поэтов! Вскоре это будет понято всеми!

— Суждения ваши не лишены резона, — ответил Луначарский.

Между тем посетитель, не говоря больше ни слова, открыл чемодан и разложил на письменном столе, креслах, подоконнике исписанные листы бумаги. Луначарский смотрел на эту сцену с недоумением.

— Что это? — спросил он.

— А вы посмотрите сами.

Когда Луначарский прочел один из листов, его охватил восторг.

— Некрасов? Рукописи? Вы занимаетесь Некрасовым?

Чуковский ответил:

— Не только Некрасовым. Я сейчас закончил, например, работу над анализом поэзии Уитмена.

Луначарский живо откликнулся:

— Открытость сердца — основа гениальности художника. Таков был Уитмен. Он, как и Некрасов, истинно народный поэт, и нужно его поэзию донести до нашего народа.

— Я не против, чтобы просвещать народ. Однако не надо иллюзий. Стендаль говорил: «Что касается меня, я хотел бы, чтобы жизнь была счастливой. Счастье подобно теплоте, которая поднимается с этажа на этаж; но я ни за что на свете не хотел бы жить с чернью, еще менее — быть вынужденным ухаживать за нею». Революция не должна ставить чернь над культурой и интеллигенцией.

Луначарский, сам обладавший отличной памятью, с уважением посмотрел на гостя, наизусть цитировавшего Стендаля. Однако, несмотря на симпатию, возникшую в его душе, Луначарский весьма критично высказался по поводу суждений этого сравнительно молодого, но уже имеющего некоторое имя литератора:

— Для Пушкина чернь — это вовсе не народ, а все те, кто противостоит и народу, и свету разума, и прогрессу, и культуре. Отношения же народа, интеллигенции и революции — более диалектичны и более плодотворны, чем вам кажется. Многое идет у вас от позы, а не от реальных жизненных и социальных позиций. Во всяком случае, эти ваши взгляды мы не примем, однако, если вы будете политически лояльны и реально, а не на словах,

захотите сотрудничать в просвещении народа, дело для вас найдется. Мы будем создавать государственное издательство, и там ваши знания могут пригодиться. Если решите этот вопрос для себя положительно, приходите ко мне в начале следующей недели.

Чуковский обиделся:

— Вы еще в 1906 году резко отчитали меня в печати за мой призыв к абсолютно свободному искусству. А теперь я поделился соображениями, которые, мне кажется, могут быть полезны и даже необходимы… Никакой позы у меня нет…

Луначарский заставил себя набраться терпения и стал разъяснять свою позицию:

— Мы одновременно строим новую культуру и учимся тому, как ее строить, и пониманию того, какой она должна быть. Я не все знаю, я готов учиться у всех, у вас в том числе, но у меня есть твердые ориентиры, чему нужно и чему не нужно учиться и что нам нужно в будущем, какой должна быть наша культура…

Луначарский помолчал и после паузы примирительно сказал:

— Дайте я все-таки ознакомлюсь с сокровищами вашего чемодана.

Анатолий Васильевич охватил взглядом листы рукописей, разложенные по всему кабинету, где только возможно. С молчаливого согласия Чуковского нарком осторожно брал листы и подносил их к самым глазам, читая неразборчивый летящий некрасовский почерк. Чуковский же комментировал попадавшие в поле внимания наркома рукописи.

— Это наиболее свободный от цензуры вариант некрасовской поэмы «Пир на весь мир», а это — бесцензурный вариант поэмы «Русские женщины», которая по-новому прочитывается… — говорил Корней Иванович, воодушевившись горячей заинтересованностью Луначарского.

Тут лист выпорхнул из рук наркома и плавно опустился на пол. Молодой гость быстро нагнулся, ловко поднял его.

На следующей странице и без того неразборчивый некрасовский почерк был полустерт. Луначарский обратился к Чуковскому и попросил его помочь прочесть заинтересовавшее его место. Чуковский же не только помог, но и продолжал без устали комментировать каждую страницу, стремясь еще более разогреть любознательность Луначарского. Не без хвастовства Корней Иванович старался обрисовать масштабы, значение и трудность добывания тех сокровищ, которые оказались у него в руках:

— Эту тетрадку я разыскал в Павловске, у родной дочери Авдотьи Панаевой. Листок, который вы сейчас держите, я

получил в Саратове, у вдовы поэта Зинаиды Некрасовой. А вот бесцензурная копия поэмы «Саша». Ее я добыл у Николая Федоровича Анненского. Эту же кипу рукописей предоставил мне душеприказчик сестры поэта — академик Кони…

Луначарский достал из верхнего ящика стола две книги и объяснил:

— Это мой «походный» двухтомник Некрасова.

Нарком открыл один из томов и, не находя нужной страницы и продолжая листать сборник, стал наизусть читать стихи из поэмы «Русские женщины», тут же комментируя некрасовские строфы:

— Помните ли, как в некрасовской поэме Пушкин в напутственной речи, обращенной к отъезжающей в Сибирь Волконской, утешает ее. Некрасовский Пушкин завидует подвигу княгини Волконской, видя в нем освобождение от плена светской черни:

Поверьте, душевной такой чистоты
Не стоит сей свет ненавистный!
Блажен, кто меняет его суеты
На подвиг любви бескорыстной!

Корней Иванович, обрадовавшись такому знанию и пониманию поэзии, прокомментировал строки, прочитанные наркомом:

— Здесь Некрасов пропускает сквозь свое поэтическое видение мнение Пушкина о «суетах» ненавистного света, выраженное в заключительных стихах шестой главы «Евгения Онегина», не вошедших в окончательный текст поэмы. Далее некрасовский Пушкин внушает Волконской надежду: «Пред временем рухнет преграда».

Отметив про себя литературную наблюдательность собеседника, Луначарский продолжил свою мысль:

— В поэму Некрасова входит тема бессмертия подвига Волконской, который выступает примером для потомства.

Анатолий Васильевич стал вновь наизусть читать некрасовские строки, продолжая между тем листать сборник стихов поэта.

— А, вот, нашел, — обрадовался он и прочел:

Умрете, но ваших страданий рассказ
Поймется живыми сердцами,
И за полночь правнуки ваши о вас
Беседы не кончат с друзьями.

Эта вера в бессмертие подвига совершенно в духе революционной этики 60–70-х годов XIX века. Далее идет цензурный пробел. Смотрите, в моем издании изъято целое четверостишие. Посмотрите, пожалуйста, нет ли в вашей бесценной коллекции этого четверостишия?

— Есть! Сейчас найду! — ответил с радостной горячностью и гордостью Корней Иванович и стал торопливо перебирать страницы, разложенные на подоконнике, продолжая при этом рассуждать:

— Уже не один десяток лет скрывается наиболее сильная часть напутственной речи Пушкина. Вот! Нашел! Слушайте:

Пускай долговечнее мрамор могил,
Чем крест деревянный в пустыне,
Но лицо Долгорукой еще не забыл,
А Бирона нет и в помине.

Луначарский взволнованно воскликнул:

— Как прекрасно! Это четверостишие и по содержанию, и по интонации особенно пушкинское! Как горько, что оно столь долго было неизвестно читателям! А как углубляется и идейно заостряется образ Волконской сближением с образом Наташи Долгорукой! Такое сопоставление совершенно в духе представлений декабристской среды…

— И какое точное сопоставление! — подхватил Чуковский мысль Луначарского. — Шестнадцатилетняя дочь петровского фельдмаршала, жившая в роскоши, через три дня после свадьбы последовала в Сибирь за своим сосланным мужем. Через восемь лет ее мужа пытал и казнил Бирон. Вдова казненного ушла в монастырь, где вскоре умерла…

Радуясь взаимопониманию с собеседником и восхищаясь его бесценной коллекцией рукописей, Луначарский сказал:

— Особая ценность найденного вами отрывка в том, что здесь сближаются не только Волконская и Долгорукая, но и Николай I с временщиком и гнуснейшим палачом — Бироном.

— Да, — подхватил Чуковский, — у Некрасова Пушкин выступает как гуманист, враг деспотизма и друг свободы.

— Вот именно, — вновь обрадовался Луначарский, — а ведь встреча Пушкина и Волконской произошла в 1826 году. Многие пушкиноведы утверждали, что в это время Пушкин отрекся от своих прежних вольнолюбивых идей. В трактовке же Некрасова, несомненно, исторически верной, утверждается обратное:

Пушкин остался верен своим идеалам и памяти своих друзей.

Воцарилось молчание, полное радостного возбуждения. Чувствуя, что восторженность, охватившая наркома, может остыть, Чуковский решил подогреть его интерес и после паузы обратил внимание на новую кипу листов:

— Я отыскал неизданное стихотворное обращение Некрасова к Достоевскому.

Луначарский взял в руки рукопись и стал читать:

Что ты задумал, несчастный?
Что ты дерзнул обещать?..
Помысел самый опасный —
Авторитеты карать!..

В доброе старое время —
Время эклог и баллад,
Пишущей братии племя
Было скромнее стократ.

Чуковский, проявляя блестящую эрудицию, стал комментировать:

— Эти стихи относятся к историческому эпизоду: Достоевский по возвращении из ссылки затеял издавать журнал «Время» и опубликовал в 1860 году программу этого журнала, суть которой, во-первых, независимость от литературных авторитетов при полном уважении к ним; во-вторых, обличение литературных странностей эпохи. Достоевский писал: «Мы не побоимся иногда немного „пораздразнить“ литературных гусей…» Именно эти положения программы и вызвали шуточное обращение Некрасова к Достоевскому.

— Конечно же, Корней Иванович, эти стихи важно опубликовать. Каждая строчка классиков требует внимательного и бережного отношения. Кроме того, перед нами яркий эпизод литературного процесса шестидесятых годов прошлого века. Такие факты бесценны для истории литературы.

Чуковский, радуясь похвалам и восторгам Луначарского, продолжал представлять и нахваливать свою действительно богатейшую сокровищницу:

— А на следующей странице продолжение этого стиха. Всего пятнадцать четверостиший. Вот видите, в них о Майкове, и о Полонском, и о Фете, и о Тургеневе…

— Достаточно было бы одного имени Достоевского, чтобы этот стих был важен и интересен. А знаете ли вы, Корней Иванович, эпизод с Достоевским у могилы Некрасова? Мне об

этом Георгий Валентинович Плеханов рассказал. Достоевский над гробом Некрасова сделал усилие над собою и, несмотря на то, что ему не были близки творчество и позиции покойного поэта, вымолвил: «Он был не ниже Пушкина». Однако обступившая могилу толпа молодых людей закричала: «Выше, выше!» Достоевский поморщился и продолжал: «Не выше, но и не ниже Пушкина». Опять хор молодых голосов: «Выше, выше!»

Чуковский восторженно воскликнул:

— Я не знал об этом эпизоде! Он бесценен для истории литературных отношений минувшего века. Таких неизвестных еще науке фактов много. Например, в бумагах Панаевой я нашел некрасовскую эпиграмму «Социалист» на пушкиниста и критика Павла Васильевича Анненкова. Эпиграмма имеет в виду переписку и встречи русского критика с Марксом, а также известное радикальное высказывание Анненкова, который писал Марксу, что осуждает Францию за то, что она не пошла дальше Робеспьера. Некрасов осмеивает эту революционную позу Анненкова — человека умеренного, аккуратного и ни к каким горячим убеждениям не способного. В доселе неизвестной концовке эпиграммы Некрасов иронизировал над Анненковым:

А впрочем, может быть и точно
Социалист он беспорочный…
Пора, пора уж нам понять,

Что может собственных Катонов
И быстрых разумом Прудонов
Российская земля рождать.

Чуковский со дна чемодана достал еще одну пачку рукописей и стал их представлять наркому:

— Посмотрите! Это неизданная заметка Некрасова о Гумбольдте. А вот записи эпизодов из жизни декабристов, сделанные Некрасовым уже после окончания поэмы «Русские женщины».

— Интересно! Не собирался ли Некрасов написать поэму, посвященную жизни декабристов в Сибири? — предположил Луначарский.

— Это мне не приходило в голову! А ведь, возможно, собирался! — обрадовался Чуковский и продолжил представление своих богатств: — Вот до сих пор неизданные рукописи Некрасова: стихотворная пьеса «Как убить вечер». Из драматической поэмы «Медвежья охота», стихи, посвященные матери поэта, и черновой автограф стихов «Поэту» и «Сон Петра

Ивановича».

Луначарский взволнованно воскликнул:

— Это огромные, бесценные сокровища! Революция должна вернуть их народу!

За дверью раздался шум какого-то спора. Луначарский выглянул и ахнул: вся приемная была полна народу. Нарком взглянул на часы и про себя подумал: «Я разговариваю с этим человеком уже около часа. Я увлекся. Ужасно неудобно получается. В приемной сидят люди, ждут, у многих срочные и неотложные дела, ждет академик Кони…» — вслух же произнес из полуоткрытой двери в приемную:

— Прошу извинить меня, я через минуту освобожусь.

Луначарский прикрыл дверь и вернулся в кабинет к своему креслу, но садиться уже не стал, давая понять, что беседу следует закончить. Чуковский стал торопливо собирать в чемодан рукописи. Луначарский успокоил его:

— Не торопитесь, пожалуйста, а то помнете листы рукописей, а они бесценны. Необходимо как можно скорее издать максимально полное собрание сочинений Некрасова. Революция должна нести свободу не только гражданам современной России, но и ее классикам. Советскому читателю надо дать советского Некрасова. Возьмитесь за это дело. Не один, конечно…

— Охотно включусь в эту работу, — сказал Чуковский.

Луначарский подошел к двери, приоткрыл ее и пригласил своего секретаря:

— Будьте добры, запишите, пожалуйста.

Секретарь сел за машинку и быстро застучал под диктовку наркома.

— «Уважаемый…» Поставьте многоточие и от руки впишите нужные фамилии. Ниже пишите текст: «Приглашаем Вас на заседание Комиссии по изданию русских классиков при Комиссариате просвещения. Повестка дня: общие организационные вопросы работы комиссии; об издании собрания сочинений Некрасова; назначение редактора собрания сочинений Некрасова.

Заседание состоится в помещении Наркомпроса в 10 часов утра 24 февраля 1918 года».

Луначарский прервал диктовку и сказал, обращаясь к Чуковскому:

— Редактором мы назначим Блока, а его заместителем и помощником — вас, Корней Иванович. Будьте здоровы и приходите на заседание.

Чуковский, попрощавшись, ушел, а нарком обратился к секретарю:

— Пошлите, пожалуйста, это приглашение Корнею Чуковскому, Александру Блоку, Натану Альтману и товарищам Лебедеву-Полянскому и Керженцеву.

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

В 1926 году в кооперативном писательском доме в районе улицы Герцена собрались литераторы. Троцкий в те поры старался играть роль мецената. Сталин тоже стал наведываться на литературные посиделки. Как-то раз он спросил у Всеволода Иванова:

— Что у вас выходит в ближайшее время?

— Новая книга.

— Хотите, я напишу к ней предисловие?

— Если книга плохая — ее не спасет никакое предисловие, а если хорошая — она не нуждается в рекомендациях.

Сталин обратился к Александру Фадееву:

— А вы такого же мнения?

— Предисловие очень важная вещь. К моей книге предложил написать предисловие Троцкий, но мы с ним люди разных жизненных восприятий. Вот если бы вы, товарищ Сталин, написали, я был бы рад.

Сталин не написал предисловия к фадеевской книге, но не забыл его согласия, и это определило карьеру будущего руководителя писательской организации. Не забыл он и отказа Иванова и хоть не преследовал его, но держал на расстоянии от высших литературных сфер и благ.

Во второй половине 1930-х годов Сталин приглашал Иванова на приемы, сажал напротив себя и, потягивая из рюмки вино, наливал гостю в бокал водку. Писатель послушно и молча пил, не стараясь ни расположить к себе вождя, ни объясниться. Это было похоже на экзамен на покорность. Возможно, именно смиренность Иванова в сочетании с прямотой спасли его и от гибели, и от судьбы литературного сановника.

* * *

Нередко Троцкий думает совсем по-сталински или, вернее, Сталин по-троцкистски: кто не с нами — тот против нас; главное в искусстве — содержание и политическая ориентация; писатели оцениваются в соответствии с критерием — за революцию или против. А разве не по-сталински (по-ленински, по-ждановски, по-

бухаринski) звучит формулировка Троцкого «переплавка человека»? Какая степень насилия в этом тезисе-образе!

Глава двадцать шестая
«КТО ТАМ ШАГАЕТ ПРАВОЙ? ЛЕВОЙ, ЛЕВОЙ, ЛЕВОЙ!»

Художники, скульпторы, актеры левого направления сразу приняли Октябрь и выразили желание сотрудничать с советской властью. Нарком просвещения Луначарский как государственный деятель в ситуации широкого бойкота революции и нового государства большой частью интеллигенции не мог не принять эту помощь. При этом такое решение вовсе не зависело ни от личных художественных вкусов наркома, ни от общей эстетической ориентации и художественной политики нового государства. В этом причина назначения на ответственные посты в Наркомпросе художника Д. П. Штеренберга и В. Э. Мейерхольда, поддержки футуристов и других авангардистов. Борьба реалистов и авангардистов в искусстве в результате Октябрьской революции обострилась, и поддержка Луначарским авангарда вовсе не означала, что он и новое государство склонны сбрасывать Пушкина с корабля современности. Нарком стремился предоставить возможность всем современным художественным направлениям самовыразиться. Будущая лукавая маоистская формула «Пусть расцветают все цветы, кроме вредных» оказалась внедренной в художественную жизнь Страны Советов в период руководства культурой Луначарским (1917–1929).

Луначарский работал с бумагами, подготовленными для него секретарем. В руки ему попало письмо дочери Пушкина, написанное на его имя: она жаловалась, что голодает, и просила помочь. Луначарский вызвал секретаря и распорядился оказать ей помощь. Продолжение этой истории было грустным: пока его распоряжение гуляло по кабинетам, дочь Пушкина умерла.

Следующее письмо было от крестьян села Михайловского, сообщавших: «На месте сим желательно увековечить память Пушкина — помещика нашего и память о революции». Анатолий Васильевич затруднился с ходу принять какое-либо решение и отложил письмо, чтобы его обдумать.

Другое, весьма странное, письмо заставило его расхохотаться. Когда вошел Мейерхольд, Луначарский встал из-за стола и пошел навстречу гостю, смеясь, щуря близорукие глаза и натыкаясь на кресла.

— Извините… — еле выговорил он и протянул руку: —

Извините, Всеволод Эмильевич…

Мейерхольд смущенно улыбался, не понимая, в чем дело. Луначарский стал объяснять:

— Один весьма знаменитый и весьма пожилой человек… не стану называть его имени, подал проект, в котором предлагает ввести в России многоженство. Вот, полюбопытствуйте, что пишет этот достопочтенный прожектер: «На основании долгого личного опыта могу заверить вас, что многоженство — лучшая форма брака. Введите многоженство — и вы осчастливите миллионы людей».

(Заметим, что в начале XXI века депутат российской Думы Жириновский высказывал эту же идею. Он надеялся таким нетрадиционным способом решить демографическую проблему современной России.)

Луначарский и Мейерхольд дружно рассмеялись.

— Поразительно! Но этот проект разработан до мельчайших подробностей!.. Ну да бог с ним… Мне еще сегодня предстоит разговаривать с автором. Хватило бы сил не расхохотаться при нем… Ну что же, давайте о делах…

Мейерхольд удобно расположился в кресле, артистично положив ногу на ногу, и стал описывать положение в Александрийском театре, оценивая его как тревожное: из 83 человек труппы 45 решили оставить театр. Среди них было много именитых актеров.

Луначарский посерьезнел:

— Везде саботаж. И в театрах саботаж… Я выступлю перед труппой. Попробую объяснить смысл нашей революции и суть нашей художественной политики. Однако при всей сложности борьбы с саботажем это все-таки административно-организационные и политические проблемы. Их решать трудно, но еще более трудны будут сегодня творческие проблемы. Каким должен быть театр Революции, наш советский театр? Эта проблема не только административно-организационная и политическая, но и художественная, и эстетическая, и нравственная, и философская. Вы — первый крупный русский режиссер, принявший революцию, вы и должны решать эту проблему.

Мейерхольд уверенно заговорил о проблемах новой театральной эстетики:

— Я против сокрытия условности театра, я за максимальное использование этой условности. Я за выявление игровой природы спектакля. Мы не должны подражать на сцене обыденной жизни. Я за театр-балаган, за подлинно народный театр. Я хочу вынести театральный эксперимент на подмостки, окруженные рабочими и

солдатами. Театр должен заговорить языком площади.

Луначарский высказывался менее решительно и не столь категорично:

— А не кажется ли вам, что театр революции — это еще и митинг, и плакат?

Мейерхольд парировал:

— Балаган и есть театральная форма митинга и плаката! Нужно смело использовать гиперболу, деформацию реальности. Новые формы решат проблему нового театра.

Луначарский возразил:

— Революция смела. Она любит яркость и новизну, однако не только в форме, но в первую очередь — в содержании. Традиция не опутывает революцию, не держит ее за руки, и это позволяет расширить реализм. Он может включить в себя фантастическую гиперболу, карикатуру, всевозможные деформации, если они служат выявлению внутренней сущности явления. Главное — понять суть переживаемой нами эпохи и выразить ее…

Мейерхольд был готов решительно продолжать спор и уже даже начал было полемизировать:

— Вы недооцениваете первостепенную значимость новой формы, роль условности и собственно театральности. Нужно…

Луначарский перебил:

— У нас еще будет время доспорить. Я хотел бы, чтобы вы более серьезно продумали те принципы, на которых должен строиться новый театр. Кроме того, подумайте и над административно-организационными проблемами. Я хотел бы, чтобы вы активно включились в строительство нового театра. Я предлагаю вам войти в руководство Петроградского театрального объединения, в руках которого сосредоточивается всё театральное дело столицы. Видимо, вам следует подумать и о вашей партийной принадлежности.

Мейерхольд ответил не так уверенно, как рассуждал о проблемах эстетики нового театра:

— Да, Анатолий Васильевич, вы предложили целую программу для моих размышлений. Подумаю и вновь приду к вам. Тогда и доспорим, тогда и отвечу на поставленные вами вопросы.

Нарком и режиссер тепло попрощались. Луначарский проводил гостя до самой двери своего кабинета и там дружески пожал ему руку.

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

Эренбург рассказывал, как Мейерхольд хотел его арестовать за недостаточно идейное понимание искусства.

* * *

В 1951 году рвавшийся на пост директора Института истории искусств замдиректора Кеменов выступил на партсобрании и высказал мнение, что директор института академик Грабарь не способен решать проблемы художественной культуры с партийных позиций, так как он беспартийный. Грабарь ответил ему: «В 1920 году, когда вы, Кеменов, пешком под стол ходили, я решил вступить в партию, но Владимир Ильич сказал: „Вы нам нужны беспартийный“». Кеменов так и не стал директором института.

* * *

Критик Юзовский рассказывал: «Первая моя рецензия была на пьесу Олеши в постановке Мейерхольда. „Литературная газета“ — главным редактором тогда был Силивановский — не хотела ее брать. Потом оказалось, что все газеты печатают статьи об этом спектакле. „Литературной газете“ неудобно было молчать, а под рукой другой статьи не оказалось. Дали мою. Статья понравилась Луначарскому. На следующий день он меня пригласил к себе. Поразила его манера общения: пожилой нарком просвещения советовался со мной, начинающим критиком, о задуманной им монографии о философе Бэконе».

Глава двадцать седьмая
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

В 1923 году заместитель Луначарского А. Н. Покровский отметил, что в Наркомпросе «всегда была одна из самых дружный коллегий», и объяснил это «личным характером» наркома, его умением вести дело «без сбоев» и постоянно воодушевлять коллег своим энтузиазмом. Другой заместитель — Крупская нашла для характеристики роли Луначарского в Наркомпросе свое определение. В Наркомпросе можно было работать, так как был «человек, который знает, куда надо идти». К числу безусловных ошибок Луначарского относится его стремление перевести русскую письменность на латиницу. В 1929 году Народный комиссариат просвещения РСФСР образовал комиссию по разработке вопроса о латинизации русского алфавита. Между тем ясно, что кириллица связана с глубокими традициями русской и православной славянской культуры.

Россия была во мгле Гражданской войны и разрухи. Холодный пронзительный ветер колебал, а порой задувал неяркое пламя свечи человеческой жизни. Казалось, плод сологубовской фантазии — недотыкомка серый — вторгся в жизнь, врос в ее повседневность и разрушил быт бытия. Простейшие его составляющие, элементарные условия — хлеб, тепло, кров — исчезли, разрушились.

Маяковский писал об этом коренном изменении обыденности, об изменении ценностей, о быте вне быта:

Не домой,
не на суп,
А к любимой
в гости
Две
морковинки
несу
За зеленый хвостик.

Однако навстречу этому разрушению вставала мечта о будущем, в котором грезились хлеб и свобода, солнце и счастье. Революция охватывала весь видимый мир и у горизонта сливалась с небом. И люди штурмовали небо и рвались к солнцу. Самоотвержение пролагало путь истории. Оно не предполагало

отречения человека от своей личности, но требовало его отречения от эгоизма.

…Москву окутывал сумрак хмурого январского утра начала 1920 года. Луначарский вышел сегодня из дома на час раньше обычного, не дожидаясь машины, пошел в наркомат пешком. Улицы были заметены снегом, который никто не убирал, — дворники вымерли: их должность навсегда сократили, этой профессии вообще больше не существовало. Навстречу Луначарскому по заснеженному бульвару вез сани *«замло».* Это слово вымрет через несколько лет и сегодня нуждается в переводе на современный язык: замло — заместитель лошади. Это был неологизм эпохи Гражданской войны и разрухи. И сейчас Анатолий Васильевич проводил взглядом большие сани, в которые был впряжен закутанный в тряпье промерзший человек. Сани были нагружены, кажется, обломками последнего московского деревянного забора. Когда сани поравнялись с Луначарским, он с ужасом рассмотрел поклажу и увидел, что это обломки не забора, а рояля. Рояль на растопку буржуйки! Луначарский живо представил себе доведенного до крайней степени нужды и отчаяния музыканта, который выменяет рояль — по весу, по количеству дров — на буханку хлеба. Это было похоже на смерть быта, апокалипсис культуры, конец бытия.

Шла Гражданская война, люди убивали друг друга, все рухнуло, однако жизнь продолжалась, и все главное в ней в каком-то виде осуществлялось — люди в поте лица добывали хлеб насущный, влюблялись, женились, расходились, рождались, умирали. Все было, как всегда, коренные свойства, сущность человеческой природы оставались прежними, но менялись формы их проявлений, амплитуда личных поступков, ценностные ориентации. В глобальном бытийно-стабильном мире все было неизменно, но в смещенном революцией неевклидовом пространстве быта, обычаев, психологии, морали, миросозерцания все было по-новому. И в этом веками устоявшемся стабильном мире, где властвовали веками устоявшиеся страсти, где совершались привычные поступки и где на каждом шагу проявлялись новые, рожденные революцией формы бытия, жила Россия и жил Луначарский. Его личная семейная жизнь начиналась и складывалась еще до революции.

Первой женой Луначарского была сестра философа социал-демократа Богданова Анна Александровна Малиновская (1889–1959). Она была писательницей-фантасткой. Около двадцати лет от роду она вышла замуж за преследуемого полицией молодого революционера, будущего наркома просвещения в первом советском правительстве. В 1911 году, когда ей было 22 года, она,

находясь вместе с мужем в эмиграции во Франции, родила сына Анатолия. Близкие звали его Тото.

В 1921 году Луначарский разошелся с Анной Александровной, Тото в это время было десять лет. Отец и его образ сильно повлияли на формирование личности Анатолия.

Сын унаследовал некоторые способности отца и, когда ему исполнилось 17 лет, начал заниматься журналистикой и литературной деятельностью. А в двадцать лет, в соответствии с традициями и гражданско-патриотическими представлениями начала 1930-х годов, уехал в совхоз «Зерноград», где стал работать трактористом. Эта работа дала молодому литератору жизненный материал, который позволил написать ряд рассказов. Они были напечатаны в 1933 году в журнале «Красная новь». Отец в последние месяцы своей жизни успел порадоваться первым литературным успехам сына, который упорно продолжит искать свое место в жизни.

На самом входе в самостоятельную жизнь Анатолий (ему было 22 года) потерял отца. Он остро ощутил эту потерю, хотя последние десять лет и жил без него. Красавец Анатолий Луначарский и его мать Анна Александровна стояли в скорбном молчании, опустив головы, перед закрытым гробом, в котором покоился первый нарком просвещения Советской республики.

После смерти отца Анатолий ведет социально активную, достойную жизнь. В 1936 году он едет на Дальний Восток, где работает на студии кинохроники. Затем пробует свои силы то в газете, то как переводчик (переводит с туркменского языка пьесу Т. Эсеновой «Дочь миллионера»). Пишет фельетоны, иллюстрируя их своими карикатурами. Анатолий Васильевич мог бы гордиться своим сыном. В первые дни Великой Отечественной войны Анатолий Анатольевич Луначарский уходит на фронт. Он старший лейтенант, военный журналист, работает в многотиражке 7-й бригады морской пехоты Черноморского флота и во флотской газете «Красный черноморец».

В канун 1942 года была проведена Керченско-Феодосийская десантная операция, заставившая вермахт приостановить второй штурм Севастополя. Анатолий Луначарский откликается на это событие большой статьей в газете «На страже Родины». В феврале 1943 года А. А. Луначарский на канонерской лодке «Красная Грузия» участвует в десанте на Малую Землю. Командир канонерской лодки Г. Катунцевский и его заместитель П. Епанещников дали А. А. Луначарскому рекомендацию в партию: «Тов. Луначарский… показал себя как человек, способный мобилизовать краснофлотские массы в бой и в нужный момент поднять боевой дух и настроение командного состава и

краснофлотцев. Во время боя т. Луначарский все время находился в опасных местах, проявляя мужество и бесстрашие».

Коллега Анатолия по фронтовой журналистской жизни Петр Сажин писал: «Корреспонденты не обязаны ходить в атаки, и на войне они должны пользоваться своим традиционным оружием — пером и фотоаппаратом… Но на войне как на войне, и корреспонденты гибли не реже командиров батальонов — они шли в огонь, подчиняясь долгу и чести».

«Письмо допишу после боя…» — писал Анатолий Анне Александровне. Он уцелел и исполнил это обещание — после боя дописал письмо: «Мечтаю о встрече и верю, что это уже не за горами… Для этого нужны две победы: победить немца и самого себя… Ах, как ярка жизнь, могуче, многогранно!»

Бойцы 6-го дивизиона сторожевых катеров, с которыми Анатолий не раз ходил на Малую Землю, стали героями его повести «На катерах-охотниках», завершить которую помешала героическая смерть автора во время очередной боевой операции. Это произошло 12 сентября 1943 года в битве за Новороссийск. А 15 сентября лейтенант Анатолий Анатольевич Луначарский был посмертно награжден орденом Отечественной войны II степени. Его могила неизвестна. В Новороссийске одна из улиц названа именем журналиста Анатолия Луначарского.

Прошла почти четверть века со дня гибели Анатолия Луначарского, и в 1966 году в 78-м томе «Литературного наследства» (книга 4-я) были опубликованы его стихи, а вскоре в журнале «Москва» (1967, № 5) напечатана его неоконченная повесть «На катерах-охотниках». Еще через три года издательство «Молодая гвардия» выпустило книгу «Анатолий Луначарский. За право на счастье», где было собрано небольшое литературное наследие Анатолия — повести «Ловцы живого серебра», «На катерах-охотниках», письма жене Елене Ефимовне и матери Анне Александровне, отрывки из фронтового дневника. Имя Анатолия Луначарского увековечено на беломраморной плите в московском Доме литераторов рядом с именами других писателей, погибших на фронтах Великой Отечественной войны.

Однако вернемся к нашему главному герою. Он был погружен в самую гущу художественной жизни и был подвержен всем соблазнам театральной среды. Хлестаков говаривал: «С хорошенькими актрисами знаком. Я ведь тоже разные водевильчики… Литераторов часто вижу». Иван Андреевич явно хвастался, а по отношению к Анатолию Васильевичу сие высказывание было сущей правдой.

В 1921 году 46-летний Луначарский оставил первую семью и женился на актрисе Малого театра Наталье Александровне

Розенель. Нельзя сказать, что она была очень талантливой актрисой, но женщиной была безусловно красивой. Ее называли «ненаглядным подобием» Наркомпроса. С новой женой Анатолий Васильевич обрел падчерицу Ирину, которую удочерил и к которой относился как к родной. Семья Луначарских поселилась в Левшинском переулке в большой квартире, обставленной антикварной мебелью, конфискованной у «бывших». Видимо, Анатолий Васильевич был по-настоящему очарован Розенель. В его «водевильчиках» — пьесах, которые ставились в театре, все главные роли по его настоятельному желанию отдавались ей. Предание говорит, что однажды Розенель вышла на сцену, украсив себя бриллиантами из царского Алмазного фонда. Известен скандальный случай, ставший предметом и фельетона в газете, и анекдотов. Как-то Наталья Александровна должна была возвращаться с мужем из Ленинграда в Москву. Она опаздывала на поезд «Красная стрела». По указанию наркома Луначарского поезд на полчаса задержали. Это, кажется, был единственный случай с опозданием отправления «Красной стрелы». Луначарский получил выговор, сведения о котором опубликовала газета «Известия». Высокое положение мужа (в терминологии того времени — «ответственного работника») создавало для нее исключительные возможности.

Наталья Александровна встречалась со многими выдающимися отечественными и зарубежными деятелями культуры. У нее были литературные способности. Она написала и издала мемуарную книгу «Память сердца», в которой поделилась с читателями воспоминаниями о Маяковском, Брюсове, Южине, Брехте, Остужеве, Марджанове, Андреевой.

В первые недели и месяцы после Октября трудно было найти сотрудников для Народного комиссариата просвещения из-за саботажа интеллигенции. По количеству работников наркомат был в десять раз меньше прежнего Министерства просвещения. Так было легче экономить фонд зарплаты, но трудно работать, и все-таки наркомат успевал делать очень много. Однако уже к концу 1920 года по количеству работников Наркомпрос превосходил старое министерство в десять раз, а чуть позже — и в пятнадцать. Для этого было много причин: сближение большей части интеллигенции с новой властью и прекращение саботажа, отсутствие четкой структуры нового государственного аппарата, радость Луначарского и других партийцев-наркомпросовцев по поводу прихода многих интеллигентов на советскую службу. Не последнюю роль играло желание наркома снабдить бедствующих литераторов, художников, ученых, специалистов скудными пайками и ордерами. В разных отделах Наркомпроса в эти годы

работают многие как молодые и еще безвестные, так и знаменитые писатели, театральные деятели, научные работники.

Когда после мытарств на Кавказе в 1921 году Михаил Афанасьевич Булгаков добрался до Москвы, он отправился разыскивать Литературно-театральный отдел Наркомпроса.

Булгаков и от белых, и от красных скрывал свое медицинское образование, дабы не быть втянутым в Гражданскую войну даже в роли врача. Молодой литератор, разыскивая ЛИТО, рисует в своем воображении это учреждение так: комната устлана огромным ковром, письменный стол и шкафы с книгами. Торжественная тишина. Известный писатель сидит за столом секретаря. Дверь в кабинет заведующего. В кабинете в глубоком кресле сидит или Горький, или Брюсов, или Белый. Больше кому же?

Наконец Булгаков нашел ЛИТО в помещении огромного шестиэтажного здания бывшего акционерного общества «Россия». В здании — коридоры в коридоры, в коридорах — двери и муравейник людей. Булгаков путешествует по этому зданию и входит в кабинет, где предполагает увидеть заведующего ЛИТО. В комнате писатель видит старика в папахе и рваной солдатской шинели, на ногах у него обмотки и белые лакированные туфли с бантами. Он представляется как заведующий ЛИТО А. П. Готеррид. Рядом сидит его заместитель В. С. Богатырев.

— Я хотел бы получить место в ЛИТО, — сказал Булгаков.

ЛИТО имело функции наблюдения за литературным процессом и руководства им, постановку литературного слова на службу интересам молодой республики. По стратегии Луначарского, направленной на спасение интеллигенции, ЛИТО как подразделение Наркомпроса выполняло негласную функцию — спасать литераторов от голода. Почти каждый писатель мог поступить на работу в ЛИТО, где получал скудную зарплату и паек и тем самым обретал возможность существовать и даже заниматься творческой работой в голодной Москве.

Булгаков сразу же написал прошение о приеме на работу и тут же получил благожелательную резолюцию. Вскоре вслед за Булгаковым в ЛИТО поступают всегда печальный и тихий литератор Георгий Петрович Штром и кудрявый, румяный и жизнерадостный поэт Иван Иванович Старцов. Видимо, широкий прием интеллигентов на работу в Наркомпрос в начале 1920-х годов был еще и своего рода победным актом, компенсирующим отказ большинства деятелей культуры сотрудничать с новой властью в конце 1917-го и в 1918 году.

Булгаков, как и другие сотрудники ЛИТО, ходит на службу по вольному расписанию и, придя в послеобеденное время — что не

значит после обеда! — начинает культурно-организаторскую деятельность, например сочиняет лозунги для Помгола. В комнате, где работает Булгаков, стоят деревянный стол с чернильницей, пустой шкаф, в углу лежит ножками кверху маленький трехногий столик.

После трех часов работы — перерыв. Булгаков со своими коллегами отправляется в Милютинский переулок в дом окон РОСТА и спускается в подвал этого дома. Там помещается столовая, ублажающая наркомпросовцев картофельным супом и картофельными котлетами. Пообедав, наркомпросовская братия возвращается в свои неуютные апартаменты. Булгаков живет первые месяцы в Москве по чужим углам, иногда у знакомых и решает написать руководителям Наркомпроса — Луначарскому и Крупской. Вскоре удалось выхлопотать для Булгакова 18-метровую комнату на Садовой улице. Жить стало легче, хотя бесконечные трудности остались.

Итак, в 1921 году в литературном отделе недолгое время работает (а может быть, вернее сказать — спасается от голода) тридцатилетний человек с русыми волосами и интеллигентным, одухотворенным лицом. Этот человек позже составит славу русской литературы XX века. Он насмешлив, жив в своих реакциях, изобретателен в шутках и мистификациях. Михаил Афанасьевич Булгаков стал третьим сотрудником ЛИТО. В этом кабинете не было ни стульев, ни столов, ни чернил, ни лампочек. Однако все же жизнь шла, и даже творческая жизнь: проводились консультации начинающих рабоче-крестьянских писателей, давались рекомендации к изданию, оказывалась материальная помощь писателям и деятелям культуры. Порой избранные или случайные счастливцы получали паек, а то и ордер на вязанку дров.

В ходе нэпа, когда денежно-экономические отношения стали обретать значимость, несколько раз проводилось сокращение управленческого аппарата. В одно из таких сокращений в декабре 1921 года Булгаков с сожалением покинул ЛИТО. Однако долго еще будет строиться новая государственная машина, Луначарский в пробах и ошибках, в смелых экспериментах и осторожных решениях будет участвовать в строительстве новой государственности в самой сложной сфере — в культуре.

Бедствия Гражданской войны, голода и разрухи особенно больно ударили по интеллигенции. Книги и мебель часто шли на растопку буржуек или обменивались на толкучке на скудную еду. Жизнь обрела много степеней сложности. Специалистам трудно было найти применение своим знаниям. Ряд профессий потерял не только свою престижность, но и жизненную необходимость.

Даже работающий по своему профилю человек культуры не получал достаточных для существования средств и продуктов.

Еще 25 сентября 1918 года Сергей Федорович Ольденбург специально приехал в Москву, нанес официальный визит в Наркомпрос и вручил письмо, в котором остро ставился вопрос о необходимости преодоления бедственного положения ученых. В этом официальном послании говорилось: «Люди умственного труда находятся в особо тяжелом положении. Они поставлены в наихудшие условия относительно питания и привлекаются часто к трудовой повинности, а квартиры их не свободны от случайных постоев, библиотеки — от разгрома и конфискации. В их среде наблюдается, по заключению врачей, особо сильное физической истощение, а ряды их быстро тают вследствие болезней, многочисленных смертей и отъездов за границу. От имени Академии отмечена желательность принять следующие меры: прекратить походы против людей умственного труда и охранять властью их безопасность; освободить их от добавочной трудовой повинности; обеспечить безопасность их жилищ и рабочей обстановки от случайных вторжений; принять срочные меры для обеспечения лучшего питания».

Луначарский предпринял энергичные действия для облегчения общего положения и бытового устройства интеллигенции, однако переломить ситуацию ему не удалось.

Летом 1919 года академик Иван Петрович Павлов написал письмо в Совет народных комиссаров Бонч-Бруевичу, полное негодования, глубокой грусти и великого достоинства. В письме вновь говорилось о бедственном положении ученых. Бонч-Бруевич с этим письмом пошел к Ленину.

Войдя в кабинет, Владимир Дмитриевич подошел к письменному столу, за которым сидел Ленин, и молча подал ему письмо академика Павлова. Ленин быстро прочел письмо и сказал:

— Да, академик Павлов совершенно прав! Он написал изумительно честно и откровенно. Мы должны особо ценить таких людей. Правительство примет все возможные меры к улучшению положения ученых. Сейчас же обдумайте практические шаги. Сегодня же вечером подробно обсудим этот вопрос. Срочно по прямому проводу вызовите Зиновьева и передайте ему мою просьбу, под личную его ответственность, немедленно обеспечить Павлова, его помощников, его лаборатории всем необходимым. Отметьте особенно, что академик находится в преклонном возрасте. Наши могут этого не знать…

— Да, Владимир Ильич, когда я прочитал письмо академика

Павлова, я подумал: неужели настало такое время, когда нас начнут покидать и такие люди, как Павлов?

— Надо оповестить Павлова и всех ученых, что мы дадим им все — от личной обеспеченности до самых лучших лабораторий, библиотек и научных кабинетов. Мы добьемся расцвета науки так, как нигде в мире. А пока постараемся сделать все возможное для Павлова, но приходится терпеть: кругом война… Ответьте Павлову, я сам написал бы, но вы видите, что у меня. — Ленин обвел широким жестом стол, заваленный шифрованными телеграммами, письмами, докладами, и продолжал: — Просите академика Павлова не уезжать из России. Только напишите осторожно, вежливо…

Вскоре в кабинет Владимира Ильича в Кремле вошел Алексей Максимович Горький. Ленин отложил в сторону бумаги, встал из-за письменного стола и, улыбаясь, пошел навстречу Горькому.

— Вот приехал по безотлагательному делу. Может быть, раньше нужно было вас потревожить, Владимир Ильич, однако пока не допекло, не решался отвлечь от работы. Владимир Ильич, я разрешу себе перечислить хотя бы некоторые фамилии выдающихся деятелей науки и искусства, которые в невыносимых условиях, сложившихся в Петрограде, погибли… Я разрешу себе перечислить тех видных деятелей культуры, которые стоят на берегу гибели… Большие ученые и литераторы решительно не приспособлены к борьбе за кусок хлеба.

— Алексей Максимович, вы нарисовали трагическую картину. Однако история сможет сегодня предложить интеллигенции лишь разделить трудную и героическую судьбу народа. Вы хорошо знаете, что речь идет не о бедствиях интеллигенции, а об общенародных бедствиях в результате войны и разрухи. Я прошу вас лично стать во главе дела помощи и спасения научной и художественной интеллигенции. Давайте создадим комиссию улучшения быта ученых (КУБУ — новая аббревиатура! — *Ю. Б.),* которую вы и возглавите. Держите связь со мною. Обещаю твердую поддержку. О всех затруднениях сообщайте Бонч-Бруевичу.

Ленин обернулся к Бонч-Бруевичу и попросил его:

— Владимир Дмитриевич, сообщите, пожалуйста, о нашем решении в Петроград, председателю исполкома. Мы, Алексей Максимович, начинаем борьбу за хлеб, за самое простое человеческое существование.

Борьба за хлеб и условия жизни и работы писателей и ученых охватывает не только конец 1910-х, но и начало 1920-х годов. Хлеб и другие необходимые продукты являлись в эти годы теми высшими ценностями, скудные запасы которых были

централизованы. Поэтому такие ведущие представители интеллигенции, как Горький или руководители Академии наук Стеклов и Ольденбург, обращались именно в советское правительство по поводу проблемы тепла, света и пищи для терпящей бедствие интеллигенции.

27 января 1921 года Горький с группой ученых, в которую входили С. Ф. Ольденбург, В. А. Стеклов, начальник Военно-медицинской академии В. Н. Тонков, были приняты Лениным.

Стеклов сказал:

— Академия и академики нуждаются в вашей помощи, Владимир Ильич. Нужны новые ассигнования на научные исследования. Необходимо позаботиться об улучшении материального положения ученых. Мы просили бы произвести национализацию имения покойного академика Шахматова в Саратовской губернии на предмет создания там дома отдыха для научных работников, необходимо возобновление научных связей… По поводу этих и других подобных вопросов мы подготовили ряд документов и хотели бы передать их в правительство.

Ленин ответил:

— Все ваши пожелания, все поставленные вами вопросы будут внимательно изучены и, по возможности, безусловно, удовлетворены. Я прошу вас понять и передать это вашим коллегам, что мы хотели бы сделать для ученых гораздо больше того, что можем пока сделать. Но когда народ голодает, мы не можем даже для самых ценных и нужных нам людей сделать больше, чем для других.

Ленин на минуту замолчал, а потом, улыбаясь, продолжил:

— Необходимо, чтобы вы, старые работники, жили дольше, и необходимо, чтобы вы не жалели сил и времени на подготовку новых научных кадров.

Ленин проводил академиков до дверей кабинета, а Горького попросил остаться. Обращаясь к писателю, сказал:

— Вот — умники! Все у них просто, все четко сформулировано, сразу видишь, что хорошо знают, чего хотят. С такими людьми работать — одно удовольствие.

В числе многих походов в высшие инстанции во имя создания быта и условий для работы интеллигенции существенно и посещение в 1922 году Владимиром Андреевичем Стекловым Луначарского. По поручению президиума Академии наук Стеклов приехал в Наркомпрос и высказал наркому тревогу по поводу состояния помещений академии. За долгие годы германской и Гражданской войн плохо отапливавшиеся и неремонтировавшиеся здания пришли в аварийное состояние.

Стеклов сказал:

— В Российской академии сосредоточены лучшие научные силы страны. Правительство всегда прибегало к помощи академии. Теперь академия вынуждена прибегнуть к помощи власти. В свое время Ломоносов жаловался на множество неудобств, которые приходится претерпевать работникам академии, однако от отсутствия воды, света и тепла они не страдали. Здания были новые, крыши не протекали, выгребные ямы вычищались регулярно, типография печатала все, что нужно. Мы же живем в страхе, что не сегодня-завтра здание академии развалится. В зоологическом музее (второй в мире после Британского, а по необработанным материалам его превосходящий) портятся коллекции. В музеях этнографии, антропологии, Азии ценнейшие манускрипты покрываются плесенью, коллекции портятся, экспонаты разрушаются. Водопроводные трубы лопаются, заливают ценнейшие книги и рукописи. За четыре года академия не имела возможности ни разу вычистить выгребные ямы. Несколько раз нечистоты выступали и подмачивали драгоценное имущество книжного склада. В этих невыносимых условиях академия вела и продолжает вести огромную государственно важную работу и в связи с планом ГОЭЛРО, и по обеспечению обороны государства, и по исследованию Курской магнитной аномалии.

Луначарский снял пенсне, протер его платком, вновь надел и сказал:

— Я доложу правительству обо всем, что вы мне сказали. Я сам подключусь к решению этих вопросов. Будут приняты самые решительные меры.

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

Интеллигент — российское понятие. На Западе есть копфарбайтеры, белые воротнички, образованные люди, интеллектуалы, работники умственного труда, интеллектуальная элита общества, но это не интеллигенты. У интеллигента ряд особенностей: приоритет совести; сосредоточенность на метафизических проблемах бытия (их приоритет по отношению к практическим вопросам); преданность идее мировой справедливости; отсутствие вертикали в межличностных отношениях и их построение исключительно по горизонтали; чувство ответственности за мир и все происходящее в мире; гуманность.

* * *

Бытие интеллигенции России многие десятилетия протекает вне быта. Вне быта жили и работали Хлебников, Мандельштам, Цветаева, Ахматова, Бахтин, Лосев — несть числа русским гениям. Вся их жизнь, все силы их духа сосредоточивались на глобальных проблемах бытия. Западному интеллектуалу трудно отдать все силы метафизическим вопросам. Он может поехать в Париж, на Багамские острова, да и собственный дом полон заманчивых благ современной цивилизации. Лишь пограничная ситуация — между жизнью и смертью — побуждает западного интеллектуала обратиться к метафизическим проблемам. Не случайно само понятие «пограничная ситуация» появилось в западной философии (у Ясперса). В России же интеллигент всю жизнь проводит в пограничной ситуации, и поэтому ему ничего не остается, кроме как сосредоточиться на высших метафизических проблемах. Для размышлений о фундаментальных проблемах бытие вне быта благотворно — не зря Диоген забирался в бочку.

В мире существует разделение труда. Есть страны, специализирующиеся на выращивании кофе, табака, сахарного тростника, на производстве электроники. Россия может производить и продавать фундаментальные метафизические идеи. Однако мы недостаточно осознаем эту возможность, а мировое сообщество не доросло до острой потребности в этом «товаре». Впрочем, достаток лишил бы Россию питательной почвы метафизики — бытия вне быта.

* * *

Преподаватель Темкин решил уйти от жены. Жена пожаловалась в партком. Темкин объяснил свое намерение неверностью жены. Партком поручил преподавателю Оголтелову изучить обстоятельства дела. Через неделю Темкин, вернувшись с работы домой, застал Оголтелова в постели своей жены и обвинил его в моральном разложении. Оголтелов объяснил парткому, что изучал моральный облик жены Темкина. Ему объявили выговор. Он сказал, что это первый случай в истории партии, когда коммунист получает выговор за самоотверженное выполнение партийного задания.

Глава двадцать восьмая
И РЕВОЛЮЦИЯ…

Луначарский как театральный деятель поддержал постановку пьесы Маяковского «Мистерия-буфф», покровительствовал молодым драматургам А. Глебову, А. Файко, Н. Эрдману, С. Третьякову, Б. Лавреневу, А. Афиногенову, В. Киршону. В книгах «Театр и революция» (1924), «О театре» (1926) и «Театр сегодня» (1927) Луначарский отмечает первые успехи советской сцены в освоении новой социальной тематики.

Драматургия Луначарского не продержалась на сцене дольше, чем он просидел в кресле наркома. Большая эрудиция Луначарского не спасала его драматургию от невысокой художественности и угрюмой тенденциозной назидательности. Однако, несмотря на это, драматургия Луначарского способствовала выходу на сцену современной тематики и проблематики. Драматургия Луначарского обширна — это пьесы «Королевский брадобрей» (написана в январе 1906 года в тюрьме), «Пять фарсов для любителей» (1907), «Вавилонская палочка» (1912), «Фауст и город» (1918), «Оливер Кромвель» (1920), трилогия о Фоме Кампанелле (полностью написаны две части — «Народ», 1920, «Герцог», 1922; из третьей части «Солнце» написан лишь первый акт), «Канцлер и слесарь» (1921), пьесы «Освобожденный Дон Кихот» (1922), «Поджигатели» (1924), «Яд» (1926), «Бархат и лохмотья» (1927, по драме Стуккена), «Медвежья свадьба» (1923, по новелле П. Мериме «Локис»), «Нашествие Наполеона» (1930, совместно с Ал. Дейчем, по В. Газенклеверу). Он написал около двадцати одноактных пьес — «драмолеттов». Действие в пьесах Луначарского часто происходит в историческом прошлом и за рубежом, но он ставит актуальные для современной революционной России, моральные и политические, исторические и философские проблемы.

Некоторые пьесы Луначарского шли не только на советской сцене, но и в зарубежных театрах.

Много споров в художественной среде вызвал девиз Луначарского «Назад к Островскому» (1923), а представители «левого» искусства встретили его в штыки. Однако этот девиз имел положительное значение, так как ориентировал драматургию и театр на реалистические традиции.

Быть может, чтобы отвлечь Луначарского от драматургического творчества и пресечь его не слишком удачные попытки на этом поприще, Горький советовал ему писать

мемуары: «Вы прожили тяжелую, но яркую жизнь, сделали большую работу. Вы долгое время, почти всю жизнь, шли плечо в плечо с Лениным и наиболее крупными, яркими товарищами». Луначарский совету внял и мемуары писал (воспоминания о Ленине, об Октябрьской революции), однако не в том объеме и масштабе, которые предполагал Горький.

Луначарский выступил и как соавтор некоторых киносценариев. Совместно с Гребнером были написаны сценарии к фильмам «Медвежья свадьба» и «Саламандра».

Еще раз подчеркнем, что литературные произведения Луначарского не обладают серьезными художественными достоинствами, однако они способствовали популяризации культуры и распространению историко-научных знаний и значимы для истории литературного процесса.

Луначарский самозабвенно любил театр. Премьера спектакля, юбилей актера или режиссера, открытие новой театральной студии, удачно сыгранная роль — ничто не проходило мимо внимания этого поистине театрального человека. Он активно вмешивался в художественный процесс рецензиями и теоретическими статьями, выступлениями на обсуждениях и принятием соответствующих постановлений Наркомпроса, участием в формировании репертуара…

После спектакля «Заговор Фиеско» Остужев и Луначарский подружились. Остужев взялся за исполнение главной роли в пьесе немецкого драматурга-экспрессиониста Штуккена «Бархат и лохмотья». Луначарский перевел эту пьесу с немецкого языка и внес свои изменения в текст, заострив социальное звучание будущего спектакля. В процессе постановки Луначарский много рассказывает Остужеву о Голландии и дает ему целый список книг о XVII веке.

Премьера спектакля «Бархат и лохмотья» состоялась 25 марта 1927 года и прошла с успехом. Когда публика разошлась, труппа и гости, приглашенные Луначарским, поехали в ресторан отметить премьеру. Демьян Бедный, грузный, в огромной купеческой шубе, ехал в машине Луначарского вместе с актрисой Розенель, Остужевым и известным критиком Конъюнктуровым.

По дороге Розенель особенно восхищалась игрой Остужева.

Остужев благодарил за лестное мнение о его игре и косился на критика Конъюнктурова, мнение которого было особенно важно.

Тем временем Демьян Бедный разговаривал с Луначарским, однако не о спектакле, а о собственном творчестве.

— Знаешь, Анатолий Васильевич, вчера вновь перечитал

«Двенадцать» Блока. Кроме Христа, в основном революционно написано. Какой у меня хороший ученик!

— Ну, Демьян, — возразил Луначарский, — ты хватил! Самомнение у тебя излишнее.

Бедный обиделся и стал доказывать свою правоту:

— Когда эта поэма проскочила за кордон, меня там покрыли за слова «мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем». Только месяца через полтора узнали, что это Блок написал. Он своим тонким чутьем угадал мой стиль.

Угрюмо молчавший до сих пор критик Конъюнктуров оживился и взял под защиту Бедного:

— Вы, Анатолий Васильевич, недооцениваете роль истинного пролетарского поэта. Демьян конечно же оказал влияние на многих поэтов, в том числе и на Блока. «Революционный держите шаг, неугомонный не дремлет враг». Это Демьян Бедный или Александр Блок? А, то-то и оно. Всю нашу поэзию хорошо бы одемьянить.

— Одемьянить хорошо, — ответил Луначарский, — лишь бы не обеднячить.

Розенель и Остужев рассмеялись, а Бедный и Конъюнктуров обиженно замолчали.

За столом в ресторане сразу же воцарилась непринужденная атмосфера, между тостами и шутками шло обсуждение. Театральный критик Марков сказал:

— Остужев не столько герой-любовник, сколько герой-неврастеник.

Критик Конъюнктуров, не слушая критика Маркова, высказал свое мнение:

— Буржуазную пьесу Штуккена Луначарский не столько социально заострил, сколько эстетически утяжелил: упростил стилистику экспрессионизма, но добавил громоздкой бутафории романтической драмы.

Третий критик, Чужак, развил свою оценку спектакля:

— Как ни старался Остужев, как много искренности и темперамента ни вкладывал в образ Адриана, роль ему не удалась. Она лишь придаток монументального режиссерского замысла, в ней отсутствует классовая характеристика персонажа.

Режиссер Владимирский по-своему толковал спектакль:

— «Бархат и лохмотья» не историческая, а современная пьеса. Оденьте персонажей в костюмы наших дней, и вы получите трагедию художника, непонятого средой.

На другом конце стола, где расселась актерская молодежь, царили смех и веселье.

Демьян Бедный ревниво прислушивался к разговорам и никак

не мог завладеть вниманием аудитории. Тогда он написал эпиграмму-экспромт:

С людей сбирая рублики.
Преследует он цель:
Лохмотья дарит публике,
А бархат — Розенель.

Эпиграмма пошла по столу от одного гостя к другому. Раздался смех. Остужев, прочитав эпиграмму, вспыхнул, однако тут же улыбнулся, оценив остроумие. Немедленно Луначарский написал ответ:

Хоть Вы и Бе… и Де… и Же…
Но все же вы не Беранже.

Потом подумал, зачеркнул написанные строки и аккуратно написал другие:

Он быть хотел советским Беранже.
Все знают, что он Бе, все знают, что он Же.

Демьян Бедный мужественно перенес ответный удар.

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

Станиславский как-то сказал: «Плохо. Искусство отошло на второй план, уступив место политике».

* * *

Айседора Дункан предложила Станиславскому, что она, обнаженная, станцует лично для него эротический танец.

— Спасибо. Это очень интересно. Я приглашу мою жену, чтобы она тоже посмотрела.

* * *

Станиславский при поступлении Михаила Чехова в

Московский Художественный театр дал ему задание изобразить окурок. Михаил Чехов поплевал на пальцы и с шипением придавил ими свою макушку, «загасив окурок». Станиславский был в восторге.

* * *

Все театры оперетты были закрыты в 1918 году. Остался только театр у Никитских Ворот в Москве. Чтобы вписаться в советскую действительность, коллектив театра стал обсуждать «актуальную» проблему: следует ли отменить буржуазный обычай дарить артистам цветы.

* * *

Во время Гражданской войны в Ставрополе шла пьеса местного драматурга. В домик станционного смотрителя, где развивалось действие, врывались то белые, то красные. Смотритель поступил весьма находчиво: с обратной стороны портрета Николая наклеил Маркса и, выглядывая в окно, приказывал жене: «Вертай Николку на Карлу Марлу». Или наоборот.

Глава двадцать девятая
СТРАНА ГОЛОДАЕТ, НО УЧИТСЯ

В посмертно изданном сборнике «Критика и критики» (1938) опубликованы теоретико-литературные и историко-литературные статьи Луначарского, написанные о творчестве Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Плеханова, Воровского, Ольминского. На основе этого сборника можно сделать вывод: Луначарский считал, что в профессиональный кодекс критика должны входить, во-первых, бережное и уважительное отношение к художнику как к творческой личности, во-вторых, сочетание в оценке произведения художественно-эстетического и идейно-тематического критериев. Всякое значимое художественное произведение — звено в историческом процессе художественного развития человечества.

В одну из встреч Ленин спросил Луначарского:

— Не слишком ли вы увлекаетесь общекультурными задачами в ущерб просветительским?

Луначарский услышал в этом вопросе упрек в свой адрес и счел его справедливым. Конечно, школьное дело было в руках Надежды Константиновны Крупской, однако все же он, Луначарский, несет высшую ответственность за все проблемы просвещения и обязан уделять им особое внимание. Дело это было само по себе труднейшим. В условиях же Гражданской войны, голода и разрухи, нехватки учительских кадров, школьных помещений и топлива для них, необходимости перестраивать преподавание на новых идейных и методических основаниях — непомерно трудным, почти неподъемным. И Луначарский решил отдавать этому делу много более, чем половину своих сил, времени и энергии. Он лично ходил по инстанциям, «выколачивая» ордера на отопление для школ, лимиты на школьные завтраки, распоряжения отдать под школы те или иные здания и помещения. Он начал решать и совершенно невиданную задачу — полную ликвидацию неграмотности в стране, где не одно уже десятилетие и даже столетие больше половины населения было неграмотным. Для обозначения этого начинания понадобилось новое слово: ликбез — так называлось и место, где происходил процесс обучения, и сам процесс. Ликбезы, которых были тысячи по всей стране, тоже требовали внимания, для них нужны были терпеливые и знающие педагоги.

Сестра известной молодой поэтессы Марины Цветаевой — 27-

летняя Анастасия вначале работала в Феодосии по организации народных читален, а затем, переехав в Москву, устроила у Никитских Ворот школу грамоты. Пожилые и старые женщины собирались вечерами и, цепко держа в неумелых пальцах карандаши, старательно выводили на серой оберточной бумаге первые в их жизни буквы.

По вечерам Анастасия рассказывала Марине о своей работе:

— Что-то фантастичное присуще этому делу. Некоторые мои ученицы годятся мне по возрасту в матери. Если бы я была лучше одета, моя настойчивость в намерении учить их грамоте показалась бы им барством. Большая часть жизни этих женщин прошла без знания азбуки. Буквы кажутся им чем-то непостижимым, и все-таки с величайшим упорством они учатся складывать буквы в слова, слова — в предложения. А Андрея я отдаю в художественную школу. Наталия Сац экзаменовала его. Она спросила: сколько вашему сыну лет? Девять, говорю. Тогда говорит она ему: «Представь себе, что в комнату вбежал тигр!» Не успела она закончить фразу, а Андрей сидел уже наверху высокой распахнутой двери. «Принят!» — радостно сказала Наталия Сац.

Марина задумчиво сказала:

— Ты знаешь, у меня такое ощущение, что в нашей голодной России учатся все — от детей до старух. А у меня важное дело: после писем Макса Волошина о том, что нужно помочь голодающей интеллигенции Крыма, я писала всюду, и вот сегодня меня пригласили в Кремль к Луначарскому. Шла с сердцебиением. Даже голос потеряла от волнения! Однако не пойти нельзя, нельзя упустить возможность помочь крымской интеллигенции! Вхожу, вижу: большая, пустая дворянская зала, стулья, рояль. Секретарь доложил обо мне. Ответ Луначарского: видеться вовсе не нужно, пусть товарищ Цветаева напишет. Сажусь в приемной писать: ни чернил, ни бумаги нет. Пишу моим карандашом на какой-то оберточной бумаге. Пишу кратко, и получается как декрет. Закончила. Хочу вручить юноше секретарю в кацавейке, и вдруг за моей спиной вырастает Луначарский. Невольно оглядываюсь и улыбаюсь раньше, чем осознала, кто это. Удивительное чувство — быть в присутствии такой личности. Глаза Луначарского смотрят ласково, подбадривающе. Он говорит: «Вы о голодающих Крыма? Все сделаю!» — «Вы очень добры». — «Пишите, пишите, все сделаю!» — «Вы ангельски добры!» — «Имена, адреса, в чем нуждаются, ничего не упустите, и будьте спокойны, все будет сделано!»

Со мной попрощался, а секретарю говорит: «Это дело возьму под контроль. Напомните мне. А сейчас приглашайте всех, кто пришел, на совещание по школе. Совещание начнут Надежда

Константиновна и Покровский, я пообедаю, через десять минут вернусь и сам далее поведу заседание».

Смотрю, а в руках у Луначарского пакет с бутербродом — обед!

Не успела я дописать прошение, а Луначарский уже пообедал, вернулся и к самому началу заседания поспел. Пока я дописывала, пока с секретарем говорила — это поэт Рюрик Ивнев, — послушала сквозь приоткрытую дверь, что на совещании обсуждали: проблема помещений и топлива для школ, методики работы учителя, активность школьников в процессе учебы…

А было так. Луначарский, ободряюще кивнув и улыбнувшись Цветаевой, прошел в свой кабинет, где шло совещание. И Марина, отдав Рюрику Ивневу исписанные карандашом три листа оберточной бумаги, не ушла, а от нахлынувшей усталости и отчасти из любопытства стала с интересом прислушиваться к голосам, доносившимся из-за полуприкрытой двери. Рюрик изредка комментировал:

— Это Надежда Константиновна Крупская говорит…

— А, знаю — жена Ленина…

Крупская говорила спокойно и убежденно:

— Мы должны воспитывать достойную смену. Важно у школьников развивать умение коллективно работать, ставить себе ясные, определенные задачи, обсуждать пути их достижения. Главным орудием воспитания молодежи должно стать школьное самоуправление. Общие собрания должны научить ребят вырабатывать коллективное мнение. Дольтон-план, стихийно внедряющийся в нашей школе и дающий учащимся навыки планирования и учета своей работы, должен быть пополнен и скорректирован методами планирования и учета коллективного труда.

Луначарский возразил:

— К выработанным в американских школах в городе Дольтоне методам воспитательной работы следует подходить осторожно. У нас в школах под влиянием этого метода начинает внедряться весьма сомнительный бригадно-лабораторный метод работы. Казалось бы, дух коллективизма, а на деле — один-два человека выучили урок, а зачет знаний всей бригаде идет…

Вновь раздался голос Крупской:

— Согласна. Нам нужен Дольтон-план не в той форме, какая была создана в Америке, необходимо сочетание индивидуального и коллективного начал в школьной работе.

Луначарский:

— Надежда Константиновна, я хотел бы, чтобы мы обсудили

проблему преподавания в школе общеобразовательных и гуманитарных предметов.

— Да, дело не только в малом количестве часов, отданных на общеобразовательные предметы. Дело еще и в том, что, например, в обществоведческой программе отсутствует подход ко всем проблемам с коллективистской точки зрения.

Потом на заседании начался обмен мнениями. Марина вдруг перестала понимать смысл произносимых фраз, так как в них было много аббревиатур и незнакомых слов и выражений: «ГУС», «метод проектов», снова Дольтон-план…

— Что такое ГУС? — спросила Марина у Ивнева.

— Это Государственный ученый совет — Научно-методический центр Наркомпроса РСФСР. Его председатель товарищ Покровский, а товарищ Крупская возглавляет научно-педагогическую секцию ГУСа.

Пока Цветаева переговаривалась с Ивневым, слово опять взял Луначарский:

— Наша школа должна воспитывать молодое поколение в духе глубокого интернационализма, вооружать его всей суммой добытых человечеством знаний. Школа должна работать научно, организованно, коллективно, планомерно, увязывая (теорию с практикой. Это особенно важно. Мы должны формировать нового человека, у которого личная жизнь будет неразрывно связана с общественной, с борьбой за социализм.

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

В 1920-х годах молодой литературовед Ульрих Рихардович Фохт выступил с резкой критикой видного философа Фриче, директора крупного идеологического института. К удивлению Фохта, Фриче пригласил его к себе, любезно принял и предложил почитать за него курс по литературе в одном из вузов. За него — потому что так оплата будет больше. Фохт согласился. Он читал лекции за Фриче и раз в месяц ездил к нему за своими деньгами.

* * *

Авнер Зись рассказывал, что в начале 1930-х годов его, молодого кандидата в члены партии, поставили на партучет на большом металлургическом заводе Донбасса, чтобы он «выварился в рабочем котле» и «избавился от интеллигентской мягкотелости». Там его нагружали партийными заданиями —

рассказать «о текущем моменте», сделать доклад о международном положении, прочитать лекцию о Пушкине или Толстом. Когда парторг цеха впервые обратился к Зисю с заданием, «вываривающийся» в рабочем котле очень испугался, решив, что допустил какой-то проступок. Парторг не менее минуты крыл его крутым матом, а потом как ни в чем не бывало попросил рассказать рабочим об успехах индустриализации в СССР. Когда подобное обращение повторилось, молодой интеллигент осознал, что мат — это стиль речи, это необходимая увертюра к партийному разговору о важных проблемах, это средство налаживания контакта. И больше не пугался.

* * *

В середине 1930-х годов Фохт оказался без работы, книги его не печатались. От переживаний его парализовало, и он попал в больницу. Лечащий врач, узнав о причине его отчаяния, посоветовал ему написать Сталину и даже сам под диктовку написал это письмо. Через несколько дней курьер привез Фохту ответ Сталина, имевший два адреса: Бубнову — наркому просвещения и копию — Фохту. Сталин просил Бубнова предоставить Фохту работу. От радости Фохт быстро поправился и пришел на прием к Бубнову. Тот предложил ему стать его помощником. Некоторое время Фохт работал в этой должности, пока не случился казус. На очередном совещании по вопросам просвещения Бубнов стал публично с матом отчитывать Фохта. Тот ответил наркому в том же стилистическом ключе. Бубнов решил: то, что дозволено Юпитеру, не дозволено быку, и хотел было выгнать строптивца из Наркомпроса на улицу. Однако нарком вспомнил, с каким письмом Фохт к нему пришел. Он отправил его заведовать кафедрой русской литературы в Московский областной педагогический институт. Жизнь Фохта вошла в нормальное русло. Об одном он жалел: что во время посещения наркома забыл на столе у секретарши письмо Сталина.

* * *

Крупская, будучи одним из руководителей Наркомпроса, требовала: сказки и приключения детям читать не давать. По ее странному мнению, в сказках много необычного, волшебного, они уводят детей от реальности.

* * *

Литературовед Валерий Яковлевич Кирпотин делился со мной воспоминаниями. Сталин рассказывал писателям на даче у Горького, что Ленин, чувствуя приближение болезни, взял со Сталина честное слово, что тот в случае паралича даст ему яд. Когда Ленин действительно был парализован, Сталин обратился в политбюро с просьбой освободить его от данного Ленину слова. Специальным решением политбюро освободило Сталина от этого обязательства.

Глава тридцатая
СУДЬБА ШАЛЯПИНА И ЛУНАЧАРСКИЙ

Нарком просвещения приехал в Мариинский театр, прошел в артистическую Шаляпина:

— Федор Иванович, я немного задержу спектакль: скажу вступительное слово.

Шаляпин в гриме Бориса Годунова, не выходя из образа, кивнул. Луначарский прошел на авансцену. В креслах сидели красные командиры. Спектакль предназначался для них. Нарком сказал:

— В сегодняшнем спектакле встречаются с народом три великих художника — Пушкин, Мусоргский и Шаляпин. Опера воссоздает образ Смутного времени — иностранного нашествия, разорения. Сейчас тоже трудная эпоха. Но то были сумерки перед романовской ночью, а сейчас — после нее. Пусть напоминание о Смутном времени вселит в вас веру в светлое будущее.

…Спектакль прошел блестяще. Овации не смолкали. Шаляпин ушел за кулисы, снял царскую порфиру и вновь вышел на сцену.

Луначарский стал прощаться, однако Шаляпин задержал его, обратившись к нему с вопросом:

— Анатолий Васильевич, что это вы с театром намереваетесь делать? И как со мной поступите?

— Как с вами поступим? Будем лелеять и холить, беречь и почитать, слушать и наслаждаться. Вот и вся программа советской власти по отношению к великому артисту Шаляпину.

— Против такой программы не возражаю. Однако как понимать выступление авторитетного работника вашего наркомата? Вот посмотрите, мне актеры специально принесли. Это статья в газете «Известия».

Луначарский взял газету и прочитал в статье П. М. Керженцева кем-то для Шаляпина отчеркнутое красным карандашом место: «Буржуазный театр до такой степени обанкротился, что после прокалки в огне социальной революции от него почти ничего не останется. Театральная политика должна быть проведена путем принуждения. И она приведет к созданию нового театра через стадию разрушения».

Шаляпин продолжал:

— Зачем же, спрашивается, разрушать театр? А вот мне принесли другую статью, летнюю, тоже «Известия», за… сейчас посмотрю… вот… от 17 июля 1918 года… — Шаляпин протянул

Луначарскому другую газету, в которой также красным карандашом, видимо, та же рука отчеркнула заголовок статьи: «Из народа, но не в народ» и строки, в которых предлагалось социализировать и передать в собственность общества… Шаляпина. — Да что же я вещь, что ли? Может, меня крепостным актером сделают? У меня, попросту говоря, знаменитый вопрос Аркашки Несчастливцева возникает: «А не удавиться ли мне?»

Луначарскому было неловко за автора нелепой статьи.

— Федор Иванович, — как можно деликатнее начал он, — мы создаем новое общество, новую культуру. Как все это делать, никто точно не знает. Делаем впервые. Пример брать не с кого. Вот люди и думают, спорят, обсуждают, а порою говорят глупости. Конечно, никто Шаляпина передавать в собственность общества не станет. Это чепуха. Однако и в иной глупости можно найти рациональное зерно. Ведь речь здесь идет о том, что великого артиста должен слушать народ. А у народа еще не всегда хватает общей культуры, нет навыков восприятия классики, нет понимания условности театра и его языка, нет привычки, времени, средств ходить в театр. Как же быть? Я нередко предваряю театральное представление вступительным словом, пытаюсь популярно рассказать о спектакле. Однако этого, видимо, мало. Я вот поговорил с вами об этих глупостях, — Луначарский потряс газетами со статьями, — и пришла идея: распоряжусь-ка я раздавать бесплатно треть билетов на спектакли Мариинского театра с участием артиста Шаляпина. Будем распределять билеты среди рабочих и школьников, студентов и курсантов, командиров и политработников, красноармейцев и матросов. А что? — Луначарский улыбнулся. — Так мы «национализируем» искусство Шаляпина! Его будет слушать народ! И кое-что еще надо будет предпринять…

Вскоре в Мариинском театре шла опера «Севильский цирюльник». Федор Иванович исполнял роль Дона Базилио. Первый выход Шаляпина в этом спектакле на сцену был лишь во втором акте. Несмотря на всемирную славу, огромный сценический опыт и величайшую популярность, для Шаляпина каждая встреча со зрителем была не просто волнующим, а потрясающим всю его душу событием. Поэтому на спектакль он всегда приходил заблаговременно, неторопливо готовился, гримировался, вживался в образ, унимал волнение. И сегодня Шаляпин пришел, как обычно, до начала представления. Едва он появился в своей артистической уборной, как туда вошел директор театра Экскузович и попросил певца срочно выйти на сцену. Когда артист подошел к левой кулисе, то услышал голос Луначарского, читавшего лекцию-комментарий к знаменитой

опере Россини. Шаляпин с интересом вслушивался в развиваемые Луначарским мысли.

Стоя на авансцене, а порой прохаживаясь вдоль рампы, нарком импровизировал вступительное слово, характеризующее предстоящий спектакль, и говорил о проблеме нового зрителя и об отношении к классическому наследству. Нужна ли революции классика? Безусловно, нужна. И в этой связи Луначарский охарактеризовал Бомарше, творчество которого связано с ситуацией кануна французской революции. Наизусть он декламирует монолог Фигаро, а потом анализирует содержание этого монолога и соединяет современность и историю. Вдруг докладчик заметил Шаляпина, прервал свою речь и настоял на том, чтобы артист вышел на сцену. Когда ничего не понимающий Шаляпин вышел на сцену, Луначарский обратился к публике:

— Дорогие товарищи, разрешите мне зачитать декрет Совета комиссаров Союза коммун Северной области.

После аплодисментов Луначарский прочитал:

— «В ознаменование заслуг перед русским искусством высокодаровитому выходцу из народа, артисту государственной оперы в Петрограде Федору Ивановичу Шаляпину даровать звание народного артиста. Звание народного артиста считать впредь высшим отличием для художников всех родов искусства…»

Раздался шквал аплодисментов, и Луначарский поздравил смущенного артиста. Шаляпин сильными и артистически холеными руками обнял наркома, а потом обратился в зал:

— Я много раз в моей артистической жизни получал подарки от разных правителей, но этот подарок — звание народного артиста, — последние два слова Шаляпин произнес с особой интонацией, — мне дороже всех подарков.

И тогда кто-то в зале запел:

Мы по бережку идем,
Песни солнышку поем.

Из партера, с бельэтажа и галерки дружно грянуло:

Ай-да-да ай-да,
Ай-да-да ай-да
Эй, ухнем!

У Луначарского слезы навернулись на глаза, и он присоединил к песне свой не очень умелый голос, скорее

декламировал, чем пел.

И вдруг огромный зал заполнил могучий голос, перекрывший весь хор:

Эй, ухнем! Эй, ухнем!
Еще разик, еще да раз!
Волга-Волга, мать-река,
Широка и глубока.
Ай-да-да ай-да,
Ай-да-да ай-да
Широка и глубока.

У Луначарского по щекам текли слезы, он не вытирал их. «Дубинушка» сотрясала стены Мариинки:

Эй! Эй!
Тяни канат сильней!
Что нам всего милей?
Волга-Волга, мать-река.

И теперь уже голос Шаляпина органично слился с голосом народа, певшего в зале:

Эй, ухнем! Эй, ухнем!
Еще разик, еще да раз!
Эй, ухнем! Эй, ухнем!
Еще разик, еще да раз!
Эй, ухнем! Эй, ухнем!

Пожалуй, на своем долгом веку прославленный Мариинский театр не знал такого могучего хора. И думалось: с таким народом «да не то что баржу на Волге, земной шар можно с места сдвинуть…».

После одной из гастрольных поездок за рубеж Шаляпин не вернулся в Россию. Многократно Наркомпрос настойчиво предлагал певцу приехать хотя бы ненадолго, с тем чтобы выступить перед своим народом и тем самым подтвердить свое высокое звание народного артиста. На приглашения, посылавшиеся ему, Шаляпин отвечал вежливым отказом и объяснял его тем, что импресарио опутали его сложной сетью обязательств. Артист заверял, что когда-нибудь настанет для него свобода от этих обязательств и тогда он приедет. На письмо

полпреда Наркомпроса СССР Шаляпин ответил уклончиво, однако дал понять, что ни на какой разрыв с утвердившейся на его родине властью он идти не хочет.

Эти переговоры тянулись многие годы. Среди партийных работников нарастало негодование против Шаляпина. Луначарского упрекали в том, что он излишне либерально относится к певцу, покинувшему родину, раздавались даже требования лишить Шаляпина звания народного артиста. Наконец решение состоялось.

По поводу сложившейся ситуации Луначарский выступил со статьей в «Красной газете» от 26 августа 1927 года: «Предложение взять обратно дарованное Шаляпину звание возникало в правительственных кругах неоднократно, но каждый раз думали, что, может быть, оно преждевременно и что Шаляпин поймет свой долг и приедет на родину. Приходилось слышать заявления друзей Шаляпина о том, что он действительно слишком связан своими обязательствами „материального характера“ по отношению к разным антрепризам. Но все прекрасно знают, что Шаляпин заработал огромные деньги, составил себе немаленькое состояние, и ссылки такого человека на денежный характер его препятствий к приезду на несколько месяцев в свою страну не только кажутся неубедительными, но носят в себе нечто смешное и отталкивающее. Единственно правильным выходом из создавшегося положения было бы для Шаляпина, несмотря на лишение его звания народного артиста, приехать в Россию и здесь своим огромным талантом искупить слишком дорогую разлуку.

Я глубоко убежден, что при желании Шаляпин мог бы и теперь восстановить нормальные отношения с народом, из которого он вышел и принадлежностью к которому гордится. Во время всяких слухов о некорректных поступках Шаляпина за границей некоторые журналисты начали поговаривать о том, что он и вообще-то не талантлив, и еще многое в этом роде. Это, конечно, смешно, нам не к лицу маскировать чисто политический и вполне оправданный шаг какими-то рассуждениями лисицы о незрелом винограде. Конечно, Шаляпин давно как бы приостановился в своем творчестве. Это постигает часто наших артистов за границей и вообще людей, начинающих эксплуатировать свою славу, а не жить для творчества. Оба эти момента сказались на Шаляпине. Его оперный и концертный репертуар застыл. Но ни в коем случае нельзя отрицать, что Шаляпин сохранил в очень большой мере свои необыкновенные голосовые данные и остается тем же замечательным артистом, каким был. Я глубоко убежден, что если бы Шаляпин принимал

участие в живом расцвете нашего театра, то, вероятно, он от этого много выиграл бы и в то же время способствовал бы оживлению у нас оперного и вокального искусства, которые пока еще (наверное, ненадолго) остаются позади других форм искусства».

Сразу же после выхода статьи с утра в служебном кабинете Анатолия Васильевича раздался телефонный звонок. Звонил Сталин. Он высказал свое неодобрение по поводу либерального, излишне мягкого тона статьи о Шаляпине. Анатолий Васильевич попытался объяснить свою позицию:

— Шаляпин живет вне родины, и у него отнято звание народного артиста. Это столь суровое наказание, что вряд ли нужна дополнительная суровость в наших статьях. Кроме того, под влиянием справедливого сиюминутного возмущения мы не должны наговаривать таких резких слов в адрес великого артиста, которые нам потом ни история, ни наши потомки не простят. Мы не имеем права неосторожной грубостью и резкостью навсегда перекрывать дорогу Шаляпину в Россию. Я уверен: великий певец вернется на родину или живой, или бессмертный. Именно с учетом этой перспективы мы и должны говорить о нем сегодня. Гения нельзя ни предавать анафеме, ни отлучать от народа даже тогда, когда он совершает непростительные ошибки.

— Не зря вас истинные партийцы называют: Васильевич Блаженный. Вы — закоренелый либерал и совершенно не ориентируетесь в текущем моменте.

— Мы служим не только текущему моменту, но и нашему будущему.

Однако последних слов Луначарского собеседник уже не слышал, так как, не попрощавшись, резко повесил трубку.

Жесткая позиция Сталина по отношению к Шаляпину да и к Луначарскому была в духе времени. В массовом сознании кипел гнев против деятелей культуры, эмигрировавших из Советской страны. Маяковский, например, винил даже Горького за его слишком долгое пребывание вне родины, на Капри, и писал, обращаясь к писателю:

Или жить вам,
как живет Шаляпин,
раздушёнными аплодисментами оляпан?
Вернись
теперь
такой артист
назад
на русские рублики —
я первый крикну:

— Обратно катись,
народный артист Республики!..

В подобной обстановке нужно было обладать прозорливостью и мужеством, чтобы занять по отношению к Шаляпину ту позицию, которую занял Луначарский. Ни он, ни Сталин, ни Маяковский не дожили до того времени, когда бессмертный Шаляпин вернулся и его могучий и прекрасный голос зазвучал в каждом доме. Его услышал и еще больше, чем раньше, навеки полюбил народ.

Не Сталин, не Маяковский, а Луначарский оказался прав! Великий Шаляпин вернулся на родину почитаемым, любимым, истинно народным артистом, вернулся бессмертным — миллионными тиражами звукозаписей, сотнями страниц, написанных им и о нем, домом-музеем…

В «либеральном» отношении Луначарского к Шаляпину жило и понимание масштабов его личности, и осознание мирового значения его искусства, и ощущение будущего, которое по достоинству оценит масштаб его артистической личности. Гениальный артист из народа навсегда останется и со своим народом, и в мировой культуре.

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

В 1907 году в десяти километрах от Нижнего Новгорода открылась школа имени Шаляпина, пользовавшаяся покровительством Шаляпина и Горького.

* * *

Абрек встретил в Чечне Шаляпина и хотел его ограбить и убить, но, узнав, что он певец, попросил доказать это и спеть.

Когда Шаляпин спел, абрек заплакал и сказал, что он все равно убьет певца, потому что он видел его слезы. Шаляпин пообещал, что никогда никому не расскажет об этом.

И не рассказал. Эта история стала известна после смерти Шаляпина из его записей.

* * *

Ехал Шаляпин на извозчике. Извозчик спрашивает:

— А что, барин, ты делаешь?

— Да вот пою.

— Петь-то и я пою, когда скучно станет. А я спрашиваю: кем работаешь?

* * *

В ответ на просьбу Шаляпина улучшить снабжение артистов Троцкий сказал: «Я не могу поставить на одну доску солдата, сидящего в окопе, и балерину, порхающую по сцене».

* * *

Шаляпин говорил: «Бесплатно только птички поют».

* * *

Дом Шаляпина часто подвергался обыскам. Искали бриллианты и золото. Однажды конфисковали серебряные ложки и вилки, а также двести бутылок французского вина. Шаляпин пожаловался главе Петрограда Зиновьеву: «Я не против обысков, но нельзя ли обыскивать меня в удобное для меня время: с восьми утра до девятнадцати вечера, например?»

* * *

Зиновьев в присутствии Шаляпина кричал в трубку о каких-то арестованных: «Чего с ними церемониться! Эта сволочь не стоит даже хорошей пули!»

* * *

У Шаляпина спросили:

— Вы же знаменитый артист, неужели вы волнуетесь перед выходом на сцену?

— Не волнуются только дураки и покойники.

* * *

Шаляпин пришел к художнику Коровину:

— Мне сегодня выступать перед конными матросами. Скажи мне, ради бога, что такое конные матросы?

— Не знаю, что такое конные матросы, но уезжать надо!

* * *

Шаляпин говорил: «В этой стране нельзя жить. И без этой страны нельзя жить».

* * *

Бабель очень хотел встретиться со Сталиным и попросил об этом Горького. Тот пригласил его к себе в дом у Никитских Ворот. За столом Бабель оказался со Сталиным и Ягодой. Пили чай. По собственному признанию Бабеля, он очень хотел понравиться:

«Вы же знаете, я хороший рассказчик, а тут я еще очень старался. Вспомнил встречу с Шаляпиным в Италии. Шаляпин после выступления вытирал с огромного, прекрасного и уже постаревшего лица грим. Я у него спросил, не собирается ли он вернуться в Россию. „Большевики отняли у меня дом и автомобиль. Что мне делать в России?“ — ответил он. Сталин слушал молча, а тут начал громко размешивать сахар в стакане. И сказал Сталин:

— Мы, большевики, строим дома, наш автозавод начал выпускать автомобили. А Шаляпин все равно гордость и голос народа.

Я стал стараться еще больше и рассказал о моей поездке в Сибирь, на Енисей. Очень красочно расписал сибирскую ширь реки — Европе и не снились такие просторы и такая несказанная красота…

Ложечка опять заходила по стакану, и Сталин сказал:

— В Сибири реки не в ту сторону текут.

Смущенно покашливая, Горький встал из-за стола и вышел в другую комнату откашляться. А Ягода уставился на меня сорочьими глазами и смотрел не мигая. И я понял, что провалился».

Глава тридцать первая
ЕСТЬ ЛИ БОГ?

Луначарский считал, что религия расширяет рамки существования личности и позволяет ей компенсировать индивидуальную смерть расширением «Я» до великого «Мы». Религия обогащает чувством «сотрудничества в великом строительстве». Историческая «любовь к дальнему» и «любовь к ближнему» важны для принципа «коллективного индивидуализма».

Богостроительство Луначарского было связано с проблемой бессмертия и поисками путей преодоления индивидуальной смерти. Эти поиски находятся в традиции Р. Декарта, Р. Бэкона, философия которых включала в себя идею преодоления смерти. Луначарский писал: «Спасение от смерти — это перенесение центра тяжести с себя самого, со своего психического „Я“ на великое „Мы“, на творческое, борющееся, прогрессивное человечество». Для подтверждения своей концепции Луначарский искал аргументы у Эрнста Маха. У последнего «Я — не что иное, как определенное множество элементов», существующих в определенной комбинации. При индивидуальной смерти разрушается комбинация, сами же элементы (например, опыт) остаются. Бессмертие оказывается возможным, так как индивидуальная смерть высвобождает «элементы Я» из комбинации, однако они продолжают существовать и сохраняют при этом свое содержание. А это содержание освобождается от «несущественных личных воспоминаний». Элементы организуются в новые комбинации «Я» личности. Свершается ее прорыв к «сверхличной жизни». Вклад в обогащение «содержания элементов» способствует преодолению смерти. «Победа над смертью» растет с увеличением коллективного опыта. Луначарский считал целесообразным создавать «социальные мифы» в области пролетарского сознания и утверждал: «Бог, как Всезнание, Всеблаженство, Всемогущество, Всеобъемлющая Вечная жизнь есть действительно все человеческое в высшей потенции».

В научной литературе неоднократно писалось о философских и религиозных взглядах Луначарского. Наиболее точный и глубокий анализ этой проблемы можно найти в труде Л. Столовича по истории русской философии. Результаты этого исследования кратко изложены ниже.

Фейербах считал: основа новой религии — принцип:

«Человек человеку — Бог». Ницше прокламировал: «Человек! Твое дело не искать смысла мира, а дать миру смысл». По Луначарскому, необходима — *атеистическая религия,* или *религиозный атеизм,* необходимо «обожествление высших человеческих потенций». (Атеизм. СПб., 1908. С. 157–159.)

В книге «Религия и социализм» (1908–1911) Луначарский прослеживает процесс развития религии и утверждает необходимость новой религии человечества и труда, связанной с социализмом. В отличие от Ленина, для которого социализм несовместим с религией, Луначарский считает, что социалист религиознее «старорелигиозного человека»; демократия создает свою религию, полную надежд, борьбы и труда как смысла жизни.

Луначарский переиздал свои работы начала века в 1923 году. Он это делает после публикации Лениным в 1920 году второго издания работы «Материализм и эмпириокритицизм». А ведь полемика в этом труде направлена против Богданова и Луначарского! В предисловии к сборнику статей «Против идеализма» (1924) Луначарский прямо заявил: «Я стоял и в значительной мере стою на точке зрения соединения правильно понимаемого марксистского материализма с главнейшими элементами эмпириокритического метода». Лишь к 1928 году Луначарский признал правоту ленинской критики Маха, Авенариуса, А. Богданова, а также и критики его собственной «трактовки марксизма как своеобразной „религиозной“ формы».

Этот эпизод из жизни Луначарского надо рассказывать, вернувшись к осени 1921 года, когда в Поволжье разразился голод. Неурожайное лето докончило катастрофическое дело, начатое более чем трехлетней германской и столь же долгой Гражданской войнами, а затем разрухой. Зимой 1921/22 года голод нарастал. Правительство решило закупить хлеб за границей, и один из важнейших источников необходимого для этой закупки золота был найден в ценностях, находившихся в руках Церкви. Замысел был прагматичен и коварен: под предлогом борьбы с голодом решалось несколько важных задач: 1) ослабление Церкви, мириться с влиянием которой на широкие слои населения большевики не желали; 2) обогащение государства за счет церковных ценностей; 3) использование этих ценностей для борьбы с голодом. Однако патриарх Тихон воспротивился передаче государству церковных ценностей. Они по указанию патриарха прятались священниками и монахами от конфискации. Среди петроградского населения, в том числе и среди некоторой части верующих, такое сокрытие не пользовалось сочувствием.

Настоятель расположенной на Захарьевской улице Петрограда церкви Захария и Елизаветы отец Александр Введенский серьезно обдумал сложившуюся ситуацию. Патриарх Тихон вот уже пять лет находился в жестокой конфронтации с властями, а теперь еще обострились его отношения с целым слоем верующих… Человек неглупый, образованный, сочетавший в своем характере жизнелюбие и честолюбие, отец Александр решился на ослушание. Вопреки наставлению патриарха настоятель церкви Захария и Елизаветы во время вечерней службы в присутствии прихожан велел служкам принести всю серебряную и золотую утварь своего храма. Когда всё было принесено и сложено у иконостаса, отец Александр снял с шеи массивный золотой крест и положил его поверх высокого холмика драгоценностей. Черные цыганские глаза Введенского загорелись восторженным огнем, и хорошо поставленным басистым голосом он прочел проповедь, в которой объявил о том, что все эти драгоценности он жертвует в фонд помощи голодающим. Тихий и таинственный мир духовенства был оглушен громким скандалом.

Патриарх Тихон лишил отца Александра священства. Однако настоятель храма не подчинился высшему церковному иерарху, не сложил с себя сана, а пошел на раскол. Отец Александр организовал свою особую церковь, отделившуюся от православной. Эту новую церковь Введенский назвал Живой и стал в ней митрополитом. В Живой Церкви были произведены кардинальные реформы: введено богослужение на русском языке вместо церковнославянского, отменено безбрачие монашества и всего черного духовенства. Религия открыто сплелась с политикой и в проповедях Введенский провозглашал единство целей христианства и большевизма и призывал верующих поддерживать советскую власть. Проповеди нового митрополита наполнились светскими именами Шопенгауэра, Дарвина, Маркса. А недавно умерший Блок даже был причислен к лику святых, и его увеличенная фотография работы М. С. Наппельбаума была помещена среди икон в иконостасе церкви Захария и Елизаветы.

У Живой Церкви оказалось немало сторонников и последователей. Суховатая, высокая обрусевшая немка, принявшая во время Первой мировой войны православие, и ее дочь Татьяна стали истовыми поклонницами Живой Церкви и особенно поклонницами ее основателя и митрополита. Мать и дочь не пропускали ни одной службы. Татьяна всякий раз во время службы становилась в первый ряд прихожан как можно ближе к алтарю. Нередко она находила повод остаться в храме и после службы, чтобы получить личное благословение или уточнить оставшееся неясным место в проповеди. Тане было

восемнадцать лет, она была недурна собой, в меру скромна, в меру настойчива. На исповеди она призналась, что влюблена в своего духовного наставника. Это ничем иным кончиться не могло: вскоре Таня стала женой Александра Введенского. Благо не пришлось нарушать церковный устав: Введенский в уставе своей Живой Церкви предусмотрительно разрешил и белому, и черному духовенству брачные отношения.

В 1928–1929 годах Луначарский проводит цикл дискуссий на темы: «Христианство и коммунизм», «Есть ли бог?» и другие. В один из дней в Колонном зале Дома союзов — диспут Луначарского и Введенского по проблемам происхождения человека и социальной роли религии. Таня, теперь уже Введенская, и ее мать заняли места в первом ряду наполнявшегося народом зала. Высокая, аскетически сухопарая старуха и молодая женщина с миловидным, чуть-чуть капризным лицом, вызывали недоброжелательное любопытство. Мать и дочь выжидательно оглядывали публику, отыскивая в зале возможных союзников в предстоящем диспуте. Вскоре зал не только наполнился, но и переполнился публикой.

Наконец из боковой двери показался высокий полноватый мужчина с небольшой бородкой, в пенсне. Публика узнала в этом человеке Луначарского. Быстрой, немного суетливой походкой он прошел к длинному столу президиума, стоявшему на сцене. Вслед за Луначарским спокойно и величественно прошествовал рослый и стройный мужчина цыганского обличья с черной окладистой бородой, красиво лежащей на его груди поверх коричневой рясы. Это был митрополит Живой Церкви, профессор богословия Александр Введенский. На его груди висел тяжелый золотой крест на массивной цепи и панагия, миниатюрная икона, украшенная золотом, эмалью и драгоценными камнями.

Введенский намного переживет Луначарского и позже, во время Великой Отечественной войны, отдаст эту панагию в Фонд обороны.

Введенский сел в кресло, вынул золотые часы, посмотрел на время и покачал головой: начало диспута задерживалось уже на восемнадцать минут. Зал был переполнен, сиял красный бархат кресел, ярко горели люстры, и их свет отражался в беломраморных колоннах. Аудитория нервно гудела. Завидев Луначарского и Введенского, все успокоились, раздались хлопки, потом воцарилась тишина — и диспут начался…

Первым выступил Луначарский и развил тезис: религия — опиум для народа. Целой системой исторических примеров и ссылок Анатолий Васильевич показал, как церковь стремится закрепить рабское сознание у народа.

Введенский ответил:

— Ничего оскорбительного для религии в сравнении ее с опиумом я не нахожу. Опиум медики применяют как лекарство, которое помогает людям. Что прикажете делать со смертельно больным человеком? Наука — бессильна. С помощью опиума у больного снимают боль. А с помощью религии утешают и не дают отчаяться. Религия помогает народу.

Раздались аплодисменты.

Луначарский возразил:

— Лекарством лечат лишь больных людей, а вы религией калечите здоровых. Давайте будем больным людям давать лекарство, а здоровых кормить нормальной пищей.

Поединок длился уже около двух с половиной часов. Чувствуя, что спор идет к финалу, Введенский стал подводить итоги своим высказываниям, пуская в ход заранее припасенные, наиболее сильные положения:

— Итак, возможности человеческого познания ограниченны. Господь Бог и религия приходят на помощь человеку там, где наука бессильна и беспомощна и не способна справиться с поставленной задачей. Об этом говорит и тот факт, что люди, защищающие позиции науки, оказавшись в тупике, прибегают к помощи бога, к известному нам богостроительству… Так произошло и с моим уважаемым оппонентом, когда он и его единомышленники растерялись после поражения революции 1905 года. Наука не смогла их спасти… Да поможет Господь Бог моему оппоненту и его единомышленникам найти справедливый путь и выход из всех затруднений и тупиков.

Введенский прочел из старой книги целую страницу, полную богоискательных идей.

— Знаете, кто написал эти слова? — обратился Введенский к залу. Выдержав паузу, он сам ответил на свой вопрос: — Нарком Луначарский. Сегодня он выступает против Бога. А еще совсем недавно он сам был богостроителем. Жаль, что его строительство и искания не увенчались успехом. Он искал плохо и не там, где следует. Луначарский утверждает, что человек произошел от обезьяны. Я же полагаю — от Бога. Нам так и не удалось разрешить наш спор о происхождении человека. Мы не пришли к согласию. Каждый человек знает, кто его родители, а многие ведают и о своих прародителях. Давайте же договоримся о том, что я, профессор богословия Введенский, происхожу от Бога, а мой оппонент — народный комиссар просвещения Луначарский — от обезьяны.

В зале наступила напряженная тишина, которая через несколько секунд сменилась хохотом и аплодисментами.

Финальная реплика обеспечивала некоторую логическую и безусловную эмоциональную победу Введенского. Даже сочувствующая Луначарскому молодежь была покорена остроумной заключительной репликой Введенского. Похоже было, что диспут был проигран Луначарским и все его убедительные доводы сметены удачным пассажем Введенского. Однако еще не умолкли хохот и аплодисменты зала, а Луначарский вышел из-за стола на авансцену и поднял руку, призывая аудиторию к тишине. И тишина быстро воцарилась, потому что всем — и сочувствующим Луначарскому, и даже сторонникам его оппонента — было в высшей степени любопытно узнать, что он ответит. Зал стих, и Луначарский блистательно парировал остроту Введенского:

— Я согласен: Введенский произошел от бога, а я — от обезьяны. Однако посмотрите, какую эволюцию я проделал по отношению к моему предку и какой регресс, какое падение претерпел Введенский по отношению к богу!

Интеллектуальный поединок был закончен. Шло состязание в остроумии и эмоциональном воздействии на аудиторию. Удар оппонента был парирован, и нанесен ответный удачный удар. Зал ревел от восторга. Луначарский, заложив руки за спину, медленно пошел к столу. Победа была полной. Эмоциональный перевес тоже был на стороне Луначарского. Но бойцовский задор не погас еще в нем.

Анатолий Васильевич вдруг остановился, как будто вспомнив что-то, вернулся на авансцену перед трибуной и сказал:

— Здесь гражданин Введенский напомнил о всем известных моих теоретических заблуждениях двадцатилетней давности, получивших наименование богостроительства. В связи с этим я вспомнил один разговор с Владимиром Ильичом Лениным.

В те годы он как-то мне сказал: «Анатолий Васильевич, голубчик, опомнитесь! Что вы делаете? Как вам не совестно писать такую чушь, ведь когда-нибудь за нее какой-нибудь поганый попик схватится. Возьмет да и припомнит вам „богостроительство“».

Зал опять громыхнул дружным смехом и аплодисментами.

Многие интересные подробности этого диспута пересказал мне мой учитель профессор Валентин Фердинандович Асмус, сын которого во второй половине XX века стал священником.

Я спросил Валентина Фердинандовича:

— Кто, по-вашему, победил в этом споре?

— Никто. В таком споре не может быть ни победивших, ни побежденных. Эта дискуссия некорректна. Бог — предмет не логики, а веры. Нельзя ни доказать, ни опровергнуть его

существования. В Бога можно только верить.

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

В Древнем Египте фараон отождествлялся с солнцем. Силы и свет солнца становились атрибутами фараона. В СССР солнце отождествлялось со Сталиным и у него получало силу и свет:

По-другому Солнце
Светит на земле,
Знать, оно у Сталина
Побыло в Кремле.

* * *

Нострадамус считал, что Бог оставил частичку плана построения Вселенной в каждом человеке.

* * *

Когда в 1922 году судили священников, прокурор сказал об одном профессоре-богослове: «Перед трибуналом живой представитель живого трупа — интеллигенции».

* * *

Митрополит Сергий в 1929 году выступил с проповедью: все беды Сталина — наши беды, все наши успехи достигнуты благодаря ему. Сергия поддержали четыре митрополита, остальных арестовали.

* * *

В 1932 году Сталин объявил «безбожную пятилетку», задача которой — ликвидация Церкви, духовенства и веры. Разрушение храма Христа Спасителя и других церквей было вкладом в выполнение этой пятилетки.

* * *

В 1937 году в Ярославле арестовали архиепископа Фаддея. В камере над ним издевались уголовники и в конце концов загнали его под нары. Все это он принимал со смирением. Примерно через неделю пахану, командующему в камере, ночью приснилась Богородица, которая предостерегла: «Будете мучить пастыря, погибнете лютой смертью!» Архиепископа извлекли из-под нар, удобно устроили и попросили у него прощения. В конце 1937 года по приговору тройки его расстреляли.

* * *

Во время войны Патриарх Московский и всея Руси Сергий и митрополит Крутицкий и Коломенский Николай были приглашены к Сталину. Войдя, они начали бить поклоны:

— Слава нашему вождю и учителю…

Сталин остановил их:

— Это не нужно. Я пригласил вас для серьезного разговора. Идет война. Как понимает православная церковь свои задачи?

— Православная церковь денно и нощно молится за победу над супостатом.

— Недостаточно.

— Православная церковь жертвует миллион рублей на победу.

— Государству нужны деньги. Мы принимаем этот вклад. Однако мыслите вы мелко или боитесь говорить откровенно. Меня бояться не надо. Мы с вами люди одной профессии. Я ведь тоже учился в духовной семинарии. Россия крепка верой, и я сам не могу сказать, что бога нет. Кто выступает против христианской церкви, тот враг народа. Какие у вас нужды?

— Нам, товарищ Сталин, ничего не нужно.

— Получается, что я знаю ваши нужды лучше, чем вы. Храмы у вас забрали. Значит, следует их вернуть. Товарищ Поскребышев, подготовьте постановление правительства. Пункт первый: вернуть Синоду церкви. Далее. Помещения у Синода плохие. Второй пункт: передать Синоду все помещения Донского монастыря и особняк на Кропоткинской. Церковь лишена возможности обращаться к народу с печатным словом.

Третий пункт: журнал «Безбожник» как выполняющий антипатриотические функции закрыть. Разрешить Синоду журнал «Московская патриархия». Хочу посоветоваться с товарищем Поскребышевым. Вот церковь проявила щедрость и пожертвовала

государству миллион рублей. Должны мы ответить благодарностью на этот благородный поступок?

— Должны, товарищ Сталин.

— Пункт четвертый: передать Синоду единовременно пятьсот миллионов рублей. Пятый пункт правительственного постановления: создать Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров для удовлетворения церковных нужд. Сформулируем иначе: «Для разрешения вопросов, требующих вмешательства правительства СССР». Председателем совета назначим товарища Карпова.

Патриарх с митрополитом вздрогнули: Карпов возглавлял в НКВД отдел по борьбе с церковной контрреволюцией. Отец Сергий пролепетал:

— У нас с ним сложные отношения…

— Вот именно. Он лучше всех знает ваши нужды, а мы посоветуем ему делать все так, чтобы было вам хорошо.

* * *

Павел Флоренский (1923): «Мы привыкли веровать в культуру вместо Бога».

* * *

Сущность религии есть таинства. Они — не богословское учение и тем более не наука и познание; они — не обряд и тем более не нормированное поведение и мораль; они, наконец, и не мифология, не священная история и тем более не искусство, не художественные символы, не чувство, хотя бы и чистейшее, возвышеннейшее и религиознейшее. Таинства — формы *утверждения личности в вечности.* (См.: *Лосев А.* Диалектика мифа.)

* * *

Теургическая эстетика — направление русской эстетики конца XIX — первой половины XX века. К ней относятся взгляды религиозных мыслителей Н. Бердяева, С. Булгакова, И. Ильина, Н. Лосского, Д. Мережковского, В. Розанова, Вл. Соловьева, П. Флоренского, С. Франка; символистов А. Белого, А. Блока, Вяч. Иванова; авангардистов В. Кандинского, К. Малевича,

В. Хлебникова. Важной чертой этой эстетики стал эсхатологический подход к художественному творчеству — понимание художника как вдохновляемого Богом теурга и творящего по эстетическим законам и искусство, и за его пределами жизнь людей, и все бытие. Основные принципы теургической эстетики: метафизический смысл красоты, всеобъемлющий символизм, духовность, художественность, софийность искусства. Все это повысило статус эстетики и по-новому высветило эстетические проблемы. Теургическая эстетика одухотворяла художественные искания Серебряного века русской культуры и сохраняет актуальность и сегодня. (См.: *Бычков В.* Русская теургическая эстетика. М.: Ладомир, 2007.)

* * *

На исповеди:
— Ты куда бы хотел попасть, сын мой, в ад или рай?
— А какая между ними разница?
— В раю хороший климат, а в аду интересное общество.

Глава тридцать вторая
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ 1920-х ГОДОВ

Советскую литературу Луначарский называл «искусством, обращенным в будущее». Луначарский выступал за реалистическое искусство. Он писал: «Пролетариату в нынешнем его составе свойствен именно реализм. В философии — материализм, в искусстве — реализм. Это связано одно с другим. Пролетариат любит действительность… и в искусстве как идеологии ищет помощника познания действительности и преодоления ее». (Собрание сочинений. 1964. Т. 3. С. 300.) Он ратовал за сохранение и вместе с тем не отвергал и произведений «левого толка», в которых видел задор «революционной молодости».

Нарком поддержал постановку «Мистерии-буфф» Маяковского, ободрил молодых драматургов, искавших новые темы и новые формы, — А. Глебова, Б. Ромашова, А. Файко, Н. Эрдмана, С. Третьякова, Б. Лавренева, А. Афиногенова, В. Киршона. В своих книгах «Театр и революция» (1924), «О театре» (1926) и «Театр сегодня» (1927) Луначарский анализирует творчество советских драматургов.

В конце 1920-х годов театр переживал репертуарный голод. Мейерхольд, не соблюдая театрального политеса, прямо говорил революционным драматургам, что они так называемые революционные и так называемые драматурги. Новых пьес в театре давно не было. И когда Илья Сельвинский в конце 1928 года принес свою пьесу в стихах «Командарм-2», его встретили радостно.

Сельвинский прочел пьесу труппе. Мейерхольд пришел в восторг:

— Это пьеса шекспировской силы! Беспримерный стих… Истинная революционность!.. Я хочу обнять вас, Сельвинский! Какой язык! Это целая эпоха! Я буду ее ставить! Я вас расцелую, Сельвинский!

Мейерхольд сразу стал обдумывать постановку. Размышления прервала поездка во Францию.

Из Парижа в конце 1928 года Мейерхольд написал Луначарскому письмо, в котором восторженно отозвался о «Командарме-2» и уведомил наркома о своем желании поставить эту пьесу в своем театре. По приезде в Москву Мейерхольд получил осторожный ответ Луначарского, который выразил

опасения по поводу сценичности пьесы и предложил готовить спектакль без денежных ассигнований Наркомпроса, обещая в процессе репетиций на основе предварительного просмотра окончательно решить судьбу постановки.

Работа над спектаклем началась. Невысокий коренастый Сельвинский был частым гостем на репетициях, однако восторга не выражал, а однажды высказал Мейерхольду и недовольство:

— Я перестаю узнавать мою пьесу. Вы доупрощали трагедию до того, что конфликт Чуб — Окопный утратил всю свою остроту.

Вокруг пьесы Сельвинского, как это порой бывает в театре, стало сгущаться облако неблагожелательности. Луначарский считал себя обязанным учитывать складывающиеся обстоятельства и в середине репетиционной работы над трагедией настоял на предварительном просмотре и обсуждении спектакля художественным советом театра.

Художественный совет театра Мейерхольда включал представителей заводов и фабрик, служащих учреждений, ряд спецов и некоторых видных партийцев. Входили в художественный совет и представители реперткома Керженцев и Раскольников. Репертуарный комитет выполнял цензурные функции. Были еще приглашены Маяковский, Асеев, Безыменский, Гамарник и ряд работников политуправления Красной армии.

Поскольку спектакль еще не был готов, Мейерхольд организовал просмотр, соединив великолепное чтение текста Сельвинским с исполнением отработанных сцен актерами.

Сельвинский расположился за специальным столиком с правой стороны авансцены в соответствии с режиссерским замыслом Мейерхольда, специально продуманным им для ответственного просмотра.

Раздался «звучащий в бронзе тембр и тон, великолепный баритон», и начался «театр поэта». Сельвинский мощным голосом, выразительно подчеркивая ритм стиха, его музыку, начал читать свою пьесу.

Вскоре включился в действие актер Михаил Кириллов, исполняющий роль Боя:

> Бойцы! Вчера, согласно приказу,
> Я объявил командирам бригад,
> Шобы ни всадника за перекат
> Без приказанья — иначе казнь.

Роль Оконного играл Эраст Гарин, Веры — Зинаида Райх, Чуба — Боголюбов. Сцена перед сражением начиналась песней

часового, которого играл М. Чукул. Музыка песни была написана композитором В. Шебалиным.

На свете жили братики.
Выделывали хром.
Один из них горбатенький,
Другой же просто хром.

Сельвинский внимательно следил за тем, как звучит его текст в устах каждого актера. И испытал страдания почти физические, когда интонация, смысл, ритм текста стали ломаться в исполнении одного из актеров.

— Не так! — громким шепотом прогудел Сельвинский.

Актер сердито прошептал в ответ:

— Эти стихи надо доработать. Их нельзя произнести!

— Как?! — с ужасом возмутился Сельвинский. — Зачем же дорабатывать такие прекрасные стихи?!

Этот обмен репликами прошел почти незамеченным в зрительном зале, его уловило только чуткое ухо Мейерхольда.

В пьесе штабной писарь-интеллигент Оконный сталкивается с политически и культурно неразвитым железным командармом Панкратом Чубом. На основании подделанного им фальшивого приказа Оконный смещает Чуба и сам становится командармом. Под водительством писаря армия героически берет город Белоярск. Однако по высшим стратегическим соображениям город брать не следовало. Оконного расстреливают. Таков сюжет трагедии.

Когда представление пьесы закончилось, объявили короткий перерыв. Члены худсовета, гости и актеры немедленно принялись обсуждать спектакль.

Повсюду слышались реплики, касающиеся Мейерхольда и Сельвинского вообще, пьесы последнего — в частности, спектакля — в особенности:

— Мейерхольд — зачванившийся диктатор сцены.

— Мастер есть мастер.

— Царек театра… убийца театра…

— Блестящая фантазия.

— Пьеса непонятна даже мне, а массам — тем более…

— Какой язык! Какой стих потрясающий!

— Вычурно.

— Я с вами согласен.

— Я с вами совершенно не согласен.

— Ну ничего, худсовет скажет свое веское слово.

— Главный герой — истерик-интеллигент, которому автор

симпатизирует.

— Автор не любит народного героя Чуба и клевещет на него. Он шельмует рабочих, выдвинутых на командные посты.

— Стихи и образы сложны. Монологи длинны и заумны. Пьеса несценична.

— Автор не знает театра.

Луначарский, никого не слушая специально, слышал всех, чутко улавливая настроение собравшихся. Отрицательное мнение большей части членов художественного совета о пьесе и спектакле в значительной степени совпадало с мнением, еще ранее сформировавшимся за пределами театра. Гости, прогуливаясь в фойе, показывали друг другу известных зрителей: вот — Луначарский, вот — Маяковский, это — Безыменский, это — Олеша… Олеша был уже знаменит. Год назад вышла его первая книга — «Зависть», сразу создавшая писателю имя.

Подойдя к Олеше, Луначарский заговорил о его романе:

— Ваша «Зависть» недостаточно четка по постановке вопроса. Трудно сказать, кому из персонажей вы как автор сочувствуете. Вместе с тем роман написан с блеском. Благодаря вам мы все теперь лучше представляем себе, что происходит на линии соприкосновения уходящей в прошлое романтической интеллигенции с зарождающейся новой, рабоче-крестьянской интеллигенцией.

Олеша, защищаясь и стесняясь похвал, ответил:

— «Зависть» для меня — это прошлое.

— Я знаю и другую вашу работу — «Три толстяка». Именно в этой красочности, в которой вас обвиняет критика, в грандиозности веселых приключений можно почувствовать апологетику артистической интеллигенции, которая всем сердцем приемлет революцию. Я думаю, что из этого романа хорошо было бы сделать пьесу. Может быть, для МХАТа?

Пока Луначарский разговаривал с Олешей, Мейерхольд, окруженный членами худсовета, беседовал с Гамарником. Режиссер старался защитить пьесу от нападок худсовета:

— В пьесе Сельвинского изумительная словесная живопись. Меня как режиссера не страшат ни длинные монологи, ни сложность идеи. Не побоюсь парадокса: пьеса сценична своей несценичностью. Это новая сценичность, неведомая театру прошлого, в ней основа грядущего политического театра.

Гамарник отчасти соглашался, отчасти возражал Мейерхольду:

— Оконный в чем-то близок автору, наверное, своей отчаянностью, своим стремлением к самоутверждению. Образ Чуба пользуется симпатией автора, однако некоторые стороны

характера этого героя, особенно диктаторская самоуверенность в непогрешимости его решений, отталкивают от него.

Мейерхольд, пытаясь убедить членов художественного совета, молча слушавших его разговор с Гамарником, стал разворачивать аргументацию в пользу пьесы Сельвинского:

— Пьеса Сельвинского «Командарм-2» выводит наш театр из кризиса и ставит важные проблемы эпохи…

— Опять Гражданская война, — недовольно буркнул один из членов художественного совета, — пора уже и в театре переходить к мирному социалистическому строительству.

Мейерхольд быстро возразил:

— Тема Гражданской войны не устарела. Устарели штампы подачи этого грандиозного материала. Современному театру нужна не очередная вариация на тему «Любовь Яровая», а глубокое художественное проникновение в героическую эпоху.

Многих раздражал мотив исторического времени, прозвучавший у Сельвинского, смущало взаимоотношение будущего и современности в тексте пьесы.

— Что значит «жертвует будущему настоящим»?! — возмущался Керженцев.

Большинству членов художественного совета спектакль не понравился, однако никто не остался равнодушным.

Вскоре ассистент режиссера Хеся Лакшина — жена актера Гарина, исполнителя одной из главных ролей в спектакле, — взволнованно подбежала к Мейерхольду и по секрету сообщила, будто имеются верные сведения, что Луначарский настроен против спектакля.

Мейерхольд тут же разыскал Маяковского и попросил его:

— Володя, будь, пожалуйста, в боевой готовности. Есть сведения, что нас сегодня хотят убивать.

Маяковский спокойно улыбнулся:

— Как говаривал Блок: «И вечный бой — покой нам только снится». От себя добавлю: «Лезут — хорошо, сотрем в порошок!»

— Спасибо, брат! — с грустью молвил Мейерхольд и пошел за кулисы, а поэт отправился в зрительный зал.

Раздался звонок, возвещающий о начале обсуждения спектакля художественным советом.

Мейерхольд занял председательское место за столом на сцене. Между ним и Сельвинским сел Луначарский. Обсуждение началось. Первым попросил слово Луначарский:

— Я никогда в подобных случаях первым не выступаю. Такая уж установилась традиция. А сегодня я решил нарушить ее, чтобы мое выступление стало первым и последним. Пусть присутствующие извинят меня за это намерение, однако я

приложу все усилия, чтобы убедить вас принять мою точку зрения. Трагедия Ильи Сельвинского «Командарм-2» несет глубокое философское содержание. В силу этой и других своих особенностей пьеса, как я и предполагал, не поддается сценическому воплощению. И да простит меня всеми уважаемый Всеволод Эмильевич, но здесь и его режиссерское волшебство окажется бессильным. Пьеса сама по себе превосходна, написана великолепно, не ошибусь, назвав ее большой удачей талантливого поэта Сельвинского.

Многие зааплодировали Сельвинскому, а Луначарский продолжил:

— В этой поэме что ни строчка, то удивительная находка, что ни стих, то всплеск глубочайших философских мыслей. Здесь в полной мере есть и философский смысл, и политическая идея. Однако, к сожалению, пьеса Сельвинского несценична, это лейзендрама — пьеса для чтения.

Мейерхольд с самого начала выступления Луначарского напряженно ожидал удар. При тех похвалах, которые воздавал нарком пьесе Сельвинского, режиссер никак не мог догадаться, с какой стороны последуют нападки на пьесу и спектакль. Теперь, когда Луначарский начал критику, Мейерхольд, казалось, с облегчением распрямился: самое худшее — ожидание удара — было уже позади.

Медведеобразный Сельвинский сидел, наклонив голову, внешне спокойный до бесстрастия, и напряжение проявлялось лишь в той жесткости пальцев, которыми он перебирал янтарные четки.

А Луначарский продолжал:

— Рабоче-крестьянский зритель не сможет понять этот спектакль, не сумеет воспринять многие философские проблемы, поставленные автором, несмотря на все старания Мейерхольда. Наши рабочие и крестьяне сегодня еще не подготовлены к восприятию сложных произведений искусства, и спектакль будет зрителями принят чисто внешне, без глубокого понимания его идеи, потеряется смысл сценического воплощения пьесы. Но, дорогой Всеволод Эмильевич, двухмесячная работа над «Командармом-2» — это не потерянное время. Будем рассматривать это как эксперимент, как учебную работу, не совсем удавшуюся. Впредь мы будем более внимательно относиться к выбору пьес.

Воцарилась тишина.

Луначарский сел рядом с Сельвинским и в ответ на его недоуменные реплики стал пояснять и уточнять свою позицию.

Мейерхольд сидел серый.

Вдруг в тишине послышался решительный бас:

— Всеволод, дай мне слово! — И, не дожидаясь ответа, через весь зал по проходу пошел Маяковский.

Мейерхольд, испытывая некоторую неловкость из-за пожелания Луначарского не открывать прения, смущенно посмотрел на наркома, и тот кивнул головой в знак согласия.

Маяковский же, не дожидаясь разрешения председателя, начал говорить еще на ходу:

— Наш уважаемый Цицерон, наш дорогой нарком просвещения, наш Анатолий Васильевич Луначарский дал замечательный анализ пьесы и верно ее охарактеризовал. Парадоксально звучит сегодня трагедия Сельвинского! Это действительно трагедия, и, к сожалению, не одного Сельвинского. Я хорошо представляю себе его состояние сейчас. Сельвинскому говорят: вы, мол, настолько талантливы и так блестяще написали пьесу, что ее ставить нельзя: ее не поймут наши рабочие и крестьяне. А они, кстати говоря, не уполномочивали нашего уважаемого наркома просвещения говорить такое от их имени. Если принять всерьез сегодняшнее выступление Анатолия Васильевича, то художника ждет полная трагедия: ведь он должен принижать уровень своего творчества до уровня понимания, вернее, до уровня непонимания наших рабочих и крестьян. Поэт должен писать и оглядываться, опасаясь, что, не дай бог, он будет не понят. Я сам все время слышу окрик по отношению к моей поэзии: «массам непонятно». Получается странная картина. Выходит, что не малоподготовленные читатели и зрители должны дотягиваться до понимания, а мы, поэты, видите ли, должны обеднять наши творческие возможности. Мы должны приспосабливать творчество к низкому уровню аудитории, плохо владеющей азами культуры. Это ли не трагедия? Эта трагедия усугубляется тем, что об этом говорит всеми нами глубокоуважаемый, умнейший и образованнейший человек Анатолий Васильевич Луначарский. Так вот, если бы мне в своей творческой деятельности пришлось исходить из таких приспособленческих позиций, то я бы, не задумываясь, забросил свое перо и пошел бы…

Маяковский сделал паузу, давая слушателям возможность предположить наихудший адрес, по которому он отправился бы, и затем закончил:

— …и пошел бы к вам в помощники, дорогой Анатолий Васильевич.

Раздался дружный хохот всего зала. Засмеялся и Луначарский.

— Ценю юмор, сдаюсь! — Он поднял руки вверх. — Однако

сдаюсь только теоретически. Практически же не сдаюсь: финансировать эту постановку не буду!

И тогда Маяковский, поняв, что победа одержана им неполная, продолжил свою речь, обращаясь к стоящему рядом наркому:

— Мы не должны пропагандировать примитивизм в нашем творчестве. Я нисколько не сомневаюсь, дорогой Анатолий Васильевич, что все мы вместе предпримем огромные усилия, чтобы наши рабочие и крестьяне завтра стали больше понимать поэзию, чем понимают ее сегодня. Но как дожить до этого завтра? Может быть, не издавать «Капитал» Маркса до тех пор, пока рабочие и крестьяне не начнут его понимать? А может быть, нужно было отложить революцию до тех пор, пока все рабочие и крестьяне поймут «Капитал»? Прошу меня извинить, уважаемый Анатолий Васильевич, но сегодняшнее ваше распоряжение напомнило мне распоряжение херсонского губернатора: «В городе появился автомобиль, коего лошади пугаются и от коего они шарахаются. Посему приказываю: автомобили в город не пускать, пока лошади к ним не привыкнут и не перестанут пугаться».

Хохот раздался такой, что Юрий Карлович Олеша невольно взглянул на потолок зала, бессознательно опасаясь, что ко всему привыкший театральный потолок рухнет. Луначарский, смеясь громче всех, от души аплодировал Маяковскому. Затем поднял руки и сказал:

— Безоговорочная капитуляция! Однако, Всеволод Эмильевич, имейте в виду, что я вовсе не собираюсь отказываться от главного направления моего сегодняшнего высказывания. Сдаюсь, так сказать, организационно, а не идейно.

Аплодисменты заглушили его слова.

Как хорошо, что нарком умел исходить при решении дел культуры не из самолюбия, не из соображений «чести мундира», не из боязни подорвать свой авторитет, а из существа дела! Как хорошо, что наркома просвещения можно было переубедить, что ему можно было что-то доказать, что в строительстве нашей культуры принимали участие такие масштабные люди, как Маяковский, позволявшие себе вступить в спор и умевшие переубеждать даже наркома просвещения, если он занимал неверную позицию!

Пьеса была принята.

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

Когда невозможно действовать, нужно создавать идеалы.

* * *

Михаил Пришвин говорил в 1932 году: «Освобождение писателей от РАППа похоже на освобождение от крепостного права. И тоже без земли».

* * *

Рассказывал Семен Липкин.

Маяковский читал в Политехническом стихи об Америке. Критик Лежнев сказал: «Такие стихи можно написать, не покидая Москвы. Нет реалий, увиденных поэтом за океаном. Социальные характеристики сомнительны:

Белую работу делает белый,
Черную работу — черный.

Поэт не учитывает расслоение черной Америки. В среде негров бурно образуется средний класс».

Маяковский своей огромной фигурой надвинулся на маленького Лежнева, тронул цепочку от часов, украшавшую его жилетку, и произнес: «Златая цепь на дубе том».

Глава тридцать третья
ГОД ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА В ЖИЗНИ ЛУНАЧАРСКОГО

Литературно-критическое наследство Луначарского многообразно. Он поддерживал все талантливое, что служило революции и строительству нового общества. Он старался держаться на равном расстоянии от всех художественных группировок и утверждал важность многообразия художественного творчества и соревнования разных художественных направлений, школ и стилей в искусстве. Он утверждал возможность существования пролетарской культуры и боролся со скептиками в этом вопросе.

Луначарский старался обнаружить своеобразие индивидуальности художника, определить его место в процессе развития художественной культуры эпохи. Он выявлял актуальность произведения и делал сравнительно-сопоставительный анализ, привлекая произведения литературы, театра, кино, живописи, музыки.

Луначарский читал курс лекций по русской классической литературе в Коммунистическом университете, где обрисовывал портреты русских классиков XIX века, на основе этих лекций он написал и издал книгу «Литературные силуэты» (1923). Луначарский писал о проблемах сатиры и в этой связи рассматривал творчество Салтыкова-Щедрина, Гоголя и Грибоедова.

По Луначарскому, в Маяковском жили «две личности» — «поэт-трибун» и «сентиментальный лирик». По мнению Луначарского, победа лирического начала в личности поэта привела к его гибели. (Собрание сочинений. Т. 2. С. 498.) Статьи Луначарского о Маяковском создавали благожелательную атмосферу вокруг поэта.

Шли годы, а жизненные сложности, беды и неприятности не оставляли Луначарского. Наступил 1929 год, жестокая насильственная коллективизация сотрясала страну. Выбрасывались из изб и сгонялись со дворов тысячи и тысячи крестьянских семейств. Последнее время Луначарского преследовали невзгоды. Сегодня он последний день исполнял обязанности наркома просвещения. Он был смещен с этого поста. Заканчивался какой-то значительный период его жизни, быть может, самый важный и самый продуктивный. Сегодня ему предстояло открыть выставку художников. Это будет его

последняя акция в качестве наркома. Наверное, он, несмотря на внешнее спокойствие, был все-таки в некотором духовном смятении в ожидании нового этапа своей жизни. Свидетельством взволнованности было и то, что Анатолий Васильевич, которому не хватало времени и который нередко опаздывал даже на важные мероприятия, приехал на открытие выставки заблаговременно. Ему предстояло перерезать ленточку, произнести речь и торжественно открыть вернисаж советских художников. Анатолий Васильевич попросил администратора его не сопровождать и решил побродить по залам, посмотреть картины. Он бродил по пустынной галерее, его шаги гулко раздавались в безлюдном пространстве.

В одном из выставочных помещений Луначарский заметил сидящего к нему спиной на скамье перед большим полотном пожилого человека. Через его голову Анатолий Васильевич посмотрел на полотно и увидел изображенный на нем до боли знакомый кабинет: большой письменный стол, на нем — зеленая лампа, два телефона, бумаги; около стола — кресло с плетеной спинкой, за ним — большой книжный шкаф. Даже не читая подпись к картине, можно было узнать этот кабинет. Ленина в кабинете не было. Его уже не было в живых, и знакомый письменный стол выглядел щемяще сиротливо. У Луначарского навернулись слезы на глаза. Он отошел в сторону, достал платок и вытер глаза, а когда обернулся, узнал в человеке, сидящем на скамье, Семашко, который смотрел невидящими глазами на картину. Они молча обменялись рукопожатием. Луначарский присел на скамью рядом с Семашко и сказал:

— Да, такие времена. Уж и пойти-то не к кому посоветоваться, когда трудно. Двадцатые годы кончаются. Что ждет нас в тридцатых?

— Все, что посеяли мы в двадцатых, то и пожнем в тридцатых, — ответил Семашко и после долгой паузы продолжил: — Трудно предположить в ближайшем будущем что-нибудь хорошее… Радости не прибавляется, а нападки и неблагожелательство увеличиваются. Я тут на днях встречался с одним немецким коммунистом, и он ознакомил меня с любопытным письмом, которое к нам с вами, Анатолий Васильевич, прямо относится. Письму этому уже лет пять-шесть. Но я с ним ознакомился только сейчас и снял копию. Думал даже сегодня созвониться и повидаться, да вот видите, встретились.

— Чье же это письмо и что в нем?

— Письмо Сталина, написанное им немецкому корреспонденту.

Семашко вытащил из нагрудного кармана сложенную

вчетверо бумагу. Луначарский стал читать: «Это естественный процесс, партийные „вожди“ старого типа отживают свой век и оттесняются на задний план руководителями нового типа. У нас в России процесс отмирания целого ряда старых руководителей из литераторов и старых „вождей“ тоже имеет место. Он всегда обострялся в период революционных кризисов. Он замедляется в периоды накопления сил. Однако он имел место всегда. Луначарские, Покровские, Рожковы, Гольденберги, Богдановы, Красины и другие — таковы образчики бывших вождей большевиков, отошедших и отходящих сейчас на второстепенные роли. Это необходимый процесс обновления кадров живой и развивающейся партии».

— Так что вы, Анатолий Васильевич, и я, как следует из этого письма, «бывшие» и «должны уйти на второстепенные роли». Не знаю, справедливо ли это, не знаю, действительно ли это закономерно, но сегодня это реальность и с этим вряд ли что-либо можно сделать. Где-то что-то мы пропустили, проглядели, не смогли остановить и направить процесс в правильное русло…

Они посидели несколько минут молча. Потом Луначарский встал, не говоря ни слова, пожал руку Семашко и пошел открывать выставку. В вестибюле уже шумели художники и зрители.

Как только Луначарский появился, художники сразу же образовали вокруг него плотное кольцо. Рядом оказался живописец Дейнека, и нарком заговорил с ним:

— Мне нравится ваш энергичный «Боксер Градополов» и еще больше «Текстиль» и «На стройке новых цехов».

Анатолий Васильевич поискал глазами Тышлера и обратился к нему со словами:

— Нет никакого сомнения, что вы, Александр Григорьевич, обладаете значительным художественным умением и большим зарядом самобытной поэзии. Однако ваша глубокая и несколько метафизическая лирика порой с трудом доходит до зрителя. Ее трудно передать словами и трудно прочувствовать. Вы остаетесь для меня загадкой, хотя и не лишенной интереса. Теперь несколько слов скажу о Кустодиеве, творчество которого мне нравится.

Из кольца художников, обступивших Луначарского, раздались возгласы:

— Он же не наш, не остовец[1].

— Да, извините, — спохватился Луначарский, — Кустодиев из АХРРа[2]. Тогда о Соколове-Скаля, если хотите…

— Он тоже не наш! — воскликнул Дейнека. — Он из группы «Бытие».

— Да, запутался, — простодушно признался Луначарский. — Впрочем, это свидетельствует, что принципиальных расхождений между советскими художниками нет и все они — наши в широком смысле этого слова.

Луначарский медленно двинулся вперед, прорвал кольцо окруживших его остовцев и пошел вдоль стены, останавливаясь у некоторых картин.

О великие кулуары вернисажей, выставок, собраний, конференций, совещаний и обсуждений! Здесь, в кулуарах, решается множество организационных и творческих вопросов. Здесь формируется общественное мнение, определяющее оценку произведений и судьбы художников, здесь творческое общение идет глубже и плодотворнее, чем во время речей, докладов, прений, диспутов, дебатов, газетных перепалок.

Луначарского между тем окружила другая группа художников. Некоторые из них — Е. А. Кицман, В. В. Журавлев, Б. Н. Яковлев, И. И. Бродский, А. М. Герасимов, В. В. Иогансон, Б. М. Кустодиев, К. Ф. Юон — были знакомы Луначарскому, и он узнал их: ахрровцы. Герасимов попросил Анатолия Васильевича сказать что-нибудь о картинах ахрровцев.

Луначарский ответил:

— Приятно, что прошедшая в этом году восьмая выставка АХРР превратилась в народный праздник и стала шагом вперед в нашем культурном строительстве. Художники АХРР показали Мурманск и Крым, Донбасс и Кавказ, Урал и Сибирь с их своеобразными пейзажами и бытовым укладом. Выставка была не только художественной, но и этнографической, и социальной. Хорошо, что в творчестве ахрровцев огромное место занимает тема труда. Зрители увидели работу ремесленников в их мастерских, и будничный героизм рыбаков на северных промыслах, и самоотверженный труд металлургов Донбасса.

Иогансон хотел спросить что-то еще, но Луначарского и участников выставки пригласили включиться в работу совещания. Кулуары кончились. В конце коридора Луначарский наткнулся на человека, столь же высокого, как он сам. Человек этот почтительно поклонился, и Луначарский не сразу узнал в нем Корнея Ивановича Чуковского, а узнав, пожал руку и дружелюбно пошутил:

— В сферу ваших многообразных интересов входит и живопись?

— В некоторой степени входит, — ответил Корней Иванович. — Вот только приехал из Финляндии. Навещал Репина в Пенатах.

— Как он поживает? Здоров ли? Работает?

— Пишет Голгофу Все еще работает. Художественная мысль мощная, а исполнение уже слабеет. Да и в обыденном мышлении… как бы это сказать…

— Что, болен? — забеспокоился Луначарский.

— Нет. Хотя окружен людьми недобросовестными и видит все в нереальном свете. Мне он говорил: «Корней Иванович! Вы меня обманываете! Большевики — жестокие варвары. Я слышал даже пушечные выстрелы в Петербурге. Их звук долетал сюда. Говорят, в Неве плавают тысячи трупов. Это расстрелянные восставшие против советской власти». Я говорю Илье Ефимовичу: эти выстрелы доносились из Сестрорецка во время наводнения. Вас ваши домашние зря запугивают. Не бойтесь. А Илья Ефимович от страха говорит прямо противоположное: «Ведь я, как вам хорошо известно, убежденный коммунист: я обожаю коммуны с самого древнего их названия, что я и заявил публично в своих картинах. Коммунисты — это рыцари добра и правды».

Корней Иванович на всякий случай не признался, что он не советовал Репину возвращаться на родину.

Луначарский сокрушенно покачал головой, попрощался и поспешил на обсуждение.

Собрание вел известный художник и искусствовед Игорь Эммануилович Грабарь. Ему было 55 лет. Несмотря на невысокий рост, он выглядел весьма академично, представительно, и даже чем-то патриаршим веяло от его коренастой и крепкой фигуры очень здорового и энергичного человека.

Грабарь предоставил слово Луначарскому.

— Дорогие товарищи! — начал нарком. — Отрадно отметить рост нашего изобразительного искусства. Особенно значителен прогресс в тематике.

Речь его полилась широко и плавно, охватывая не только обсуждаемую проблему, но и близкие к ней вопросы.

Луначарский точно сформулировал ряд положений современной художественной политики советской власти:

— Государство не имеет права в настоящее время становиться на точку зрения того или иного стиля, той или другой школы и покровительствовать им как единственно приемлемым, официальным и общезначимым. Мы обязаны вплоть до окончательного уяснения стиля новой эпохи поддерживать все формальные устремления современного искусства…

Во время своего выступления Анатолий Васильевич осматривал зал, замечал знакомые лица, успевал обдумать особенности творчества некоторых художников или критиков.

Вот сидит искусствовед Федор Шмит, импозантный мужчина лет пятидесяти, он создал оригинальную концепцию

художественного развития. По его мнению, творческий рост художника повторяет историю искусства. Онтогенез повторяет филогенез. Или, другими словами, художник в своем личном развитии (онтогенезе) движется циклами, художественная культура человечества (филогенез) движется теми же циклами. Всего в движении человека и человечества — пять циклов. Все это Шмит сформулировал в книге «Искусство. Основные проблемы теории и истории».

А вот через ряд от Шмита сидит Федоров-Давыдов, он в своей книге «Марксистская история изобразительных искусств» совершенно не учитывает концепцию Шмита. Помнится, я критиковал эту книгу в печати, подумал Луначарский. В ней Федоров-Давыдов утверждает, что гению заведомо присуща прогрессивность, говорит о патологическом характере художественного творчества. Патологией автор объясняет пророческий дар гения, при этом делает ссылки на Фрейда и психоаналитиков. Это чушь. Неужели я так и написал: чушь? Психоанализ надо оставить в стороне, иначе мы дойдем до того, что и всякую прозорливость политического вождя будем считать патологическим явлением. Несмотря на многочисленные недостатки, помнится, в целом я счел книгу Федорова-Давыдова полезной.

Рядом с Федоровым-Давыдовым сидит Фаворский — отличный график…

Так про себя рассуждал Луначарский, и эта внутренняя работа сознания не мешала ему произносить речь совсем на другую тему:

— Чтобы идти вперед, нужно найти точки соприкосновения со всей прежней культурой, говорил Владимир Ильич. Нельзя построить новую культуру без опоры на классику. Усваивая старую культуру, нужно понять, насколько тот или иной стиль близок к нашим современным чувствам и идеям.

От теоретических вопросов отношения к культурному наследию Луначарский перешел к организационно-практическим проблемам:

— Следует проводить конкурсы, поощряя развитие искусства в нужном направлении. Наше жюри должно отражать равнодействующую общего художественного вкуса, которая соответствует мнению массового зрителя.

Анатолий Васильевич никогда специально не готовил своих выступлений. Он умел мобилизовать в нужную минуту свой жизненный и эстетический опыт, все свои знания и память для яркой импровизации. Начиная говорить, он еще точно не знал, о чем он будет говорить и куда поведет его творческий процесс, ибо

речь была для Анатолия Васильевича актом высокого и вдохновенного творчества. Сейчас по ходу выступления ему в голову пришли некоторые идеи, и он заговорил о проблемах теоретических:

— Мы должны задуматься о судьбе живописи в век кинематографа. Киноглаз обладает колоссальными преимуществами в сравнении с глазом живописца, имея возможность давать вещь в движении. Однако у живописи есть своя сила. Во-первых, живопись как бы воплощает знаменитый гётевский призыв: «Остановись, мгновенье, — ты прекрасно!» Она выбирает наиболее важные моменты, причем может отходить от непосредственно наблюдаемой действительности. Во-вторых, живопись стилизует типы и характерную для них реальную обстановку. В-третьих, передает игру света и тени.

Никакое развитие кинематографа и фотографии не отменит и не заменит живописи. Незаменима ее высокая и все усиливающаяся в нашу эпоху субъективность, все возрастающая роль личности художника. При этом от кинематографа и его художественного языка живопись берет и еще возьмет многое.

Луначарский взглянул на часы и понял, что нужно заканчивать выступление: дело было и в регламенте, и в том, что он уже опаздывал на спектакль в театр Мейерхольда.

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

Философ Леонтьев пророчил, что в России родится Антихрист.

* * *

Сталин жил в Кремле в так называемом «белом коридоре». Его непосредственным соседом был Демьян Бедный, а где-то рядом обитали Каменев и другие вожди (я еще помню «честное пионерское всех вождей»). В конце 1920-х годов Сталин отселил «соседей по коммуналке» в особняки. Демьян Бедный, например, получил весь особняк графа Панина, у которого служил секретарем Фонвизин.

Глава тридцать четвертая
ЧИСТКА

С выставки Луначарский шел вместе с Михаилом Кольцовым. В этом писателе жили журналистская хватка и журналистское любопытство ко всему происходящему вокруг. Сначала они говорили о выставке, а когда тема была исчерпана и наступила небольшая пауза, Луначарский неожиданно для себя разоткровенничался:

— Позволю себе поделиться с вами, может быть, посоветоваться. Одно обстоятельство меня огорчает, тревожит. Я был избран в президиум на Втором Всероссийском съезде Советов ночью 25 октября 1917 года, сразу после взятия Зимнего. С тех пор я неоднократно переизбирался и бессменно был членом президиума ВЦИКа. Сейчас меня не переизбрали. Это меня огорчает…

Кольцов живо откликнулся на эту заботу Анатолия Васильевича и взглянул на дело весьма оптимистично:

— Я полагаю, что это какое-то бюрократическое недоразумение. Вам следует позвонить товарищу Сталину и в тактичной форме указать на эту явную несправедливость.

Луначарский принял совет и решил позвонить Сталину. Что и сделал после долгих размышлений и колебаний вечером того же дня. Сталин молча выслушал Луначарского и, когда тот закончил говорить, долго ничего не отвечал. Затем Сталин медленно, с нажимом, произнес:

— Если вы, товарищ Луначарский, считаете несправедливым, что вас не избрали в президиум ВЦИКа, мы можем это исправить. Однако тогда мы опубликуем с комментарием ваше письмо, в котором вы в связи с борьбой с троцкистской оппозицией пишете о лояльности ЦК. О лояльности! Не о преданности ЦК, не о беззаветной преданности делу партии, а о лояльности!

Луначарский смутился и, извинившись, попросил не придавать серьезного значения его звонку.

Анатолий Васильевич рассказал об этом эпизоде Семашко. Тот огорчился и сказал, что Кольцов дал Анатолию Васильевичу неумный совет. Не следовало никуда звонить, и менее всего — Сталину. Семашко напомнил: «Я же дал вам прочесть письмо Сталина к немецкому товарищу. Там ясно сказано, что мы с вами — люди несовременные, от которых пора избавляться».

…Наталья Александровна уже спала, когда Анатолий Васильевич вернулся. Сегодня была чистка, и на открытом

партсобрании «чистили» Ярославского. Собрание кончилось поздно. Процедура оказалась поучительной для Луначарского: завтра ему предстояло самому пройти чистку.

Анатолий Васильевич пожалел, что не взял ключи и что ему придется будить или домашних, или домработницу. Он позвонил — открыла домработница. По его просьбе она ушла на второй этаж квартиры, где помещалась кухня, и приготовила ему ужин. Анатолий Васильевич быстро проглотил его и прошел к себе в кабинет. К завтрашней чистке, решил он, нужно составить что-то вроде хронологии своей жизни, припомнить основные даты, события, поступки.

Он обмакнул перо в чернильницу и написал: «Автобиография. Я, Анатолий Васильевич Луначарский, родился в Полтаве 11 (23 ст. ст.) ноября 1875 года в семье чиновника. Учился в Первой киевской гимназии Александра Ивановича Антонова и Александры Яковлевны Ростовцевой.

С пятнадцати лет под влиянием нескольких польских товарищей стал усердно изучать марксизм и считал себя марксистом. Был одним из участников и руководителей обширной организации учеников, охватившей все средние учебные заведения Киева. С семнадцати лет начал вести пропагандистскую работу среди рабочих железнодорожных мастерских и ремесленников».

Этот абзац Луначарский прочитал и усомнился, следует ли его оставить, и поставил на полях карандашом знак вопроса. Он стал писать далее: «Гимназию окончил в 1895 году и для продолжения образования отправился в Швейцарию, в Цюрих».

Тут Анатолий Васильевич вспомнил, как приехал в Цюрих. Весна в двадцать лет всегда необыкновенна. А когда он вышел из поезда на Цюрихском вокзале и на него пахнуло теплым и свежим воздухом, настоянным на далеких отсюда альпийских лугах, он весь был переполнен радостью и ожиданием. А ожидать было чего: в нагрудном кармане — рекомендательное письмо к Аксельроду — человеку, знакомому с самим Плехановым. Глядишь, и повезет, и удастся увидеть, и, может быть, даже поговорить с известным теоретиком марксизма и революционного движения.

На философском факультете Цюрихского университета он изучает естествознание и математику, слушает лекции создателя эмпириокритической системы Рихарда Авенариуса. Увлекается им… Да, это увлечение ему дорого стоило потом… Не захотелось вспоминать неприятное, и он вновь вернулся памятью к своим первым дням в Цюрихе. Ему живо представилось, как он впервые посетил Павла Борисовича Аксельрода.

— Павел Борисович, у меня к вам рекомендательное письмо от наших общих друзей.

— Такой милый молодой человек, как вы, не нуждается в рекомендациях, — с этими любезными словами Павел Борисович взял конверт, вскрыл его и внимательно прочитал письмо.

— Так вы хотите познакомиться с Георгием Валентиновичем? Похвально. Вас можно понять. Плеханов — человек выдающийся. Сегодня, я полагаю, он самый образованный марксист в мире. Я благоговею перед ним, перед масштабом его личности и ума.

Наконец знакомство с Плехановым состоялось. Помнится, они сейчас же схватились в философском споре. По молодости лет он тогда не боялся никаких авторитетов. На другой же день он, прислушавшись к совету Плеханова, отправился в библиотеку и выписал Шопенгауэра, Фихте и Шеллинга.

И в ту же пору в Цюрих приехала совсем еще юная Роза Люксембург и он немного даже увлекся ею.

Анатолий Васильевич отогнал воспоминания и вновь начал писать: «В сентябре 1898 года вернулся в Москву.

В ночь на 13 апреля 1899 года по предписанию начальника Московского охранного отделения С. В. Зубатова у меня был произведен обыск, и я был арестован.

Вскоре, а точнее 27 апреля того же года, был освобожден из-под стражи. 24 мая 1899 года вновь арестован и заключен в одиночную камеру Таганской тюрьмы, где изучал историю философии и английский язык. 8 октября освобожден из Таганской тюрьмы. В ожидании приговора переехал в Калугу, где ожидали приговоров многие революционеры».

Он опять погрузился в воспоминания.

Более двух лет после рассмотрения его дела не выносился административный приговор. Неизвестность всегда мучительнее даже худшей определенности. Ожидание в этом случае особенно томительно. Он жил в Калуге под надзором полиции. Здесь же, в Калуге, ожидал приговора и Александр Александрович Богданов (Малиновский). Посещать его было особое удовольствие: он был интересный и образованный собеседник. Споры и обсуждения политических и философских проблем шлифовали ум молодого человека двадцати шести лет от роду. И все же самой существенной причиной сближения с Богдановым была его обаятельная сестра Анна Александровна. В конце 1901 года он заболел, и Анна выхаживала его. Однако под Новый год она с братом покинула Калугу — пришел административный приговор, и Богданов должен был ехать к месту ссылки — в Вологду.

Нет! Как странно! В его памяти все путается… Ведь с Анной он познакомился только в Вологде в 1902 году и в июле, после

трехдневного знакомства, сделал ей предложение. Помнится, были еще сложности с венчанием. Документы у него были отобраны полицией при аресте и отосланы в Вятку. Пришлось тогда давать телеграмму в Вятку губернатору с просьбой выслать документы вологодскому полицмейстеру. Нет, вовсе не документы он просил прислать. Он вдруг вспомнил текст телеграммы: «Прошу удостоверить вологодского полицмейстера телеграммой согласно документам, что холост Анатолий Луначарский».

Перенеся тяжелую болезнь, не дождавшись приговора и предполагая высылку в отдаленные и глухие места, он в начале февраля 1902 года уехал в Вологду, где была большая колония ссыльных революционеров.

В мае 1902 года состоялось решение: он подлежал высылке в Вятскую губернию. Приговор сулил пытку одиночеством. Он пишет письмо министру внутренних дел и шефу жандармов В. К. Плеве, в котором просит оставить его в Вологде по причине болезненного состояния. Этого оказывается достаточно, и вскоре Плеве отвечает разрешением. Сколь либеральна была царская пенитенциарная система по сравнению с нашей советской!

В конце марта 1903 года он был переведен из Вологды в Тотьму… Ему сначала казалось, что он погружается в самую глубь народной жизни, нетронутой цивилизацией, жизни, содержащей свою «народную правду». Кругом стояли глухие леса, говорившие голосами птиц и лесных призраков. Вдоль реки несло легким снегом, и низко над лесом шли мглистые тучи. Над заснеженными крышами домов, тяжело хлопая крыльями, летали вороны и громко кричали. Тотьма. Впрочем, всюду жизнь… В городе оказались учительская семинария, художественное училище, некоторый интеллигентский круг. Шла тихая провинциальная культурная жизнь: устраивались выставки, ставились любительские спектакли, был круг книгочеев. В городе находился богатый монастырь. Город дал ряд знаменитых мореплавателей.

Луначарский снова прервал свои воспоминания и стал читать вопросы в партийной анкете. «С какого времени состоите в ВКП(б)?» На этот вопрос ему трудно было ответить конкретной датой, потому что оформление его членства в партии шло сложными путями, совпадая по времени с процессом становления самой партии. В каком-то смысле он занимался марксистской, революционной и пропагандистской деятельностью еще до создания партии. Подумав, написал ответ: «С основания».

Ночью он спал тревожно. Ему все время казалось, что он проспал. Он открывал глаза и испуганно глядел на часы. Снилось

ему сначала какое-то парижское варьете, где он с Лениным и Надеждой Константиновной слушает выступление шансонье Монтегю, исполняющего рабочие и революционные песни. Потом Ленин и Крупская исчезают, и он оказывается в каком-то московском варьете, где выступает некий маэстро — маг, иллюзионист, гипнотизер, превращающий бумажки в деньги и разбрасывающий их среди ошарашенных зрителей. В голове мелькнула мысль: а ведь это варьете находится в моем ведении, и отвечать за все это безобразие — мне. Он с ужасом просыпается и с облегчением вспоминает, что уже давно не нарком просвещения и что варьете ему не подчиняется. Лишь потом осознает, что никакого варьете и никакого маэстро вообще не существует, это какая-то мифическая история, о которой он слышал от кого-то. Пли кто-то из писателей читал ему отрывок из своего романа, где был описан этот странный эпизод…

Партсобрание назначили на 11 утра в Институте Красной профессуры. Анатолий Васильевич проснулся в начале седьмого, поворочался с боку на бок, затем встал тихо, чтобы не будить жену, оделся и прошел в столовую. Есть не хотелось, но день ожидался трудный, и он решил съесть что-нибудь. В столовой в буфете отыскал хлеб и варенье, прошел в кухню и там позавтракал. Ел сосредоточенно, не в пример обычной своей манере, и на сей раз за едой ничего не читал. Все-таки хозяйство ведется у нас бог знает как плохо, подумал он. Впрочем… как говорят на его родной Полтавщине, бачили очи, що купували… Вольно же ему было во второй раз жениться на красавице актрисе… Он отогнал от себя эти мысли и решил сосредоточиться на главном.

Сегодня на Волхонке в Комакадемии должна состояться чистка. Вчера чистили Емельяна Ярославского, и, нужно сказать, очень жестко. Однако в партии оставили…

Все это, впрочем, сантименты. Сейчас не до воспоминаний и следует подумать над тем, как подготовиться к сегодняшнему партсобранию. Что нужно вспомнить? Что записать? Чистка в наше время — дело серьезное. Он верно решил, что следует записать основные эпизоды биографии, даты жизни и работы, и вчера вечером кое-что сделал в этом отношении. Могут что-нибудь спросить, он может растеряться и не вспомнить…

Он сел за письменный стол и снова стал вспоминать и записывать.

Исписанный лист сложил вчетверо, хотел положить в карман пиджака, но отвлекся мыслью и так и забыл запись основных дат своей жизни на письменном столе…

Луначарский вышел из дома. Было раннее утро. Над

Замоскворечьем вставало солнце. Тверская улица еще немноголюдна. До заседания оставалось около трех часов. На улице думалось легче, чем в кабинете. Вообще-то говоря, сама по себе чистка, видимо, полезна. В ней воплощена идея постоянной критики и самокритики, неуспокоенности на достигнутом, идея вечного обновления и совершенствования партии и ее кадров. И хорошо, что чистка касается всех, даже самых авторитетных членов партии. И хорошо, что это делается на открытом собрании и что каждый партиец, и даже каждый беспартийный, может встать и сказать о недостатках, о просчетах, о зазнайстве или комчванстве, или о либерализме и утрате бдительности…

Все-таки это ненормально, что Ярославский вчера хватал воздух ртом, как рыба, выброшенная на берег… Некоторые карьеристы превращают чистку в проработку, даже в избиение партийных кадров. А если так обстоит дело, то нужна ли чистка? Чистка — это страшные психологические перегрузки для людей, многие годы отдававших себя напряженной, а порою и опасной работе. Но, может быть, таким способом партия предотвращает отрыв ее членов от народа, от жизни, возможность перерождения отдельных ее членов? Однако зачем для этого чистка? Если такая опасность возникает и товарищи по партии это замечают, то человека и его конкретные поступки и нужно обсудить.

Почему обязательно нужна кампания? Не превратится ли это в средство отстранения старых ленинских кадров партии? Ведь только эти кадры и могут обеспечить преемственность традиций в партии. Однако никакие прошлые заслуги не должны давать партийцу право на вседозволенность и всепрощение. Партия должна себя проверять и блюсти в своих рядах своеобразную социальную гигиену. И все же проводят чистку на практике далеко не всегда верно. Ведь не случайно он, Луначарский, прошедший большой и трудный путь революционера, он, соратник Ленина, сегодня так волнуется и ему так не по себе. А ведь он ни в чем не виноват, за ним нет никаких проступков перед партией и перед народом. И все равно неспокойно.

Ему предоставят слово, а потом будут выступать все, кто захочет. Однако несколько выступлений заранее подготовлены. Ему это передали. Роли распределены. Одни будут говорить о его эстетических ошибках, другие — о философских, третьи — о политических, четвертые — о литературоведческих. Неужели всю жизнь он только и делал ошибки?! Неужели ничего доброго и полезного не совершил? Вся жизнь была полна забот, работы, самоотречения, а итог — сплошные ошибки? Верная ленинская идея критики и самокритики, видимо, обрела ныне свое жесткое воплощение. Неслучайно именно грубость отмечает в Сталине

ленинское завещание!

Я Сталина чем-то раздражаю. Я никогда не входил в его окружение, и я слишком много знаю о Ленине и его реальном отношении… Ну вот, я уже перешел на личность Сталина… Из-за того, что меня должны сегодня обсуждать и критиковать, я начинаю критиковать Сталина, как будто он режиссер того спектакля, который сегодня будет сыгран. Нельзя переходить на личности. Нельзя даже в отчаянии разрешать себе обижаться на партию и ее руководителей. Нужна самодисциплина. Нельзя распускаться и превращаться в обывателя, который в переполненном трамвае на замечание пассажира отвечает ему: «Сам дурак». Мы, старые партийцы, должны показать пример уважения к критике и пример самокритики, мы должны новому поколению передать эстафету ленинских принципов внутрипартийного требовательного и товарищеского отношения друг к другу… Так, так, так… Теперь я знаю, что делать…

Он вдруг заметил, что находится на Красной площади. Голубые ели отражались в мраморе мавзолея. Луначарский вдруг отвлекся от печальных мыслей и подумал: как торжественно решил Щусев архитектурную задачу этого траурного сооружения.

Сюда, к своему товарищу и учителю, пришел он в трудный час своей жизни. И если он не может посоветоваться с ним реально, то мысленно он это может сделать… Надо вспомнить, как Ленин относился к нашим ошибкам… как он критиковал меня… что говорил при этом… Это была ленинская чистка…

Это был катарсис — «очищение с помощью подобных аффектов», с помощью критики и сочувствия, беспощадной правды и сострадания он старался вернуть в строй товарища по партии. При малейшей надежде на такую возможность Ленин не отталкивал от себя соратников. И только отчаявшись вернуть человека на правильную дорогу, Ленин решительно рвал с ним… рвал с сожалением, сохраняя порой человеческие симпатии, но отказывая в идейном и политическом доверии. Гуманные чувства позволяли Ленину даже спасать своих политических противников. Как беспощаден он был в своей политической цельности и как гуманен в своей беспощадности. Ведь он, разойдясь с Мартовым, ведя с ним и его мировоззрением непримиримую борьбу, буквально спас его после Октября, дав возможность уехать за границу.

Они хотят меня чистить и даже, вероятно, «вычистить» из партии, очистить от меня партию, а ведь Ленин говорил обо мне: «Луначарский на редкость одаренная натура. Он отличный товарищ и любое партийное поручение выполнит превосходно». Было бы нескромно приводить эти слова. Естественно, я умолчу о

них, но дух, самый дух ленинского отношения к товарищам по партии я должен передать. Тут речь не о моей персоне, а о сути дела, о ленинских принципах нашей партийной жизни… Вот на этом я и должен сосредоточить мое выступление… 1920-е годы заканчиваются очень жестким отношением к партийным кадрам… Как-то все это развернется дальше?.. Вот и нужно напомнить о ленинских принципах — это мой долг. Дело не во мне, не в моей личной судьбе. Дело шире…

Луначарский разволновался, снял пенсне, протер его и вновь надел.

Нужно будет рассказать на собрании, как Ленин умно и тонко указывал на наши ошибки. Его критика была всегда остра и беспощадна. Я расскажу, как он критиковал меня и Богданова за наше богостроительство и махистские ошибки. Ленин сам сел за изучение философских сочинений Маха и Авенариуса, чтобы доказать, что его товарищи по партии ошибаются. Он выявил линию субъективно-идеалистического философствования, идущую от Беркли к Маху, от Маха — к Богданову и ко мне. Он привлек к этой полемике с нами, махистами, сочинения Дидро и других французских материалистов и сделал их своими союзниками. Ленин не жалел времени на убеждение, на борьбу за товарища по партии, а не против него. Поэтому-то я в июле 1917 года вновь смог вернуться в партию…

Солнце ушло в черную тучу, Луначарский вдруг остановился и посмотрел вокруг. Ему стало как-то зябко и неприятно. Он прошел уже от Красной площади к Москве-реке, и здесь, на набережной, ему подумалось, что это сырое и хмурое утро не предвещает ничего хорошего. Он рассердился на себя: сколько раз в жизни он выступал на самых ответственных собраниях, конференциях, съездах партии, сколько докладов и лекций было в его жизни. Он не готовился специально ни к одному своему выступлению. Ведь вся предшествующая жизнь: учеба, творчество, борьба, деятельность — была подготовкой практической и теоретической, жизненной и мыслительной, эмоциональной и интеллектуальной, бесконечной подготовкой к любому самому трудному выступлению и делу.

А здесь какому-то мальчишке, критику Авербаху поручено выступить по поводу его литературоведческих ошибок, и еще трем таким же недорослям — о его философских, эстетических и политических ошибках, и он, Луначарский, струсил. Он почти не спит! Он ходит с рассвета по Москве и готовится к выступлению!.. Или выступать, когда обсуждают твою жизнь, особенно трудно, если она заведомо поставлена под сомнение? Видимо, дело в том, что нет презумпции невиновности. Ты заранее знаешь, что

обвинен и должен оправдываться.

Он не знает, что ему повезет и он всего лишь какую-нибудь пятилетку не доживет до тех времен, когда обвинения будут предъявляться, но не будет предоставляться возможность оправдания.

Да, у него были ошибки… Были, и он заплатил уже за них и тяжкими переживаниями, и выбытием из партии. И он, и Богданов тогда, еще задолго до Октября, в эмиграции были исключены за ошибки. Горький рассказывал, что Ильич говорил тогда ему: «Богданов не вернется в партию, а Луначарский — вернется. Люблю этого человека, в нем есть французский блеск и легкомыслие…» Блеск и легкомыслие… Легкомыслие улетучилось… Боже мой, он, блестящий импровизатор, готовит выступление… Да не просто выступление, а защиту своей жизни, оправдание прожитого и пережитого…

Главное — рассказать, как Ленин относился к товарищам по партии. Как был строг, справедлив, доброжелателен… Главное — вспомнить и рассказать, что Ленин говорил о моих ошибках, как критиковал меня и как помогал встать на ноги, а не топтал…

Домой после собрания он шел удовлетворенный и почти радостный. Он выступил хорошо. Самокритично и верно по тону. Главное, он рассказал о Ленине и его взгляде на целый пласт внутрипартийных проблем, о принципах его отношения к товарищам по партии. Ему удалось сегодня главное. Из четырех ораторов, которые должны были его сегодня растоптать и заклеймить как ошибавшегося интеллигента, которые призваны были перечеркнуть всю его жизнь, на трибуну вышел только один — самый бессовестный и развязный — Авербах. И как он, Луначарский, срезал его репликой! Одной репликой. Авербах по поводу его воспоминаний о ленинских принципах отношения к товарищам по партии стал говорить, что он, Авербах, читал всего Ленина и смеет заверить, что Владимир Ильич не говорил того, о чем нам здесь поведал товарищ Луначарский.

— Это он вам не говорил, а мне лично говорил! — воскликнул Анатолий Васильевич.

Реплика вызвала смех и аплодисменты в зале, и секретарь, ведший партсобрание, строго постучал по графину. После Авербаха никто уже не вышел на трибуну выступать против Луначарского. Это безусловная победа… Однако победа в какой-то странной и бессмысленной гражданской войне со своими! Не отрицаю, в исторических условиях конца 1920-х годов чистка нужна, но она не должна протекать в авербаховских формах!

Может быть, его отставка с поста наркома просвещения открыла череду невзгод? Ведь вряд ли по собственной

инициативе Молотов в 1931 году в отсутствие Луначарского на сессии президиума ВЦИКа при обсуждении кандидатур членов президиума ВЦИКа выступил против избрания Анатолия Васильевича в новый состав этого органа власти, обвинив его в связях с Троцким. Для расследования заявления Молотова была создана специальная комиссия, в которую вошли Киров и Орджоникидзе. Комиссия отвергла обвинения в адрес Луначарского. Однако пока комиссия разбиралась, выборы членов президиума ВЦИКа уже прошли и Луначарский впервые с октября 1917 года не был избран членом президиума.

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

В 1931 году Сталин назначил Ивана Товстуху заместителем директора нового института Маркса — Энгельса — Ленина. Товстуха уничтожал отдельные документы Ленина и собирал компромат на врагов Сталина. Ему было поручено изучить бюллетени XIII съезда на предмет, кто из делегатов голосовал против Сталина.

* * *

Идет чистка партии. Ведет ее революционер и крупный партийный деятель Мануильский. Проходит чистку и директор «Мосфильма».

— Скажите, что писал Энгельс в письме Конраду Шмидту?

— Я воспитанный человек и чужих писем не читаю.

— Запишите выговор.

* * *

В конце 1920-х — начале 1930-х годов чистки не обошли и казацкую станицу Вёшенскую. Процедура была такой: за столом, накрытым кумачом, сидел президиум, а в зале — партийные и беспартийные станичники. Выходил коммунист, клал на стол наган и партбилет и рассказывал о себе, потом отвечал на вопросы. Когда приходил черед Шолохова, дотошные станичники из года в год неизменно спрашивали: «Кто написал „Тихий Дон“?» Шолохов отвечал: «Написал я. А использовать писатель может любые документы и материалы».

* * *

Звездные игры, или О том, как вожди увлекались астрономией.

В три часа ночи в Совете народных комиссаров раздался звонок. Говорил Сталин:

— Товарищ дежурный, у нас тут интересная игра. Товарищ Ворошилов утверждает, что над Кремлем находится Марс, а товарищ Молотов — что Юпитер. Узнайте, кто прав.

Дежурный поднял с постели всех профессоров и академиков, имеющих отношение к звездному небу. Наконец астроном Фесенко, ворча спросонья, сказал:

— Это созвездие Кассиопея.

Обрадованный дежурный позвонил в Кремль:

— Товарищ Сталин, над Кремлем — созвездие Кассиопея!

— При чем тут Кассиопея?! Мы уже играем в другие игры.

Глава тридцать пятая
ОШИБКИ 1920-х ГОДОВ СФОРМИРУЮТ БЕДЫ 1930-х

Многие работы Луначарского посвящены проблеме сатиры как рода литературного оружия. Он писал о Свифте, Гейне и Шоу, о Салтыкове-Щедрине, Гоголе и Грибоедове. Луначарский с интересом встретил советский юмор и сатиру: романы И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев» и «Золотой теленок», комедию «Мандат» Н. Эрдмана. Некоторое время в стране существовала сатира, направленная против существенных недостатков в жизни общества. Однако позже главным объектом сатиры стали управдом, продавщица, кондуктор трамвая — и ни-ни выше.

В газете «Советское искусство» (1931) была начата проработка Луначарского, «у которого неверная, немарксистская и неленинская система взглядов на литературу и искусство». Его еще назначают на ответственные посты, он стал академиком, а в 1931 году — директором Института русской литературы, он участвует в международных конференциях в Женеве и Гааге, однако из месяца в месяц все более и более ощущается, что он — деятель уходящей эпохи и плохо вписывается в социально-политическую ситуацию нового времени.

Когда поздним вечером Луначарский лег спать, уснуть ему долго не удавалось. В его памяти, видимо не случайно, застрял обмен репликами с Семашко:

— Двадцатые годы кончаются. Что ждет нас в тридцатых?

— Все, что посеяли в двадцатых, то и пожнем в тридцатых, — ответил Семашко.

Анатолий Васильевич много думал о том, какие ошибки и негуманные действия были совершены в 1920-е годы в ходе становления и развития советской государственности. И тут он вспомнил свое посещение Короленко в Полтаве в начале июня 1920 года. Писатель как раз об этом и говорил ему: предупреждал, что он и его товарищи сеют недобрые зерна, которые через годы дадут недобрые всходы. Об этом же писал ему Владимир Галактионович в письмах, на которые он, Луначарский, не ответил, и не только не ответил, но и не опубликовал ни при жизни писателя, ни после его смерти… Конечно, письма были излишне острыми. Однако содержали проблемы, обсуждение которых могло бы повлиять на движение всей жизни в стране, на политический климат. И Луначарскому с его почти

фотографической памятью вспомнились строки из письма Короленко:

«Свободной печати у нас нет, свободы голосования — также. Свободная печать, по-вашему, только буржуазный предрассудок. Между тем отсутствие свободной печати делает вас глухими и слепыми на явления жизни. В ваших официозах царствует внутреннее благополучие в то время, когда сельская Украина кипит ненавистью и гневом и чрезвычайки уже подумывают о расстреле деревенских заложников. В городах начался голод, идет грозная зима, а вы заботитесь только о фальсификации мнения пролетариата. Чуть где-нибудь начинает проявляться самостоятельная мысль в среде рабочих, не вполне согласная с направлением вашей политики, коммунисты тотчас же принимают свои меры. Данное правление профессионального союза получает наименование белого или желтого, члены его арестуются, само правление распускается, а затем является торжествующая статья в вашем официозе: „Дорогу красному печатнику“ или иной красной группе рабочих, которые до тех пор были в меньшинстве. Из суммы таких явлений и слагается то, что вы зовете „диктатурой пролетариата“».

Примерно через десятилетие после критических заявлений и пророчеств Короленко прошла жестокая коллективизация с высылкой сотен тысяч зажиточных крестьян, объявленных классовыми врагами. Беднейшая часть крестьян была натравлена на зажиточную. А продовольственная ситуация в стране не решилась. Надвигались голодные годы. И Луначарский вновь вспомнил слова из письма Короленко:

«…народ, который еще не научился владеть аппаратом голосования, который не умеет формулировать преобладающее в нем мнение, который приступает к устройству социальной справедливости через индивидуальные грабежи (ваше: „грабь награбленное“), который начинает царство справедливости допущением массы бессудных расстрелов, длящихся уже годы, такой народ еще далек от того, чтобы стать во главе стремлений человечества. Ему нужно еще учиться самому, а не учить других».

Все это промелькнуло в сознании Анатолия Васильевича, однако уже привычное, выработанное годами двоемыслие вернуло его в привычное русло, проложенное пропагандой, которую он и сам строил и распространял в своих выступлениях. Советская пропагандистская машина, в управлении которой он и сам участвовал, основывалась на ряде идей: без раскулачивания невозможна коллективизация, без коллективизации невозможна индустриализация, а без индустриализации страна не сможет противостоять капиталистическому окружению и не выстоит в

грядущей войне, которой не миновать. В цепи этих рассуждений были и абсолютно верные, и ошибочные звенья. Он не всегда различал их…

Анатолий Васильевич, привыкший к партийной дисциплине и приученный ставить общественное выше личного, отчитал сам себя: «Неужели во мне говорят какие-то личные обиды, или просто я взволнован тем, что покидаю уже привычный пост наркома просвещения? Ведь партии и тому делу, ради которого я жил и боролся, можно и нужно служить до последнего вздоха и на любом участке нашей борьбы». Внутренний монолог его слишком напоминал пафосную газетную статью, однако ему казалось, что в этих словах была правда осознанной им реальности и правда его самосознания. Он успокоился, хотя и остался грустен.

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

В России характер правителя есть и характер правления, и характер устройства государства.

* * *

В лирическом стихотворении «Луна» юный Сосо писал:

И знай, кто пал золой на землю,
Кто был так долго угнетен,
Тот станет выше гор великих,
Надеждой яркой окрылен.

Честолюбивая идея стать выше гор пройдет через всю жизнь Сталина. Во второй половине 1920-х годов он предложит Бухарину разделить с ним власть и возвыситься над всеми, как Гималаи.

* * *

В художественной среде встречаются талантливые и, быть может, самые благородные люди. Одновременно художественная среда самая гнусная, так как две трети ее — бездарные, неудачливые, претенциозные и обиженные судьбой графоманы. Несостоявшиеся художники и поэты ужасны: они претендовали на

общечеловеческое внимание к их голосу, а на их писк не оглянулся даже сосед. Жажда славы гложет изнутри и разрушает. Сальеризм и смертельная ненависть ко всему, что выше посредственности, — удел этих авторов и суть их мировоззрения. Из неудавшихся художников рождаются диктаторы.

Муссолини был несостоявшимся поэтом и актером.

Гитлер — несостоявшимся живописцем.

Сталин и Мао Цзэдун начинали свою жизнь с попыток стихотворчества, и только абсолютная власть, к которой они прорвались, сделала их стихи предметом интереса сначала льстецов, а потом и современников.

* * *

Фельетонист «Правды» Г. Рыклин рассказывал:

«В начале 30-х годов состоялась встреча журналистов со Сталиным и другими руководителями партии и правительства. В конце ее мы сфотографировались. На фото я стоял рядом с вождем. Шли годы, и шли аресты. Хранить фотографии врагов народа было опасно. И я начал резать: вожди и журналисты постепенно исчезали с фото. В конце концов остались только я и Сталин. После XX съезда я отрезал Сталина и остался один».

* * *

Академик Шалва Нуцубидзе был человеком большой культуры. В начале 1930-х годов его упрекали в том, что он не освоил философские труды Сталина и все еще не перешел на платформу марксизма. Нуцубидзе отвечал: «Даже на вокзале только человек без багажа может легко и быстро перейти с одной платформы на другую. У меня же есть научный багаж».

Глава тридцать шестая
ОПАСНОСТЬ НАЦИЗМА

Если не жертвовать здравым смыслом, ничего нельзя познать в алогичной истории мира. Кто не понимает прошлого, тот обречен на его повторение.

В начале 1930-х годов Луначарским был написан ряд статей, направленных против германского фашизма, — «Бесы», «Господин Блюм взволнован». Перед этим он выступает в подготовительном комитете будущей конференции по разоружению с предложениями, направленными на предотвращение новой мировой войны. Он участвует в написании введения к конвенции о разоружении и вносит важную поправку к статье первой главы первой конвенции, предлагая вставить в нее постановление об ограничении и сокращении обученных резервов. Луначарский указывает, что советская делегация настаивает на чрезвычайной серьезности этого вопроса. Аргументируя свое предложение, он подчеркивает, что отсутствие в конвенции указаний на меры по сокращению обученных резервов лишает конвенцию всякого значения. «Советская делегация считает важным, — подчеркивал Луначарский, — не столько формальное сокращение численности людей под ружьем, сколько действительные меры, способные затруднить подготовку к войне и сократить размеры разрушительных сил, которые могут быть брошены на поля сражений. Иначе говоря, советская делегация полагает, что наибольшую важность представляет общая сумма вооруженных сил каждого государства, которые оно сможет бросить в войну. В случае окончательного отказа от каких-либо мер к сокращению обученных резервов конвенция о разоружении приобретет еще более пустой характер, что и предопределит отношение к ней советской делегации».

Борьба Луначарского против войны и против фашизма была чрезвычайно важна для «текущего момента», для складывавшейся исторической ситуации. Мысли, высказывавшиеся им по этим проблемам, надолго сохранили свое значение и оказались актуальными и через десять лет после смерти Луначарского, и через сорок лет, и сегодня. В антифашистской книге «Второстепенный враг» А. Дюков пишет о Втором Великом съезде ОУН, состоявшемся в оккупированном фашистами Кракове. Участники съезда так самоосознавали себя и свои задачи: «Организация Украинских Националистов борется с жидами как с опорой московско-большевистского режима, объясняя

одновременно народным массам, что Москва — это главный враг». Поляки и сочувствующие советской власти украинцы уничтожались боевиками ОУН и УПА наряду с евреями, массовое уничтожение «чужинцев» и «предателей» — одна из главных характеристик крайнего и радикального национализма. Его сторонники раздают нелестные характеристики деятелям истории и культуры: «культурный идиот» Луначарский, просто «идиот» — Альенде, «кретин Мао Цзэдун», «несчастный кретин» Эйзенштейн, «урод» Сукарно — президент Индонезии.

Илья Смирнов убедительно утверждает некорректность отождествления сталинизма и гитлеризма: «Преступления Сталина проистекают из глубокого извращения идей, которые являлись разумными и справедливыми. В нацизме же с самого начала портить и извращать было нечего. В нем не содержалось ничего такого, чем культурный человек середины XX столетия мог искренне обмануться. Но в России 90-х годов коммунизм оказался не просто равноценен нацизму. Официальные идеологи пришли к выводу, что коммунизм хуже. Крайняя демонизация советской эпохи была необходима им для самооправдания». Выполнялась стратегическая идеологическая задача оправдания развала СССР и замены во многих случаях приватизации «прихватизацией» общественной собственности.

Луначарский поехал в Берлин лечить глаза, но лечение не помогло.

В Берлине Луначарский постарался посмотреть спектакли, встретиться с интересовавшими его людьми. Его жизнь всегда была богата ярким и интересным общением. Он встречался почти со всеми выдающимися людьми, историческими деятелями, великими учеными и художниками первой трети XX века.

Нынче Луначарскому предстояла встреча с великим физиком Эйнштейном. Берлин. Габерландштрассе. Красивая дама с густыми седыми волосами пригласила Луначарского пройти в маленькую комнату, заставленную тяжелой мебелью. Эта была фрау Эльза Эйнштейн — женщина, которая каждую минуту жизни отдавала своему знаменитому мужу и которая постоянно была обеспокоена защитой его от житейских неурядиц, бытовых забот и всего, что способно отвлекать от любимого дела. Фрау Эльза, видимо, относясь к мужу как к взрослому ребенку, сделала ему замечание:

— Альберт, ты же сам назначил встречу на пять часов и не должен был начинать работу.

— Да, да, извини. Извините, господин Луначарский. Рассеян…

Навстречу Луначарскому поднялся высокий человек с бледным лицом, изборожденным морщинками. Одет он был в поношенную кожаную куртку, из-под которой виднелся серый свитер из английской шерсти.

Европейская пресса включила Луначарского в число ста наиболее знаменитых европейцев. Однако живущий совершенно несветской и несуетной жизнью ученый вряд ли знал треть этих знаменитостей, но с Луначарским был знаком еще с 1926 года.

— Приветствую вас в моем доме. На каком языке вы предпочитаете общаться? — спросил Эйнштейн по-немецки.

— Добрый день. Я полагаю, что нам удобнее всего будет говорить по-немецки.

Эйнштейн пригласил Луначарского в кабинет и усадил в глубокое мягкое кресло, сам же извинился и попросил разрешения ходить по кабинету Он объяснил, что так для него привычнее и удобнее разговаривать.

— Я уже встречался здесь, в Берлине, с одним русским министром — это был господин Чичерин. Он мне много рассказывал о вашей революции и социализме. Вы второй русский министр, с которым я знакомлюсь. Говорят, вы, русские, очень много работаете. Сколько часов в день вы, например, отдаете делам?

— Все время, кроме, в среднем, пяти часов сна и в общей сложности часа, уходящего на умывание, одевание, завтрак, обед, ужин…

— Восемнадцать часов! Это много! Я не могу так долго работать. Больше трех-четырех часов в день у меня не получается. Я не трудолюбивый человек.

— А сколько времени у вас уходит непосредственно на то, чтобы писать?

Эйнштейн отшутился:

— О, сколько-нибудь значительные мысли приходят ко мне так редко, что я их запоминаю. Я почти не пишу. Разве что письма…

Луначарский улыбнулся:

— Ваши научные успехи удивительны и имеют огромный международный резонанс. У нас в стране вас высоко ценят.

— О да, у моих научных работ огромный резонанс. Я часто получаю письма от женщин из разных стран с сообщением, что они своего сына назвали Альбертом, а один сигаретный фабрикант как-то сообщил мне, что он назвал новый сорт сигарет «Относительность».

— Господин Эйнштейн, а каковы ваши представления о современной ситуации в Германии?

— Мне трудно сказать, я не политик. Здесь, в Берлине, сейчас растут националистические и реваншистские настроения. Недавно меня попросил о рекомендательном письме в прусское министерство просвещения физик Инфельд. Я вынужден был ему отказать. Вернее, я попросил Планка, чтобы он написал эту рекомендацию, ибо так будет действеннее. Его рекомендация значит много больше, чем моя.

— Почему? — с недоумением спросил Луначарский.

Эйнштейн смутился, но заставил себя ответить:

— Потому что они националисты и антисемиты.

— Однако это даже с патриотической точки зрения невероятно. Ваши работы делают честь немецкой науке. Кроме того, они и с практической точки зрения могут быть полезны.

Тихо, с неловкой усмешкой Эйнштейн ответил:

— Они могут быть полезны и для промышленности… и, к сожалению, для военного дела…

— В нашей стране антисемитизма нет и не может быть.

— Жаль, что вы говорите со мною… не вполне искренне…

— Я говорю совершенно искренне! Марксизм, коммунистическое мировоззрение, вся наша идеология проникнуты духом интернационализма. Мы — интернационалисты по самой своей сути.

— Я вижу, что вы искренны. Однако это нереально: антисемитизм — тень еврейского народа!.. А здесь, в Берлине, национализм становится невыносимым… Возможно, мне придется покинуть Германию…

— Наша революция не только устранила антисемитизм, более того — решила национальную проблему в нашей стране. Установив национальное равноправие, она дала выход к культуре, к знаниям всем народам нашей страны.

Эйнштейн ответил:

— Когда летом двадцать первого года мне вручили Нобелевскую премию, произошел политический казус. Швейцарский посол претендовал представлять меня как гражданина Швейцарии, а немецкий — как члена Прусской академии наук. Еще в 1919 году «Таймс» писала: «Фотонаблюдения Эддингтона подтвердили отклонение луча света, проходящего около Солнца. Тем самым была подтверждена верность теории относительности Эйнштейна». В связи с этим «Таймс» шутила: «Сейчас в Германии автора теории относительности именуют немецким ученым, а в Англии — швейцарским евреем. Если бы теория не подтвердилась, наименования были бы обратные…»

Да, национальные проблемы сегодня обостряются в мире,

особенно в Германии. Набирает силу национал-социализм.

— Расскажу вам, господин Эйнштейн, случай, косвенно касающийся вас. Некая русская женщина, вдова американца Диксона, после нашей революции проживала в Париже. Она была не вполне нормальна и вообразила, что у нее ребенок от провокатора царской охранки Азефа, якобы скрывающегося под именем Эйнштейна…

— Да, — сказала фрау Эльза, — в двадцать пятом году эта дама появилась в Берлине и пришла к нам в дом, требуя встречи с Азефом-Эйнштейном. Эта Диксон задумала убить Эйнштейна отравленной булавкой. Была вызвана полиция, и дама оказалась в тюрьме. Там ее посетил Эйнштейн, и она удостоверилась, что он не имеет ничего общего с Азефом. Эйнштейн помог ее освобождению и отъезду…

— История забавная, если не сказать — опасная… Скажите, профессор, фантастичны или реальны идеи атомной энергии?

— Проблема эта имеет высшую степень сложности. При некоторых ядерных реакциях высвобождается энергия. Однако это высвобождение мы можем вызвать только бомбардировкой ядра заряженными частицами. Большая часть заряженных частиц, проходя сквозь вещество, замедляется, не успев достичь ядра. Поэтому затрата энергии на бомбардировку ядра пока что намного превышает количество энергии, выделяемой при ядерной реакции. Можно предположить существование нейтральных частиц, которые смогут проникать в вещество, не теряя энергии. Однако, даже если и они будут открыты, останется еще очень много трудностей — теоретических, технологических и моральных…

— Я почти понял научно-техническую сторону дела, столь просто и доступно изложенную вами. Однако не совсем понимаю ваше замечание о моральном аспекте этой научной проблемы.

— Меня беспокоит вопрос, насколько человечество морально готово к возникновению новых могучих источников энергии, которая может быть применена и в разрушительных целях…

Луначарский стал прощаться. Эйнштейн крепко пожал на прощание руку русского министра и сказал, как бы подводя итог встречи:

— Германия охвачена националистическим угаром. Такое уже бывало в истории человечества. Однако способность людей извлекать уроки из истории поразительно мала.

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

Эйнштейн прослушал в исполнении бельгийской королевы Елизаветы скрипичный концерт и высказал недоумение:

— Ваше величество, вы играли настолько хорошо, что я осмелюсь задать вам деликатный вопрос: для чего вам профессия королевы?

* * *

Жену Эйнштейна спросили:

— Понимаете ли вы теорию относительности?

— Нет, но зато ее автора я хорошо понимаю.

* * *

Жена Эйнштейна говорила: «Мой муж гений. Он умеет делать все, кроме денег».

* * *

Эйнштейн сказал Чаплину:

— Я восхищаюсь вами! Ваш фильм «Золотая лихорадка» понятен всем в мире, и вы стали великим человеком.

Чаплин ответил:

— Я восхищаюсь вами еще больше. Вашу теорию относительности никто в мире не понимает, и все-таки вы стали великим человеком.

* * *

Однажды композитора Ганса Эйслера попросили аккомпанировать игре Эйнштейна на скрипке. Эйслер несколько раз начинал аккомпанемент, но Эйнштейн никак не мог попасть в такт и вступить со своей партией. Эйслер закрыл рояль и сказал:

— Как весь мир может называть великим человека, который не умеет считать до трех?

* * *

Сидевшие на скамье подсудимых на Нюрнбергском процессе руководители Третьего рейха делали вид, что об уничтожении

людей в концлагерях они узнали только на заседании трибунала. «Я ничего не знал об этом… Разумеется, в то время ходили слухи, но я им никогда не верил… Как они могли творить такое за моей спиной?» (Из речи подсудимого рейхсмаршала Геринга.)

* * *

Было это в 1980-х годах. В ресторане ЦДЛ обедал литературовед Сергей Аверинцев. За его столик сели несколько писателей — больших патриотов. Они стали пить водку и пиво, произнося тосты против засилия «жидов», «армяшек», «чучмеков» и «банабаков». «Большие патриоты» пытались угостить пивом Аверинцева. Он вежливо отказывался. Потом они собрались ехать в гости к своему негласному лидеру пить пиво и позвали с собой Аверинцева. Тот ответил:

— Однажды в Мюнхене большие патриоты уже собирались пить пиво, и я знаю, что из этого получилось…

* * *

На всесоюзном семинаре молодых критиков присутствовало много почвенников — больших патриотов. По окончании семинара был устроен банкет. Члены национальных делегаций из Северного Кавказа, Татарстана, Башкирии, Мордовии чувствовали себя оскорбленными иерархией наций, выстраиваемой «большими патриотами», и собирались уйти. Тогда я предложил тост:

— Выпьем за великую Россию, как ее понимали классики русской литературы: за ее всечеловеческую сущность, за страну, которая слышит не только стук своего сердца, но и полифонию мира, и которой «внятно все: и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений». Я пью за ту Россию, которая не разделяет, а соединяет народы и в которой ни один народ не сирота. За страну, которая в 1945 году победила фашизм и которая победит любой национал-социализм.

Наступила пауза. Почвенники нахмурились. Подрастерялся и руководитель семинара, сидевший во главе стола. Однако вскоре он собрался с духом и сказал:

— Выпьем за Россию.

И все выпили.

Глава тридцать седьмая
НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Луначарский стал организатором советской системы просвещения и образования. Им был начат длинный путь, в результате которого в СССР была создана одна из лучших в мире, если не самая лучшая, система всеобщего среднего образования, охватывающая все географические регионы страны и все социальные слои населения. Одновременно была создана одна из лучших в мире систем высшего образования, охватывающая все основные специальности. Луначарский стремился преодолеть отчуждение народа от отечественной и мировой культуры. Он и возглавляемый им Наркомпрос создавали систему образования, соответствующую достижениям современной науки, литературы и искусства. Это было уникальным делом, трудным и сложным, не имеющим примеров в истории.

В первые же дни после победы Октября Луначарский написал обращение к гражданам России «О народном просвещении», в котором ставилась задача: «Добиться в кратчайший срок всеобщей грамотности путем организации сети школ, отвечающих требованиям современной педагогики, и введения всеобщего обязательного и бесплатного обучения, а вместе с тем устройства ряда таких учительских институтов и семинарий, которые как можно скорее дали бы могучую армию народных педагогов, потребную для всеобщего обучения необъятной России». И далее отмечалось, что «идеал — это равное и возможно более высокое образование для всех граждан» и что «трудовой народ, взявший власть, не может не понимать, что знание послужит ему величайшим оружием в его борьбе за лучшую долю и за свой духовный рост».

В ноябре 1917 года Луначарский публикует обращения «Ко всем учащим» и «К учащимся», в которых просит их помочь советской власти в ее борьбе с нищетой и невежеством. «Ведь учитель, подлинный учитель, каким он должен быть, должен прежде всего быть с народом… Позор тем, кто покидает его… Народ зовет вас работать вместе».

Как во всяком беспрецедентно новом деле Луначарскому и его соратникам не удавалось обойтись без накладок и ошибок.

Луначарский считал, что цели социалистической революции гуманны, что революция не является самоцелью, что «революция есть средство к созданию гармонической культуры, к бесконечному росту сил и красоты человека».

В докладе на Первом Всесоюзном съезде учителей (1925) Луначарский говорит, что культура нужна нам для нашего продвижения к коммунизму. Коммунизм же бессмыслен, если не служит культуре. Культура, образование, наука, искусство — это не только средства, путем которых мы идем к намеченной цели. Это вместе с тем самая высокая цель. Следовательно, «культура является не только средством, но и целью».

Культурная революция решает задачу просвещения народных масс, ликвидацию неграмотности. Луначарский руководит созданием новой системы образования и воспитания, новой школы, формирующей духовное богатство личности. Был принят правительственный декрет: население республики в возрасте от пяти до пятидесяти лет, не умеющее читать и писать, обязывалось обучаться грамоте. Наркомат просвещения создал комиссию по ликвидации неграмотности и способствовал организации общества «Долой неграмотность». Уже к первому десятилетию Октября около десяти миллионов человек взрослого населения Советского Союза ликвидировали свою неграмотность.

Луначарский сыграл выдающуюся роль в выработке принципов новой школы, связанной с жизнью трудящихся.

Луначарскому удается привлечь на свою сторону многих представителей старой интеллигенции — ученых, педагогов, художников, артистов и включить их в дело строительства нового общества, новой культуры, нового просвещения.

В разработанных Луначарским «Основных принципах единой трудовой школы» большое внимание уделено эстетическому воспитанию: «Предметы эстетические: лепка, рисование, пение, музыка — отнюдь не являются чем-то второстепенным, какой-то роскошью жизни… Вообще под эстетическим образованием надо разуметь не преподавание какого-то упрощенного детского искусства, а систематическое развитие органов чувств и творческих способностей, что расширяет возможность наслаждаться красотой и создавать ее. Трудовое и научное образование, лишенное этого элемента, было бы обездушенным, ибо радость жизни в любовании и творчестве есть конечная цель и труда и науки».

Директор Павлышской средней школы, известный советский педагог В. А. Сухомлинский, стремился к тому, чтобы эстетика, красота пронизывали все сферы жизни школы, к чему призывал Луначарский. Поскольку человек любую физическую или умственную работу творит по законам красоты, то эстетическое воспитание готовит человека к жизни и к труду лучше, чем внедряемое ныне прагматическое воспитание. Луначарский говорил: «Невеждою не должен быть никто. Всякий должен знать

основы всех наук и искусств. Будь вы сапожник или профессор химии, если у вас закрыта душа к любому из искусств, — значит, вы урод, такой же, как если бы у вас не было одного глаза или вы были бы глухим. Ибо образование заключается именно в том, чтобы все, в чем человечество творит историю и культуру, что отражается в произведениях… чтобы все это было доступно каждому человеку, но чтобы при этом он имел какую-нибудь специальность».

Образование, говорит Луначарский, «должно стремиться создать из человека, искалеченного теперешним обществом, гармоническое существо». «…В обществе все должно служить для общей цели, и всякий отдельный индивидуум должен дать максимум творческих усилий, чтобы все слилось в одну гармонию. И эта-то гармоничность, то, что мы называем культурой, и есть образование».

Процесс образования не завершается школой: «сколько человек живет, столько же он и учится». Луначарский выступает за внешкольное образование, пропагандирующее и прививающее молодежи научные знания и художественные ценности, способствующее просвещению народа. Луначарский считал, что задача школы — сделать человека «борцом за человечность». А таким может быть только образованный человек.

На Садово-Сухаревской, за кинотеатром «Форум», в старом шестиэтажном кирпичном здании находились Высшие государственные литературные курсы (ВГЛК). Здесь преподавали профессора М. А. Уявловский, А. С. Орлов, специалист по изобразительному искусству А. А. Сидоров, литературовед М. С. Григорьев, поэты Илья Сельвинский, Иван Рукавишников, Юрий Верховский.

Весной 1929 года распространился слух, что в связи с формированием пятилетнего плана решается вопрос о возможности преобразования литературных курсов в высшее учебное заведение. При этом, как это часто бывает в ходе обсуждения проектов коренного улучшения, возник вопрос и о целесообразности самого существования литературных курсов. Они оказались под угрозой ликвидации. Слушатели курсов — молодые литераторы — обратились за советом к Сельвинскому, и он обещал выступить на эту тему в печати. Слушатели к тому же организовали делегацию к наркому просвещения.

Наркомпрос помещался в особняке на Рождественском бульваре. Луначарский запаздывал к назначенному часу. Молодой секретарь наркома Игорь Сац пригласил молодых литераторов пройти в кабинет и подождать. Шумной гурьбой они

расположились в креслах и на диване и стали оглядывать кабинет. У окна, выходившего на бульвар, стоял массивный письменный стол. На стене висел большой, во весь рост, портрет конца прошлого века: молодой Луначарский в форменной студенческой куртке. Один из слушателей курсов под общий смех занял место за письменным столом наркома, взял в руки карандаш и, постучав им по столу, стал пародировать наркома:

— Прошу внимания. Открываю заседание. Предотвращая засыпание, предлагаю вопрос на засыпание: питомцу муз нужен ли вуз? Презрев и сытость, и уют, пусть гении в изорванных ботинках высокое искусство создают. Во всех уголках Советского Союза обойдемся без литвуза.

Во время пародийной речи в дверях появился Луначарский. Смеясь, он сказал:

— Вы, кажется, без меня уже начали обсуждение. Может быть, я не очень нужен?

Молодой человек, изображавший наркома, смутился, извинился и пересел на диван. Луначарский, в свою очередь, извинился за то, что заставил себя ждать, поспешно обошел кабинет, здороваясь за руку с каждым из присутствующих, а затем сел за письменный стол. Видимо, так ему было привычнее разговаривать с посетителями, он расслабился и спросил, что волнует его молодых друзей. Слушатели, как могли, объяснили свое беспокойство по поводу судьбы литкурсов.

Луначарский сразу же ответил:

— Вопрос о литературном вузе своевременен. Необходимо в каждом начинающем писателе пробудить все заложенные в нем способности. Без серьезного образования сделать это невозможно. Писателю нужно так же учиться своему делу, как учатся своему композитор или живописец. Важно овладение основами культуры и марксистской наукой. Вуз должен быть создан, — заключил нарком, — и я буду этому по мере сил способствовать.

Молодые люди возликовали и, прощаясь, горячо пожимали руку Анатолию Васильевичу.

Вскоре в кабинете Луначарского раздался звонок по прямому телефону.

— Анатолий Васильевич, здравствуйте. Это говорит поэт Сельвинский.

— Здравствуйте, Илья Львович. Чем могу служить?

— В Главпрофобре при Наркомпросе решается вопрос о литературном вузе. Судя по настроению видных работников вашей системы, надежды на положительное решение невелики. Вопрос этот ставится в связи с пятилеткой. Поэтому, если его не удастся решить сейчас, то заново возбуждать его возможно лишь

в 1935 году. Без такого вуза наши молодые поэты не смогут освоить культурное наследие. Поэта, выходца из рабоче-крестьянской среды, нужно ввести в культуру, в неуловимую атмосферу поэзии. Современные критики, как правило, имеют образование по какой-либо далекой от литературы специальности. Воронский — семинарист, Полонский — юрист, Лежнев, Тальников, Машбиц-Веров, Пикентрейгер — врачи… Специалистов-критиков у нас нет. Нужно их формировать в литературном вузе.

— Илья Львович, вы совершенно правы. Я бы еще добавил, что литвуз сможет ликвидировать голод и на квалифицированные редакционные кадры.

— Да, да, Анатолий Васильевич.

— Хорошо, если бы вы, Илья Львович, выступили в газете с предложением об образовании литвуза. Думаю, что это облегчит мне проведение этого дела в жизнь.

— Собираюсь это сделать в ближайшие дни.

Сельвинский выполнил свое обещание и 22 апреля 1929 года в «Литературной газете» напечатал статью «Нам нужны специалисты (в защиту литературного вуза)». Однако дело все еще не двигалось.

1 мая 1929 года Луначарский с трибуны Мавзолея Ленина вместе с другими руководителями партии и правительства смотрел на кипящее море празднично одетых людей. Они несли красные флаги, транспаранты, лозунги, и в этом море почти утонул и прошел бы незамеченным транспарант, на который, тронув наркома за рукав, обратил внимание рядом стоящий Гамарник:

— Анатолий Васильевич, это, кажется, про вас?

Луначарский внимательно посмотрел в указанном Гамарником направлении: там плыло длинное красное полотнище, которое несли два молодых человека, стараясь поднять его как можно выше, чтобы оно было прочитано на трибуне мавзолея. И Луначарский, улыбнувшись, прочитал: «Ждет рабочих поэтов Советский Союз, Анатолий Васильевич, где же литвуз?»

После праздников Луначарский, преодолевая финансовые и организационные препятствия, опасения, косность, равнодушие, согласовав вопрос с Министерством финансов, с двумя отделами ЦК, с подчиненным его наркомовской воле Главпрофобром, а затем с Госпланом, решил эту проблему.

В июне 1929 года в МГУ был создан литературный факультет, куда на первый курс были зачислены слушатели Высших литературных курсов, а еще через четыре года был создан первый

в мире Литературный институт.

За кулисами жанра: факты, слухи, ассоциации

В начале 1920-х годов философ Карсавин был вместе с другими учеными выслан из России и поселился в Литве. Он выучил литовский язык и преподавал в университете. В Литву пришла советская власть. Однажды в 1948 году Карсавин высказался:

— Теперь я уверовал, что Сталин великий человек. Я прочитал некролог Жданову, подписанный Сталиным, где было написано, что Жданов — соратник великого Сталина.

Карсавина посадили.

* * *

Фундаментальные науки могут развиваться только в условиях независимости ученого. Именно независимая фундаментальная наука в лице Лобачевского создала неевклидову геометрию, а в лице Циолковского проложила дорогу в космос. Многими своими успехами Запад обязан тому, что со времен Средневековья университеты и академии были там независимы и даже экстерриториальны. Полиция не имела права переступить их порог. А что у нас? Арест Вавилова и ссылка Сахарова. Сегодня ученых, слава богу, не сажают, но те, кого черт догадал родиться в России с умом и талантом, все еще не воспринимаются как высшее народное достояние, следствие тому — утечка мозгов.

Глава тридцать восьмая
СУЩЕСТВУЮТ ЛИ НОВЫЕ ЧУВСТВА?

Реальной заслугой Луначарского была его помощь писателям и другим деятелям культуры в тяжелых обстоятельствах Гражданской войны и послевоенной разрухи. Он опубликовал положительный отзыв на книгу М. Бахтина о Достоевском в то время, когда автор этой книги был арестован. Он помог нелояльному к советской власти писателю Вячеславу Иванову легально уехать за рубеж. Он способствовал деятельности Вольфилы — Вольной философской ассоциации. В 1920 году Капица с помощью Луначарского выезжает в Берлин и ждет там обещанную ему Луначарским валюту для поездки в Лондон, где молодой ученый мог стажироваться у знаменитого физика Резерфорда.

В начале 1930-х годов дом Луначарского был открыт для встреч с интеллигенцией. Впрочем, большая гостиная лишь изредка наполнялась гостями. Обычно приходили пять-шесть приглашенных, да еще два-три человека забегали на огонек. Большое полукруглое окно смотрело на вечернюю Москву. Поэты, артисты, художники, критики уютно рассаживались вокруг овального стола, накрытого белоснежной скатертью. Наталья Александровна Розенель была гостеприимна и всегда старалась с помощью домработницы повкуснее накормить гостей.

Сегодня вечером вокруг стола расположились литературовед Валерий Яковлевич Кирпотин, прозаик Юрий Карлович Олеша, поэты Борис Леонидович Пастернак и Вера Михайловна Инбер, главный редактор журнала «Красная новь» критик Михаил Чарный. Наталья Александровна намекнула, что их ждет приятный кулинарный сюрприз, на что Анатолий Васильевич сказал:

— Ну что же, наберемся терпения, а тем временем займемся пищей духовной. Верочка, — обратился он к невысокой, очень подвижной молодой женщине, — почитайте нам стихи.

Вера Инбер охотно согласилась и прочитала стихотворение, воспевавшее новые чувства, рожденные новой, революционной эпохой.

Юрий Олеша с непримиримостью молодости оспорил главную мысль произведения:

— Нет и не может быть никаких новых чувств! Существуют лишь извечные: любовь и ненависть, страх смерти, гнев, восторг…

Вера Инбер, чуть обидевшись, запальчиво возразила:

— Вы в «Зависти» сами описали, как отцветают старые чувства, и с точностью ботаника показали тычинки и пестики цветения новых чувств.

Олеша с прежней непримиримостью отрезал:

— Боже мой, как пошло и вычурно вы выражаетесь, Верочка! Никаких пестиков и тычинок в моих романах нет!

Увлеченный спором и только потому не замечающий неделикатной резкости суждений Олеши, его поддержал Борис Пастернак. Сверкая большими глазами, он заметил:

— Юрий Карлович прав. Те чувства, которые описаны в Библии, в неизменном виде существуют и ныне.

Луначарский вмешался в спор:

— Я стар и болен. Врачи говорят, что я должен вести размеренный, спокойный образ жизни: не встречаться с людьми, не волноваться, не читать, не писать, не работать, не спорить. Видимо, если я век мой буду доживать так, то дни мои продлятся. Я же живу беспокойно. Я встречаюсь с друзьями, читаю, пишу, работаю и, как видите, спорю. Почему? Моя жажда деятельности, творчества, общения, социальной активности сильнее, чем страх смерти. Я отношусь с полным доверием к предписаниям врачей, однако не могу выполнять эти предписания.

— Напрасно! — с улыбкой бросила Розенель.

Луначарский благодарно улыбнулся и продолжил:

— Скажем так: я не выполняю рекомендаций медицины, ибо к жизни и смерти у меня новое отношение. Это новое чувство смерти. У меня отсутствует социальный страх перед ней. Я осуществил себя, воплотил свою индивидуальность в дела, поэтому смерть не может перечеркнуть мою личность. Я радуюсь жизни, радуюсь общению с друзьями. Я не хочу отказаться от работы, от беспокойства, от самовоплощения в новых делах и свершениях, хотя спокойствие продлило бы мне жизнь, вернее, биологическое существование.

Луначарский говорил вдохновенно, он не просто спорил с человеком, у которого другая точка зрения на некую теоретическую проблему, нет, он отстаивал саму свою жизнь и свой образ жизни, а не только свой взгляд на вещи. На минуту он запнулся, снял пенсне, протер его платком, вновь надел и после этих процедур особенно проникновенно сказал:

— Я не хочу существовать долго, но бесполезно. Я лучше с пользой для дела, которому отдал жизнь, и с радостью для себя буду пусть еще недолго встречаться с друзьями, спорить и работать. Это, я думаю, новое, рожденное нашей эпохой чувство жизни и смерти. Это уже не биологический страх смерти, а некое

другое, очеловеченное отношение к небытию. Вот вам пример новых чувств.

Луначарский умолк. Полминуты стояла тишина, и все были неподвижны. Потом Пастернак порывисто сорвался с места, чуть было не опрокинув стул, на котором сидел, подбежал к Луначарскому и обнял его:

— Вы правы! Вы меня совершенно убедили. Вы говорили замечательно. Для истинно человеческой жизни смерти нет. У человека должно быть только чувство жизни! — Затем порывисто обратился к Олеше: — Юрий Карлович! Ведь правда же замечательно сказал Анатолий Васильевич?

Олеша смутился и все же сказал то, что думал:

— Я в гостях. Я уважаю хозяина. Однако я ничего с собой поделать не могу. Я не согласен. Я считаю, что чувства даны человеку от века, от Адама и никакая самая новая эпоха ничего не может изменить. Просто есть люди, менее и более тонко чувствующие, менее и более умеющие выразить эти извечные чувства. Последние и являются поэтами. Вечность, устойчивость чувств и обеспечивает творениям поэтов вечную жизнь и общеинтересность для разных эпох. Вас, Борис Леонидович, я считаю великим поэтом, и если присутствующие присоединятся к моей просьбе, может быть, вы что-нибудь прочтете нам?

Пастернак был смущен высокой оценкой его поэзии.

Уловив его замешательство, Луначарский сказал:

— Может быть, мы все помиримся на том, что в чувствах есть и нечто вечное, устойчивое, и нечто подвижное, исторически преходящее и изменчивое. И может быть, мы все присоединимся к великолепному предложению Юрия Карловича и попросим Бориса Леонидовича что-либо прочесть?

Напряжение спало, однако Борис Леонидович все еще не мог успокоиться и сказал, что согласен прочесть что-нибудь, но не из новых стихов, и с непременным условием, что Луначарский совершенно откровенно выскажет мнение об этих стихах, то есть даст устную рецензию, на которые он такой мастер.

Луначарский согласился на это условие, а все присутствующие горячо присоединились к просьбе: пусть Пастернак прочтет свои стихи. И тогда Пастернак просветлел лицом и начал читать:

Сестра моя — жизнь и сегодня в разливе
Расшиблась весенним дождем обо всех,
Но люди в брелоках высоко брюзгливы
И вежливо жалят, как змеи в овсе…

Когда Пастернак закончил, раздались аплодисменты. Смущаясь, Борис Леонидович напомнил Луначарскому его обещание.

Луначарский согласно кивнул головой и сказал:

— Пример Юрия Карловича достоин подражания, и я буду говорить совершенно откровенно. Вы очень трудный поэт, и в этом заключается основное противоречие между внутренней легкостью — не легкомыслием, а именно легкостью содержания ваших стихов и формой. Стихи ваши певучи, но чрезмерно изысканны. Часто хочется сказать: изысканно, но не найдено. Прочитал — как будто прошелся под черемухой. У вас душа вроде зеркального шара, от этого все образы не могут слиться во что-то целое и дробятся на грани, сверкают, но вместе с тем расплываются. Вам даны и традиционные, и новые чувства. Вы их мастерски изображаете. И вы убеждаете всех нас в том, что нет чувства смерти, есть только чувство жизни.

Наступила пауза. И как раз в этот момент вошла пожилая аккуратная женщина еще не вымершей к началу 1930-х годов профессии — домработница. Она внесла большое блюдо с горячим и источающим умопомрачительный аромат мясным пирогом. Это был обещанный кулинарный сюрприз.

Глава тридцать девятая
ЛУНАЧАРСКИЙ И ЗАРУБЕЖНАЯ КУЛЬТУРА

Луначарский-критик посвящает много творческого внимания проблемам современной культуры Запада. Он пишет письма из Италии («Философские поэмы в красках и мраморе» (газета «Киевская мысль», 1909–1910) — очерки о древнеримском искусстве и об искусстве итальянского Возрождения; «Парижские письма» (журнал «Театр и искусство», 1911–1915), описывающие художественную жизнь французской столицы. Эти и другие подобные работы свидетельствуют о знании общеевропейской культуры и о желании ее по-новому осмыслить. В 1918 году Луначарский пишет предисловие к монографии К. И. Жуковского об американском поэте Уитмене, переводит с французского «Письмо к русским революционерам» Р. Роллана. Его перо описывает особенности и идейную антикапиталистическую направленность творчества А. Франса, Р. Роллана, Б. Шоу, М. Метерлинка, Р. Бракко, С. Бенелли. Он утверждает высокое значение поэзии У. Уитмена и Э. Верхарна за ее «… широкочеловеческий, завоевательный и коллективистский оптимизм…». Луначарский, как метко его назвал Р. Роллан, действительно «был всеми уважаемым послом советской мысли и искусства» за рубежом.

Он характеризует символизм как наиболее влиятельное течение европейской литературы, устремленное к «минус-ценностям жизненного упадка» и полное «эгоистической лирики».

Луначарский читает курсы лекций по западноевропейской литературе в Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова, в которых дает анализ творчества Данте, Шекспира, Сервантеса, Шиллера, Свифта, Гейне и Шоу и других поэтов и писателей; публикует труд «История западноевропейской литературы в ее важнейших моментах» (1924); остро критикует в статье «Страшная книга» декадентский роман Даниэля Галеви, пессимистически рисовавший будущее человечества.

Луначарский внимательно следил за явлениями западноевропейской литературы. Он был первым русским критиком, отметившим художественные достижения Ромена Роллана, Бернарда Шоу, Андерсена Нексе как писателей, вносящих большой вклад в дело создания реалистической литературы. При этом Луначарский критикует живопись и театры Парижа за «пустоту содержания» и называет французскую

скульптуру середины 1910-х годов XX века «дочерью рынка».

Он часто бывал за границей и часто принимал зарубежных писателей в Москве, содействовал творческим связям советских писателей с их коллегами со всего мира. Он был личным другом Р. Роллана, А. Барбюса, Б. Шоу, Б. Брехта и других художников Запада. Споры Луначарского с Ролланом и Шоу способствовали их сближению с идеями социализма и с СССР.

Луначарский писал о Э. Золя, стремясь выявить особенности романов этого французского писателя, основоположника натурализма. Критик делал заключение, что в натурализме вещи лепят людей. Натурализм сосредоточивал внимание на теневых, а порой и на патологических сторонах жизни. Луначарский считал, что в романах Золя показана власть среды над человеком, это — некий «товарный фетишизм», господство материального над духовным.

Луначарский, знавший несколько языков, был и переводчиком. Благодаря его творческим усилиям стало возможным читать на русском языке поэму Ленау «Фауст» (1904), стихи Ады Негри (1910), критические статьи Р. Роллана (1916–1918), поэму К. Шпиттелера «Колокольные девы» (1918), лирику К. Ф. Мейера (1920), стихи Ш. Петефи (1925), Ф. Гельдерлина (1929). Многое в этом наследии остается живым достоянием истории и культуры.

Марселю Прусту посвятил Луначарский свою последнюю литературно-критическую работу. Пруст умер 18 ноября 1922 года. Впервые статья о Прусте в советской печати появилась 11 февраля 1923 года. Эта маленькая заметка о французском писателе была опубликована в журнале «Красная нива». Нарком просвещения писал: «Мы помещаем портрет недавно умершего широко прославленного писателя Марселя Пруста. Большой роман Пруста „В поисках утраченного времени“ обратил на себя внимание необыкновенным изяществом стиля, проявившим свою мощь в особенности в пейзажах и тонком анализе душевных явлений. Рядом с этим Пруст вызвал к жизни целую огромную серию различных типов, главным образом из аристократического круга и их антуража. Будучи большим поклонником аристократической Франции, Пруст тем не менее тонко подмечал ее недостатки и иногда вскрывал бессмысленность ее жизни, сам того не замечая».

Соглашаясь с основными положениями и оценками этой заметки Луначарского, известный современный ученый, тонкий знаток французской литературы А. Д. Михайлов отмечает, что многое в реплике Луначарского было сказано верно, за исключением, пожалуй, того, что Пруст якобы преклонялся перед

аристократическим обществом. «Луначарский слишком буквально, — пишет Михайлов, — понял отношение французского писателя к аристократии: Пруст в действительности подмечал ее недостатки не невольно, а прекрасно отдавая себе в этом отчет. Следует отметить, что Луначарский, когда писал эту заметку, знал далеко не все части эпопеи Пруста, в лучшем случае три из семи. Обратим также внимание на приписанное Прусту „изящество стиля“. Наделе Пруст стилистом, по крайней мере в духе Флобера, не был: для него важнее стилистических изысков была содержательная сторона его произведений, и та огромная правка в рукописях, о которой принято говорить, указывает не на поиски точного, единственно возможного слова, а на стремление подробнее и шире передать мысль, добавить новые штрихи к нарисованной картине, даже создать новые эпизоды и тем самым не сжать, а развернуть повествование».

В том же 1923 году Луначарский написал статью «Смерть Марселя Пруста», которая, к сожалению, не была опубликована.

В «Письмах из Парижа» (напечатаны в «Красной газете» в начале 1926 года) Луначарский писал: «Недавно умер писатель, имя которого, может быть, наиболее характерно для современной французской буржуазной литературы. Это — Марсель Пруст. Его бесконечный, многотомный роман, озаглавленный „В поисках утраченного времени“, отличается действительно выдающимися достоинствами внутреннего и внешнего импрессионизма. В огромной массе типов, положений, образов, фраз — попадаются вещи тонкие, прочувствованные, прекрасные. Но просто невозможно примириться с духом невыносимого снобизма и лакейского низкопоклонства перед аристократией, которым прежде всего набит весь пухлый роман. Претит и чрезмерная тщательность в разборе мелких переживаний, заставляющая автора по двести страниц посвящать болезненному переживанию заурядного факта переутомленным с детства, ипохондрически вялым героем. Пруст по-своему большой писатель, и многие его страницы очаровывают хрупкой, мимолетной и ароматной поэзией своей. Но это в глубочайшем смысле слова декадент. Не странно ли это? Большую часть своей жизни Пруст провел прикованным к постели, и вот тут-то, не торопясь, от скуки, он меланхолически переживал прожитое. И что же? Эти медлительные воспоминания больного оказались самой популярной книгой современного Парижа. Мало того. Пруст создал школу, и самые знаменитые из нынешних молодых писателей носят на себе его печать».

В том же 1926 году Луначарский в статье «К характеристике

новейшей французской литературы» соглашается с критикой Пруста Андре Жерменом в его книге «От Пруста до Дада» и пишет: «…Правильно указаны основные мотивы писателя: половой вопрос, снобизм, болезнь». Луначарский стал одним из инициаторов и авторов советского литературоведческого мифа о Прусте. В этом мифе общая оценка творчества французского писателя — отрицательна, хотя и подчеркиваются художественная значимость и психологическое мастерство, его необыкновенные взлеты и необычайная подвижность его в воспроизведении впечатлений в произведении «В поисках утраченного времени».

Перед самой кончиной уже больной Луначарский работал над большим трудом о французском писателе. Труд так и остался незавершенным. В нем Луначарский еще более прямолинейно утверждал, что Пруст восхищался аристократией и преклонялся перед ней. Эту статью о Прусте больной, умирающий Луначарский диктовал в декабре 1933 года. Диктовка была им оборвана из-за очень плохого самочувствия за два дня до смерти. Луначарского творчество Пруста, видимо, очень интересовало, и он понимал масштабы и значение этого писателя.

Луначарского покоряли процесс и сама стихия воспоминаний, наполняющие поток сознания в прозе Пруста. Луначарский пишет: «Вот эта изумительнейшая волна воспоминаний, которая, конечно, играет громадную роль в творчестве каждого писателя, у Пруста сильна и трагична. Он не только любит свои „Temps perdus“, он знает, что для него-то они именно не „perdus“, что он может их вновь расстилать перед собою, как огромные ковры, как шали, что он может вновь перебирать эти муки и наслаждения, полеты и падения». Луначарский был зачинателем изучения творчества этого писателя в советском литературоведении. Однако по глубине и тонкости истолкования произведений Пруста Луначарский уступал анализу Владимира Вейдле. Его анализ противостоял традиции в изучении Пруста, которая складывалась при несколько упрощенно-социологическом подходе Луначарского.

Вместе с тем надо отдать должное Луначарскому. Только большая преданность интересам культуры могла заставить его на пороге смерти писать свою последнюю литературоведческую работу, посвященную Прусту. В идеологической обстановке 1920-х — начале 1930-х годов нужно было обладать идеологической незашоренностью и проявить определенное мужество и смелость, чтобы посвящать свои критические статьи писателю, работавшему в новой художественной форме — литературы потока сознания. Будучи видным общественно-политическим деятелем,

Луначарский способствовал и первым переводам Пруста на русский язык, и включению его творчества в рецептивно-эстетический и культурный обиход нашей страны.

24 апреля 1932 года. Женева. Серый сумрачный день. Сегодня перерыв в работе женевской конференции по разоружению, и член советской делегации Луначарский решил воспользоваться свободным временем и навестить Ромена Роллана в ответ на его приглашение. Дом писателя находится в ста километрах от Женевы. Луначарский едет в автомобиле и, сидя на переднем сиденье и осматривая живописные берега Женевского озера, которое огибает дорога, вспоминает: «Мы не виделись семнадцать лет. Впервые я попал к нему, помнится, в конце января 1917 года…» В памяти Луначарского возник образ худощавого, высокого человека. Французский писатель выказал тогда радушие и гостеприимство, и они, помнится, обменялись короткими репликами, предвосхищавшими будущую дружбу.

— Очень рад вашему приезду. Я давно собирался к вам, однако то я занят, то вы болеете, — сказал тогда Ромен Роллан. — Вы для меня как посол будущего, вестник русской революции.

— Да, она, несомненно, произойдет к концу войны.

— Рождаются новая Европа и новое человечество.

Сознание Луначарского вернулось из прошлого в настоящее: все, о чем они тогда говорили, оказалось правдой. С тех пор прошло полтора десятилетия. Анатолий Васильевич решил: писатель мог забыть этот разговор; надо будет напомнить ему об этой давней беседе.

Они въехали в городок Вильнёв, похожий на большую деревню. Через два часа тряски по живописной дороге автомобиль въехал в ворота виллы «Ольга», гостеприимно открытые самим хозяином. После дружеских рукопожатий Луначарский сказал:

— Я убежден, что, несмотря на долгое отсутствие общения, мы не только не сделались дальше друг от друга, но, наоборот, чрезвычайно сблизились. На наше сближение работала сама история.

Ответ Роллана был не менее любезен:

— Ваши письма всегда были столь выразительны, содержательны и доверительны, что у меня нет ощущения долгой разлуки.

В новой реплике Луначарский внес в разговор политический акцент:

— А меня с вами сближали не только ваши теплые письма, но

и ваша активная и дружественная деятельность последних лет. Вы оказались по отношению к советской культуре истинным другом и доброжелателем.

Хозяин захотел показать гостю сад, и они отправились на небольшую прогулку.

— Как жаль, что нашу природу вы не увидели в яркий летний день.

— И в серый день Вильнёв очарователен, вполне можно понять, почему этот уголок вы выбрали для жительства. Сама природа здесь оберегает человека от излишней траты сил.

Они вошли в дом, и хозяин предложил сразу пройти к столу подкрепиться. За обедом Луначарский сказал:

— Ваши последние работы о Бетховене, Гёте, Эмпедокле, Спинозе — свидетельство широты ваших интересов. Эти книги в сумме с вашими прежними биографическими работами и трудами по истории музыки дали мне достаточное основание выдвинуть вас кандидатом в почетные члены нашей Всесоюзной академии наук.

— Меня никто об этом официально не уведомлял.

— Это оплошность президиума академии. Тем более приятно мне вас поздравить. Вы были очень хорошо избраны.

Луначарский поднял рюмку и сказал:

— Я хотел бы выпить за почетного академика, выдающегося французского писателя Ромена Роллана.

— Благодарю вас и за добрую весть, и за доброжелательную инициативу и прошу передать мою благодарность Академии наук.

— Разработкой тончайших вопросов культуры человечества и борьбой за ростки его будущего вы заслужили огромное уважение в нашей стране. Вы всегда сочувствовали революции и социализму. Это знают и ценят и наш народ, и наше правительство. Препятствием к более полному сближению долгое время был ваш пацифизм несколько толстовского духа. Однако ныне…

— …ныне я осознал, что реакция наступает и что ужасы войны могут быть обрушены на человечество. Ныне я осознал, что в борьбе с войной и реакцией нельзя отрицать насилие как повивальную бабку истории.

Хозяин и гость расположились на открытой террасе в плетеных креслах. Лицо Ромена Роллана стало строгим и преисполненным воли, взгляд — пристальным.

— Конференция по разоружению в Женеве — это же спектакль для доверчивых обывателей. Миром правят жестокие и бессовестные, циничные и хищнические интересы, которые в конечном счете повелевают правительствами и определяют их

политику. Естественным выходом из кризиса для буржуазного мира будет развязывание войны. СССР может стать объектом нападения. Я с большой тревогой смотрю на события, развивающиеся сейчас на Дальнем Востоке. Я хочу рассказать вам об одной очень важной идее Анри Барбюса. Он предлагает созвать в Швейцарии всемирный конгресс борьбы против войны. На конгрессе должны быть представлены лучшие умы передового человечества — писатели, художники, ученые, деятели культуры, а также представители рабочих организаций. Необходим «сторожевой крик» по поводу опасности текущего момента.

— Это плодотворная инициатива. Важно было бы, чтобы в такой конференции приняли участие представители тех профсоюзов, которые ближе всего соприкасаются с войной: профсоюзы металлургов, химиков, грузчиков…

Про себя Луначарский подумал: «Хорошо, когда крупнейшие люди эпохи, пусть издали, но все же верною стезей приходят к актуальным идеям своего времени». Вслух же произнес:

— Вашу драму «Настанет время» хотела бы поставить Театральная студия под руководством Юрия Завадского. Однако пьеса требует некоторой коррекции в соответствии с духом нашей культурно-идеологической ситуации.

— Я хорошо понимаю, — ответил Роллан, — что действующие лица, окраска сюжета и стиль слишком пацифистско-квакерские и слишком библейские для современной Москвы. Это не так-то легко изменить. Так что постановку осуществить вряд ли возможно.

Луначарский возразил:

— Лицемерие «цивилизации» и другие проблемы этой пьесы актуальны. При некоторой «переоркестровке» пьеса будет очень важна для нашего театрального репертуара.

— К несчастью, у меня нет времени написать заново пьесу. Моя работоспособность ослаблена болезнью. Меня едва хватает для работы над окончанием цикла романов «Очарованная душа» и на постоянные выступления против фашизма.

— Если вы разрешите, я совместно с критиком Дейчем проделаю необходимые переделки, об их плане я вам специально напишу.

— Благодарю вас.

Луначарский стал собираться, чтобы дотемна вернуться в Женеву. Ему показалось, что Ромен Роллан несколько утомлен долгим разговором на творческие и политические темы. Хозяин обнял гостя и сказал, что ему жалко с ним расставаться.

Дойдя до машины, Луначарский и Ромен Роллан опять обнялись на прощание. Луначарский сел в машину, и она

тронулась. Ромен Роллан и его жена Ольга стояли у ворот виллы, пока машина не скрылась за поворотом дороги. Они долго махали вслед гостю, высоко подняв руки над головой.

Когда Луначарский возвращался в Женеву, начался дождь. Под его однообразный шум он въезжал в город. Анатолий Васильевич подумал: «Даже в Женеве плохая погода наводит грусть».

Глава сороковая
НАВСТРЕЧУ СОЛНЦУ

Жизнь А. В. Луначарского в последние его годы омрачала тяжелая болезнь сердца и глаз. Он прожил всего 58 лет 1 месяц и 15 дней. Корней Иванович Чуковский любил присловье: «Русский писатель должен жить долго». Конечно, долгая жизнь желательна для любого смертного. Здесь же идет речь о том, что для полного осуществления замыслов художника в обстоятельствах бурной, всегда сложной, изменчивой и нестабильной российской жизни необходим долгий срок. А ведь желательно не только успеть осуществить свои замыслы, но и успеть увидеть, как твое творчество воспринято и как оно повлияло на жизнь. Луначарский не был репрессирован, как многие его коллеги по первому составу Совнаркома. Вероятнее всего, не успел. Однако снятие с поста наркома в 1929 году объясняется не только состоянием его здоровья. Ведь не случайно после смерти Луначарского его работы четверть века не публиковались. Роль и значение Луначарского как государственного и партийного деятеля долго или замалчивались, или искажались.

Возвращение Луначарского в историю началось в 1950-е годы. Оно продолжается и ныне.

Он в 1933 году был направлен в Испанию в качестве первого советского полпреда в этой стране. Однако по дороге в Мадрид здоровье Анатолия Васильевича резко ухудшилось. Он не смог продолжать свой путь в Испанию и вынужден был остановиться во Франции, в Ментоне. В этом городе, расположенном на берегу Средиземного моря, в центре Ривьеры, серьезно больной Луначарский продолжал жить активной творческой жизнью и писал большую работу о Марселе Прусте.

Проблемы со здоровьем у Луначарского начались во второй половине 1920-х годов. В Берлине у крупных немецких врачей он лечил глаза. Вскоре стала ясна неизбежность операции. Обратившись к Сталину и получив его разрешение, жена Анатолия Васильевича, Наталья Александровна Розенель, отправилась в Германию, чтобы в эти трудные дни быть рядом с ним. Сталин разрешил Луначарскому длительное лечение в Берлине, где он находился вместе с Натальей Александровной и куда на это время приехала Ирина (дочь Розенель от первого брака). Страдая от сильных болей, Анатолий Васильевич продолжал диктовать одноактную пьесу и критические статьи.

Близкие читали ему русские, французские и немецкие книги и газеты, он по-прежнему оставался в курсе отечественной и международной политической и культурной жизни.

По предписанию врачей Луначарский много ходил пешком. Ходил, опираясь на палочку, но не позволял себе идти старческой походкой… Утешал себя тем, что важно не то, как человек ходит, а как встает. Вставал же он всегда с таким волевым усилием, что казался почти молодым и бодрым.

Друзья писали письма, подбадривали. Позвонил Семашко, пошутил: «Я как врач утверждаю, что если вам за пятьдесят лет, вы проснулись и у вас ничего не болит, — значит, вы умерли». Горький прислал теплое письмо: «Вам ли, Анатолий Васильевич, бояться старости и бездеятельности! Вы прожили тяжелую, но яркую жизнь, сделали большую работу. Вы долгие годы шли плечо в плечо с Лениным и наиболее крупными, яркими товарищами… Писали бы вы мемуары. Вот была бы замечательная книга! И очень нужная! Ведь вы владеете словом как художник, когда хотите этого…»

В словах «когда хотите этого» он уловил критическую нотку и вспомнил, как когда-то его отчитывал за небрежность в стиле Мейерхольд. Однако в целом письмо Горького было лестным.

Его стали посещать грустные мысли, которые он старался формулировать в оптимистическом духе. Да, болеть и умирать нужно — как жил всю жизнь: спокойно и мужественно. Впрочем, почему умирать? Можно болеть и жить почти полноценной жизнью. Главное — не выбывать из жизни раньше, чем придет смерть.

…Какую-то странную роль в моей жизни играет период в двенадцать лет. Так, в 1905 и 1917 годах я срочно приезжаю из эмиграции в охваченную революцией Россию, чтобы принять участие в событиях; с 17-го по 29-й — нарком просвещения — 12 лет, с 21-го года и вот уже 12 лет я второй раз женат. В 33-м году согласно этой закономерности мы должны расстаться… А может быть, двенадцать лет — ритм моей жизни именно потому, что я жил в унисон с жизнью моей страны, для которой характерна такая периодичность. Так, Александр I сменяет Павла в 1801 году, в 1812-м — Отечественная война, 1825-й — восстание декабристов, 1837-й — смерть Пушкина, 1905-й — первая русская революция, 1917-й — Октябрьская революция, 1929-й — год великого перелома… Теперь важных событий следует ждать через двенадцать лет, то есть в 1941 году, потом в 1953 году, потом где-нибудь в 1964–1965 годах… Ну вот, не хватало под старость лет в мистику удариться!

…Впрочем, почему это мистика? У организма есть свой

биологический ритм, у общества — свой, социальный… У Солнца — свой. Выходит, что Россия живет в ритме Солнца. И лестно думать, что я тоже жил в солнечном ритме моей страны.

В 1933 году Луначарский получил новое назначение: полпредом СССР в Испанию. Здоровье его было сильно подорвано, и прежде чем попасть в Мадрид, он по настоятельной рекомендации врачей сделал длительную остановку в Париже, где прошел курс лечения в клинике. После клиники потребовалась реабилитация, и Анатолий Васильевич отправился на отдых в маленький французский городок Ментону. Путь туда был неблизкий: сначала поездом, потом машиной — железная дорога до Ментоны не доходила.

В поезде было душно. С трудом Луначарский опустил окно, но вместо свежего воздуха в купе ворвался дым паровоза, и он, напрягая последние силы, закрыл окно. Его восковое лицо, отразившись в оконном стекле, наложилось на бегущий навстречу поезду пейзаж: освещенные полной луной кусты, поля, перелески…

Стеариновая луна плыла по фиолетовому небу.

Ему пришли в голову пушкинские строки:

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час.

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю;
Мне время тлеть, тебе цвести.

Анатолий Васильевич чувствовал себя плохо, но никому об этом не говорил, и поэтому у всех близких — и у жены, и у дочери Ирины — было ощущение, что лечение в парижской клинике дало положительные результаты и можно надеяться на выздоровление.

Он поселился вместе с женой и дочерью в Ментоне, о которой знал только, что здесь в 1889 году умер русский врач Боткин, а в

начале XX века жил Немирович-Данченко. Согласно календарю зима уже началась, однако погода стояла, по нашим российским понятиям, осенняя. Было тоскливо и грустно. А тут еще утром 4 декабря он открыл французскую газету и прочитал, что умер Фирмене Жемье, его близкий приятель, знаменитый деятель французской сцены, блестящий актер, многолетний директор театра «Одеон».

Луначарский просматривал газеты, не вставая с постели, и с удивлением увидел, что даже парижская «Матен», которая преследовала Жемье всю его жизнь, закончила информацию о его кончине добрыми словами: «Его имя было одним из самых знаменитых в театре, которому он принес столько чести. В истории он останется одним из величайших театральных людей Франции».

Он стал писать некролог о Фирмене Жемье, не зная, что три страницы, посвященные этому деятелю французского театра, станут последними в его огромном литературно-критическом наследии…

Он всегда начинал писать сразу: стоило взять перо в руки, и слова сами ложились на бумагу. А тут слова не шли к нему, наплывали воспоминания, рисовали живой образ Жемье. Луначарский вспомнил довольно глупую пьесу Гинвона «Счастье», поставленную Жемье в «Театре Антуан». Претензии на серьезный психологический анализ женской души тогда очень понравились публике, а он, Луначарский, был возмущен спектаклем. Однако не вспоминать же об этом сейчас. Как говорили римляне, о мертвых — или хорошо, или ничего. А ведь он может рассказать о Жемье много хорошего, нужно только сосредоточиться и преодолеть слабость и подкатывающую к горлу тошноту…

Он вспомнил успех Жемье в спектакле «Убийца» в «Театре Антуан». Это была заурядная мелодрама, инсценировка известного романа Феррара. Безусловно, полковник Севинье, убийца, не лучшая роль Жемье. Для этого драматургия не давала достаточного материала. Однако Жемье в этой роли был очень убедителен, и, видимо, потому она так мне запомнилась. Жемье сумел передать целую гамму чувств своего героя: негодование, жалость, мрачную решимость.

Сцена убийства была сыграна так сильно и вместе с тем красиво, что, помнится, весь антракт у меня учащенно билось сердце. Красиво убивал Жемье. Неужели жесты убийцы могут вызывать не только ужас, но и восхищение?.. Расскажи мне это кто-нибудь, я бы не поверил. И все-таки даже сейчас, при воспоминании, становится не по себе…

Жемье, как и Станиславский, выступал за международное

объединение всех художников театра для борьбы с коммерческим духом в искусстве, с наступлением кинематографа на театр… Эту идею принял и Мейерхольд. Тогда — помнится, это был 1927 год — Жемье устроил международный фестиваль театров в Париже. Советский театр тоже был приглашен, однако гастроли не состоялись. Очередная наша ошибка! Театральный мир ждал от нас многого, наше участие в фестивале было важно и с культурной, и с политической точки зрения. Однако я не смог доказать правительству целесообразность этого… На следующий год Жемье приехал в Москву. Помню, как тепло мы его приняли. Я произнес тогда приветственную речь: мы, как и вы, интернационалисты, и так далее в этом же роде.

В своем ответном слове французский актер выразил горячую симпатию к нашей стране и подчеркнул необходимость восстановления прерванных войной связей между культурами всех народов…

И вот Жемье умер…

Луначарский встал с постели, накинул халат, сел за письменный стол и начал писать некролог для «Известий»: «Несколько дней назад умер в Париже за работой один из крупнейших деятелей мирового театра, искренний и активный друг советского театра Фирмен Жемье. Он умер шестидесяти трех лет от роду…»

Луначарский отложил перо и задумался: «А я незадолго до отъезда отпраздновал лишь пятьдесят восьмой день рождения…» Он привычным жестом снял пенсне, протер, вернул на место и снова принялся писать:

«Если страстное новаторство Жемье в области формы театра богато больше исканиями, чем находками, то нельзя забывать двух других сторон его театральной работы: актерской деятельности и международной инициативы. Жемье был, бесспорно, одним из величайших актеров французской сцены последних десятилетий…»

В тот же день некролог был отправлен в Москву. «Известия» от 11 декабря 1933 года, в которых было опубликовано прощальное слово Луначарского, посвященное памяти Фирмена Жемье, пришло в Ментону утром 19 декабря. Газета еще застала Луначарского в живых, и он по старой журналистской привычке пробежал глазами свой текст, который на газетной полосе или на страницах журнала всегда выглядел по-новому и читался не так, как в рукописи, а в контексте его широкого читательского восприятия, широкого социального звучания:

«…Жемье полагал, что театр и кино должны объединять человечество. Он был инициатором и душой международного

общества деятелей театра. Во время второй театральной олимпиады в Париже на первое место выдвинулся театр им. Вахтангова. Жемье, который отдал этому театру помещение „Одеон“, подвергся обвинениям в пристрастии. Известный драматург Бернштейн в публичном письме обвинял его в „русофильстве“ и порицательно называл „другом Луначарского“»…

Луначарский пробежал глазами газетные заголовки номера. Он никогда в жизни не бездельничал, даже в отпуск, на курорт, всегда брал с собой книги и рукописи, читал и писал в это время, свободное от заседаний и лекций, докладов и приема посетителей, в несколько раз больше, чем обычно. Однако сейчас он почти не работал. Эта праздная жизнь при многолетней привычке постоянно загружать мозг тысячами дел и обязанностей не могла не привести к тому, что его сознание стало переполняться воспоминаниями и осмыслением накопившихся впечатлений.

Чем сложнее и напряженнее историческая ситуация, тем более многообразны типы идей, формы интеллектуальных личностей, виды художественных и культурных феноменов, появляющихся актуальных культурных потребностей. Именно он, будучи наркомом, оценивал, направлял, отсортировывал эти типы, формы, виды.

Он спас от голода, от нужды, от кары, от забвения десятки художников и деятелей культуры, многим дал идейные ориентиры и выход в творческую жизнь. Он обеспечивал широкий простор творческих исканий. Он исполнял социальную роль сита. Он старался, чтобы в жизнь вошло как можно большее многообразие культурных явлений, рождаемых интеллигенцией. Но, может статься, иногда он не пропускал в жизнь самое важное для будущего? Он служил сегодняшнему делу. Однако во всем ли эта современная точка отсчета совпадала с той вечностью, в которую уходит истинное искусство? Наверное, он совершал ошибки. И огорчительно то, что его ошибки не будут устранены в ближайшее время, а, быть может, усугубятся.

Он вдруг почувствовал себя плохо, слабость охватила его, и он отложил газету и забылся, но и в забытьи мысль продолжала работать. Потом вновь пришло полное сознание, мысли прояснились.

Сердце пугало аритмией, а мозг жил привычной жизнью и мощно работал. Он вдруг вспомнил поговорку: «Деянью — время, созерцанью — час».

Вся его жизнь была деянием. Даже когда он смотрел бессмертные творения в Лувре или Эрмитаже, он не столько

созерцал или наслаждался, сколько был занят очередным деянием и в лучшем случае сосредоточен на том, как разъяснить своему народу ценность этих творений, как поставить их ему на службу…

А созерцание… Ему в жизни не хватало безделья… Это тоже важное дело и большое умение, не всем данное: ничего не делать. Когда-то он спросил у Эйнштейна, как он работает, в какое время дня он пишет, и ученый отшутился: важные мысли приходят так редко, что я их запоминаю, писать поэтому приходится тоже крайне редко.

Сегодня с утра он заставил себя встать и одеться. Сел за письменный стол и почему-то стал размышлять о смерти. Думал он о ней философски спокойно, почти отрешенно от своей судьбы. Как странно, что среди многих сотен, а может быть, даже тысяч тем, по которым он выступал с докладами и лекциями, никогда не было темы «Личность и смерть». Он всегда выступал по самым жгучим, самым актуальным вопросам, а эта вечная тема никогда не могла быть злобой дня… Жить — значит умирать. Древние считали, что задачей жизни философа является приготовление к смерти… Смерть бессмертна. Она имеет огромный, накопленный веками опыт и навык трудной и неблагодарной работы. Она не боится врачей. Она боится лишь пациентов. Только субъект ее внимания и может оказать ей сопротивление. Она выжидает того момента, когда он обессилит, потеряет надежду, устанет от тягот жизни, трудностей бытия и борьбы с ней — со смертью. Вот тогда смерть нападает и бьет почти без промаха. Встретив же упорное сопротивление, она отступает с боями, терпя урон и поражение, но готовая к полной и неминуемой грядущей победе, предотвратить которую, и то лишь в сфере духа, могут только немногие из бессмертных. Бессмертна в мире только смерть… Однако нет! Бессмертен и великий дух, воплощенный в мудрые и прекрасные творения. Он написал много книг, спас от голода многих деятелей культуры… Может быть, это уравновесит его ошибки и упущения…

Вспоминается рассказ Короленко: «У нас на Севере, в Вятской губернии и в Полесье, существовал обычай избавляться от зажившихся стариков. Их не кормили или производили целый обряд: со стариками прощались, а потом усаживали в сани и вывозили в лесную глушь и там оставляли на произвол судьбы. Выражение Владимира Мономаха в его наставлении своим сыновьям „сидя уже в санях“ — остаток этого старинного обычая»… У него мелькнула жалость к себе: он «в санях» вывезен во французскую провинциальную глушь, далеко от дома. Он болен и никому не нужен… Человек умирает только тогда, когда

ему легче умереть, чем жить. Смерть наступает, когда человек разрешает себе умереть, и никак не раньше. Аргументами в пользу такого разрешения бывают усталость, боль, слабость, безволие, горечь от прожитой жизни и ощущение бесцельности и неправильности прожитого. Или воля перебарывает боль, или боль и усталость перебарывают волю — в зависимости от этого человек продолжает жить или умирает. У меня еще есть воля, несмотря на боль и слабость.

Он с грустью посмотрел на хмурое небо за окном. «Смерть — это выход в любом положении, но положение, из которого выхода нет». Остроумно сказано. Помнится, это Илья Сельвинский.

Он вдруг затосковал, что умрет здесь, на чужбине, вдали от любимой России, от друзей, от близких, с которыми и без того он много лет провел в разлуке, находясь то в эмиграции, то в бесконечной неизбывной работе. Однако та разлука была разлукой борьбы, и многие из друзей были рядом с ним…

Он будет послом в Испании. Он говорил с иностранными коммунистами из Коминтерна, прежде чем поехать в Испанию, и из их суждений складывалась в его уме концепция демократической перспективы социальной жизни Испании. Там должен прочно победить фронт левых и центристских сил. Если их не расколют. Там назревает славная социальная перспектива, которая не может не встретить сопротивление сил реакции… Все это может обернуться в будущем гражданской войной… Впрочем, зачем быть пророком, предсказывающим бедствия, может быть, лучше надеяться на хорошее…

Фашисты в Германии рвутся к власти. Это может иметь ужасающие последствия. Европа страшится коммунистов, вместо того чтобы опасаться черносотенцев и чернорубашечников. Какие силы будут складываться в равнодействующую, которая определит движение истории в грядущее? Огромную роль будет играть Россия, поднятая Октябрем на гребень мировой истории и становящаяся мировой державой, участвующей в определении исторических судеб всех народов. И в этом всемирно-историческом значении России есть его, Луначарского, доля участия, крупица его труда… Россия находится в великом поиске — она ищет пути для развития всего человечества. Еще Достоевский говорил о всесветном, всечеловеческом предназначении России. Октябрь по-своему воплотил в жизнь это пророчество. И он, Луначарский, был первым наркомом просвещения новой России, несущей свет миру… Нет, все это слишком возвышенно и напыщенно… Так думать о себе, о своей жизни не в его характере. Его мысль куда-то заносит, поток сознания мчится почти неуправляемо. У него, наверное,

температура… Хочется пить… Все гораздо проще: он участвовал в поиске путей для человечества и мира… Участвовал в великом, трудном, страшном, порой кровавом историческом эксперименте. А в эксперименте даже отрицательный результат имеет высокую научную и историческую ценность. К тому же эксперимент еще не окончен и окончательный результат не известен. «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые…» В его поиске, в наших поисках были и ошибки. Человечество сумеет извлечь уроки и из наших достижений, и из наших ошибок. И если подводить предварительные итоги, его жизнь прошла удачно и он счастливый человек. Его профессией были революция, искусство и эстетика. Искусство доставляет человеку высшее наслаждение. Вся жизнь его была полна высших наслаждений — борьбы и искусства. Его жизнь равна его личности… Он самоосуществлял себя органично, не изменяя себе и тому, что он считал своим долгом. И поэтому его трудная, а сейчас и горькая жизнь была счастливой, и теперь он тоже счастлив…

В этот момент лучи закатного солнца прорвались сквозь тяжелое белое облако у горизонта и ударили в лицо Луначарскому. Глаза его были уже навеки закрыты, и он не увидел, но почувствовал яркий свет солнца. И упал навстречу солнцу.

На следующий день газеты Франции сообщили: «23 декабря 1933 года во Франции в городе Ментоне скончался русский посол в Испании, бывший нарком просвещения в правительстве Ленина — Анатолий Васильевич Луначарский».

Луначарский говорил, и сказанное относится и к нему самому: «Умирающие на посту в нашей партии не умирают целиком, в самой лучшей своей части, в той, которая при жизни им была дороже всего, — они остаются бессмертными». Деятельность, посвященная культуре и осуществлению высоких идеалов, не перечеркивается временем.

В Ментоне Луначарскому воздвигнут памятник. В извещении о смерти Луначарского ЦК ВКП(б) характеризовал его как «старого заслуженного революционера-большевика, одного из видных строителей советской социалистической культуры». Урна с прахом Луначарского была захоронена в Кремлевской стене. В его честь названы астероид, две улицы в Перми, улица в Калуге и улица в Петрозаводске. Пензенскому драматическому театру присвоено имя А. В. Луначарского.

ЭПИЛОГ

Луначарский был незаурядным человеком, и именно вследствие незаурядности, многогранности, противоречивости даже современникам, тем более что не все из них смотрели на него доброжелательными глазами, трудно было дать ему объективную оценку. Поэтому справедливо будет выслушать и отрицательную характеристику этого человека. Так, например, Леонид Андреев писал: «…большевизм съел огромное количество образованных людей, умертвил их физически, уничтожил морально своей системой подкупов, прикармливания. В этом смысле Луначарский со своим лисьим хвостом страшнее и хуже всех других Дьяволов из этой свирепой своры. Он трус и чистюля, ему хочется сохранить приличный вид и как можно больше запутать людей, зная, что каждое новое „имя“, каждый профессор, ученый интеллигент или просто порядочный человек соответственно уменьшает его личную ответственность. Если даже Нерона многие одобряют за любовь к искусству, то как же ему, Луначарскому, не создать некоего „золотого века“, рая художников и режиссеров, рая, который так приятно контрастирует с черной чрезвычайкой и придает Л[уначарскому] вид исключительного джентльменства. Светлый луч в темном царстве — так, вероятно, он сам мыслит про себя, ибо кроме всего он человек пошлый и недалекий». В этой мажущей портрет наркома просвещения черным дегтем «живописи» были свои реальные черты. Люди, творившие революцию, как и сама революция, были неоднозначны, и их нельзя воспринимать только в розовом свете. Реальной историческая личность становится тогда, когда ее отрицательные характеристики оказываются сопоставленными с положительными. Старейший деятель культуры, почетный академик А. Л. Кони, повидавший не одного министра, утверждал, что Анатолий Васильевич — лучший министр просвещения в истории России. В. В. Маяковский вторил ему: «Ни одна страна в мире не имеет такого министра народного просвещения». А. С. Бубнов, сменивший Луначарского в 1929 году на посту наркома просвещения, называл своего предшественника — в духе фразеологии тех лет — «приводным ремнем от партии к художественной интеллигенции».

В 1920 году Анатолий Васильевич выступал перед делегацией конгресса Коминтерна на английском, французском, итальянском и испанском языках. Он также говорил и читал на немецком и на латыни. Он был человеком с огромным объемом памяти,

энциклопедических знаний и огромной энергии. За 22 года литературно-публицистической деятельности Луначарский опубликовал 833 работы (в среднем три-четыре работы в месяц). В 1918 году вышли 203 работы наркома. Это помимо основной организационно-созидательной деятельности на посту наркома просвещения. Анатолий Васильевич был блестящим оратором, часто произносил свои речи экспромтом, но любил повторять: «Я к этому готовился всю жизнь». Он работал по 17–18 часов в сутки.

Луначарский сам о себе говорил: «Большевик среди интеллигентов, интеллигент среди большевиков». Многие историки XXI века считают его трагикомической фигурой, временами даже фарсовой. И все-таки он личность типологически ценная особенно теперь, когда отношения интеллигенции с властной элитой вновь складываются напряженно, драматично и непредсказуемо, когда время от времени обсуждается вопрос: не закрыть ли Российскую академию наук и не возложить ли ее основные функции на университетские и институтские кафедры, как это существует в США (это при том, что академической традиции в России лишь немногим меньше лет, чем государственности в Америке!)?

Луначарский актуален сегодня, так как ориентировался на приоритет общечеловеческих ценностей. Он писал в 1904 году: «Только высшая точка зрения, точка зрения требований полноты жизни, наибольшего могущества и красоты всего рода человеческого, жажды того будущего, в котором справедливость станет само собою разумеющимся базисом красоты, дает нам руководящую нить: все, что ведет к росту сил в человечестве, к повышению жизни, есть красота и добро неразрывные, единые; все, что ослабляет человечество, есть зло и безобразие».

Кончались 1960-е, начинались 1970-е годы. Мой сын Владимир, узнав о моем интересе к личности Луначарского, высказал свое мнение, которое оказалось весьма неожиданным.

— На психологическом факультете МГУ читал лекции Лев Гумилев, этнограф. Очень оригинальная у него концепция.

— И что же, эта концепция как-то пересекается с идеями Луначарского?

— Нет, никак не пересекается. Однако позволяет классифицировать тип того исторического этноса, к которому Луначарский принадлежал, и тип его личности.

— Каково же основание этой классификации?

— Время. Отношение к нему. Есть четыре типа этноса и, соответственно, четыре типа деятелей. Первый тип этноса и тип деятеля ориентированы на прошлое, на традицию, на культуру.

Суть деятельности состоит в культурном накоплении, в приращении к культуре еще одной ценности, еще одной книги, открытия, картины и так далее.

— Луначарский относился к этому типу?

— Нет, или в самой незначительной степени — периферией своей деятельности. Луначарский не кабинетный ученый, и потому он, даже создавая свои литературные и научные произведения, имеет в виду не приращение культуры, а актуальные задачи настоящего момента и будущее. Второй тип деятельности ориентирован на настоящее. При этом культурные ценности не столько приращиваются, сколько «расходуются», «пускаются в дело», в обращение. Отчасти Луначарский был человеком, который жил настоящим, но в еще большей степени — будущим. Третий тип деятеля ориентирован именно на будущее.

— Это же хорошо, ориентироваться на будущее! Значит, Луначарский очень ценный тип исторического деятеля!

— Гумилев, характеризуя этот тип этноса и его деятелей, приводит пример средневекового Китая эпохи борьбы даосизма и конфуцианства. Этнос той эпохи жил будущим и боролся за него. Если в начале этого периода в Китае насчитывалось пятьдесят миллионов жителей, то в конце борьбы за будущее их было лишь семь с половиной миллионов.

— Получается, что общество, которое борется за будущее, — плохое и деятель революционного типа — лишь разрушитель и изничтожитель.

— Нет. Люди твоего поколения склонны к моральным оценкам истории, однако это антиисторично: утверждать, что такой-то период истории — плох, такой-то хорош. Так, например, все Средневековье моралистами было названо черным и рассматривалось как глухая ночь истории, а Бахтин показал, например, что при всех сложностях Средневековья человек той эпохи четверть жизни жил на карнавале: карнавал длился в общей сложности три месяца в году.

— Ну, хорошо. Закончи свою мысль.

— Четвертый тип этноса: жизнь вне времени. Человек этого типа, как Пастернак, может проснуться и воскликнуть: «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?» Это деятельность, направленная на человечество в целом… Истории нужны все четыре типа деятельности. Если бы не было деятелей, ориентированных на прошлое, не развивалась бы культура, не углублялась бы традиция. Если бы не было ориентации на настоящее, актуальность страдала бы и люди не вкушали бы плода своей истории — культуры. Если бы не было деятельности, ориентированной на будущее, то не было бы и движения истории,

социального прогресса, преобразований. Если бы не существовало деятелей вне времени, то в деятельности не представлены были бы общечеловеческие, общеисторические интересы…

— Значит, Луначарский — деятель, ориентированный на настоящее и главным образом на будущее…

— Как всякий революционер…

— И в этом его соответствие революционной эпохе конца девятнадцатого — первой трети двадцатого века. Историческая же значимость деятеля определяется не только масштабами его личности, но и особенно степенью соответствия его деятельности потребностям эпохи.

Луначарский после Октября был организатором строительства социалистической культуры. Он ценил отечественное и мировое художественное наследие классиков, хотя и допускал некоторые ошибки в оценках художественных тенденций развития искусства, в оценках Пролеткульта, в художественных суждениях, в частности при осуществлении плана монументальной пропаганды. В сферу активной деятельности Анатолия Васильевича органично входит его работа как историка литературы и критика литературного, театрального, музыкального. Он пишет значимые для развития советской культуры работы о русской и западноевропейской классике, поддерживает многие произведения советских писателей.

Луначарский выступает как эстетик и теоретик литературы и искусства. Его эстетические концепции, опиравшиеся в дооктябрьский период творчества на позитивизм, позже опираются на идеи марксизма. Он пишет книги «Классовая борьба в искусстве» (1929), «Ленин и литературоведение» (1932). Порой, к сожалению, он впадает в вульгарный социологизм, однако все же ориентация на особую ценность реализма, на отечественную и мировую классику спасает его от примитивизма в теоретических постулатах и часто от дурновкусия в художественно-эстетических суждениях.

Взгляды и ценностные ориентации Луначарского основывались на марксизме, однако его мировоззрение было лишено цельности и страдало от конъюнктурных изменений. И все же Луначарский вошел в русскую культуру как человек энциклопедических знаний, как защитник реализма в искусстве, как пропагандист социалистических идей.

В число культурно-исторических деяний Луначарского входит его участие в актуальных для своего времени акциях, а также теоретических и критических разработках. Это и культурная революция, и руководство развитием художественной

культуры (конец 1910-х — 1920-е годы), осмысление задач художественной критики и их воплощение в жизнь, разработка принципов социалистического реализма, связь советского искусства с классическим наследием, борьба за ориентацию на высокие идеалы и реализм в искусстве. Он поддерживал также и левые эксперименты в искусстве, и формальные поиски, игравшие роль в художественном процессе XX века. Многое в этих деяниях сохраняет не только историческое, но и живое значение для современности.

…И спросил я моего отца, Бориса Семеновича Борева, уже прикованного к постели и отмерявшего последние недели своей жизни:

— Что ты думаешь о Луначарском? Ты ведь, кажется, знал его?

— Немного знал. Слышал о нем году в девятнадцатом, когда был солдатом в Красной армии. Потом во второй половине двадцатых годов встречался с Анатолием Васильевичем на совещаниях, когда был профессором и заведовал кафедрой философии в Харьковском университете и когда был главным редактором Партиздата Украины. Луначарский был блестящий человек. Его образ встает передо мною не только и не столько из личных встреч с ним (их было немного, и они были незначительны), сколько из всей атмосферы эпохи: из его книг и статей, из дискуссий, из мнений моих товарищей, из борьбы разных тенденций в нашей культуре.

Вся его жизнь была нескончаемым диалогом с людьми, золотой цепью интеллектуальных бесед. Он сам всякий раз искал истину, уточнял ее для себя, а затем убеждал в ней своих собеседников и оттачивал под напором их аргументов свои мысли. Одновременно его жизнь была цепью поступков и деяний.

В бушующем океане революции, где сметались культурные ценности, сам Луначарский ощущал себя кораблем, идущим сквозь ураган и знающим цель и курс движения. Однако и он подвергался жестким нападкам и обвинялся в либерализме пролеткультовскими революционными деятелями. Все левоориентированные ниспровергатели «устаревшей» культуры прошлого получили отпор от Луначарского, отстаивавшего классическое наследие. Он защищал Большой театр даже от Ленина, который считал его пережитком дворянско-буржуазной культуры и сомневался, следует ли в условиях гражданской войны и разрухи тратить деньги на его содержание. Его обвиняли в излишней жестокости революции. Да, Октябрьская революция была жестокой. Однако кто может вспомнить в истории не

жестокую революцию? «Бархатной» может быть только контрреволюция, когда революция не умеет себя защищать. Впрочем, нет! Теоретически и революция может быть бархатной, когда ее силы многократно превосходят силы сопротивления. Однако в России было не так.

Он спасал деятелей культуры, попавших в жернова революции за реальные или мнимые прегрешения и за поступки, не сообразовывавшиеся с суровостью эпохи. Он спасал художников и деятелей культуры от голода и холода, от суровостей революционного быта, к которому менее всех оказалась приспособлена именно интеллигенция. Он спасал красоту и само право на нее для современников и потомков.

В 1929 году Анатолий Васильевич говорил о красоте. Это звучало почти как ниспровержение основ новой государственности, как неслыханная смелость. Он писал: «Пролетарий и тот новый человек вообще, который вырабатывается в процессе социалистического строительства, не чужд ничему, что существует в природе и в жизни. Пролетарий вовсе не отрекается от красоты природы, а стало быть, от пейзажей, от цветов, животных, от красоты человека — мужчины, женщины, ребенка…»

Луначарский спасал прошлое от забвения и безразличия и своими, часто художественно слабыми, пьесами из жизни прошлых эпох, и своими лекциями о культуре, и заступничеством за ценности.

Он спасал будущее от упрощения, от казарменной его схематизации, от его организации на базе представлений людей с сильно заниженным общекультурным фондом, обретших власть в процессе революционных перемен… Он строил новую жизнь и новое искусство, вдохновляясь великими идеалами.

Мыслил он диалектично, хотя иногда эта диалектика обретала софистическую гибкость и податливость, способную примирить тезис с антитезисом или вместить их в единое пространство не вполне определенного суждения. Он говорил: «Искусство должно вести борьбу против всего, что мешает нашему движению вперед. Нужна сатира — средство социальной дезинфекции. Смех — социальный санитар. Нужна острая критика пороков и недостатков нашей действительности. Для сатиры важно увеличительное стекло. Однако нельзя преувеличивать, не следует преувеличивать отрицательные стороны нашей жизни. Легко, стараясь быть правдивым, впасть во вредную для нашего времени критику, граничащую с пасквилем».

Вспоминается мне спор Луначарского с Богдановым. Однажды Богданов сказал Луначарскому:

— Вы, Анатолий Васильевич, великолепный эквилибрист мысли. И все же у вас порою получается слишком гибкая формула: «Нельзя не согласиться, но и нельзя не признать…»

— Просто жизнь, — возразил Луначарский, — не укладывается в одностороннее и однозначное суждение. Диалектика помогает это суждение сделать объемным…

— … и всеядным, всевместительным…

— Нет, просто своей сложностью соответствующим сложности бытия. А вы что же, за плоскую метафизику?

— Нет. Я просто против софистики за определенность, против релятивности суждений.

— Неопределенна лишь Кратилова диалектика, в которой гибкость и движение абсолютизированы… Гераклит утверждал, что нельзя дважды вступить в одну и ту же воду. Кратил же считал, что все настолько меняется, что нельзя и один раз вступить в одну и ту же воду. Наш же метод, как вы знаете, идет не от Кратила, а от Гераклита к Гегелю и от него к Марксу.

Свершался великий исторический эксперимент поиска путей выхода из тупика истории, в который капитализм вверг человечество. Ведь именно как тупик воспринимали люди культуры в XIX веке капитализм с его безумной погоней за деньгами и собственностью, с его приоритетом материальных ценностей и благ над духовными богатствами. И это было мнение не только Маркса и Энгельса, но и Бальзака, и Флобера, и Гофмана, и Диккенса, и Пушкина, и Толстого, и Достоевского, и Чехова…

Россия шла по новому, неизвестному пути, совершала подвиг первопроходцев, вела жестокую войну со всем, что сопротивлялось этому движению… А как говаривал Василий Теркин: «На войне, оно бывает, попадает по своим».

Даже если окажется, что исторический эксперимент, проведенный Россией с Октября 1917 года, в котором участвовал и Луначарский, окажется нерезультативным, он все равно будет бесценным для истории и для человеческого познания. Ведь для познания и преобразования мира даже отрицательный результат эксперимента важен.

В броуновском движении мнений, в метаниях из стороны в сторону выражалось отсутствие готовых практических решений и их ежечасные поиски в повседневной работе. Поиски, их сопровождающие повороты и перемены мнений, суждений, точек отсчета выражали общую нестабильность духовной жизни эпохи, которую до самого дна всколыхнула революция. В мое время был такой анекдот:

«На партсобрании во время чистки спрашивают партийца:

— Колебались ли вы в проведении линии партии?

— Нет. Я колебался вместе с линией партии».

Равнодействующая теоретических и критических суждений и практических действий Луначарского была четко ориентирована на грядущее. Он всю жизнь отдал делу построения социалистической культуры, продолжающей традиции классической мировой культуры, гуманистической, эмоциональной и мыслительно богатой. Как бы ни развивались дальше исторические события в нашей стране и в мире, вклад советской культуры в мировую, высокие идеалы, утверждаемые ею, имеют всемирно-историческое значение.

Луначарский считал, что необходимо «придать миру смысл» и следование этой формуле в своей деятельности.

Михаил Бахтин говорил: «Ничего окончательного в мире еще не произошло, последнее слово мира и о мире еще не сказано, мир открыт и свободен, еще все впереди и всегда будет впереди».

Полагая, что Октябрьская революция имела всемирно-историческое значение и гуманистическую миссию, Ленин говорил: «Раньше весь человеческий ум, весь его гений творили только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средство насилия, в средство эксплуатации. Мы это знаем, — и разве во имя этой величайшей исторической задачи не стоит работать, не стоит отдавать всех сил?»

Сейчас и в журналистике, и в исторической науке высказываются самые разные мнения об Октябре 1917 года. Одни по советской традиции говорят, что это была Великая Октябрьская социалистическая революция. Другие утверждают, что ничего в ней не было *социалистического* и что никакая это не *революция* — переворот, вооруженный захват, свержение слабой власти, которая сама готова была пасть. Так чему же служил герой этой книги Луначарский? Если его жизнь была отдана ничтожной и никчемной цели, стоит ли его имя оставлять в истории?

Однако после Октября всё — что-то сразу, что-то постепенно, что-то поэтапно, что-то с откатами, что-то в перспективе — меняется *коренным* образом. И это коренное изменение охватывает внешнюю и внутреннюю политику России (в том числе и в отношении к войне), и экономику (в том числе и в отношении к собственности на орудия и средства производства),

и культуру и идеологию (в том числе и в отношении к религии, и в понимании ценностных приоритетов, смыслов и целей бытия человека и человечества). Поняв это, можно любить или ненавидеть Октябрь, считать его панацеей или проклятием, но невозможно сомневаться в том, что это была революция. Ведь революция — это качественное изменение общества.

Нужна ли была эта революция и каковы ее результаты? Чему отдал свою не очень долгую, но очень насыщенную событиями жизнь Луначарский?

Ответы на эти вопросы, подведение исторических итогов развернувшейся на глобальной сцене XX века всемирно-исторической трагедии зависят не только от осознания самоочевидного факта краха СССР.

Ныне образовались новые неприкасаемые. Сегодня можно вытирать ноги о Маркса и Ленина, но по неписаным правилам общественного мнения нельзя даже сомневаться в Николае II. Разрешается поносить советскую действительность, но нельзя критиковать Россию, которую мы потеряли. В вину интеллигенции ставят (не щадят при этом даже самых великих!) ее критическое отношение к недостаткам своего отечества. Ведь, судя по «Медному всаднику» или «Дубровскому» Пушкина, «Шинели» или «Мертвым душам» Гоголя, «После бала» или «Воскресению» Толстого, «Униженным и оскорбленным» или «Преступлению и наказанию» Достоевского, «Спать хочется» Чехова, «Очеркам бурсы» Помяловского, «Муму» Тургенева — не все было благополучно в царской России. Но разве классики золотого века были не правы? Иначе с чего бы многомиллионная царская Россия в одночасье рухнула под ударами «кучки» большевиков?

В XIX и начале XX века не только Маркс и Энгельс, но и вся мировая культура, все лучшие умы человечества (Бальзак, Стендаль, Флобер, Диккенс, Байрон, Уэллс, Шиллер, Гейне, Марк Твен, Джек Лондон, Пушкин, Толстой, Достоевский) не только поставили под сомнение, но и осудили, и отвергли капитализм как строй, не дающий обещанные свободу, равенство и братство, как строй антигуманный, противный высшим духовным интересам человека. Конечно, за последний век-полтора капитализм сильно изменился и усовершенствовался. Однако его суть осталась неизменной.

Октябрь был ответом на вызовы социального бытия. В России XX века была предпринята попытка изменения социальной действительности путем революции. Это был эксперимент-поиск не столько большевиков, сколько самой истории, исполнить который выпало на долю большевиков. В свое время Марат,

Робеспьер, Дантон, Наполеон, якобинцы, жирондисты, монтаньяры были инструментами французской и мировой истории. Конечно, у них были своя воля, своя инициатива и никто не руководил их действиями. Но они действовали внутри определенного историей коридора и их разнонаправленные действия складывались в вектор, определенный историей. Точно так же действия большевиков были своевольны, многовалентны, разнонаправлены, но составляли единый пучок силовых линий, в конечном счете составлявший вектор исторического развития. Поэтому представлять себе историю в духе некоторых современных историков и журналистов — мол, кучка алчных и некультурных бандитов захватила власть — это несерьезно. По количеству языков, которые знали члены первого советского правительства, по количеству книг и статей, написанных ими, университетов и учебных заведений, в которых они учились, не было в Европе ничего равного. Большевики были люди, служившие философско-исторической идее, высказанной Марксом. Эта идея аргументированно обещала выход из бедствий и противоречий, в которых запуталось человечество и в данный исторический момент убивавшее себе подобных из пулеметов и пушек, травившее своих современников газами. Эта идея, не проверенная историей, могла быть научной и верной, а могла быть утопической или даже грубо ошибочной. Однако как узнать качество, как проверить истинность этой идеи, если не попытаться осуществить ее? И Октябрь, и вся последующая тяжелейшая и кровавая история России, включающая строительство социализма и образование так называемого социалистического лагеря, были попыткой осуществления идеи нового общества. Это был великий всемирно-исторический эксперимент, вектор которого был предопределен, но на ход которого наложили свою печать люди, участвовавшие в нем и особенно — руководившие процессом.

Говорят, что социализм и коммунизм — утопическая идея. Не более утопическая, чем свобода, равенство и братство — идея французской буржуазной революции. Однако и та и другая идеи двинули исторический процесс вперед, хотя за это движение человечеству пришлось заплатить высокую цену.

Тема этой книги требует от автора доказательств того, что его герой не зря прожил жизнь и не зря работал на идею социализма, которой руководствовалась страна. Собственно, речь идет не только о Луначарском, но одновременно и о жизни двух-трех поколений, которые жили под сенью этой идеи и отдали свою жизнь за ее осуществление.

Академик Павлов в 1918 году говорил: «Если то, что делают

большевики с Россией, есть эксперимент, то для такого эксперимента я пожалел бы даже лягушку». Зло и остроумно. И все же великий ученый не прав. Социальные эксперименты ставить на животных невозможно. Герои и жертвы социальных экспериментов — люди и только люди. При этом, свершая Октябрь, его организаторы и руководители были вооружены серьезной, но непроверенной опытом теорией и полагали, что совершают не эксперимент, а окончательное историческое действие.

И главным в достижениях социализма было то, что, не отказываясь от идеи богатой и обеспеченной жизни, в сознании людей господствовала идея приоритета духовных ценностей.

Большие победы (к сожалению, не обошлось и без не менее чувствительных потерь) были одержаны и в области строительства новой культуры. В фундамент этих успехов огромный вклад внес Луначарский. Перечислим, не опасаясь повторений, лишь некоторые достижения советского просвещения и культуры. Были созданы охватывающая всю страну и все слои населения система всеобщего среднего образования, мощная система высшего образования. В ряде специальностей и в ряде вузов наше высшее образование поднялось на мировой уровень и даже превысило его: МГУ, ЛГУ, Бауманский институт, Физтех, Московская и Одесская консерватории, Литинститут, Московский архитектурный институт, Школа-студия МХАТ, Театральное училище имени Щукина, ВГИК… Трудно даже перечислить многие сотни крупных и даже великих произведений, созданных советскими писателями, композиторами и исполнителями, режиссерами и актерами, певцами и балетными артистами, архитекторами, художниками и скульпторами… Социалистический реализм, при всех своих недостатках, оказался одним из самых успешных, если не самых мощных художественных направлений культуры XX века. Это направление развивалось дольше всех. Начавшись в творчестве Горького в начале века, оно просуществовало до конца 1980-х годов. Высокие идеалы, которые несло с собой это искусство, давали ему неизменный художественно-эстетический авторитет в мире (более подробно и аргументированно об этой проблеме см.: *Борев Ю. Б.* Социалистический реализм: Взгляд современника и современный взгляд. М.: АСТ, 2008). Луначарский стал одним из первых разработчиков теории социалистического реализма.

Луначарский прилагает все усилия, стараясь привлечь интеллигенцию к сотрудничеству с советской властью. Он стремится оградить деятелей культуры от преследований со стороны ВЧК. Однако созидание в действиях Луначарского

переплетается с разрушением, добро со злом, хорошо различимым ныне с исторического расстояния. Строитель новой культуры оказался причастен к сносу ряда памятников культуры и к созданию часто малохудожественных новых памятников, посвященных деятелям революции и их предшественникам. Нарком просвещения оказался сторонником организации «философского парохода» (1922) — массовой высылки выдающихся литераторов и мыслителей за границу. Причастен Луначарский и к увольнениям по политическим мотивам старых профессоров из советских университетов и институтов. Он не смог полностью предотвратить разрушительные удары по старой Академии наук. И все же преобразования и реформации этого храма науки позволили ему стать одним из мощнейших научных учреждений Европы. Луначарскому удалось заложить основы советского всеобщего среднего и высшего образования, которые разовьются в одну из лучших образовательных систем в мире. При этом задачи политического воспитания слушателей в духе коммунистической идеологии сочетались с обретением научных знаний определенного научного профиля.

Конечно, Луначарский был руководителем, действовавшим в эпоху, известную нам и своей противоречивостью, и своей жестокостью. У него были и промахи, и ошибки, и даже неблаговидные поступки. Однако не забудем, что он был пионером, первопроходцем, первым в истории народным комиссаром в первом в мире правительстве государства, которое собиралось строить социализм. И вспомним слова Гёте: «Действующий всегда бессовестен, совесть имеет только обдумывающий».

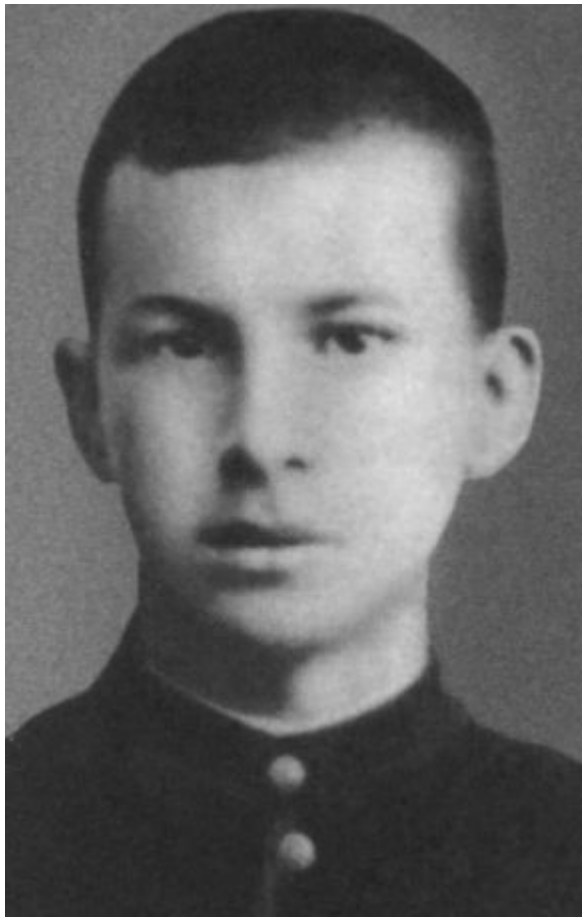
СССР нельзя было разрушить извне (все-таки атомная держава), нельзя было разрушить снизу (все-таки мощная государственность и воспитанный в народе патриотизм), его можно было разрушить только изнутри и сверху. Так и произошло. Развал СССР привел к дезорганизации и даже уничтожению ряда производств, однако духовные ценности более прочны, чем материальные. От того, что начинал создавать нарком по делам разумного, доброго, вечного и что было ходом истории превращено в мощную систему среднего и высшего образования и в мощную систему советской культуры, многое сохранилось и сегодня. И эти традиции советской культуры и традиции отечественной и мировой классики, в освоении которых принял активное участие Луначарский, составляют прочный плацдарм для движения современной российской культуры «впереди вверх», «через тернии к звездам», к новым шедеврам, к новой классике.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

С родителями — А. И. Антоновым и А. Я. Луначарской

Дом в Полтаве, в котором родился А. В. Луначарский

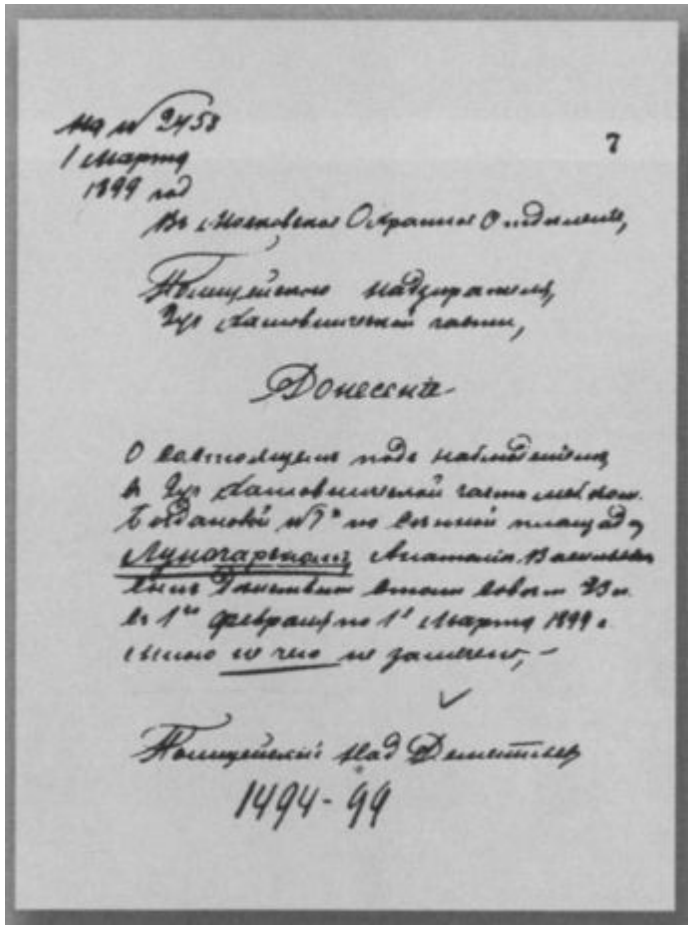
С младшим братом Николаем. ***1880–1881 гг.***



Анатолий Луначарский гимназист. ***1888 г.***

Здание Киевской 1-й мужской гимназии, в которой учился А. В. Луначарский

А. В. Луначарский. *Париж, 1897–1898*



Донесение о слежке за А. В. Луначарским. ***1899 г.***

Фотография А. В. Луначарского, сделанная в Таганской тюрьме. Москва, *1899 г.*

Московская Таганская тюрьма, в которой находился в заключении А. В. Луначарский в 1899 году

Дом Упадышевой в Тотьме, в котором в 1903–1905 годах жил ссыльный А. В. Луначарский. ***Художник В. М. Вахрушов***

А. В. Луначарский. ***1905 г.***

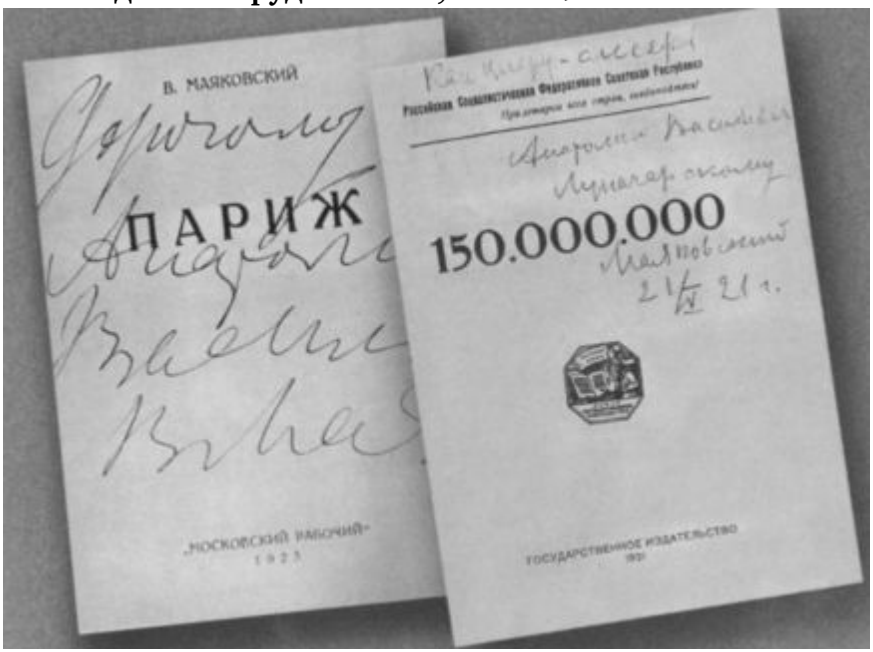
А. В. Луначарский с солдатами. ***Декабрь 1917 г.***

В рабочем кабинете. ***1918 г.***

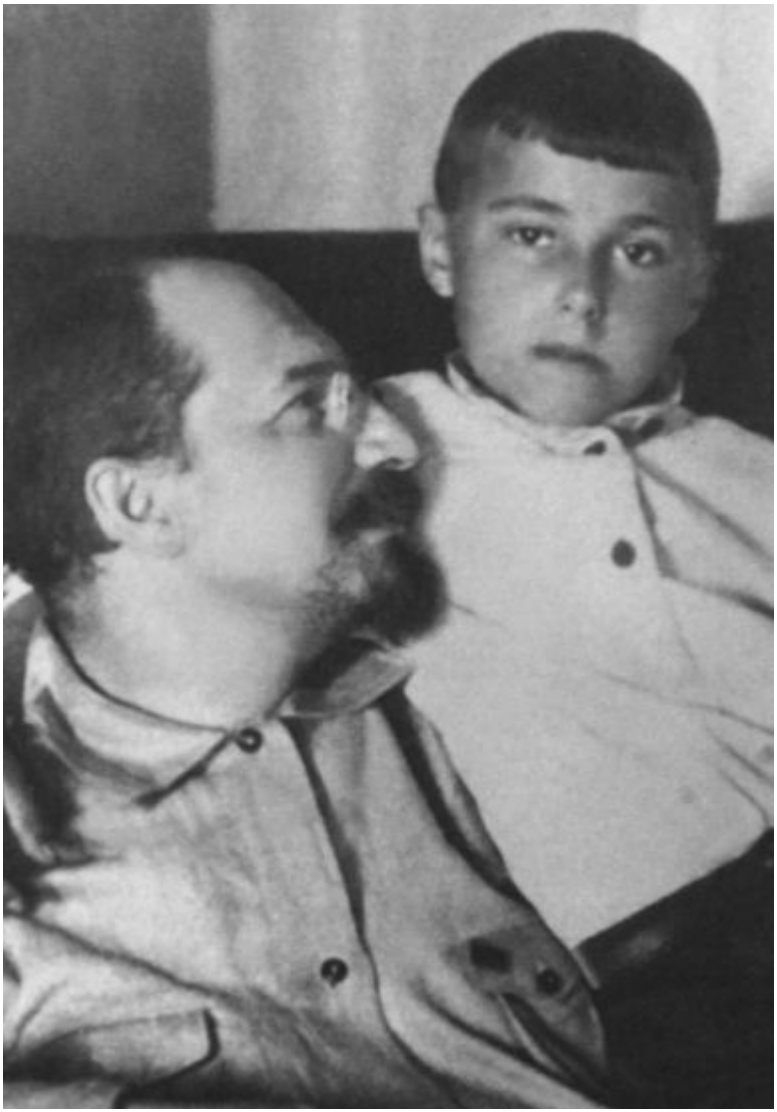
А. В. Луначарский и заведующий фотокинематографическим отделом Наркомпроса Д. И. Лещенко. *Москва, 1918 г.*

А. В. Луначарский осматривает агитпоезд. *1919 г.*

В. И. Ленин и А. В. Луначарский обходят строй почетного караула, направляясь к месту закладки памятника «Освобожденный труд». ***Москва, 1 мая 1920 г.***



Титульные листы книг В. Маяковского с дарственной надписью А. В. Луначарскому

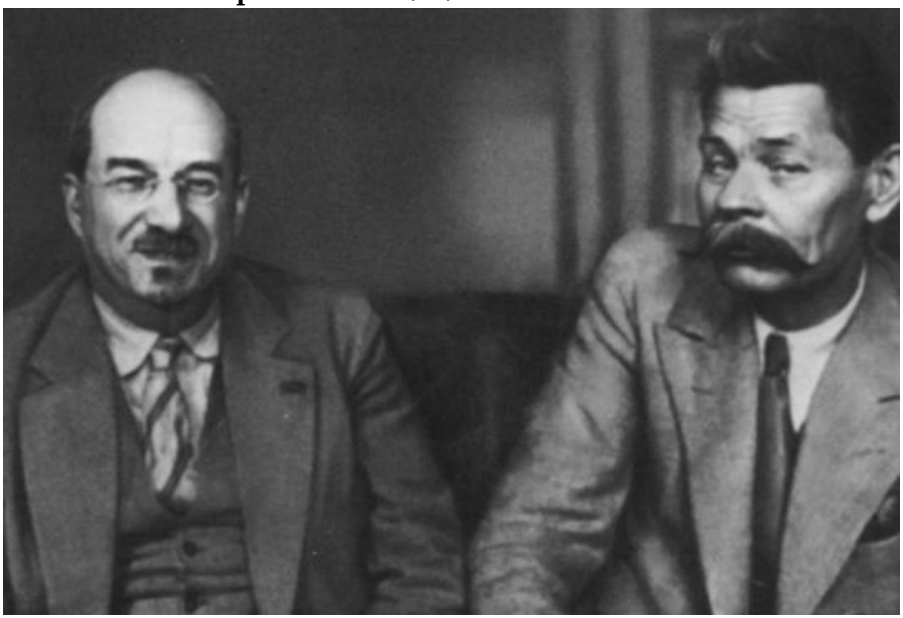


А. В. Луначарский с сыном Анатолием (Тото)

А. В. Луначарский с дочерью

А. В. Луначарский позирует художнику. *Кисловодск, 1926 г.*

А. В. Луначарский и заместитель наркома просвещения В. Н. Яковлева с ребятами. ***1929 г.***



А. В. Луначарский и А. М. Горький. ***1929 г.***

К. С. Станиславский, А. В. Луначарский и Бернард Шоу. ***Санаторий «Узкое», 1931 г.***

В. И. Качалов и А. В. Луначарский. ***1931 г.***

А. И. Южин в роли Оливера Кромвеля в спектакле по одноименной драме А. В. Луначарского. ***1921 г***

Н. А. Розенель в роли Фелиции Цанге. Кинофильм «Саламандра». *1926 г.*

Н. А. Розенель — Амалия, А. А. Остужев — Карл Моор. «Разбойники» Ф. Шиллера. *1929 г.*

Н. А. Луначарская-Розенель. Портрет работы М. А. Вербова. *1930 г.*

Артисты московских театров в гостях у А. В. Луначарского. ***1929 г.***

А. В. Луначарский и Ромен Роллан

Отель «Сесиль» в Ментоне, где провел последний месяц жизни и умер А. В. Луначарский

Кремлевская стена, где захоронен прах А. В. Луначарского

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

***1875**, 11 ноября* — родился в Полтаве в семье действительного статского советника.

1892–1895 — учился в киевской гимназии. Вступил в кружок марксистского самообразования нелегальной общеученической организации Киева.

1895 — стал членом только что организованной РСДРП.

1896–1897 — жил в Швейцарии, Франции, Италии; слушал курс философии в Цюрихском университете у Р. Авенариуса. Изучал марксизм, познакомился с Г. В. Плехановым; изучал французский материализм XVIII века и немецкую идеалистическую философию XIX века; сблизился с группой «Освобождение труда».

1898 — вернулся в Россию, вел революционную работу в Москве. *1899–1904* — арестован и выслан в Калугу, затем переведен в Вологду, а впоследствии в Тотьму.

1902 — женился на Анне Александровне Малиновской, сестре философа, социалиста Богданова. Первая печатная работа — статья «Русский Фауст», рассматривающая Ивана Карамазова как декадента.

1903 — после II съезда РСДРП примкнул к большевикам. Начал систематически заниматься литературно-критической, литературоведческой и искусствоведческо-публицистической деятельностью.

1904 — по настоянию Ленина уехал за границу. В составе редакций большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий» активно боролся с меньшевизмом. Первый труд «Основы позитивной эстетики» — плод увлечения идеалистической философией Р. Авенариуса.

1905 — работа «Марксизм и эстетика. Диалог об искусстве» — свидетельство укрепления в мировоззрении социальных и классовых принципов. На III съезде РСДРП выступал с докладом о вооруженном восстании.

1906 — находился в эмиграции. Принимал участие в работе IV съезда РСДРП.

1907 — представлял большевиков на Штутгартском конгрессе Второго интернационала.

1908 — *труд* «Религия и социализм» — проповедь идеи богостроительства, идущей вразрез с философскими установками Ленина.

1909 — стал одним из организаторов антиленинской группы «Вперед!».

Публикация работы «Мещанство и индивидуализм» — продолжение идейного расхождения с Лениным.

1910 — представлял большевиков на Копенгагенском конгрессе Второго интернационала.

1911 — рождение сына Анатолия (Тото).

1912 — отмежевался от группы «Вперед!».

1913 — стал членом редколлегии газеты «Правда».

1917 — после февральских событий, оставив в Швейцарии жену и сына, вернулся в Россию, был делегатом Первого Всероссийского съезда Советов, но вскоре был арестован Временным правительством и почти два месяца провел в «Крестах». По выходе из тюрьмы стал членом редколлегии газеты «Пролетарий» и журнала «Просвещение». На VI съезде РСДРП(б) снова принят в большевистскую партию.

Сентябрь — становится заместителем Петроградского городского совета и членом Временного совета Российской республики. *Октябрь* — народный комиссар просвещения.

1918 — провел через Совнарком постановление об организации комиссии по охране художественных и исторических ценностей.

1918–1920 — уполномоченный Реввоенсовета республики на фронтах и в прифронтовых районах.

1918–1921 — активно участвует в деятельности Пролеткульта.

1921 — направил ходатайства в ЦК РКП(б) о возможности лечения за границей Александра Блока.

Разошелся с первой женой — А. А. Малиновской и женился на актрисе Малого театра Н. А. Розенель.

1921–1922 — помогал созданию филармоний в Ленинграде и Москве.

1922 — был одним из государственных обвинителей по делу эсеров. *1923–1925* — во время литературно-политической дискуссии занимает позицию равной приближенности ко всем творческим группировкам и всем художественным направлениям, чем способствует общему художественному развитию советского искусства.

1925 — участвует в разработке резолюции ЦК ВКП(б) о политике партии в области художественной литературы.

1925, 1927 — был инициатором первых в СССР музыкальных конкурсов.

1929 — в год «великого перелома», начатого И. Сталиным, смещен с поста наркома просвещения (его место занял военный

А. Бубнов, покончивший с «либерализмом» в отношении к культуре).

12 сентября — назначен председателем Ученого комитета по ученым и учебным заведениям при ЦИК СССР, ведет интенсивную работу по общетеоретическим вопросам культуры, литературы и театроведению, эстетике, педагогике.

1930 — избран академиком АН СССР.

1933 — назначен полпредом в Испанию, но по дороге заболел и вынужден был остановиться на лечение во Франции.

26 декабря — скончался в Ментоне (Франция).

ЛИТЕРАТУРА

А. В. Луначарский: Исследования и материалы. М., 1978.

Алданов М. Луначарский // Литературная газета. 1990. 12 сент.

В. И. Ленин и А. В. Луначарский//Литературное наследство. М., 1971. Т. 80.

Бугаенко П. А. А. В. Луначарский и советская литературная критика. Саратов, 1972.

Владиславлев И. В. Литература великого десятилетия: 1917–1927. Т. I. М.; Л., 1928.

Добрынин М. О некоторых ошибках т. Луначарского // На литературном посту. 1928.

Записки об ученых трудах действительных членов Академии наук СССР, избранных 1 февраля 1930 года. Л., 1931.

Каиров И. А. А. В. Луначарский — выдающийся деятель социалистического просвещения. М., 1966.

Коган П. А. В. Луначарский // Красная нива. 1926.

Кохно И. П. Черты характера: Страницы жизни и деятельности А. В. Луначарского. М., 1972.

Лебедев А. А. Эстетические взгляды Луначарского. М., 1969.

Ленин В. И. Сочинения. Т. 32.

Ленин. Собрание сочинений. 1-е изд. Т. X.

Ленинский сборник. Вып. XXVI.

Лепешинский П. Н. На повороте. М., 1955.

Лифшиц Мих. А. В. Луначарский // Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. М.: Изобразительное искусство, 1988.

Луначарская-Розенель Н. А. Память сердца: Воспоминания. 2-е изд. М., 1965.

Луначарский А. В. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1963–1967.

Любутин К. Н., Франц С. В. Российские версии марксизма: Анатолий Луначарский. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002.

Мандельштам Р. Книги А. В. Луначарского. Л.; М.: ГАХН, 1926.

Мандельштам Р. Художественная литература в оценке русской марксистской критики. М.; Л.: Гиз, 1928.

Мандельштам Р. Марксистское искусствоведение. М.; Л.: Гиз, 1929.

Неизданные материалы //Литературное наследство. М., 1970. Т. 82.

О'Коннор Т. Анатолий Васильевич Луначарский // Вопросы истории. 1993. № 10.

О Луначарском: Исследования. Воспоминания. М., 1976.

Павловский О. А. Луначарский. М., 1980.

Памяти А. В. Луначарского. М., 1935.

Пельше Р. А. В. Луначарский — теоретик, критик, драматург, оратор. Советское искусство, 1926.

Полянский В. А. В. Луначарский. М., 1926.

Стенограмма диспута А. В. Луначарского с Ал. Введенским. М.: Безбожник, 1928.

Трифонов Н. А. А. В. Луначарский и современная литература. М., 1974.

Троцкий Л. Анатолий Васильевич Луначарский // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). № 38, 39.

Шульпин А. А. В. Луначарский: Театр и революция. М., 1975.

notes

Примечания

1

ОСТ — Общество станковистов.

2

АХРР — Ассоциация художников революционной России.